
Пятое время года
Каждая эпоха заканчивается
Н. К. Джемисин
«Умная и неординарная фэнтези»
The New York Times
Премия «Хьюго» за лучший роман
fanzon

Пятое время года

Н. К. Джемисин

Аннотация
Н. К. Джемисин. Пятое время года. Кн. 1. Раскол
Пролог
1
2
3
4
5
6
7
8
Интерлюдия
9
10
11
12
13
14
15
16
17

18
19
Интерлюдия
20
21
22
23
Приложения
Приложение 1
Приложение 2
Благодарности

Аннотация

Грядет новая Зима.

Мир, в небе которого парят Обелиски, пережил уже много Зим. Одни цивилизации гибнут, возникают другие. А когда землю не сотрясают извержения вулканов, люди все так же ненавидят не похожих на них. Глухачи презрительно называют роггами тех, кто способен слышать землю и двигать горы. Кто они – проклятые или боги в цепях, которых стерегут улыбчивые и жестокие Стражи?..

Иссун, потерявшая сына и дочь и жаждущая мести. Дамайя, преданная родителями и отданная Стражам. Сиенит, все лучше контролирующая свои способности…

Но бывают испытания, которые ломают даже богов. Что же станет последней каплей, встряхнувшей весь мир до основания?

Н. К. Джемисин
Пятое время года
Кн. 1. Расколотая земля

N. K. Jemisin
THE FIFTH SEASON

Copyright © 2015 by N. K. Jemisin
Cover design by Lauren Panepinto
Cover © 2015 Hachette Book Group, Inc.

fanzon

Серия «Fantasy World. Лучшая современная фэнтези»

© Н. Некрасова, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Плита
Максималь
о-в Меов
Аллия
Туманра
Большой Восточный лес
Юменес
Северное Срединье
Алебид
Тиримо
горы Ахох
Южное Срединье
пустыня Мертэ
тракт Квэйн
Плита
Минималь
Западное побережье
Спокойствие
расстояние в лигах
0
1000
2000
С
В
З
Ю

Всем, кому приходится сражаться за уважение,
которое другим дается априори.

Пролог

Ты здесь

Начнем с конца света. Почему бы и нет? Покончим с ним и перейдем к более интересному.

Сначала личный конец. Есть то, что она будет обдумывать снова и снова в грядущие дни, представляя, как погибает ее сын, и пытаясь сжиться с тем, с чем в принципе сжиться нельзя. Она накроет искалеченное тельце Уке одеялом — кроме его лица, поскольку он боится темноты, — и будет сидеть рядом с ним, ни на что не реагируя, не думая о гибнущем снаружи мире. В ее душе мир уже умер, и все всегда кончается не в первый раз. Она уже привыкла к такому.

Она думает — и потом будет думать одно: *Зато он был свободен.*

И горькая, усталая половина ее души отвечает на этот почти вопрос ее обезумевшей, потрясенной половины души, когда той удается задать его:

Нет. На самом деле нет. Но теперь будет.

* * *

Но вам нужен контекст. Попытаемся начать с конца еще раз, в масштабе континента.

Вот земля.

Обычная, как все земли. Горы, плато, каньоны, реки и прочие подробности, как обычно. Совсем обыкновенная, за исключением размеров и динамизма. Она много двигается, эта земля. Как лежащий в постели старик ворочается и вздыхает, морщится и пускает газы, зевает и сглатывает. Естественно, народ этой земли называет ее Спокойствием. Это страна спокойствия и горькой иронии.

У Спокойствия были и другие имена. Некогда эта земля была несколькими другими землями. Сейчас это один большой, единый континент, но в какой-то момент в будущем он снова станет несколькими.

На самом деле очень скоро.

И начало конца в городе: самом большом и самом величественном живом городе в мире. Город называется Юменес, и некогда он был сердцем империи. Он остается сердцем много чего, хотя империя несколько усохла с дней своего расцвета, как все империи.

Юменес уникален не из-за своих размеров. В этой части мира много больших городов, протянувшихся цепью вдоль экватора, как пояс континента. В других местах мира деревни редко вырастали в городки, а городки редко разрастались до городов, поскольку все эти поселения трудно сохранить в живых, когда земля постоянно пытается сожрать их… но Юменес был стабилен бóльшую часть своих двадцати семи веков существования.

Юменес уникален потому, что только здесь люди осмелились строить не ради безопасности, не ради комфорта, но из отваги. Стены города — шедевр изящной мозаики, изображающей долгую и жестокую историю его народа. Из теснящихся масс его домов воздеваются, подобно каменным перстам, огромные башни, рукотворные фонари, питаемые современным чудом — гидроэлектричеством, тонкие изгибы мостов, сплетенных из стекла и дерзости, и архитектурные сооружения, называемые *балконами*, такими простыми и душераздирающе глупыми, которых никогда прежде, судя по летописям, не строили. (Но бóльшая часть истории не записана. Запомните это.) Улицы вымощены не легко заменяемой брусчаткой, но гладким, не имеющим швов чу-

десным веществом, называемым *асфальт*. Даже хижины Юменеса отважны, поскольку это всего лишь тонкостенные хибары, которые снесет в сильную бурю, не говоря уже о землетрясениях. Но они стоят как они есть уже много поколений.

В сердце города много высоких зданий, так что вряд ли удивительно, что одно из них больше и дерзостнее остальных, вместе взятых: массивное строение, в чьем основании лежит звездная пирамида, тщательно вырезанная из блока обсидиана. Пирамиды — наиболее устойчивые архитектурные формы, а это пятикратная пирамида, почему бы и нет? И поскольку это Юменес, на вершине пирамиды покоится большая геодезическая сфера, чьи фасетчатые стены напоминают прозрачный янтарь. Она словно легко балансирует — хотя на самом деле каждая часть звездной структуры создана ради единственной цели — поддержания сферы. Она *выглядит* ненадежной, и только это имеет значение.

Черная Звезда — место, где встречаются предводители империи ради своих предводительских дел. В этой янтарной сфере они держат своего императора, тщательно охраняемого и совершенного. Он блуждает по своим золотым чертогам в вежливом отчаянии, делая то, что ему говорят, и

страшится того дня, когда его хозяева решат, что его дочь — более совершенное украшение.

А вообще, ни это место, ни эти люди не имеют значения. Я упоминаю их просто ради контекста.

Но здесь есть человек, который будет иметь очень большое значение.

Можете пока придумать, как он выглядит. Даже представить, что он думает. Это может быть ошибкой, просто предположением, но все же какое-то правдоподобие есть. Судя по его последующим действиям, сейчас у него в голове может быть всего несколько мыслей.

Он стоит на холме неподалеку от обсидиановых стен Черной Звезды. Отсюда ему видна бóльшая часть города, он чует его дым, погружается в его бессмысленный лепет. По асфальтовой дорожке внизу идет группа молодых женщин — этот холм является парком, который очень любят горожане. (Сохраняйте зелень внутри стен, советует камнелористика, но в большинстве сообществ земля занята огородами и прочими обогащающими почву насаждениями. Только в Юменесе зелень включена в картину красоты.) Женщины смеются словам одной их своих товарок, и ветерок приносит смех к мужчине на холме. Он закрывает глаза и наслаждается нежным тремо-

ло их голосов, тонким эхом их шагов, подобным биению крыльев бабочки о его сэссапины. Он не может сэссить семь миллионов жителей города, представьте себе. Он хорош, но не настолько. Большинство их, однако, да, они здесь. *Здесь*. Он глубоко вздыхает и становится основой земли. Они идут по его нервным волокнам, их голоса шевелят волоски на его коже, их дыхание колеблет воздух, который он вбирает в легкие. Они на нем. Они в нем.

Но он знает, что он не один из них и никогда таким не будет.

— Знаешь, — как бы между прочим говорит он, — что первое предание камня было действительно *написано* на камне? Чтобы его нельзя было изменить ради моды или политики. Чтобы оно не стерлось.

— Знаю, — отвечает его спутница.

— Хм. Да, ты ведь наверняка была там, когда этот камень был установлен. Я и забыл. — Он вздыхает, глядя вслед уходящим женщинам. — Тебя легко любить. Ты не предашь меня. Ты не умрешь. И я знаю цену заранее.

Его спутница не отвечает. Он и не ждал ответа, хотя отчасти и надеялся. Он так одинок.

Но его надежда никого не интересует, и прочие

известные ему чувства принесут ему только отчаяние, если он снова подумает о них. Он достаточно думал о надежде. Время смятения кончилось.

— Заповедь, — говорит он, раскинув руки, — запечатлена в камне.

Представьте, что его лицо болит от улыбки. Он улыбался часами: стиснув зубы, раздвинув губы, прищурив глаза до «гусиных лапок». Улыбаться так, чтобы другие поверили твоей улыбке, — истинное искусство. Всегда важно включать глаза, иначе люди поймут, что ты их ненавидишь.

— Слова, высеченные на камне, — абсолют.

Он не обращается ни к кому конкретно, но рядом с ним стоит женщина — в каком-то смысле. Сходство с женщиной лишь поверхностно — это знак вежливости. Точно так же свободное, волнами стекающее платье на самом деле не является одеждой. Она просто преобразовала часть своей плотной субстанции ради предпочтений хрупких смертных существ, среди которых в настоящий момент находится. Издалека она сойдет за спокойно стоящую женщину — хотя бы на некоторое время. Однако вблизи гипотетический наблюдатель заметит, что ее кожа — белый фарфор, и это не метафора. Как скульптура она была бы

прекрасна, хотя и чересчур жестоко реалистична для местных вкусов. Большинство юменийцев предпочитают вежливую абстракцию вульгарной реальности.

Когда она поворачивается к мужчине — медленно, камнееды медлительны на поверхности, за исключением тех случаев, когда они скоры, — и это движение превращает ее мастерскую красоту в нечто совершенно иное. Мужчина привык к такому, но все равно не смотрит на нее. Он не хочет, чтобы это внезапное изменение испортило мгновение.

— Что вы сделаете, — спрашивает он ее, — когда все свершится? Твой народ поднимется из обломков и заберет мир себе?

— Нет, — отвечает она.

— Почему нет?

— Мало кому из нас это интересно. Кроме того, вы же все равно останетесь здесь.

Мужчина понимает, что «вы» — это множественное число. *Твой род. Человечество*. Она часто говорит с ним так, будто он представляет всех. Он так же обращается к ней.

— Ты так уверена.

Она ничего не отвечает на это. Некоторые камнееды редко снисходят до констатации оче-

видного. Он и рад, поскольку то, как она говорит, всегда раздражает его — не колыша воздуха, как человек. Он не понимает, как это работает. Ему все равно, как это работает, но сейчас ему хочется, чтобы она молчала.

Он хочет, чтобы *все* молчало.

— Кончай, — сказал он. — Пожалуйста.

И затем он устремляется вперед со всем тем тонким контролем, который мир изъял, вероломно отнял, выбил из него, со всей чувствительностью, которую хозяева выводили в нем в течение поколений насилия, обуздания и противоестественного отбора. Его растопыренные пальцы вздрагивают, когда он ощущает несколько отвечающих эхом точек на карте своего сознания — его сородичей-рабов. Он не может освободить их в материальном смысле. Он уже пытался раньше и потерпел поражение. Однако он может сделать так, чтобы их страдания послужили делу бóльшему, чем гордыня одного-единственного города и страх одной-единственной империи.

Потому он погружается вглубь и охватывает гудящую, галдящую, суетную, отдающуюся эхом и идущую волнами громадность города, и спокойствие скалы под ним, и злое бурление жара, и давление под ней. Затем он тянется вширь и

хватает огромную тектоническую плиту головоломки под названием земная кора, на которой покоится континент.

В конце он тянется наверх. За силой.

Он охватывает все — все страты, магму, людей и силу своими воображаемыми руками. Все. Держит в объятиях. Он не один. С ним земля.

Затем он *ломает* все.

* * *

Вот Спокойствие, которое не знает покоя даже в лучшие дни.

Теперь он идет волнами и гудит среди катаклизма. Теперь его рассекает линия, тянущаяся примерно в направлении с востока на запад, слишком прямая и аккуратная, чтобы быть естественной. Она опоясывает землю по экватору. Начало ее находится в городе Юменесе.

Линия глубокая и свежая, разрез до живого нутра планеты. В ней вспучивается магма, свежая, пламенеющая алым. Земля умеет сама себя лечить. В геологическом смысле рана быстро затянется, затем очистительный океан двинется по ней, чтобы рассечь Спокойствие на две части. Однако до тех пор рана будет нарывать, извергая не только жар, но и газ, и темный хрусткий пе-

пел, которым за несколько недель покроется вся поверхность Спокойствия. Растения погибнут, животные, питавшиеся ими, начнут голодать, и животные, питавшиеся этими животными, тоже начнут голодать. Зима будет ранней и лютой, и будет она долгой-долгой. Конечно, она закончится, как и все зимы, и когда-нибудь мир станет прежним.

Когда-нибудь.

Население Спокойствия живет в постоянном состоянии готовности к катастрофе. Они строили стены, рыли колодцы и запасали еду. Они вполне могут пережить пять, десять, даже двадцать пять лет без солнца.

В данном случае «когда-нибудь» означает несколько тысяч лет.

Смотри, облака пепла уже расползаются по небу.

* * *

Рассмотрев ситуацию в масштабе континента, перейдем к планетарному масштабу и обратимся к обелискам, парящим над всем этим.

Некогда эти обелиски назывались иначе — в те времена, когда они были созданы, развернуты и использованы, но никто не помнит их названия

и предназначения этих великих устройств. Воспоминания в Спокойствии хрупки, как сланец. На самом деле мало кто вообще на них обращает внимание, хотя они огромны, прекрасны и немного пугающи: массивные хрустальные осколки, парящие в облаках, медленно вращающиеся и плывущие непонятными небесными путями, размазываясь то и дело, словно они не совсем реальны, — хотя это может быть всего лишь игрой света. (Это не так.) Очевидно, что обелиски — не природные явления.

Также очевидно, что они нелепы. Потрясающи, но бесполезны: очередной могильный камень очередной цивилизации, успешно уничтоженной неустанными трудами Отца-Земли. В мире много таких погребальных холмов — тысячи разрушенных городов, миллионы памятников богам и героям, которых никто не помнит, несколько десятков мостов в никуда. Современная мудрость Спокойствия говорит, что ими не следует восхищаться. Люди, их построившие, были слабы и умерли, как и следует слабым. Но самая большая их вина в том, что они *проиграли*. И строители обелисков проиграли сильнее остальных.

Но факт в том, что обелиски существуют и играют роль в конце света, потому они достойны

упоминания.

* * *

Вернемся к личному. Не будем отрываться от земли, ха-ха.

Вернемся к женщине, о которой уже упоминалось. Той, у которой погиб сын. По счастью, она оказалась не в Юменесе, иначе наша повесть была бы очень короткой. И тебя не существовало бы.

Она находится в городке под названием Тиримо. В терминологии Спокойствия городок — одна из форм общины, но такие общины, как Тиримо, слишком малы для этого названия. Тиримо лежит в долине, носящей такое же имя, у подножия гор Тиримас. Ближайший источник воды — пересыхающий ручей, который местные называют Малая Тирика. На ныне несуществующем языке, от которого остались лишь лингвистические осколки, «эатири» означает «спокойный». Тиримо далеко до блестящих, стабильных городов Экваториалей, так что здесь строят в расчете на неизбежные землетрясения. Здесь нет искусных башен или карнизов, просто стены из дерева и местного дешевого коричневого кирпича на фундаменте из тесаного камня. Никаких асфальтовых

дорог, только травянистые склоны, прорезанные грязными тропинками, и лишь некоторые из них замощены досками или брусчаткой. Это мирное место, хотя катаклизм, только что произошедший в Юменесе, вскоре разослал сейсмические волны, разрушившие весь регион.

В этом городе есть дом, похожий на все прочие. Дом, стоящий на одном из склонов, чуть более, чем дыра в земле, обложенная глиной и кирпичами, чтобы вода не проникала, покрытый кедровыми досками и дерном. Изощренный народ Юменеса насмехается (насмехался) над такими примитивными землянками, когда вообще снисходит (снисходил) до разговора о таких вещах, но для жителей Тиримо обитать в землянках и разумно, и просто. Там прохладно летом и тепло зимой, они выдерживают как землетрясения, так и бури.

Женщину зовут Иссун. Ей сорок два года. Она, как большинство женщин Срединья, высокая, когда стоит, с прямой спиной и высокой шеей, с широкими бедрами, легко давшими рождение двум детям, грудями, щедро вскормившими их, и широкими гибкими плечами. Сильная, крепкая — такое ценят в Спокойствии. Волосы обрамляют лицо длинными жесткими косичками, каждая

толщиной в ее розовый палец, черные, выцветшие до коричневого на кончиках. Ее кожа по некоторым стандартам неприятного цвета охры, по другим — неприятного бледно-оливкового цвета. Полукровки-срединники — так называют (называли) таких в Юменесе. Достаточно много от санзе, чтобы не стыдиться показываться на люди, но слишком мало, чтобы об этом говорить.

Мальчик был ее сыном. Его звали Уке, ему было почти три года. Он был мал для своих лет, с большими глазами, носом-кнопочкой, умный не по годам и с чудесной улыбкой. У него было все, чем человеческие дети привлекают любовь своих родителей с тех пор, как этот биологический вид обрел зачатки разума. Он был здоровеньким и умненьким и должен был жить.

Это был их домик. Он был уютным и спокойным, с большой комнатой, где семья могла собираться и разговаривать, есть, играть или тискать и щекотать друг друга. Она любила нянчить там Уке. Она думала, что и зачат он был там.

И там же его отец забил его насмерть.

* * *

Ну и в довесок: днем позже, в долине, где стоит Тиримо. К тому времени первое эхо катаклизма

уже прокатилось по ней волной, хотя потом еще будут афтершоки.

В самом северном конце долины опустошительные разрушения — поваленные деревья, опрокинутые скалы, завеса пыли, не оседающей в застывшем воздухе с привкусом серы. Там, где прошла первая волна, не устояло ничего — это был тот вид землетрясения, которое разваливает все на части, а потом крошит эти части в щебень. Среди обломков лежат трупы — мелкие животные, которые не смогли убежать, олени и прочие крупные животные, которые не сразу бросились прочь и были придавлены. Среди последних несколько людей, которым не повезло оказаться на торговом пути не в то время.

Разведчики из Тиримо, которые пошли в ту сторону, чтобы оценить разрушения, не карабкались по обломкам, они просто смотрели на них сквозь дальнозоры с уцелевшей дороги. Они были поражены, что остальная часть долины — та, что вокруг самого Тиримо, по нескольку миль во все стороны, формируя почти идеальный круг, — уцелела. Ну, точнее говоря, они не то чтобы были поражены. Они переглядывались с мрачным беспокойством, поскольку все знали, что это, скорее всего, означает. Предание камня гласит — ищи

центр круга. Где-то в Тиримо есть ронга.

Жуткая мысль. Но еще более жуткими являются знамения с севера и то, что глава Тиримо приказал на обратном пути забрать как можно больше свежеубитых землетрясением животных. Еще не испортившееся мясо можно высушить, мех и шкуры снять и выделать. На всякий случай.

Разведчики в конце концов уходят, их мысли заняты этим самым «на всякий случай». Если бы они не были так заняты, они заметили бы предмет у подножия только что расколотого утеса, незаметно угнездившийся между накренившейся кривой елью и треснувшими валунами. Предмет выделяется своими размерами и формой — это продолговатый кусок пятнистого халцедона в виде почки темного серо-зеленого цвета, резко отличающийся от обломков бледного песчаника вокруг. Если бы они подошли к нему, они увидели бы, что он высотой им по грудь и длиной почти в человеческий рост. Если бы они коснулись его, они изумились бы плотности его поверхности. Это тяжелый на вид предмет с железистым запахом, напоминающим ржавчину и кровь.

Но никого не оказывается рядом, когда предмет еле слышно стонет и раскалывается, прямо по оси, словно распиленный пилой. Слышится

громкий крик-шипение выходящего жара и сжатого газа, отчего все уцелевшие лесные жители бросаются наутек, ища убежища. Из трещины на какое-то мгновение вырывается свет, что-то вроде пламени и жидкости, оставляя озерко расплавленного стекла у основания предмета. Затем предмет надолго замирает.

Остывает.

Проходит несколько дней.

Что-то раздвигает предмет изнутри и отползает на несколько футов, прежде чем упасть. Проходит еще один день.

Теперь, когда предмет остыл и раскололся, внутреннюю поверхность его усеивают неровные кристаллы, некоторые мутно-белые, некоторые красные, как венозная кровь. Бледная жидкость застывает на дне каждой половинки, хотя бóльшая часть жидкости, находившейся в жеоде, впиталась в землю.

Тело, находившееся в жеоде, лежит ничком среди обломков, нагое, тяжко дышащее от напряжения. Однако постепенно он встает. Каждое движение осторожное и очень, очень медленное. Он встает долго. Но как только это ему удается, он идет — медленно — к жеоде и опирается на нее, чтобы не упасть. Найдя точку опоры, он накло-

няется — медленно — и тянется внутрь жеоды. Внезапным резким движением он отламывает красный кристалл. Это маленький кусочек, размером с виноградину, зазубренный, как обломок стекла.

Мальчик — поскольку он напоминает мальчика — кладет его в рот и жует. Звук громкий — скрежет и стук эхом отдаются вокруг. Через несколько мгновений он глотает. Затем его начинает бить жестокая дрожь. На мгновение он обхватывает себя руками, тихо скуля, словно только что понял, что он наг, и ему холодно, и все это ужасно.

Сделав усилие, мальчик берет себя в руки. Он снова тянется внутрь жеоды — уже быстрее — и отламывает еще несколько кристаллов. Он складывает их кучкой поверх жеоды. Толстые, затупленные кристаллы крошатся под его пальцами, как сахар, хотя они намного тверже. Но на самом деле он не ребенок, так что для него это легко.

Наконец он выпрямляется, шатаясь, с горстями, полными молочных и кровавых камней. Резкий порыв ветра — и его кожа покрывается пупырышками. Он дергается, быстро и резко, как заводная кукла. Затем, нахмурившись, осматривает себя.

Когда он концентрируется, его движения становятся плавнее, равномернее. Человечнее. Словно подчеркивая это, он, видимо, удовлетворенно кивает.

Мальчик поворачивается и начинает путь к Тиримо.

* * *

Вот что тебе надо запомнить: конец одной истории есть всего лишь начало другой. Это, в конце концов, случалось и раньше. Люди умирают. Старые порядки уходят. Рождается новое общество. Когда мы говорим «миру пришел конец», это, как правило, ложь, потому что с планетой-то ничего не случилось.

Но так приходит конец миру.

Так приходит конец миру.

Так приходит конец этому миру.

В последний раз.

1

Ты, в конце

Ты — она. Она — ты. Ты — Иссун. Помнишь? Та женщина, у которой погиб сын.

Ты — ороген, прожившая в крохотном городке Тиримо десять лет. Только трое знают, кто ты такая, и двоим из них ты дала жизнь.

Что же. Теперь остался один.

Последние десять лет ты жила самой обычной жизнью, насколько могла. Ты приехала в Тиримо из другого места — местным жителям на самом деле все равно, откуда и почему. Поскольку ты была явно хорошо образована, ты стала учительницей в местных яслях для детей от десяти до тринадцати лет. Ты не самый лучший, но и не худший учитель, дети забывают тебя, когда уезжают, но они учатся. Мясник знает твое имя, поскольку ему нравится с тобой заигрывать. Пекарь — нет, поскольку ты тихая женщина и поскольку он, как и все в городе, знает, что ты жена Джиджи. Джиджа родился и вырос в Тиримо, он камнерезчик из функционал-касты Стойкость, все знают и любят его, а заодно и тебя. Он перед-

ний план картины твоей жизни. Ты — фон. И тебе это по вкусу.

Ты мать двоих детей, из которых один мертв, а другая пропала. Может, и она мертва. Ты обнаружила это, вернувшись как-то раз домой после работы. Дом пуст, слишком тих, на полу маленькое тельце, все в крови и синяках.

И ты… закрылась. Ты не должна была. Это чересчур, не правда ли? Слишком. Ты многое пережила, ты очень сильная, но есть пределы и твоему терпению.

До того как к тебе пришли, прошло два дня.

Ты провела их в доме рядом со своим мертвым сыном. Ты вставала, ходила в туалет, ела что-то из холодного погреба, пила воду из-под крана. Все это ты могла делать автоматически, не задумываясь. Потом ты возвращалась к телу Уке.

(В одну из таких отлучек ты принесла ему одеяло. Накрыла его до разбитого подбородка. Привычка. Паровые насосы перестали грохотать, в доме стало холодно. Подхватит что-нибудь.)

В конце следующего дня кто-то стучится в дверь. Ты не встаешь, чтобы открыть. Это потребовало бы от тебя подумать, кто это и открывать ли ему. Такие мысли заставят тебя подумать и о трупе сына под одеялом, и о том, зачем тебе открывать

дверь. Ты пропускаешь стук мимо ушей.

Кто-то колотит в стекло в передней комнате. Настойчиво. Ты и это игнорируешь.

Наконец, кто-то разбивает стекло в задней двери дома. Ты слышишь шаги в коридоре между комнатами Уке и Нэссун, твоей дочери.

(Нэссун, твоя дочь.)

Шаги останавливаются на пороге каморки.

— Иссун?

Ты знаешь этот голос. Молодой, мужской. Знакомый и знакомо утешительный. Лерна, сын Макенбы с нижней дороги, который уехал на несколько лет и вернулся врачом. Он уже не мальчик, уже некоторое время не мальчик, и ты напоминаешь себе, что пора считать его мужчиной.

О-о-о, мысли. Ты осторожно прекращаешь думать.

Он ахает, и твоя кожа дрожит от его ужаса, когда он подходит поближе и видит Уке. Что замечательно, он не вскрикивает. Не прикасается к тебе, хотя обходит тело Уке с другой стороны и внимательно смотрит на тебя. Пытается понять, что творится у тебя внутри? *Ничего, ничего*. Затем он приподнимает одеяло, чтобы лучше увидеть тело Уке. *Ничего, ничего.* Он снова натягивает

одеяло, на сей раз на лицо твоего сына.

— Он так не любит, — говоришь ты. Это первые твои слова за два дня. Странное ощущение. — Он боится темноты.

После секундного молчания Лерна снова открывает лицо Уке, но лишь до глаз.

— Спасибо, — говоришь ты.

Лерна кивает.

— Ты спала?

— Нет.

Лерна обходит тело и берет тебя за руку, поднимает тебя. Он ласков, но руки его тверды, и он не отступает, когда ты поначалу не движешься. Чуть больше непреклонного усилия, и тебе остается только встать или упасть. Он оставляет этот выбор тебе. Ты встаешь. Затем с той же ласковой твердостью он ведет тебя к передней двери.

— Можешь поспать у меня, — говорит он.

Ты не хочешь думать, так что не говоришь, что у тебя есть собственная хорошая постель, спасибо. И не заявляешь, что с тобой все в порядке и его помощь тебе не нужна, что неправда. Он выводит тебя наружу и ведет вниз по кварталу, постоянно держа тебя за локоть. На улицу выходят несколько человек. Некоторые подходят к вам и говорят что-то, на что отвечает Лерна, ты толком ничего

не слышишь. Их слова сливаются в гул, который ты не пытаешься понять. Вместо тебя с ними говорит Лерна, и ты была бы ему благодарна, если бы тебе не было все равно.

Он приводит тебя к себе в дом, пропахший травами, химикатами и книгами, и укладывает тебя в длинную постель, на которой развалился толстый серый кот. Кот пододвигается, чтобы дать тебе улечься, затем укладывается тебе под бок. Тебя бы это утешило, если бы его тепло и вес не напоминали тебе об Уке, когда тот спит с тобой.

Спал. Нет, перемена времени глагола требует мысли.

Спит.

— Поспи, — говорит Лерна, и этому легко подчиниться.

* * *

Ты спишь долго. В какой-то момент ты просыпаешься. Лерна поставил на подносе рядом с твоей постелью еду: прозрачный бульон, нарезанные фрукты и чашку чая — все давно остыло до комнатной температуры. Ты ешь и пьешь, потом идешь в ванную. Унитаз не смывает. Рядом стоит ведро с водой. Наверняка Лерна поставил его именно для этого. Ты гадаешь над этим, за-

тем ощущаешь неизбежность мысли и гонишь, гонишь, гонишь ее, чтобы остаться в мягком тепле бездумья. Ты сливаешь воду из ведра, закрываешь крышку унитаза и возвращаешься в постель.

* * *

Во сне ты оказываешься в комнате, когда Джиджа делает это. Они с Уке такие, какими ты видела их в последний раз, — Джиджа смеется, держа Уке на колене, играя с ним в «землетрясение». Мальчик смеется, обхватывает колено ногами и машет руками, чтобы удержать равновесие. Затем Джиджа вдруг перестает смеяться, встает, сбрасывает Уке на пол и начинает бить его ногами. Ты знаешь, что это было не так. Ты видела отпечатки кулака Джиджи — синяк с четырьмя параллельными полосами — на животе и лице Уке. Во сне Джиджа бьет его ногами, потому что сны лишены логики.

Уке продолжает смеяться и размахивать руками, словно игра продолжается, хотя его лицо в крови.

Ты просыпаешься с криком, который переходит в неудержимые рыдания. Входит Лерна, пытается что-то сказать, обнять тебя, в конце концов, за-

варивает тебе крепкий, омерзительный на вкус чай. Ты снова засыпаешь.

* * *

— На севере что-то случилось, — говорит тебе Лерна.

Ты сидишь на краю постели. Он — в кресле напротив тебя. Ты пьешь очередную чашку мерзкого чая, голова болит хуже чем с похмелья. Ночь, но в комнате полумрак. Лерна зажег лишь половину светильников. Впервые ты замечаешь странный запах в воздухе, который не может полностью замаскировать дымок светильника — сернистый, острый и едкий. Запах висел в воздухе весь день, постепенно усиливаясь. Хуже всего на улице, говорит Лерна.

— Дорога возле города два дня была забита людьми, идущими оттуда. — Лерна вздыхает и трет лицо. Он на пятнадцать лет моложе тебя, но такого уже не скажешь. Его волосы от природы серые, как у многих чебаки, но старше делают его залегшие на лице складки. И еще темные круги под глазами. — Что-то вроде землетрясения. Большое, пару дней назад. Мы-то ничего не ощутили, но вот Суме… — Суме через долину, в дне пути верхом. — Весь город… — Он мотает головой.

Ты киваешь, но ты и так все это знаешь или по крайней мере догадываешься. Два дня назад, когда ты сидела в своей норке и смотрела на останки своего ребенка, что-то пришло в город — судорога земли была такой, что ты никогда ничего подобного не сэссила. Слово «землетрясение» тут явно не подходит. Что бы там ни было, оно обрушило бы дом на тело Уке, потому ты что-то поставила на его пути — какой-то волнолом, составленный из твоей сфокусированной воли и небольшого количества кинетической энергии, позаимствованной у самой волны. Это не требовало мысли, такое и новорожденный способен сделать, хотя, наверное, не настолько аккуратно. Волна разделилась и обтекла долину, затем продолжила путь.

Лерна облизывает губы. Смотрит на тебя, потом отводит взгляд. Он тот, кто, помимо твоих детей, знает, кто ты есть. Некоторое время уже знает, но впервые увидел реальность этого. Но об этом ты тоже не способна думать.

— Раск не впускает и не выпускает никого. — Раск — это Раск Инноватор Тиримо, избранный глава города. — Пока еще это не полномасштабный карантин, как он говорит, но я собирался пойти в Суме, посмотреть, не можем ли мы чем-то

помочь. Раск сказал «нет» и направил чертовых копателей на стену на подмогу Опорам, пока разведчики не вернутся. Велел им в особенности не выпускать *меня*. — Лерна стискивает кулаки, на лице его горечь. — На имперском тракте много людей. Многие больны, ранены. А этот вонючий ублюдок не хочет позволить мне *помочь*!

— В первую очередь ворота, — шепчешь ты. Это хрип. Ты много кричала после того сна о Джидже.

— Что?

Ты отпиваешь еще чая, чтобы не так першило в горле.

— Предание камня.

Лерна в упор смотрит на тебя. Он знает эти строки — все дети учат это в яслях. Все вырастают на сказках у костра о камнелористах и мудрых геоместах, которые предупреждали неверующих, когда проявлялись знамения, но их не слушали, и которые спасали людей, когда Предание подтверждалось.

— Думаешь, дошло до этого? — тяжело произносит он. — Огонь подземный, Иссун, неужели ты серьезно?

Ты серьезно. Дошло до этого. Но ты понимаешь, что он не поверит тебе, если ты попытаешься

объяснить, так что просто качаешь головой.

Повисает болезненная, мучительная тишина. После долгого молчания Лерна осторожно произносит:

— Я принес Уке. Он в больнице… в холодильном ящике. Я позабочусь о… приготовлениях.

Ты медленно киваешь.

После некоторой заминки он говорит:

— Это сделал Джиджа?

Ты снова киваешь.

— Ты… ты его видела?

— Я пришла домой из яслей.

— О.

Опять неловкая пауза.

— Говорят, ты пропустила один день, перед землетрясением. Пришлось отправить детей домой, не нашли замены. Никто не знал, заболела ты и осталась дома, или что еще.

Что же. Вероятно, ты уволена. Лерна делает глубокий вздох, выдыхает. Ты почти готова.

— Землетрясение не коснулось нас, Иссун. Оно обошло город. Повалило несколько деревьев, и еще рухнула скала у ручья.

Ручей в самом северном конце долины, где никто не заметил, как исходит паром халцедоновая жеода.

— Все в городе и вокруг него в порядке. Почти идеальная окружность. Четкая.

Было время, когда ты скрывала бы такое. У тебя был повод — жизнь, которую ты защищала.

— Это сделала я, — говоришь ты.

Лерна стискивает челюсти, но кивает.

— Я никогда никому не говорил. — Он мнется. — Что ты… ороген.

Он так вежлив и правилен. Ты слышала куда более неприличные определения того, чем ты являешься. Он тоже, но он никогда бы так не сказал. Да и Джиджа, когда кто-то беспечно бросал «рогга» в его присутствии. «*Не желаю, чтобы дети такое слышали*», — говорил он…

Накрывает быстро. Ты складываешься пополам в приступе сухой рвоты. Лерна вскакивает, хватает что под руку подвернулось — утку, которая тебе не была нужна. Но ничто не извергается из твоего желудка, и через мгновение позывы прекращаются. Ты делаешь осторожный вдох, затем другой. Лерна молча протягивает тебе стакан воды. Ты отвергаешь было его, затем передумываешь. В твоем рту вкус желчи.

— Это не я, — говоришь ты в конце концов. Он хмурится в замешательстве, думая, что ты все еще говоришь о землетрясении. — Джиджа. Он так и

не узнал обо мне. — Ты думаешь. Ты не должна думать. — Я не знаю как, но Уке… он маленький, он еще не умеет себя контролировать. Наверное, Уке что-то сделал, и Джиджа понял…

Что твои дети, как ты. Впервые ты полностью оформила эту мысль.

Лерна закрывает глаза, испускает долгий вздох.

— Вот как, значит.

Нет, не так. Никогда ничто не должно заставлять отца убить собственное дитя. Ничто!

Он облизывает губы.

— Хочешь посмотреть на Уке?

Зачем? Ты два дня смотрела на него.

— Нет.

Лерна со вздохом встает, пятерней ероша волосы.

— Идешь сказать Раску? — спрашиваешь ты.

Но Лерна отвечает тебе таким взглядом, что ты ощущаешь себя хамкой. Он в гневе. Он такой спокойный, думающий мальчик, никогда не подумаешь, что он может разозлиться.

— Я ничего не собираюсь рассказывать Раску, — резко отвечает он. — Я все это время ничего ему не рассказывал и не собираюсь сейчас.

— Тогда что…

— Я хочу найти Эран.

Эран — спикер функционал-касты Стойкость. Лерна родился Опорой, но когда он вернулся в Тиримо врачом, Стойкие приняли его. В городе уже было достаточно Опор, а Инноваторы бросили жребий и проиграли. Ты тоже говорила, что принадлежишь к Стойкости.

— Я скажу ей, что с тобой все в порядке, и попрошу передать это Раску. А ты иди отдыхать.

— А если она спросит, почему Джиджа…

Лерна качает головой.

— Все уже и так поняли, Иссун. Все умеют читать карты. Ясно как алмаз, что центр круга где-то по соседству. Зная, что сделал Джиджа, нетрудно понять *почему*. Со временем только промахнулись, но об этом пока никто не думал. — Пока ты смотришь на него и осознание медленно приходит к тебе, Лерна криво усмехается. — Половина народа в ужасе, другая половина рада тому, что сделал Джиджа. Потому что, *конечно же,* трехлетнему малышу хватит сил устроить землетрясение в нескольких тысячах миль отсюда, в Юменесе!

Ты качаешь головой, отчасти испуганная гневом Лерны, отчасти неспособная смириться с тем, что твой светлый, веселый ребенок, по мысли людей, мог… но ведь Джиджа так подумал.

Тебя снова охватывает тошнота.

Лерна делает еще один глубокий вдох. Он весь ваш разговор все время вздыхает — эту привычку ты видела и раньше. Так он успокаивает себя.

— Оставайся здесь, отдыхай. Я скоро вернусь.

Он выходит из комнаты. Нарочито громко шумит перед домом. Через несколько мгновений уходит на встречу. Ты думаешь об отдыхе и решаешь, что не будешь ложиться. Вместо этого ты идешь в ванную Лерны, умываешься и останавливаешься, когда горячая вода резко плюется, потом становится ржаво-красной и вонючей, а потом превращается в тонкую струйку. Где-то прорвало трубу.

Что-то случилось на севере, сказал Лерна.

Дети — наша гибель, как-то давным-давно кто-то сказал тебе.

— Нэссун, — шепчешь ты своему отражению. В зеркале — глаза, которые твоя дочь унаследовала от тебя, серые, как слюда, и немного тоскливые. — Он оставил Уке в убежище. А где он бросил тебя?

Нет ответа. Ты закрываешь кран. Затем шепчешь в пространство:

— Мне надо идти.

Потому что надо. Тебе надо найти Джиджу, и к тому же ты понимаешь, что задерживаться

нельзя. Скоро горожане придут за тобой.

* * *

У прошедшего землетрясения есть эхо. Отступившая волна вернется. Рокочущая гора взревет.

Табличка первая: «О выживших», стих пятый.

2

Дамайя, много зим назад

Солома такая теплая, что Дамайе не хочется из нее вылезать. Как одеяло, осоловело думает она в полусне. Как плед, который однажды сшила ей прабабушка из квадратов униформы. Много лет назад, до своей смерти, Милая Ба работала швеей на ополчение Бреварда и сохраняла обрезки ткани после шитья каждой новой униформы. Одеяло, которое она сделала для Дамайи, было пятнистым и темным, цвета морской волны и серо-коричневым, зеленым и серым, как колонны марширующих солдат, но вышло оно из рук Милой Ба, так что Дамайе было наплевать на его уродство. Оно всегда пахло сладко, серо и немного затхло, так что легко было представить, что солома, которая пахла плесенью, как старый навоз, но с привкусом грибка, — одеяло прабабушки. Само оно осталось в комнате Дамайи, на постели, где она его бросила. На которой она больше никогда не будет спать.

Сейчас она из своей груды сена слышала голоса — мама и еще кто-то разговаривали, подходя

все ближе. Послышался скрип открываемой двери амбара, и они вошли внутрь. Опять скрип — дверь закрывается за ними. Мама возвышает голос и зовет:

— ДамаДама?

Дамайя сворачивается в клубок еще сильнее, стискивает зубы. Она ненавидит это идиотское прозвище. Она ненавидит, как мать его произносит, легко и нежно, словно правда любит ее, а не врет.

Когда Дамайя не отвечает, мать говорит:

— Она не могла уйти. Мой муж проверил все амбарные замки лично.

— Увы, таких, как она, замками не удержать.

Голос мужской. Не отец, не старший брат, не глава общины, никто из тех, кого она могла бы узнать. У него глубокий голос, и говорит он с акцентом, которого она никогда не слышала, — резким, тяжелым, с тягучими «о» и «а» и жестким началом и концом каждого слова. Умный голос. Он чуть позвякивает на ходу, и Дамайя думает, что у него, наверное, большая связка ключей. Или много монет в карманах? Она слышала, что в других местах мира люди используют металлические деньги.

Мысли о ключах и деньгах заставляют Дамайю

свернуться еще сильнее, поскольку она, конечно, слышала в яслях, как дети шепчутся о детских рынках в далеких городах из тесаного камня. Не все края так цивилизованны, как Северное Срединье. Тогда она смеялась над этими слухами, теперь другое дело.

Мать с отвращением фыркает, и Дамайя горит от стыда, осознав, что они увидели угол, который она использовала как туалет. Там ужасно пахнет, хотя она каждый раз забрасывала все соломой.

— Сидеть на корточках, как животное. Я лучше ее воспитывала.

— Здесь есть туалет? — спрашивает детоторговец вежливо-любопытным тоном. — Вы ставили ей ведро?

Мать молчит, долго молчит, и Дамайя запоздало понимает, что этот человек своими тихими вопросами *укорил* мать. Дамайя не привыкла к такого рода укорам. Мужчина не повышал голоса и не обзывался. Но мать опешила, словно он своими словами дал ей по голове.

Смех закипает в ее груди, и она сразу затыкает себе рот кулаком, чтобы он не излился наружу. Они услышат хихиканье Дамайи в ответ на конфуз ее матери, и тогда детоторговец поймет, какой она ужасный ребенок. Разве это так плохо?

Может, родители получат за нее меньше. Одно это почти заставляет ее рассмеяться в голос, поскольку Дамайя ненавидит своих родителей, *ненавидит*, и все, что заставит их страдать, доставит ей радость.

Затем она впивается зубами в собственный кулак и ненавидит себя, потому что отец и мать, *конечно же*, продают Дамайю именно за то, что такие мысли приходят ей в голову.

Шаги ближе.

— Тут холодно, — говорит мужчина.

— Мы забрали бы ее в дом, если бы стало действительно холодно, — говорит мать, и Дамайя снова чуть не хихикает — так угрюмо, обиженно она говорит.

Но детоторговец не слушает мать. Его шаги все ближе, и они… странные. Дамайя может сэссить эти шаги. Большинство людей не может — они могут сэссить большие вещи, землетрясения там, всякую всячину, но не такую тонкую вещь, как шаги. (Она знала такое в себе всю жизнь, но лишь недавно поняла, что это предзнаменование.) Трудно это ощущать, когда ты не в прямом контакте с землей, все передается через доски амбара и металл соединяющих их гвоздей, но даже здесь, на чердаке, она понимает, чего ждать.

Топ топ, шаг и его эхо в глубине, *топ* топ, *топ* топ. Но шаги детоторговца никуда не идут и не дают эха. Она может только слышать их, не сэссить. Такого прежде никогда не бывало.

Он подходит к веревочной лестнице, к чердаку, где она свернулась в соломе.

— Ага, — говорит он, поднявшись наверх. — Тут теплее.

— ДамаДама! — теперь мать в бешенстве. — А ну, слезай!

Дамайя сворачивается еще сильнее в соломе и ничего не говорит. Шаги детоторговца приближаются.

— Не бойся, — говорит он своим гулким голосом. Ближе. Она чувствует эхо его голоса через дерево, оно уходит вниз в землю, в скальную породу и назад. Ближе. — Я пришел помочь тебе, Дамайя Опора.

Еще одну вещь она ненавидит — свое функционал-имя. Никого она не сможет подпереть, как и ее мать. «Опора» означает только то, что ее предкам по женской линии повезло присоединиться к общине слишком неспециализованной, чтобы заслужить в ней более прочное место. *Когда приходят тяжелые времена, Опоры все равно что неприкаянные*, — сказал ей как-то раз ее брат Ча-

га, чтобы поддразнить. Тогда он смеялся, словно это было забавно. Словно это было неправдой. Конечно, Чага Стойкость, как и отец. Все общины рады принять их, какими бы тяжкими ни были времена, болезни там, голод или прочее.

Шаги мужчины останавливаются прямо под ее грудой соломы.

— Не бойся, — повторяет он, на сей раз тише. Мать по-прежнему внизу и, вероятно, не может услышать его. — Я не дам твоей матери тебя обидеть.

Дамайя втягивает воздух.

Она не дура. Он детоторговец, а детоторговцы делают ужасные вещи. Но поскольку он сказал эти слова и поскольку какая-то часть Дамайи устала бояться и злиться, она выпрямляется. Она выбирается из мягкой теплой соломы и садится, глядя на мужчину сквозь кудряшки и грязную солому.

Он выглядит так же странно, как и звучит, и он явно не из окрестностей Палелы. У него почти белая кожа, как бумага, он, наверное, дымится и скручивается на жарком солнце. У него длинные прямые волосы, что вместе с кожей означает, что он из арктических областей, хотя их цвет — черный, как земля возле старого кратера, — не

подходит. У жителей Восточного побережья такие волосы, только пушистые, а не прямые, но у них и кожа черная. И он большой — выше и шире в плечах, чем отец. Но там, где у отца плечи переходят в широкую грудь и живот, у этого *сужение*. Все в нем гибкое и тонкое. Нет четко выраженной расы.

Но сильнее всего Дамайю поражают глаза детоторговца. Они почти белые. Она видит белки его глаз, потом серебристо-серый диск радужки, почти неотличимой от белка. Его зрачки в полумраке амбара расширены, пугающи в этой пустыне бесцветности. Она слышала о таких глазах, которые в сказках и камнелористике называются *льдистыми*. Это редкий знак и всегда недобрый.

Но затем детоторговец улыбается Дамайе, и она не задумываясь улыбается в ответ. Она тут же верит ему. Понимает, что нельзя, но верит.

— Ну вот мы где, — говорит он по-прежнему тихо, чтобы мать не услышала. — ДамаДама Опора, полагаю?

— Просто Дамайя, — автоматически отвечает она.

Он изящно наклоняет голову, затем протягивает ей руку.

— Понятно. Идем к нам, Дамайя?

Дамайя не шевелится, а он не хватает ее. Он просто стоит на месте, терпеливый как камень, с протянутой, но не принятой рукой. Проходит десять вдохов и выдохов. Двадцать. Дамайя понимает, что должна идти с ним, но ей нравится, что это *ощущается* как ее выбор. Потому она наконец дает ему руку и позволяет поднять себя. Он держит ее за руку, пока она, как может, отряхивается от соломы, а затем чуть притягивает к себе.

— Минутку.

— М-м?

Но рука детоторговца уже у нее на затылке. Он прижимает два пальца к основанию ее черепа так быстро и умело, что она не успевает испугаться. На мгновение он закрывает глаза, вздрагивает, затем выдыхает и отпускает ее.

— Долг прежде всего, — загадочно говорит он. Она касается затылка, растерянная, все еще ощущая прикосновение его пальцев. — Теперь пошли вниз.

— Что ты сделал?

— Что-то вроде маленького ритуала. Что-то, что позволит найти тебя, если ты когда-нибудь потеряешься. — Она не может представить, что это значит. — Идем, мне надо сказать твоей матери,

что ты идешь со мной.

Значит, это наяву. Дамайя закусывает губу, и когда человек направляется к лестнице, она следует в двух шагах за ним.

— Что же, с этим уладили, — говорит детоторговец, когда они спускаются на первый этаж к матери. (Мать вздыхает, увидев ее. Возможно, от раздражения.) — Вы не могли бы собрать для нее вещи — пару смен белья, еды в дорогу, какую сможете, пальто, — мы уходим.

Мать удивленно выпрямляется.

— Мы отдали ее пальто.

— Отдали? Зимой?

Он говорит мягко, но матери внезапно становится неуютно.

— У нее есть двоюродная сестра, которой было нужно пальто. У нас гардеробы не набиты одежкой. И… — мать мнется, бросает взгляд на Дамайю. Дамайя отводит глаза. Она не хочет знать, сожалеет ли мать, что отдала пальто. Ей особенно не хочется увидеть, что мать *не* сожалеет.

— И вы слышали, что орогены не испытывают холода так, как остальные, — говорит он с усталым вздохом. — Это миф. Полагаю, вы видели прежде, что вашей дочери бывало холодно.

— О, я… — мать вспыхивает. — Да. Но я дума-

ла…

Что Дамайя прикидывается. Именно так она сказала Дамайе в тот первый день, когда та вернулась из школы, когда ее поселили в амбаре. Мать была в ярости, лицо ее было в слезах, а отец просто сидел молча с побелевшими губами. Дамайя скрывала от них, говорила мать, все скрывала, прикидывалась ребенком, хотя она на самом деле чудовище, чудовища так всегда поступали, она всегда знала, что с Дамайей что-то не так, она всегда была такой *врушкой*…

Мужчина качает головой.

— Тем не менее ей нужна какая-то защита от холода. Когда мы будем ближе к Экваториалям, станет теплее, но нам туда несколько недель добираться.

Лицо матери расслабляется.

— Так вы и правда забираете ее в Юменес.

— Конечно, я… — Мужчина в упор смотрит на нее. — А. — Он бросает взгляд на Дамайю. Они оба смотрят на Дамайю, и от этого все зудит. Она ежится. — Значит, даже думая, что я пришел убить вашу дочь, вы попросили главу общины вызвать меня.

Мать подбирается.

— Нет. Не так, я не… — Ее кулаки, висящие по

бокам, разжимаются. Затем она склоняет голову, словно ей стыдно, но Дамайя знает, что это ложь. Матери никогда ни за что не стыдно. Было бы стыдно, она такого не делала бы.

— Простые люди не могут заботиться о… о таких детях, как она, — тихо говорит мать. Она бросает быстрый взгляд на Дамайю. — Она чуть не убила в яслях мальчика, и… — Внезапно она выпрямляется, расправляет плечи. — И разве это не долг каждого гражданина?

— Да-да, все так. Ваша жертва сделает мир лучше для всех. — Эта похвала — обычное клише. Но тон, что удивительно, нет. Дамайя снова смотрит на детоторговца, смущенная тем, что детоторговцы не убивают детей. Это все меняет. А Экваториали? Эти земли находятся далеко-далеко на юге.

Детоторговец смотрит на Дамайю и каким-то образом понимает, что ей непонятно. Его лицо смягчается, что должно быть совершенно невозможно при его пугающих глазах.

— В Юменес, — говорит он матери, затем Дамайе. — Да. Она достаточно молода, так что я забираю ее в Эпицентр. Ее научат управляться с ее проклятием. Ее жертва тоже сделает мир лучше.

Дамайя отвечает ему взглядом, понимая, как она ошибалась. Мать не продала Дамайю. Они с отцом *отдали* ее. И мать не ненавидит Дамайю, она *боится* ее. Есть ли разница? Возможно. Дамайя не знает, как она должна себя чувствовать после таких откровений.

И этот человек вовсе не детоторговец.

— Ты Страж? — спрашивает она, хотя уже и знает это. Он снова улыбается. Она не думала, что Стражи такие. В ее воображении они высокие, с каменными лицами, при оружии и с тайным знанием. Ну, этот, по крайней мере, высок.

— Да, — отвечает он и берет ее за руку. Он очень любит трогать людей, думает она. — Я *твой* Страж.

Мать вздыхает.

— Я могу дать ей одеяло.

— Это подойдет, благодарю вас. — Мужчина замолкает, ждет. Через несколько мгновений мать понимает, что он ждет, когда она его принесет. Она дергает головой и выходит из амбара с прямой спиной. Дамайя и человек остаются наедине.

— Вот, — говорит он, поднимая руки к плечам. Он носит что-то вроде униформы с массивными плечами и длинными жесткими линиями

рукавов и штанин, винного цвета. Крепкая, но поношенная одежда. Как прабабушкин плед. У него короткий плащ, скорее декоративный, чем функциональный, но он снимает его и закутывает в него Дамайю.

— Спасибо, — говорит она. — Кто ты?

— Меня зовут Шаффа Страж Уоррент.

Она никогда не слышала о месте под названием Уоррент, но оно должно где-то быть, зачем еще иначе общинное имя?

— Страж — это функционал-имя?

— Для Стражей. — Он произносит это нараспев, и ее щеки горят от смущения. — Мы, как правило, не слишком привязаны к какой-либо общине, в конце концов.

Дамайя хмурится в замешательстве.

— Так они что, выгоняют вас, когда наступает Зима? Но…

Страж, как она знает по байкам, — это сочетание много чего в одном человеке — великие воины и охотники, а порой — часто — убийцы. Общинам нужны такие люди в тяжелые времена.

Шаффа пожимает плечами и садится на тюк старого сена. За спиной Дамайи такой же тюк, но она продолжает стоять, поскольку ей нравится быть одного роста с ним. Даже сидя он выше нее,

но хоть не так сильно.

— Орогены Эпицентра служат миру, — говорит он. — Ты не унаследуешь отсюда функционалимени, поскольку твоя польза состоит в том, что ты есть, а не в том, к какой семье ты принадлежишь. С самого рождения ребенок-ороген способен остановить землетрясение, даже без обучения. Ты — ороген. В общине или без, *ты — ороген*. Однако после обучения и под руководством других умелых орогенов Эпицентра ты сможешь быть полезной не просто для какой-то общины, а для всего Спокойствия. — Он раскидывает руки. — Будучи Стражем, опекая орогенов, я делаю работу не меньшего охвата. Так что нормально, что я разделяю вероятную судьбу моих подопечных.

Дамайя так охвачена любопытством, ее так переполняют вопросы, что она не знает, с чего начать.

— У тебя есть… — Она запинается, путаясь в концептах, словах, приятии себя. — Другие, в-вроде меня… — слова кончаются.

Шаффа смеется, словно чувствует ее горячность, и это нравится ему.

— Сейчас я Страж шестерых, — говорит он, наклонив голову к Дамайе, словно именно так и

надо это говорить, так думать. — Включая тебя.

— И ты отвел их всех в Юменес? Ты нашел их так, как меня?..

— Не совсем так. Некоторых отдали под мою опеку, поскольку они родились в Эпицентре или достались мне от других Стражей. Некоторых я нашел, когда по поручению отправился в круговой рейд по этой части Северного Срединья. — Он разводит руками. — Когда твои родители сообщили о своем ребенке-орогене главе Палелы, он телеграфировал в Бревард, оттуда передали в Геддо, а оттуда уже в Юменес, а они телеграфировали мне. — Он вздыхает. — Просто повезло, что я зашел проверить почту на узловой станции возле Бревардa через день после прибытия сообщения. Иначе я еще пару недель его не увидел бы.

Дамайя знает Бревард, хотя Юменес для нее — легенда, а остальные названия, о которых упоминает Шаффа, всего лишь слова из ясельного учебника. Бревард — самый ближний к Палеле городок, и он куда больше. Туда отец с Чагой ездят продавать продукты с фермы в начале каждого сезона урожая. Затем она осознает его слова. Еще две недели в амбаре, сидеть в холоде, писать в углу… Она тоже рада, что он получил сообщение в Бреварде.

— Ты везучая, — говорит он, видимо, читая выражение ее лица. Сам он мрачнеет. — Не все родители поступают правильно. Иногда они не изолируют своих детей, как рекомендует Эпицентр и мы, Стражи. Иногда изолируют, но мы получаем сообщение слишком поздно, и когда Стражи прибывают, толпа успевает вытащить ребенка из укрытия и забить его насмерть. Не думай плохо о твоих родителях, Дама. Ты жива и здорова, а это уже немало.

Дамайя немного ершится, не желая принимать этого.

Он вздыхает.

— И иногда, — продолжает он, — родители орогена пытаются спрятать ребенка. Держать его, необученного, без Стража. Это всегда кончается плохо.

Эта мысль жила у нее в голове последние две недели, с того самого дня в школе. Если бы родители любили ее, они не заперли бы ее в амбаре. Мать не говорила бы тех ужасных вещей.

— Но почему они не могли… — вырывается у нее прежде, чем она понимает, что он это не просто так сказал. Чтобы понять, не думает ли она, *почему они не могли просто спрятать меня,* — и теперь он знает правду. Дамайя стискивает ру-

ками окутывающий ее плащ, но Шаффа просто кивает.

— Во-первых, потому, что у них есть еще один ребенок, а любого, кого обвинят в укрывательстве незарегистрированного орогена, вышвыривают из общины, и это еще минимальное наказание.

Дамайя знает это, хотя не может смириться с этим знанием. Родители, которые любили бы ее, *рискнули бы*, не так ли?

— Твои родители не хотели потерять дом, хозяйство, обеспечение для обоих своих детей. Они предпочли сохранить хоть что-то, чем потерять все. Но самая большая опасность в тебе самой, Дама. Ты не можешь скрывать этого, как не можешь скрывать того, что ты девочка и очень умна.

Она вспыхивает, неуверенная в том, похвала ли это. Он улыбается так, что она это понимает.

Он продолжает:

— Каждый раз, когда земля движется, ты будешь слышать ее зов. В момент опасности ты будешь инстинктивно тянуться к ближайшему источнику тепла и движения. Для тебя эта способность все равно как кулаки для сильного человека. При непосредственной угрозе ты, конечно же, сделаешь все, чтобы защитить себя. И тогда будут погибать люди.

Дамайя моргает. Шаффа снова улыбается, как всегда, тепло. И тогда Дамайя вспоминает тот день.

Это было после ланча, во дворе. Она съела свой бобовый ролл, сидя у прудика вместе с Лими и Шантаре, как обычно делала, когда остальные ребята играли или кидались едой друг в друга. Несколько других ребят сгрудились в углу двора, что-то чертили в пыли и перешептывались друг с другом — у них после обеда была контрольная по геометрии. И тут Заб подошел к ним троим, хотя смотрел именно на Дамайю, и сказал:

— Можно я у тебя спишу?

Лими хихикнула. Она думала, что Забу нравится Дамайя. Дамайе он, однако, *не нравился*, потому что был противный — он всегда дразнил Дамайю, обзывался и щипал, пока та не начинала кричать на него. А за это ей доставалось от учителя. Потому она ответила Забу:

— Я не хочу, чтобы мне за тебя влетело.

— Да не влетит, если сделаешь как надо. Просто подвинь свой листок…

– *Нет*, — снова ответила она. — Не буду я делать как надо. Я вообще не собираюсь этого делать. Иди отсюда. — Она повернулась к Шантаре, с которой разговаривала до того, как вмешался Заб.

Потом Дамайя помнила, что лежит на земле. Заб столкнул ее с камня обеими руками. Она в буквальном смысле кувыркнулась в воздухе, упав на спину. Затем — у нее было две недели в амбаре, чтобы подумать об этом, — она увидела его ошарашенное лицо, словно он не думал, что она упадет так легко. Но в тот момент она понимала только то, что лежит на земле. *Грязной* земле. Вся ее спина была холодной, мокрой, грязной, пахла гнилым болотом и мятой травой, и все это было у нее в *волосах*, и это было ее лучшее *форменное платье*, и мама будет в *ярости*, и она сама взбесилась, схватилась за воздух, и…

Дамайя дрожит. *Люди погибают*. Шаффа кивает, словно слышит ее мысли.

— Ты стекло огненной горы, Дамайя. — Он говорит это очень тихо. — Ты дар земли — но Отец-Земля ненавидит нас, он не прощает, и его дары никогда не бывают безвозмездны и безопасны. Если мы заберем тебя, заточим до остроты, будем обращаться с тобой осторожно и с должным уважением, ты станешь бесценной. Но если мы оставим тебя, ты рассечешь до кости всякого, кто обойдется с тобой грубо. Или еще хуже — ты расколешься и ранишь многих.

Дамайя вспоминает выражение лица Заба.

Воздух похолодел лишь на мгновение, окутав ее, словно коконом. Этого было достаточно, чтобы трава под ней покрылась инеем, а капли пота на лице Заба замерзли. Они замерли, дернулись и уставились друг на друга.

Она помнит его лицо.

Ты чуть не убила меня, прочла она на нем.

Шаффа, продолжая улыбаться, пристально смотрит на нее.

— Это не твоя вина, — говорит он. — Бóльшая часть того, что рассказывают об орогенах, неправда. Ты ничего не сделала, чтобы родиться такой, как и твои родители. Не злись на них или на себя.

Она начинает плакать, поскольку он прав. Все, что он говорит, правда. Она ненавидит мать за то, что она заперла ее здесь, ненавидит отца и Чагу за то, что они позволили ей это сделать, ненавидит себя за то, что родилась такой и разочаровала всех их. И теперь Шаффа знает, какая она слабая и ужасная.

— Ш-ш-ш. — Он встает и подходит к ней. Опускается на колени и берет ее за руки. Она начинает плакать сильнее. Но Шаффа сильно стискивает ее руки, почти больно, она пугается, втягивает воздух и моргает, глядя на него сквозь слезы.

— Не надо, малышка. Скоро твоя мать вернется. Никогда не плачь, если тебя могут увидеть.

— П-почему?

Он такой печальный — из-за Дамайи? — когда обнимает ее.

— Это небезопасно.

Она понятия не имеет, что это значит.

Тем не менее она прекращает плакать. Когда она вытирает слезы, он стирает большим пальцем ту, что она упустила, затем, после короткого осмотра, кивает.

— Возможно, твоя мать сможет рассказать тебе, но это может и любой другой.

Дверь амбара скрипит, и входит мать. На сей раз вместе с отцом. Отец крепко сжимает челюсти, и он не смотрит на Дамайю, хотя не видел ее с того самого дня, как мать заперла ее в амбаре. Оба они смотрят на Шаффу, который встает и становится перед Дамайей, благодарно кивает, принимая свернутое одеяло и дважды перевязанный пакет от матери.

— Мы напоили вашу лошадь, — неловко говорит отец. — Вам дать фуража в дорогу?

— Незачем, — говорит Шаффа. — При хорошем ходе мы окажемся в Бреварде, как только стемнеет.

Отец хмурится.

— Придется ехать быстро.

— Да. Но в Бреварде никому из тамошних жителей не придет в голову мысль перехватить нас по дороге и не по-хорошему попрощаться с Дамайей.

Дамайя не сразу понимает, но потом до нее доходит: жители Палелы хотят убить Дамайю. Но ведь это не так? Они ведь не могут на самом деле? Она думает обо всех, кого знает. Учителей из яслей. Других детей. Старых дам из придорожной харчевни, которые водились с прабабушкой, прежде чем та умерла.

Отец тоже думает об этом — она видит это по его лицу, он хмурится и открывает рот, чтобы сказать: *они не сделают такого*. Но он закрывает рот, прежде чем слова успевают слететь с его губ. Он бросает единственный взгляд на Дамайю, полный боли, потом вспоминает, что надо отвернуться.

— Ну вот, — говорит Дамайе Шаффа, протягивая одеяло. Это прабабушкино. Она смотрит на него. Потом на мать, но та смотрит в сторону.

Плакать небезопасно. Даже снимая плащ Шаффы и заворачиваясь в плед, такой знакомо-затхлый, потертый и совершенный, она сохраняет

совершенно спокойное лицо. Шаффа бросает на нее взгляд, еле заметно одобрительно кивает. Затем он берет ее за руку и ведет к двери амбара.

Мать и отец идут следом, но не говорят ни слова. Она один раз все же смотрит на дом, замечает кого-то, смотрящего из-за занавески, которая потом быстро задергивается. Чага. Ее старший брат, который учил ее читать, ездить на ослике, пускать камни прыгать по воде. Он даже рукой ей не помахал… но не потому, что ненавидит ее. Теперь она это понимает.

Шаффа сажает ее на спину лошади, такой большой, какой она никогда не видела, большого лоснистого гнедого жеребца с длинной шеей, и вот Шаффа уже в седле позади нее, подтыкает плед под ее ноги, чтобы она не натерла себе ничего, и они уезжают.

— Не оглядывайся, — говорит ей Шаффа. — Так легче.

Она не оборачивается. Потом она поймет, что он и в этом прав.

Гораздо позже, однако, она пожалеет, что не обернулась.

* * *

[неясно] льдистые глаза, пепельные волосы, чуткий нос, острые зубы, лживосоленый язык.

Табличка вторая: «Неполная правда», стих восьмой.

3

Ты в пути

Ты все еще пытаешься решить, кем быть. Прежнее твое бытие не имеет смысла — эта женщина умерла вместе с Уке. Она не полезна, не скромна, как обычно, спокойна, как обычно, заурядна, как обычно. После всего необычного, что произошло, — нет.

Но ты до сих пор не знаешь, где Джиджа похоронил Нэссун, если он вообще удосужился похоронить ее. Пока ты не попрощалась с дочерью, тебе приходится оставаться матерью, которую она любила.

Потому ты решаешь не дожидаться прихода смерти.

Она идет за тобой — возможно, не прямо сейчас, но придет достаточно скоро. Пусть большое землетрясение миновало Тиримо, все знают, что оно *должно было* его накрыть. Сэссапины не лгут, или по крайней мере не с такой дребезжащей, изматывающей нервы, выворачивающей разум силой. Все, от новорожденных до впадающих в детство стариков, сэссили приближение этого

землетрясения. А теперь, когда беженцы идут по дороге из менее удачливых городов и деревень — на юг, — люди Тиримо начнут ловить слухи. Они начнут ощущать серу на ветру. Они поднимут глаза и увидят все более странное небо и сочтут все эти перемены недобрым знаком. (Так оно и есть.) Возможно, городской глава Раск отправит, наконец, кого-нибудь посмотреть на Суме, ближайший город в соседней долине. У многих в Тиримо там семьи — два города обменивались товарами и людьми в течение поколений. Конечно, община прежде всего, но когда никто не голодает, родство и раса тоже имеют значение. Пока Раск может позволить себе быть великодушным. Возможно.

И как только разведчики вернутся и доложат о разрушениях, которые увидят в Суме — а выживших, как ты понимаешь, они не найдут, или их будет в лучшем случае горстка, — отрицать далее будет бессмысленно. Это вызовет лишь страх. А испуганные люди ищут козлов отпущения.

Потому ты заставляешь себя поесть, старательно не думая о других временах и других трапезах с Джиджей и детьми. (Неконтролируемые слезы лучше неконтролируемой рвоты, но эх, ты не можешь выбирать способа проявления своей

скорби.) Затем, тихо выйдя через садовую дверь дома Лерны, ты возвращаешься в свой дом. Снаружи никого. Наверняка все у Раска, ждут новостей или распоряжений.

Дома, в одном из схронов, под ковриками хранится семейный путевой рюкзак. Ты сидишь на полу в комнате, где был насмерть забит Уке, и перебираешь содержимое рюкзака, доставая то, что не пригодится. Комплект поношенной удобной дорожной одежды Нэссун слишком мал — вы с Джиджей собирали этот рюкзак еще до рождения Уке, и все никак у вас не доходили руки перебрать его. Брусок сушеных фруктов покрылся пушистой плесенью, возможно, его еще можно есть, но ты не в настолько отчаянной ситуации (пока). В рюкзаке документы, подтверждающие вашу с Джиджей собственность на дом, и прочие бумаги, показывающие, что вы платите налоги квартенту, и оба зарегистрированы в общине Тиримо, и являетесь членами функционал-касты Стойкость. Ты оставляешь это — свое существование в финансовых и законодательных рамках за последние десять лет — несколько неопрятной стопкой вместе с заплесневелыми фруктами.

Пачка денег в резиновом кошельке — бумажных, сколько же тут бумаги — вскоре обесценятся,

как только люди поймут, насколько плохи дела, но до того момента будут в ходу. А после этого хорошая растопка. Ты оставляешь обсидиановый свежевальный нож, который настоял сюда положить Джиджа и который ты вряд ли будешь использовать, — у тебя куда лучшее природное оружие. Можно оставить на обмен, или хотя бы будет визуальным предостережением. Ботинки Джиджи также можно обменять, они в хорошем состоянии. Он никогда больше не будет их носить, поскольку, как только ты его найдешь, тут ты с ним и покончишь.

Ты останавливаешься. Переливаешь эту мысль в форму, более подходящую той женщине, которой ты решила теперь стать. Лучше ты найдешь его и спросишь, почему он сделал то, что сделал. *Как* он это сделал. И спросишь его, что еще важнее, где твоя дочь.

Перепаковывая рюкзак, ты кладешь его в один из ящиков, которые Джиджа использовал для доставки. Никто ничего не заподозрит, когда увидит тебя с этим ящиком в городе, поскольку всего несколько дней назад все часто видели тебя с ним: ты помогала Джидже в его ремесле керамиста и резчика. В конце концов кто-то задумается: почему ты продолжаешь доставлять заказы, хотя

мэр вот-вот объявит Зимний Закон? Но *поначалу* большинство людей не задумаются об этом, и только это имеет значение.

Уходя, ты проходишь мимо того места, где на полу много дней лежал Уке. Лерна забрал тело, но оставил одеяло — пятен крови не видно. Но ты все равно не смотришь в ту сторону.

Твой дом — один из немногих в этом уголке города, угнездившийся между южным концом стены и городской зеленью. Это ты выбрала этот дом, когда вы с Джиджей решили купить жилье, поскольку он стоял на отшибе, в узком переулке в тени деревьев. Переулок шел напрямую от зеленой зоны к центру города, который всегда нравился Джидже. Вы постоянно спорили об этом — ты не любила находиться среди людей дольше необходимого, а Джиджа любил компанию и был неусидчив, молчание его угнетало…

Волна абсолютного, дробящего, болью раскалывающего голову гнева накрывает тебя врасплох. Тебе приходится остановиться в дверях, схватиться за косяки и сделать несколько глубоких вдохов, чтобы не начать кричать или бить кого-нибудь (может, себя) этим проклятым обсидиановым ножом. Или, что еще хуже, вызвать падение температуры.

Хорошо. Ты не права. Тошнота не так уж и плоха как реакция на горе по сравнению с этим.

Но у тебя нет на это времени, нет *сил*, так что ты сосредотачиваешься на другом. На чем угодно. На дереве дверного косяка у тебя под рукой. На воздухе, который ты ощущаешь сейчас больше, чем пока была дома. Сернистый запах вроде не усилился, что хорошо. Ты сэссишь, что поблизости нигде не открываются провалы в земле, что означает, что это идет с севера, и рана там, огромный гноящийся разрыв от берега до берега, и ты *знаешь* это, хотя путники с имперского тракта приносят пока одни слухи. Ты надеешься, что концентрация серы не станет выше, поскольку в противном случае люди начнут задыхаться и страдать от рвоты, а когда пойдет дождь, речная рыба передохнет, а почва закиснет…

Да. Стало лучше. Мгновением позже ты хотя бы можешь отойти от дома, маска спокойствия снова надета прочно.

На улице мало людей. Раск, наверное, официально объявил карантин. Во время карантина городские ворота заперты — и ты понимаешь по тому, как возле одной из сторожевых башен ходят люди, что Раск предпринял предупредительный шаг, поставив там часовых. Такого не должно

быть до объявления Зимы, в душе ты проклинаешь предусмотрительность Раска. Надеешься, что он не сделал еще чего-нибудь, что осложнит твое бегство.

Рынок закрыт, по крайней мере на время, так что никто не выгружает товары и не устанавливает цены. Комендантский час начинается с наступлением темноты, и весь бизнес, который не критичен для защиты или снабжения города, должен быть закрыт. Все знают, как должно быть в таких случаях. У всех есть свои поручения, но многое из этого можно делать дома: плести корзины для хранения, сушить и сохранять всю пищу в доме, которая может испортиться, перепрофилировать старую одежду и инструменты. Это имперски эффективно и предписано преданием — следовать правилам и процедурам не только практично, но и полезно, чтобы занять делом большие группы обеспокоенных людей. Просто на всякий случай.

И все же, когда ты идешь по дорожке вокруг зеленых зон — во время карантина там никто не ходит, не из-за каких-то запретов, а потому, что в такие времена это напоминает им, что это *будущие поля*, а не просто приятный участок с клевером и полевыми цветами, — ты видишь

лишь немногих жителей Тиримо, которые входят и выходят из домов. По большей части Опоры. Одна группа строит загон и навес, который отделит часть зеленой зоны для скота. Строительство — тяжелая работа, и те, кто занимается ею, слишком погружены в работу, чтобы заметить одинокую женщину с ящиком. Некоторые лица тебе смутно знакомы, ты видела их прежде на рынке или когда помогала Джидже. Ты перехватываешь несколько взглядов, но они тоже мимолетны. Они достаточно хорошо знают тебя в лицо, чтобы признать не-чужаком. Пока они слишком заняты, чтобы вспомнить еще, что ты *мать рогги*.

Или задуматься, от кого из родителей мертвый детеныш-рогга унаследовал свое проклятие.

В центре города людей больше. Ты смешиваешься с ними, идешь тем же шагом, что и остальные, кивая в ответ на кивки, пытаясь не думать ни о чем, чтобы лицо твое казалось усталым и отвлеченным. У офиса главы кипит деловая активность, капитаны кварталов и кастовые спикеры приходят с докладами, какие карантинные задачи выполнены, прежде чем отправиться на организацию других. Другие просто толкутся вокруг, явно надеясь услышать весть из Суме или еще откуда — но даже здесь никому нет до тебя

дела. Да и с чего бы? Воздух смердит разломанной землей, и все за пределами радиуса в двенадцать миль разворочено землетрясением, какого никто из живущих ныне не видел. У людей есть заботы куда важнее тебя.

Однако все это может быстро измениться. Ты не расслабляешься.

Дом Раска представляет собой небольшое здание, втиснутое между приподнятыми на опоры зернохранилищами и тележными сараями. Когда ты поднимаешься на цыпочки, чтобы посмотреть поверх голов, то без удивления замечаешь Ойямара, заместителя Раска, который стоит на пороге и разговаривает с двумя мужчинами и женщиной, на которых известки и грязи больше, чем одежды. Наверное, укрепляют колодцы — камнелористика советует сделать это во время землетрясения, и имперская процедура карантина тоже это поощряет. Если Ойямар здесь, то Раск где-то еще, работает или — зная Раска, — спит, вымотавшись за три дня после этого события. Он вряд ли дома, иначе там его быстро нашли бы люди. Но поскольку Лерна слишком много говорит, ты знаешь, где прячется Раск, если не хочет, чтобы его тревожили.

Библиотека Тиримо — чистый курьез. Един-

ственная причина ее существования — это то, что дед супруга одной из прежних мэров донимал письмами губернатора квартента до тех пор, пока тот не выделил денег на библиотеку, чтобы только тот заткнулся. После смерти старика библиотеку мало кто посещал, и хотя на собраниях общины были поползновения закрыть ее, голосов никогда не хватало. Так что библиотека сохранилась — ветхий старый сарай, не больше, чем твой домик, забитый книжными полками и свитками. Худенький ребенок мог передвигаться здесь не протискиваясь, но ты не худенькая и не ребенок, так что приходится протискиваться и передвигаться на четвереньках и в приседе. Нечего и думать протащить с собой ящик — ты оставляешь его внутри, прямо у двери. Но это не имеет значения — сюда никто не заглянет, кроме Раска, который свернулся на крохотном тюфячке в дальнем конце сарая, где короткая полка оставила немного места, как раз чтобы ему втиснуться.

Когда ты наконец пробираешься между полками, Раск всхрапывает и, моргая, смотрит на тебя, сразу хмуро встречая того, кто посмел побеспокоить его. Затем он *думает*, поскольку он человек уравновешенный, за то его и выбрали.

И по его лицу ты в одно мгновение видишь, как превращаешься из жены Джиджи в мать Уке, мать *рогги* и, Отец-Земля, тоже в роггу.

Это хорошо. Это облегчает дело.

— Я никому не причиню зла, — быстро говоришь ты, прежде чем он подастся прочь или заорет, или ради чего там еще он подобрался. И, к твоему изумлению, Раск моргает и снова *думает*, и паника уходит с его лица. Он садится, привалившись к деревянной стене и долгое тревожное мгновение смотрит на тебя.

— Полагаю, ты пришла не затем, чтобы сказать мне это, — говорит он.

Ты облизываешь губы и пытаешься сесть на корточки. Получается неловко, поскольку места мало. Приходится сесть на полку, и твои колени придвигаются к Раску больше, чем тебе хочется. Он чуть улыбается твоему дискомфорту, затем его улыбка угасает, когда он вспоминает, кто ты такая, и хмурится, как будто эти обе мысли раздражают его.

Ты говоришь:

— Ты не знаешь, куда мог уйти Джиджа?

Лицо Раска дергается. Он достаточно стар, чтобы быть тебе отцом, но человека, который менее способен вести себя как отец, ты в жизни не

видела. Тебе всегда хотелось посидеть с ним где-нибудь с пивом, хотя это не соответствует твоему обыденному, скромному камуфляжу, которым ты себя окутала. Многие в городе так воспринимают его, несмотря на тот факт, что он, как ты знаешь, не пьет. Выражение его лица в этот момент, однако, заставляет тебя впервые подумать, что он был бы хорошим отцом, будь у него дети.

— Вот, значит, что, — говорит он. Его голос хриплый со сна. — Он убил малыша? Люди так и думают, хотя Лерна сказал, что не уверен.

Ты киваешь. Ты тоже не смогла сказать Лерне слова *да*.

Раск не сводит взгляда с твоего лица.

— И малыш был…?

Ты снова киваешь, и Раск вздыхает. Ты замечаешь, что он не спрашивает, не являешься ли *ты* чем-нибудь таким.

— Никто не видел, куда Джиджа ушел, — говорит он, подтягивая колени и кладя на них руку. — Люди говорили об… убийстве, поскольку это легче, чем говорить о… — Он беспомощно поднимает и роняет руки. — В смысле слухов много, и по большей части грязь, а не камень. Некоторые видели, как Джиджа грузил вашу телегу и потом уехал с Нэссун…

Твои мысли сбиваются в кучу.

— С Нэссун?

— Да, с ней. А что… — Тут Раск понимает: — О, черт, и она тоже?

Ты пытаешься не дрожать. Ты сжимаешь кулаки, чтобы не дрожать, и земля у тебя под ногами немедленно ощущается ближе, воздух вокруг тебя тут же холодеет, прежде чем ты успеваешь сдержать свое отчаяние, радость, ужас и ярость.

— Я не знала, что она жива. — Это все, что ты говоришь после очень долгого, по ощущениям, мгновения.

— О. — Раск моргает, и сочувственное выражение возвращается на его лицо. — Ну, когда он уезжал, она была с ним. Никто не подумал ничего, да и не знал. Большинство думали, что отец просто пытается научить первенца своему делу или уберечь заскучавшего ребенка от беды. Затем случилась вся эта хрень на севере, и все забыли об этом, пока Лерна не сказал, что нашел тебя… и твоего ребенка. — Он замолкает. На миг стискивает челюсти. — Никогда не думал, что Джиджа такой. Он бил тебя?

Ты качаешь головой.

— Никогда.

Было бы легче все это перенести, если бы Джи-

джа прежде бывал жесток. Тогда ты могла бы винить себя за недальновидность или благодушие, а не за грех деторождения.

Раск делает глубокий медленный вдох.

— Дерьмо… вот же… дерьмо.

Он мотает головой, проводит рукой по седым всклокоченным волосам. У него пепельные волосы не от рождения, как у Лерны и других, ты помнишь то время, когда его волосы были коричневыми.

— Ты пойдешь за ним?

Его глаза бегают. Это не то чтобы надежда, но ты понимаешь то, что он из вежливости не осмеливается сказать. *Пожалуйста, покинь город как можно скорее*.

Ты киваешь, с радостью соглашаясь.

— Мне нужно, чтобы ты дал мне пропуск.

— Заметано. — Он мнется. — Ты понимаешь, что не сможешь вернуться?

— Понимаю. — Ты с трудом выдавливаешь улыбку. — Я и не хотела.

— Не могу тебя винить. — Он вздыхает, снова неуютно мнется. — Моя… моя сестра.

Ты не знала, что у Раска есть сестра. Затем ты понимаешь.

— Что с ней случилось?

Он пожимает плечами.

— Обычное дело. Мы жили тогда в Суме. Кто-то понял, что она такое, сказал горстке других, и вечером за ней пришли. Я мало что помню — мне было всего шесть. После этого наши вместе со мной переехали сюда. — Рот его дергается в подобии улыбки. — Потому я никогда и не хотел детей.

Ты улыбаешься.

— Я тоже.

Но Джиджа хотел.

— Ржавь земная. — Он на мгновение закрывает глаза, затем резко встает. Ты тоже, иначе твое лицо окажется слишком близко к его грязным старым штанам. — Если пойдешь прямо сейчас, я выведу тебя из ворот.

Это удивляет тебя.

— Я пойду прямо сейчас. Но тебе необязательно.

Ты не уверена, что это хорошая идея, это правда. Это может привлечь больше внимания, чем тебе хочется. Но Раск качает головой, лицо его жестко и угрюмо.

— Обязательно. Идем.

— Раск…

Он смотрит на тебя, и на сей раз кривишься ты.

Дело уже не в тебе. Толпа не посмела бы забрать его сестру, будь он тогда взрослым мужчиной.

Или они просто убили бы еще и его.

Вы идете к Главным воротам по улице Семи Зим, главной улице городка, и он несет твой ящик. Ты вся напряжена, но пытаешься казаться уверенной и спокойной, хотя чувствуешь себя далеко не так. Сама бы ты никогда не пошла таким путем, мимо всех этих людей. Поначалу все обращают внимание на Раска — машут ему рукой, подходят спросить о новостях… затем они видят тебя. Они перестают подходить и смотрят, стоя поодаль группками по двое-трое. И порой идут следом. Ничего такого — просто обычная суетность маленьких городков, по крайней мере с виду. Но ты видишь, как эти группки людей перешептываются, ты ощущаешь их взгляды, и все это напрягает твои нервы до предела.

Когда вы подходите, Раск приветствует стражу у ворот. С десяток или около того Опор, которые в обычной жизни, скорее всего, шахтеры или фермеры, просто топчутся перед воротами без всякой организованности. Двое сидят на вышках, построенных на стене, откуда они могут наблюдать за воротами, двое стоят у смотровых отверстий на земле. Остальные скучают или перебрасываются

друг с другом шуточками. Раск выбрал их, видимо, за угрожающий вид — они здоровенные, как санзе, и выглядят так, словно могут справиться без своих стеклянных ножей и арбалетов.

Тот, который выходит навстречу Раску, самый низкорослый — ты его знаешь, хотя и не помнишь его имени. Его дети учились в твоем классе. Ты видишь, что и он вспомнил тебя, глаза его сузились и впились в тебя.

Раск останавливается и ставит ящик на землю, открывает его и протягивает тебе твой путевой рюкзак.

— Карра, — говорит он знакомому тебе человеку, — здесь все в порядке?

— До этой минуты было в порядке, — говорит Карра, не сводя с тебя взгляда. От этого у тебя кожа идет мурашками. На вас смотрят еще двое Опор, переводя взгляд с Карры на Раска и обратно, готовые подчиниться чьему-нибудь приказу. Одна женщина откровенно сверлит тебя взглядом, в то время как остальным хватает взглядов украдкой.

— Рад это слышать, — говорит Раск. Ты видишь, как он еле заметно хмурится, словно читает те же сигналы, что улавливаешь ты.

— Вели своим людям приоткрыть ворота на

минутку.

Карра не сводит с тебя глаз.

— Ты считаешь это хорошей идеей, Раск?

Раск хмурится и делает резкий шаг к Карре, глядя ему прямо в лицо. Раск некрупный человек, но он Инноватор, а не Опора, хотя на самом деле это уже не имеет значения — но ему и не надо.

— Да, — отвечает Раск голосом таким тихим и натянутым, что Карра смотрит на него как минимум в изумленном оцепенении. — Я так считаю. Открой ворота, если ты *не против*. Если ты не до чертиков *занят*.

Ты вспоминаешь строку из Предания камня, Структуры, стих третий: «*Тело гибнет. Лидер, который остается, полагается на большее*».

Карра стискивает челюсти, затем кивает. Ты пытаешься сделать вид, что поглощена надеванием рюкзака. Лямки слишком выпущены. Последним его надевал Джиджа.

Карра и остальные привратники принимаются за дело, работают с системой блоков, помогающих открыть ворота. Бóльшая часть стен Тиримо построена из дерева. Это небогатая община, у них нет средств, чтобы достать хороший камень или нанять нужное количество каменщиков, хотя живут они лучше, чем общины с худшим

управлением или совсем новые, у которых еще и стен-то нет. Ворота, однако, каменные, поскольку именно ворота — самое слабое место любой общинной стены. Им нужно всего лишь чуть приоткрыть их для тебя, и после нескольких медленных скрежещущих мгновений и перекрикиваний с теми, кто следит за приближением возможных чужаков, они останавливаются.

Раск, явно неуютно чувствующий себя, поворачивается к тебе.

— Прости за… за Джиджу, — говорит он. Не за Уке, но, может, это и к лучшему. Надо, чтобы голова у тебя оставалась ясной. — За всех за нас, ржавь. Надеюсь, ты найдешь этого ублюдка.

Ты только качаешь головой. В горле у тебя стоит комок. Тиримо десять лет был твоим домом. Ты только начала думать о нем как о доме примерно тогда, когда родился Уке, но это больше, чем ты ожидала. Ты вспоминаешь, как гонялась за Уке по лугам, когда он только научился бегать. Ты вспоминаешь, как Джиджа помогал Нэссун сделать воздушного змея и запускать его кое-как, — останки змея все еще висят где-то на дереве в восточной части города.

Но уходить не так тяжело, как тебе казалось. Не сейчас, когда взгляды твоих соседей стекают по

тебе, как прогорклое масло.

— Спасибо, — бормочешь ты, объединяя этим словом очень многое, поскольку Раск не был обязан тебе помогать. Этим он навредил себе. Теперь привратники меньше уважают его, и пойдут слухи. Скоро все будут знать, что он любовник рогги, а это опасно. Глава не может позволить себе такой слабости, когда Зима близко. Но сейчас для тебя имеет значение этот момент публичного достоинства, эти доброта и честь, которых ты никогда не думала заслужить. Ты не знаешь, как реагировать на это.

Он кивает с прежней неловкостью и отворачивается, когда ты направляешься к проходу. Возможно, он не замечает, как Карра кивает одному из привратников, возможно, он не видит, как эта женщина снимает с плеча арбалет и целится в тебя. Возможно, позже думаешь ты, Раск мог бы остановить эту женщину и как-то предотвратить все, что произошло, если бы видел.

Однако *ты* ее видишь, по большей части краем глаза. Затем все происходит слишком быстро, чтобы думать. И поскольку ты *не* думаешь, поскольку ты стараешься не думать, а это означает, что ты действуешь по привычке, поскольку если думать, то ты вспомнишь, что твоя семья *мерт-*

ва, и все, что значит счастье, теперь *ложь*, и что если об этом думать, ты сломаешься и начнешь кричать, и кричать, и кричать.

И поскольку некогда в другой жизни ты научилась отвечать на внезапную угрозу совершенно особым образом, ты…

Устремляешься к воздуху и *тянешь* его к себе…

И упираешься ногами в землю, и *укореняешься,* и *сужаешь*…

И когда женщина выпускает стрелу, она летит в тебя. Прямо перед тем как попасть, она разлетается на миллион сверкающих замерзших частичек.

(*Гадкая, гадкая*, упрекает голос у тебя в голове, голос твоего сознания, низкий и мужской. Ты забываешь эту мысль почти сразу же. Это голос из другой жизни.)

Жизнь. Ты смотришь на женщину, которая только что пыталась тебя убить.

— Что за… Ржавь!

Карра пялится на тебя, словно ошарашен тем, что ты не упала мертвой. Он пригибается, сжимает кулаки и чуть ли не подпрыгивает от возбуждения.

— Стреляй! Убей ее, Земля тебя поглоти, пока…

— Ты что творишь? — Раск наконец заметил,

что происходит. Он поворачивается. Слишком поздно.

Внизу, у тебя под ногами — и у всех — начинается дрожь.

Поначалу ее трудно заметить. Нет предварительного резкого звука сэсуны, как если бы дрожь шла *от земли*. Вот почему люди боятся таких, как ты, потому что ты за пределами ощущения и подготовки. Ты — неожиданность, как внезапная зубная боль, как сердечный приступ. Вибрация того, что ты делаешь, поднимается быстро, превращается в гул напряжения, который можно слышать ушами, ощущать ногами и кожей, если нет сэссапин, но к этому моменту уже слишком поздно.

Карра хмурится, глядя на землю у себя под ногами. Женщина с арбалетом замирает в момент перезарядки. Она, выкатив глаза, смотрит на то, как дрожит тетива. У тебя под ногами круг инея радиусом в два фута покрывает утрамбованную землю. Твои волосы легко вздымаются на крепчающем ветру.

— Ты не можешь, — шепчет Раск, глаза его расширяются при взгляде на твое лицо. (Ты не знаешь, на что ты сейчас похожа, но, судя по его глазам, это должно быть ужасно.) Он мотает голо-

вой, словно отрицание может что-то остановить, делает шаг назад, затем еще один.

— Иссун.

— Это ты его убил, — говоришь ты Раску. Иррационально. Ты обращаешься к нему, хотя говоришь «ты» всему городу. Раск не пытался убить тебя, он не имеет отношения к смерти Уке, но попытка убить тебя спустила с цепи что-то дикое, яростное и холодное. *Вы трусы. Вы звери. Вы глядите на ребенка и видите добычу*. Какой-то частью сознания ты понимаешь, что в смерти Уке виноват Джиджа, но Джиджа вырос здесь, в Тиримо. Что за ненависть может заставить мужчину убить своего сына? Она исходит отовсюду вокруг тебя.

Раск втягивает воздух.

— Иссун…

И тут дно долины разверзается.

Первого толчка достаточно, чтобы все, кто стоял, попадали на землю, а все дома в Тиримо зашатались. Затем дома дрожат и дребезжат, когда толчок переходит в длительную ровную дрожь. Тележная мастерская Сайдера обрушивается первой, старые деревянные рамы дома сползают с фундамента. Изнутри доносятся крики, какая-то женщина успевает выбежать, прежде чем дом

обрушивается внутрь. В восточной части города, самой близкой к отрогам гор, обрамляющих равнину, начинается оползень. Участок восточной стены общины и три дома погребены под внезапным потоком грязи, деревьев и обломков скал. Глубоко под землей, там, где никто, кроме тебя, не может этого почувствовать, глиняные стены подземного водопровода, снабжающего городские колодцы, трескаются. Водопровод начинает протекать. Люди через много недель осознают, что в это мгновение ты убила город, но вспомнят, когда пересохнут колодцы.

Те, кто переживет следующие несколько мгновений, как-то поймут. От твоих ног начинает распространяться круг инея и снежной метели. Быстро.

Первым он настигает Раска. Он пускается бежать, когда край твоего круга накатывает на него, но он стоит слишком близко. Он настигает его на середине рывка. Его стопы покрываются льдом, ноги каменеют, иней пожирает его вверх по позвоночнику, и в мгновение ока он падает наземь, как камень, такой же пепельно-серый, как и его волосы. Следующим круг поглощает Карру, который продолжает орать, чтобы кто-то убил тебя. Крик застывает в его глотке, когда он падает,

заледенев в мгновение ока, последнее тепло выходит из него сквозь стиснутые зубы и замерзает на земле, когда ты крадешь у нее тепло.

Конечно, ты убиваешь не только своих соседей. Птичка, сидевшая на соседнем заборе, тоже падает, замерзшая, на землю. Трава хрустит, земля твердеет, воздух шипит и воет, когда влагу и плотность вытягивают из ее сущности… но никто и никогда не плакал по дождевым червям.

Быстро. По улице Семи Зим проходит порыв ветра, заставляя деревья шелестеть, а всех вокруг кричать от страха, когда они осознают, что происходит. Земля не перестает дрожать. Ты качаешься вместе с ней, но поскольку ты знаешь ее ритм, тебе легко балансировать вместе с ней. Ты делаешь это не раздумывая, поскольку в тебе осталось место только для одной-единственной мысли.

Эти люди убили Уке. Их ненависть, их страх, их ничем не объяснимая жестокость. Они.

(Он.)

Убили твоего сына.

(Джиджа убил твоего сына.)

Люди выбегают на улицы, вопя и не понимая, почему не было предупреждения, и ты убиваешь всякого, кто слишком глуп или слишком испуган, чтобы подойти близко.

Джиджа. Они Джиджа. Весь этот ржавый город *Джиджа*.

Однако две вещи спасли обшину, по крайней мере бóльшую ее часть. Первая — это то, что бóльшая часть домов не рухнула. Тиримо слишком беден, чтобы строить из камня, но большинство его строителей были добросовестны и получили хорошую плату, чтобы строить дома согласно технологии, рекомендуемой камнелористикой: подвесной каркас, центральная балка. Второй — линия тектонического дефекта, которую ты сейчас разрываешь силой мысли, на самом деле проходит в нескольких милях западнее. Из-за этого бóльшая часть Тиримо выживет, по крайней мере пока колодцы не пересохнут.

Из-за этого. И из-за испуганного, прерывистого крика маленького мальчика, когда его отец выбегал из бешено качающегося здания.

Ты тут же поворачиваешься на крик, привычно, ориентируясь по своему материнскому слуху. Мужчина обнимает мальчика обеими руками. У него даже нет путевого рюкзака; единственное, что он подумал сделать, — схватил своего ребенка. Мальчик совсем не похож на Уке. Но ты неотрывно смотришь, как мальчик мечется и тянется к дому, где мужчина забыл что-то важное

(любимую игрушку? мать мальчика?), и, наконец, внезапно ты *думаешь*.

А потом ты останавливаешься.

Потому что о, Земля безжалостная… Смотри, что ты наделала.

Толчки прекращаются. Воздух снова шипит, на сей раз потому, что теплый, более влажный воздух врывается в пространство вокруг тебя. Земля и твоя кожа внезапно становятся мокрыми от конденсата. Гул долины затихает, остаются только вопли и треск ломающегося дерева, да еще сирены, которые слишком поздно, одиноко завыли.

Ты закрываешь глаза, страдая, дрожа и думая. *Нет. Это я убила Уке. Тем, что была его матерью*. На твоем лице слезы — а ты думала, что не можешь плакать.

Но теперь между тобой и воротами никого нет. Привратники, кто мог, разбежались. Кроме Раска и Карры, еще несколько слишком замешкались. Ты взваливаешь рюкзак на плечо и идешь к открытым воротам, отирая лицо рукой. Ты улыбаешься, хотя это горько и больно. Ты не можешь не признать иронии случившегося. Ты не хотела ждать, пока смерть придет за тобой. Верно.

Дура. Дура. Смерть всегда была рядом. Смерть

— это ты.

* * *

Никогда не забывай, что ты такое.

Табличка первая: «О выживании», стих десятый.

4

Сиенит, огранена и отшлифована

Какое же дерьмо, думает Сиенит, скрывая мысли за щитом милой улыбки.

Однако она не позволяет своей обиде проступить на лице. Она даже не шелохнется в кресле. Ее руки — четыре пальца украшены простыми кольцами из карнеола, белого опала, золота и оникса — лежат на коленях. Шпату не видно их из-за стола. Она могла бы стиснуть их в кулаки, если бы Шпат не была так умна. Она этого не делает.

— Коралловые рифы действительно вызов, ты сама это понимаешь, — говорит Шпат. В ее руках большая деревянная чашка сафе, она улыбается поверх края. Она прекрасно знает, что прячется за улыбкой Сиенит. — Это не обычный камень. Коралл порист и гибок. Точного контроля, который требуется для его разрушения, без того чтобы вызвать цунами, трудно достичь.

Сиен способна сделать это даже во сне. Даже двухколечник может. Любая галька это может — впрочем, не без существенных побочных раз-

рушений. Она берет собственную чашку, крутит деревянное полушарие в пальцах, чтобы они не дрожали, затем отпивает глоток.

— Я ценю, что вы назначили мне ментора, старшая.

— Не ценишь. — Шпат тоже улыбается, отпивает из своей чашки сафе, край которой в этот момент окаймляется розовым. У них словно личное состязание, этикет против этикета, лучшая самодовольная улыбка получает все.

Поскольку всем понятно, о чем на самом деле идет речь. Это не сглаживает обиду, но дает Сиен некую удовлетворенность. По крайней мере ее новый «ментор» десятиколечник. Также приятно сознавать, что ее так ценят. Из этого она черпает крохи самоуважения — все, какие может.

— Он недавно завершил круг по Южному Срединью, — ласково продолжает Шпат. В теме разговора нет ничего ласкового, но Сиен ценит потуги старшей женщины. — Обычно мы даем ему больше отдыха, прежде чем снова отправить в путь, но губернатор квартента настаивает, чтобы мы разобрались с блокадой гавани Аллии как можно скорее. Эту работу сделаешь ты, он будет просто направлять. Дорога туда займет чуть больше месяца, если не будешь много отклоняться

от маршрута и ехать не спеша. Торопиться ни к чему, поскольку коралловый риф стал проблемой не вчера.

При этих словах Шпат пусть на мгновение, но показывает настоящее раздражение. Квартент-губернатор Аллии, или, возможно, Лидер Аллии, наверняка особенно надоедлив. За те годы, пока Шпат была ее назначенным старшим, Сиен никогда не видела, чтобы та выказывала что-то большее, чем кривая улыбка. Они обе знают правила: орогены Эпицентра — имперские орогены, черномундирники, те, которых не следует убивать, как бы там их ни называли люди, — должны быть всегда вежливы и профессиональны. Орогены Эпицентра должны распространять вокруг себя уверенность и компетентность всегда, когда находятся на людях. Орогены Эпицентра никогда не должны выказывать гнева, поскольку это заставляет *глухачей* нервничать. Только Шпат никогда не использовала бы такое ругательство — *глухачи,* — но потому Шпат и старшая, и ей даны полномочия инспектора, в то время как Сиенит лишь шлифует свои углы. Она должна продемонстрировать больший профессионализм, если хочет получить работу Шпат. И, видимо, придется сделать еще кое-что.

— Когда я с ним встречусь? — спрашивает Сиенит. Она отпивает сафе, чтобы ее вопрос звучал небрежно. Просто разговор старых подруг.

— Когда пожелаешь. — Шпат пожимает плечами. — Он живет в доме старших. Мы послали ему инструкцию и просьбу о присутствии на этой встрече… — Снова она кажется слегка раздосадованной. Вся ситуация должна быть для нее ужасной, просто ужасной. — …Но, возможно, он пропустил сообщение, поскольку, как я сказала, он отдыхает от объезда. Путешествовать через Ликешские горы в одиночку непросто.

— В одиночку?

— Пятиколечникам и выше больше не требуется напарник или Страж для путешествий вне Эпицентра. — Шпат отпивает из чашки, не видя потрясения Сиенит. — В этот момент мы считаемся достаточно стабильными в нашем владении орогенией, чтобы получить толику самостоятельности.

Пять колец. У нее четыре. И бредятина, что количество колец связано со степенью контроля орогении. Если у Стража есть сомнения насчет того, что ороген будет следовать правилам, то ороген не получит даже первого кольца, не то что пятого. Но…

— Значит, будем только я и он.

— Да. Нам показалось такое сочетание наиболее эффективным в данных условиях.

Конечно.

Шпат продолжает:

— Ты найдешь его в Точеном Выступе. — Это комплекс зданий, в котором живет бóльшая часть старших Эпицентра. — Главная башня, верхний этаж. Отдельных помещений для высших орогенов нет, поскольку они так редки — он единственный десятиколечник в настоящий момент, — но мы, по крайней мере, смогли выделить ему там помещение побольше.

— Спасибо, — говорит Сиен, снова вращая чашку. — Я навещу его после этого.

Шпат молчит — долго. Ее лицо становится еще более приятно-непроницаемым, чем обычно, и это предупреждение для Сиенит. Затем Шпат говорит:

— Как десятиколечник он имеет право отказаться от любой миссии, если она не чрезвычайна. Ты должна это знать.

Минутку. Пальцы Сиен прекращают вращать чашку, она быстро поднимает глаза, встречаясь со взглядом старшей женщины. Неужели Шпат говорит именно то, что хочет сказать? Быть не

может. Глаза Сиен сужаются, она больше не пытается скрыть подозрений. И все же. Шпат показала ей выход. Почему?

Шпат еле заметно улыбается.

— У меня шестеро детей.

— А.

Значит, больше ничего сказано не будет. Сиен делает еще один глоток, пытаясь не морщиться от меловой крошки на дне чашки. Сафе питательно, но это не тот напиток, которым наслаждаются. Он делается из растительного молочка, которое меняет цвет в присутствии любого загрязнителя, даже слюны. Его подают гостям на встречах, поскольку, ну, он безопасен. Жест вежливости, показывающий: *я не отравлю тебя*.

После этого Сиен прощается со Шпат и направляется к Главному административному зданию. Оно возвышается среди скопления зданий поменьше на краю широкого, полудикого пространства, называемого Кольцевым садом. Сад имеет в ширину несколько акров и широкой полосой в несколько миль охватывает Эпицентр. Он такой большой, этот Эпицентр, город в городе, помещенный в центре Юменеса, как… колодец. Сиенит продолжила бы — *как ребенок во чреве матери*, но сегодня такое сравнение выглядит

слишком гротескным.

Она по дороге кивает своим приятелям-младшим. Некоторые из них просто стоят или сидят группками и разговаривают, в то время как другие валяются на газонах или клумбах и читают, флиртуют или спят. Жизнь кольцевиков легка, не считая миссий за пределами Эпицентра, но они кратки и нечасты. Горстка галек топает по извилистым мощеным дорожкам ровной цепочкой под присмотром юниоров, добровольно вызвавшихся быть им инструкторами, но галькам пока еще не дозволено гулять в саду — это привилегия только для тех, кто прошел тест на первое кольцо и чья инициация была одобрена Стражами.

И, словно мысль о Стражах вызвала их, Сиен замечает группу фигур в винно-красной форме, стоящих возле одного из многочисленных прудов Кольца. На другой стороне пруда еще один Страж, развалившийся в гроте, окруженном розовыми кустами, вежливо делает вид, что слушает, как молодой юниор поет маленькой группе сидящих на земле слушателей. Возможно, Страж *действительно* вежливо слушает, иногда такое бывает. Иногда и им надо расслабиться. Однако Сиен замечает, что взгляд этого Стража чаще всего задерживается на одном из слушателей — ху-

деньком бледном мальчике, который, сдается, не слишком внимательно слушает певца. Вместо этого он смотрит на свои руки, сложенные на коленях. Два его пальца перебинтованы вместе и выпрямлены.

Сиен идет дальше.

Она останавливается у Кривого Щита, одного из многочисленных кластеров зданий, в которых живут сотни юниоров-орогенов. Ее соседки по комнате отсутствуют и не видят, как она уносит несколько необходимых вещей, прижимая их к груди, чему она болезненно рада. Они и так скоро узнают о ее новом назначении из слухов. Затем она снова идет вперед, в конце концов достигая Точеного Выступа. Эта башня — одно из старейших зданий комплекса Эпицентра, низкая и широкая, построенная из тяжелых блоков белого мрамора, с простыми углами, нетипичными для более цветистой, изысканной архитектуры Юменеса. Большие двустворчатые двери открываются в обширный элегантный вестибюль, чьи стены и пол украшены резными картинами из истории Санзе. Она сдерживает шаг и идет неторопливо, раскланиваясь со старшими, узнает она их или нет — в конце концов, она *хочет* получить работу Шпат, — и поднимается по широкой лестнице

постепенно, то и дело останавливаясь, чтобы оценить изящное расположение пятен света и тени, отбрасываемых узкими окошками. Она не понимает на самом деле, что такого особенного в этих пятнах, но все говорят, что это потрясающий шедевр, так что надо делать вид, что она это ценит.

На самой верхней площадке, где застилающий ее полностью плюшевый ковер расписан «елочкой» солнечного света, она останавливается, чтобы перевести дыхание и насладиться действительно ценным: тишиной. Одиночеством. В коридоре никого, даже юниоров низкого ранга, которые здесь для уборки или по поручениям. Она слышала разговоры, а теперь знает, что это правда — у десятиколечников есть целый собственный этаж.

Вот она, настоящая награда за превосходство — уединение. Она на миг закрывает глаза в мучительной тоске. Затем Сиен идет по коридору, пока не подходит к единственной двери, перед которой лежит циновка.

В этот момент она все же медлит. Она ничего не знает об этом человеке. Он достиг высочайшего ранга, который есть в их ордене, что означает, что больше никому нет дела до того, что он

делает, пока он творит все свои выкрутасы не на глазах у всех. Это человек, который не имел никакой власти бóльшую часть своей жизни и лишь недавно получил самостоятельность и привилегии, возвышающие его над остальными. Никто не понизит его в ранге за такие пустяки, как извращение или оскорбление. Если его жертва — другой ороген.

К чему эти мысли? У *нее* нет выбора. Сиен вздыхает и стучит в дверь.

И поскольку она ожидает не *личности*, а *испытания, которое надо вынести*, она действительно удивлена, когда раздраженный голос изнутри резко спрашивает:

– *Что там*?

Она все еще не знает, как ответить, когда слышит внутри шаги по камню — резкие, даже по звуку раздраженные — и дверь распахивается. Мужчина, стоящий на пороге и зло смотрящий на нее, одет в мятый балахон, волосы с одной стороны прилипли к лицу, на щеке отпечаталась хаотичная карта складок. Он моложе, чем она ожидала. Не *молод* — почти вдвое старше ее, как минимум сорока лет. Но она бы подумала… ладно. Она встречала так много шести- и семиколечников за шестьдесят и семьдесят лет, что ожидала,

что десятиколечник будет совсем старцем. И более спокойным, величавым, более сдержанным. Каким-то таким. А этот даже не носит колец, хотя она видит слабые бледные полоски на его пальцах, пока он сердито жестикулирует.

— Что надо ради пульса Земли?

Когда Сиен молчит, просто глядя на него во все глаза, он переходит на другой язык — такого она никогда не слышала, но он смутно напоминает говор Побережья и явно злой. Затем он проводит пятерней по волосам, и Сиен чуть ли не смеется. У него плотные волосы с тугими кудряшками, из тех, которые надо определенным образом стричь, чтобы выглядеть стильно, а так он только еще сильнее их лохматит.

— Я же говорил Шпат. — Он возвращается к совершенно беглому санзийскому, явно пытаясь взять себя в руки. — И всем этим занудным, въедливым курицам из совета старших *отстать от меня*! Я только что с объезда, за последний год у меня было всего два часа, когда я мог побыть сам с собой, а не с конем или чужаком, и если ты приперлась передать мне очередной приказ, я тебя на месте заморожу!

Она совершенно уверена, что это только фигура речи. Такую фигуру речи она использовать не

должна — орогены Эпицентра не шутят насчет определенных вещей. Это одно из неписаных правил… но, возможно, десятиколечнику закон не писан.

— Не то чтобы приказ, — с трудом выдавливает она, и его лицо кривится.

— Тогда вообще ничего не желаю слышать. *Ржавей отсюда.*

И он начинает закрывать дверь у нее перед носом.

Поначалу она не может поверить. Что же за… Правда? Унижение на унижении. И так плохо получить такое в самом начале, но нахвататься оскорблений в процессе?

Она всовывает ногу в дверь прежде, чем он успевает ее захлопнуть, подается вперед и говорит:

— Я Сиенит.

По его теперь уже бешеному взгляду она понимает, что это для него ничего не значит. Он набирает в грудь воздуха, чтобы заорать, она понятия не имеет, что именно, но она не желает этого слышать, и прежде чем он успевает что-то сказать, она рявкает:

— Я здесь, чтобы *трахнуться* с тобой, гори Земля огнем! Этого достаточно, чтобы потревожить

твой покой?

Часть ее в ужасе от собственной лексики и собственного гнева. Другая часть довольна, поскольку он затыкается.

Он впускает ее.

Теперь она ощущает неловкость.

Она сидит за маленьким столиком в его номере — *номере*, целом номере с обставленными мебелью комнатами в *личном распоряжении*! — и смотрит, как он суетится. Он садится на одну из кушеток в комнате — скорее на краешек. На *дальний* краешек, замечает она, словно боится сидеть слишком близко к ней.

— Не думал, что это начнется так скоро, — говорит он, глядя на свои руки со сплетенными пальцами. — То есть мне всегда говорили, что очень надо, но сейчас… я не думал…

Он вздыхает.

— Значит, для вас это не в первый раз, — говорит Сиенит. Он заслужил право на отказ только с десятым кольцом.

— Нет-нет, но… — Он глубоко вздыхает. — Я не всегда знал.

— Чего?

Он кривится.

— С первыми несколькими женщинами… Я

думал, я им *нравился*.

— Вы… — И тут до нее доходит. Конечно, отказаться можно всегда, даже Шпат никогда не говорила напрямую: «*Ты должна в течение года родить ребенка от этого человека*». Однако этот недостаток откровенности даже как-то облегчает. Она никогда не видела смысла в том, чтобы считать ситуацию не такой, какая она есть. Но она понимает, что для него это не игра.

Он смотрит на нее, и выражение его лица становится болезненным.

— Да. Я понимаю.

Она качает головой.

— Я вижу. — Это не имеет значения. Это не касается его интеллекта. Она встает и расстегивает пояс формы.

Он испуганно смотрит на нее.

— Прямо так? Я даже не знаю тебя.

— Вам и не надо.

— Ты мне не *нравишься*.

Это чувство обоюдно, но Сиен воздерживается от указания очевидного.

— Моя менструация закончилась неделю назад. Это хорошее время. Если вы не против, просто лежите спокойно и позвольте мне заняться остальным. — Она не слишком опытна, но это не

тектонические плиты двигать. Она снимает жакет. Затем достает из кармана и показывает ему флакон со смазкой, все еще почти полный. У него слегка испуганный вид. — На самом деле будет, видимо, лучше, если вы не будете двигаться. Это будет достаточно неловко для нас обоих.

Он тоже встает — пятится. Возбуждение на его лице — ну, не совсем чтобы смешное. Но Сиенит от этой реакции невольно ощущает некое облегчение. Нет, не совсем так. Это он сейчас слабая сторона, несмотря на все его десять колец. Это она понесет дитя, которого он не хочет, которое может убить ее, и даже если не убьет, изменит ее тело, а то и жизнь, навсегда — но здесь и сейчас, по крайней мере, власть у нее. От этого все становится… ну, не то чтобы правильным. Но каким-то образом это улучшает ситуацию, когда она сама ее контролирует.

— Мы не обязаны, — выпаливает он. — Я могу отказаться. — Он кривится. — Понимаю, ты не можешь, но я могу. Так что…

— Не отказывайтесь, — ухмыляется она.

— Что? Почему нет?

— Вы сказали: я должна это сделать. Вы не должны. Если не вы, то кто-то другой. — Шесть детей, сказала Шпат. Но Шпат никогда не была

особо перспективным орогеном. А Сиенит перспективна.

Если Сиенит не будет осмотрительна, если пошлет подальше не тех людей, если позволит отметить себя как *трудную*, с ее карьерой будет покончено, она будет навечно приписана к Эпицентру, и ей останется только лежать на спине и превращать мужское уханье и пердеж в детей. И если дело повернется таким боком, то ей еще повезет, если у нее будет только шесть детей.

Он смотрит, словно не понимает, хотя она и знает, что он все понял. Она говорит:

— Я хочу покончить с этим.

И тут он удивляет ее. Она ожидает заминок, сопротивления. Вместо того он стискивает кулаки. Отводит взгляд, играя желваками. Он по-прежнему выглядит нелепо в своем балахоне и прической наперекосяк, но выражение его лица… это как будто ему приказали подвергнуть себя пытке. Она знает, что некрасива, по крайней мере не подходит под стандарты красоты Экваториалей. В ней слишком много срединной дворняжьей примеси. Но и он явно не чистой крови: эти волосы, кожа черная почти до синевы, и еще он невысок. Он вровень с ней, а она высока как для мужчины, так и для женщины — но он

гибок, не широк и не пугающ. Если в его предках и была кровь санзе, то очень дальняя, и она не дала ему никакого физического превосходства.

— Покончить, — говорит он. — Верно.

Он так стискивает зубы, что желваки на его скулах подпрыгивают вверх-вниз. И вот. Он не смотрит на нее, и ее внезапно охватывает радость. Поскольку его лицо — *сама ненависть*. Она прежде видела такое у других орогенов — ржавь, она сама такое ощущала, когда ей выпадал момент одиночества и нескованной честности. Но она никогда не позволяла этому вот так *проявляться*. Затем он поднимает на нее взгляд, и она пытается не дрогнуть.

— Ты не здесь родилась, — на сей раз холодно говорит он. Она запоздало понимает, что это вопрос.

— Нет. — Ей не нравится отвечать последней. — А вы?

— О да. Я был выведен орденом. — Он улыбается, и странно видеть, как улыбка ложится поверх этой ненависти. — И не впопыхах, как наш возможный ребенок. Я продукт двух старейших и самых перспективных линий Эпицентра. Или, по крайней мере, мне так рассказывали. — Он засовывает руки в карманы своего мятого бала-

хона. — А ты дичок.

Это появляется из ниоткуда. Сиен действительно пару секунд думает, что это какой-то новый вариант слова «ронга», а затем понимает, что это на самом деле значит. Нет, это уже слишком.

— Слушайте, мне плевать, сколько у вас колец…

— Я хотел сказать, *они* так тебя называют. — Он снова улыбается, и его горечь настолько созвучна ее собственной, что она в смятении замолкает. — Если ты не знала. Дички — те, кто не отсюда, — часто этого не знают или им все равно. Но когда ороген рождается у родителей неорогенов, в семье, которая прежде никогда не проявляла признаков проклятия, его называют так. Дичок для прививки моей окультуренной породы. Случайность в моем плане. — Он мотает головой, отчего его голос дрожит. — Главное, что они не могут *предсказать* тебя. Ты доказательство того, что они никогда не поймут орогении. Это не наука, это что-то иное. И они никогда не смогут контролировать нас, на самом-то деле. Полностью — никогда.

Сиен не знает, что и сказать. Она ничего не знала о дичках, о том, что она в чем-то иная — хотя теперь, когда она об этом думает, то вспоминает,

что большинство знакомых ей орогенов были выведены в Эпицентре. И да, она замечала, как они на нее поглядывают. Она-то думала, это потому, что они экваториалы, а она северосрединница или потому, что она получила свое первое кольцо раньше них. А теперь, когда он это сказал… быть дичком — это что-то дурное?

Иначе и быть не может. Если проблема в том, что дички непредсказуемы… что же, орогены обязаны доказывать, что являются надежными. Эпицентр должен поддерживать свою репутацию, без этого нельзя. Потому обучение, униформа, бесконечные правила, которым они обязаны следовать, но ведь и селекция входит во все это, иначе зачем она здесь?

Есть что-то лестное в том, что, несмотря на ее статус дичка, от нее действительно хотят ввести что-то в их селекционные линии. Затем ей становится любопытно, почему какая-то часть ее пытается найти ценность в деградации.

Она настолько задумывается, что пугается, когда он с усталым вздохом сдается.

— Ты права, — только и говорит он, теперь очень по-деловому, поскольку да — это единственный путь с этим покончить. И это деловое поведение позволит им сохранить хотя бы какое-

то подобие достоинства. — Прости. Ты… ох, ржавь земная. Да. Давай покончим с этим.

И они идут в спальню, он раздевается и ложится, какое-то время пытается сам себя завести, но получается не очень. В этом проблема секса со старшим, думает Сиен. Хотя на самом деле, вероятно, здесь скорее играет роль тот факт, что секс, как правило, не получается, когда ты его не слишком хочешь. Она с непроницаемым лицом садится рядом и отводит его руки. У него растерянный вид, и она ругается про себя, поскольку, если он так не уверен в себе, это затянется на целый день.

Однако он приходит в себя, как только за дело берется она. Возможно, потому, что он может закрыть глаза и представить, что ее руки принадлежат той, кого он хочет. Она стискивает зубы и садится сверху, и скачет, пока у нее не начинают ныть бедра, а груди болеть от скачки. Смазка мало помогает. Ощущение от него внутри, как от фаллоимитатора или собственных пальцев. Однако его фантазий, видимо, достаточно, поскольку через какое-то время он издает какой-то сдавленный хнычущий стон, и все кончается.

Она надевает ботинки, когда он вздыхает, садится и смотрит на нее настолько неприветливо,

что она испытывает смутный стыд от того, что сделала с ним.

— Как, ты сказала, тебя зовут? — спрашивает он.

— Сиенит.

— Тебя так родители назвали? — Когда она отвечает ему злым взглядом, его губы вздрагивают даже не в улыбке. — Прости. Просто завидую.

— Завидуете?

— Я же рожден в Эпицентре, забыла? У меня всегда было только одно имя.

— О.

Он мнется. Похоже, ему трудно сказать.

— Ты… м-м-м… зови меня…

Она перебивает его, поскольку уже знает его имя и не намерена называть его кроме как *вы*, чего достаточно, чтобы отличать его от лошадей.

— Шпат сказала, что завтра мы едем в Аллию. — Она надевает второй ботинок и встает, чтобы постучать им по полу и надеть как следует.

— Опять миссия? Так сразу? — Он вздыхает. — Мне следовало знать.

Да, следовало.

— Вы мой ментор, и вы мне помогаете убрать коралл из гавани.

— Верно. — Он тоже понимает, что это лажа,

а не миссия. Есть лишь одна причина, почему его послали на что-то такое. — Мне вчера дали инструктаж и досье. Наконец-то прочту. Встречаемся на конюшнях в полдень?

— Вы десятиколечник.

Он трет лицо руками. Она ощущает себя немножко виноватой, но совсем чуть-чуть.

— Хорошо. — Он снова говорит деловым тоном. — В полдень.

Она уходит, разбитая и раздраженная тем, что на ней остался его слабый запах, и усталая. Возможно, ее просто вымотал стресс — мысль о том, что придется ехать целый месяц с человеком, которого терпеть не можешь, делать то, чего не хочешь, по поручению людей, которых все больше презираешь.

Но это и означает *цивилизованность* — делать все, что приказывают старшие, ради якобы всеобщего блага. И, похоже, не без выгоды — где-то с год неудобств, ребенок, которого она не будет растить, поскольку его сразу же заберут в ясли, и высокопрофильная миссия, выполненная под руководством влиятельного ментора. С таким опытом и повышением репутации она будет гораздо ближе к пятому кольцу. А это означает собственные апартаменты, никаких соседок по

спальне. Лучшие миссии, долгий отпуск, больше личной жизни. Оно того стоит. *Пламя земное*, да, оно того стоит.

Она говорит себе это всю дорогу до комнаты. Там она собирает вещи, прибирается, чтобы вернуться домой к порядку и чистоте, и принимает душ, методично отскребая все участки кожи, пока она не начинает гореть.

* * *

Говорите им, что однажды они станут великими, как мы. Говорите, что они наши, как бы мы с ними ни обращались. Говорите, что они должны заслужить уважение, которое все другие имеют с рождения. Говорите, что есть стандарт, который им это даст: этот стандарт – обычное совершенство. Убивайте тех, кто насмехается над этим противоречием, и говорите остальным, что мертвые заслужили уничтожение из-за своей слабости и сомнений.

И тогда они в лепешку разобьются, чтобы достичь того, чего никогда не достигнут.

Эррслет, двадцать третий император Санзийского Экваториального Объединения, в тринадцатый год Зимы Зубов
Изречение записано на вечеринке, незадолго до основания Эпицентра.

5

Ты не одна

Наступила ночь, и ты сидишь с подветренной стороны холма в темноте.

Ты так устала. Убийство стольких людей отняло у тебя слишком много сил. Еще хуже то, что ты сделала далеко не столько, сколько могла бы, как только возбудилась. Орогения — странное уравнение. Забираешь движение, теплоту и жизнь из окружающего, усиливаешь путем какого-то необъяснимого процесса сосредоточения, или катализа, или полупредсказуемого шанса, выталкиваешь движение, тепло и жизнь из земли. Сила туда, сила обратно. Однако удержание силы, чтобы *не* превратить водопровод долины в гейзер или землю в обломки, требует усилия, от которого у тебя ноют зубы и болит за глазами. Ты долгое время идешь, чтобы выжечь то, что ты вобрала в себя, но оно все равно горит у тебя под кожей, даже когда твое тело устает и стопы начинают ныть. Ты оружие, предназначенное двигать горы. Простая прогулка не может выветрить этого из тебя.

Но ты все равно идешь, пока не сгущается тьма, потом проходишь еще немного, и вот ты сидишь, скорчившись, одна, на краю старого заброшенного поля. Ты боишься развести костер, хотя холодает. Без огня ты мало что увидишь, но никто не увидит и тебя — одинокую женщину с набитым рюкзаком и единственным ножом для самозащиты. (Ты не беззащитна, но нападающий не поймет этого, пока не станет слишком поздно, да и не хочешь ты никого больше убивать сегодня.) Издали ты видишь темную арку высокой дороги, поднимающуюся над полями, словно издевка. Высокие дороги обычно освещаются электрическими фонарями благодаря Санзе, но тебя не удивляет, что здесь темно — даже если бы не пришло землетрясение с севера, протокол Зимы требует, чтобы все не жизненно важные гидро- и геостанции были отключены. Ты все равно неплохо видишь, несмотря на отсутствие костра или фонарей. Рваные полосы облаков, похожие на вскопанные мотыгой ряды земли в твоем огороде, покрывают небосвод. Их хорошо видно, поскольку на севере что-то подсвечивает облака полосами алого пламени и расписывает тенями. Когда ты смотришь туда, ты видишь на северном горизонте неровную черту гор и

отблеск далекого голубовато-серого обелиска, где его нижнее острие проглядывает сквозь облака, но это ничего тебе не говорит. Поблизости выпархивает на охоту что-то вроде колонии нетопырей. Поздновато для них, но, как гласит предание камня, *во время Зимы все меняется*. Все живое делает то, что должно, чтобы подготовиться и выжить.

Источник сияния находится за горами, словно солнце пошло не тем путем и застряло там. Ты знаешь, что вызвало это свечение. Наверняка это потрясающее зрелище — так близко видеть огромный страшный разлом, блюющий огнем в небо, только тебе совсем не *хочется* этого видеть.

Да ты и не увидишь, поскольку идешь на юг. Даже если Джиджа поначалу пошел не в этом направлении, вскоре он свернет на юг после прохода волны с севера. Это единственное разумное решение.

Конечно, человека, забившего насмерть собственного сына, вряд ли можно назвать *разумным*. А женщина, которая нашла этого ребенка и прекратила думать на три дня… хм-м-м, и тебя тоже нельзя. Однако ничего не остается, кроме как следовать за своим безумием.

Ты съедаешь что-то из своего рюкзака — ясель-

ный хлеб с соленой пастой из акабы, банку которой ты засунула сюда в прошлой жизни, целую семью назад. Акаба долго не портится, если открыть банку, но не вечно, так что придется есть ее следующие несколько перекусов, пока не закончится. Это хорошо, поскольку она тебе нравится. Ты пьешь из фляги, которую заполнила водой несколько миль назад из водокачки в дорожном доме. Там было много людей, несколько десятков, некоторые встали лагерем возле дорожного дома, а некоторые остановились только на короткое время. У всех было выражение лица, которое ты опознала как медленно нарастающую панику. Поскольку все в конце концов начали осознавать, что значит этот толчок и красное зарево, и затянутое облаками небо, и что в такое время остаться за воротами общины в конечном счете означает смертный приговор для всех, кроме горстки тех, кто окажется достаточно жестоким или порочным, чтобы делать то, что должен. Но даже и у них всего лишь шанс на выживание.

Никто из людей в дорожном доме не желал верить тому, что вращалось у них в голове, как ты поняла, оглядевшись и оценив лица, глаза, одежду и угрозу. Никто из них не казался фетишистом выживания или потенциальным вожаком. Ты

видела там только обычных людей, некоторые еще были в пыли после того, как выбрались из оползня или обрушившихся домов, у некоторых еще кровоточили наспех перевязанные раны, а то и вообще неперевязанные. Путники, застигнутые катастрофой далеко от дома, уцелевшие, дома которых не уцелели. Ты видишь старика в пижаме, разорванной и испачканной с одного бока, сидящего рядом с юношей, одетым лишь в длинную рубаху и всего в кровоподтеках, у обоих пустые от горя глаза. Ты видишь двух женщин, обнимающих друг друга и раскачивающихся в такт, в попытке утешиться. Ты видишь мужчину, своего ровесника, с виду Стойкость, который неотрывно смотрит на свои большие руки с толстыми пальцами, вероятно, раздумывая, достаточно ли он здоров и молод, чтобы найти себе место где-нибудь.

Это то, к чему вас готовили наставники камнелористики, каким бы трагичным оно ни было. Но в Предании камня не было ничего об отцах, убивающих детей.

Ты опираешься спиной на старый столб, который кто-то вбил в холм. Возможно, остатки изгороди, которая здесь кончалась. Сидишь в задумчивости, сунув руки в карманы и подогнув

колени. А затем медленно ты начинаешь осознавать: что что-то изменилось. Не было никакого звука, чтобы встревожить тебя, только ветер, и покалывание, и шорох травы. Никакой запах не подмешивается к тому сернистому, к которому ты уже привыкла. Но что-то есть. Что-то еще. Рядом.

Кто-то.

Ты резко открываешь глаза, и часть твоего сознания проваливается в землю, готовая убивать. Остальная часть застывает, поскольку в футе от тебя, скрестив ноги, сидит на траве и смотрит на тебя маленький мальчик.

Ты не сразу понимаешь, что он такое. Темно. *Он* темен. Ты думаешь, что он может быть из восточных береговых общин. Но его волосы чуть шевелятся, когда снова вздыхает ветер, и ты понимаешь, что они прямые, как трава вокруг. С западного побережья, значит? Остальные волосы словно… покрыты помадой для волос или чем еще. Нет. Ты мать. Это грязь. Он весь покрыт грязью.

Больше Уке, не такой большой, как Нэссун, стало быть, лет шесть-семь. Ты даже не уверена, что это мальчик, — подтверждение будет позже. Сейчас ты решаешь инстинктивно. Он сидит сгорбившись, что было бы странно для взрослого,

но совершенно нормально для ребенка, которому не велели сидеть прямо. Он смотрит на тебя. Ты видишь бледный блеск его глаз.

— Привет, — говорит он. Детский голос, высокий и звонкий. Верный шаг.

— Привет, — в конце концов отвечаешь ты. Много страшилок начинаются с этого, о бандах одичалых неприкаянных детей-людоедов. Но для такого рановато, Зима только началась.

— Откуда ты?

Он пожимает плечами. Не то не знает, не то все равно.

— Как тебя зовут? Я Хоа.

Странное короткое имя. Но мир — большое странное место. Более странно, что он называет только имя. Он достаточно мал, чтобы не иметь общинного имени, но он должен был унаследовать отцовскую функционал-касту.

— Только Хоа?

— М-м-м-м-м. — Он кивает, поворачивается и кладет на землю какой-то сверток, поглаживая его, словно чтобы удостовериться, что он в безопасности. — Мне можно спать здесь?

Ты оглядываешься вокруг, сэссишь вокруг, слушаешь. Ничего не движется, кроме травы, никого вокруг, кроме мальчика. Это не объясняет, как он

совершенно неслышно подобрался к тебе — но он маленький, а ты по своему опыту знаешь, что маленькие дети могут быть очень незаметны, когда хотят. Правда, обычно это означает, что они что-то замыслили.

— С тобой есть еще кто-нибудь, Хоа?

— Никого.

Слишком темно, чтобы он увидел, как сузились твои глаза, но он реагирует, подавшись вперед.

— Правда! Здесь только я. Я видел других людей на дороге, но они мне не понравились. Я прятался от них. — Пауза. — А ты мне понравилась.

Мило.

Вздохнув, ты засовываешь руки в карманы и выходишь из земной готовности. Мальчик чуть расслабляется — ты это замечаешь — и начинает укладываться на голой земле.

— Подожди, — говоришь ты и лезешь в рюкзак. Бросаешь ему спальный мешок. Он ловит его и несколько мгновений в растерянности на него смотрит. Затем понимает. Радостно раскатывает его и сворачивается поверх, как котенок. Ты не поправляешь его.

Может, он врет. Может, он угроза. Утром ты расстанешься с ним, поскольку тебе не нужно, чтобы за тобой тащился ребенок. Он замедлит твое про-

движение. Найдется кому за ним присмотреть. Какой-нибудь матери, не потерявшей ребенка.

Но сегодня ты можешь заставить себя побыть некоторое время человечной. Ты снова приваливаешься спиной к столбу и закрываешь глаза, чтобы поспать.

Поутру начинает падать пепел.

* * *

Есть загадочная вещь, понимаешь ли, алхимическая. Как орогения, если бы орогения могла манипулировать бесконечно малой структурой материи, а не двигать горы. Очевидно, они имеют какое-то родство с людьми, которое они предпочитают выражать статуеподобным обличьем, которое мы так часто видим, но из этого следует, что они могут принимать и другие обличья. Этого мы никогда не узнаем.

Умбл Инноватор Аллия «Трактат о разумных нелюдях», Шестой университет,
2323 год Империи/2-й год Кислотной Зимы.

6

Дамайя, жесткая обдирка

Первые несколько дней дороги с Шаффой прошли без приключений. Скучно не было. Были скучные моменты, когда имперский тракт, вдоль которого они ехали, шел по бесконечным полям кирги или самишета или когда поля сменялись мрачным лесом, таким тихим и так близко подступающим, что Дамайя едва осмеливается говорить, чтобы не рассердить деревья. (В сказках деревья всегда сердитые.) Но даже это ново, поскольку Дамайя никогда не покидала границ Палелы, даже в Бревард с отцом и Чагой в базарный день не выезжала. Она пытается не казаться полной деревенщиной и не пялиться, разинув рот, на каждую странную вещь, которую они проезжают, но порой ничего не может с собой сделать, даже если чувствует, что Шаффа хихикает у нее за спиной. Она не может заставить себя думать, что он смеется над ней.

Бревард тесный, узкий и высокий, она ничего такого прежде не видела, потому съеживается в седле, когда они туда въезжают, смотрит на нави-

сающие с обеих сторон улицы дома и удивляется, как они не падают на прохожих. Кажется, что больше никто не замечает, что эти дома неуклюже высоки и так плотно набиты рядом друг с другом, что это наверняка сделано нарочно. Вокруг каждого толкутся десятки людей, хотя солнце уже село и, как она знает, все должны готовиться ко сну.

Только никто не шел спать. Они проезжают один дом, такой яркий от масляных светильников и такой гремящий от смеха, что ею овладевает нестерпимое любопытство, и она спрашивает, что это за место.

— Что-то вроде гостиницы, — отвечает Шаффа, затем хмыкает. Будто она задала вопрос, который был у него на уме. — Но мы тут не остановимся.

— Тут действительно шумно, — соглашается она, стараясь казаться сообразительной.

— Хм-м, да, и это тоже. Но гораздо бóльшая проблема в том, что это не место для детей. — Она ждет, но он не объясняет. — Мы поедем туда, где я уже несколько раз останавливался. Там приличная еда, чистые постели, и наши пожитки, скорее всего, не стянут до утра.

Итак, Дамайя проводит свою первую ночь в гостинице. Она ошеломлена: есть в комнате,

полной чужих людей, еду, которая по вкусу отличается от той, что готовили родители или Чага, купаться в большой керамической ванне, под которой горит огонь, а не в промасленной бочке на кухне, наполовину налитой холодной водой, спать в кровати, которая больше, чем ее и Чаги, вместе взятые. Кровать Шаффы еще больше — так и должно быть, потому что он большой, но она все равно таращится на нее с открытым ртом, пока он волочит ее, чтобы подпереть дверь комнаты. (Это хотя бы привычно — отец порой тоже так поступал, когда появлялись слухи о неприкаянных на дороге или в окрестностях города.) Наверное, он заплатил сверх положенного за более широкую постель.

— Я сплю, как землетрясение, — говорит он улыбаясь, словно это какая-то шутка. — Если кровать слишком узкая, я скатываюсь на пол.

Она понятия не имеет, о чем он, пока не просыпается среди ночи и не слышит стонов Шаффы и не видит, как он мечется во сне. Какой-то ужасный кошмар снится ему, и она даже думает, не встать ли и не разбудить ли его. Она ненавидит кошмары. Но Шаффа взрослый, а взрослым надо спать — так всегда говорил ее отец, когда они с Чагой делали что-то такое, что будило его. Отец

тогда бывал еще и очень зол, а она не хочет, чтобы Шаффа злился на нее. Он единственный во всем мире, кому она небезразлична. Потому она лежит, встревоженная, не зная, что делать, пока он не кричит что-то непонятное и кажется, будто он умирает.

— Ты спишь? — Она говорит это совсем тихо, потому что он явно спит, но как только она заговаривает, он просыпается.

— Что там? — хрипло говорит он.

— Ты… — Она не знает толком, что сказать. *У тебя были кошмары* — так сказала бы ей мать. Но говорят ли такое большим сильным взрослым вроде Шаффы? — Ты шумел, — заканчивает она.

— Храпел? — Он глубоко, устало вздыхает в темноте. — Извини. — Затем он засыпает и бóльшую часть ночи не издает ни звука.

Утром Дамайя забывает о том, что случилось, по крайней мере на некоторое время. Они встают и едят еду, оставленную у их дверей в корзинке, а остальное забирают с собой, снова отправляясь по дороге в Юменес. В рассветный час Бревард кажется не таким пугающим и чужим, возможно, потому, что она видит кучки конского навоза в сточных канавах, и мальчишек с удочками, и грузчиков, которые, позевывая, ворочают ящики

и тюки. Молодые женщины везут на тележках ведра с водой в местную баню для нагрева, а молодые мужчины, раздетые до пояса, калят масло и бросают в него рис под навесами за большими зданиями. Все это знакомо, и все помогает воспринимать Бревард как увеличенную версию маленького городка. Люди здесь не отличаются от Ба или Чаги, а для местных Бревард, наверное, такой же знакомый и скучный, как для нее Палела.

Они едут полдня и останавливаются отдохнуть, потом едут до конца дня, пока Бревард не остается позади, а вокруг на много миль не остается ничего, кроме каменистой, изуродованной, рваной земли. Где-то поблизости находится активный разлом, говорит Шаффа, который десятилетиями извергает новую землю, потому в таких местах земля такая *вздыбленная* и голая.

— Этих скал десять лет назад не было, — говорит он, показывая на огромное нагромождение серо-зеленых камней, которые кажутся острыми и почему-то сырыми. — Но потом случилось землетрясение — девять баллов. Или так я слышал — я был на объезде в другом квартенте. Но глядя на них, я могу поверить.

Дамайя кивает. Старик Отец-Земля здесь действительно ощущается ближе, чем в Палеле

— нет, не *ближе*, это не то слово, но она не знает, какое слово тут будет лучше. Легче прикоснуться, возможно, если бы ей пришлось это делать. И… вся земля вокруг них ощущается… какой-то хрупкой. Как яичная скорлупа с едва заметными трещинами, которые все равно сулят неминуемую смерть цыпленку.

Шаффа чуть трогает ее ногой.

— Не делай этого.

Дамайя, испугавшись, и не думает лгать.

— Я ничего не делаю!

— Ты слушала землю. Это не ничего.

Откуда Шаффе знать? Она чуть сутулится в седле, думая, не извиниться ли ей. Она кладет руки на луку седла, не зная, куда их девать, что неуютно, поскольку седло такое большое, как все, что принадлежит Шаффе. (Кроме нее.) Но ей надо *чем-то* отвлечься, чтобы не начать слушать снова. Через мгновение Шаффа вздыхает.

— Вряд ли мне следовало чего-то ожидать, — говорит он, и разочарование в его голосе мгновенно пугает ее. — Это не твоя вина. Без обучения ты как… сухой трут, и только что мы проехали мимо ревущего огня, разбрасывающего искры. — Он вроде бы задумывается. — Хочешь, расскажу одну историю?

История — это замечательно. Она кивает, пытаясь скрыть заинтересованность.

— Хорошо, — говорит Шаффа. — Ты слышала о Шемшене?

— О ком?

Он качает головой.

— Лава земная, эти срединные общины! Вас там вообще в школе чему-то учат? Полагаю, только преданию да счету, да и тому лишь, чтобы понять, когда сажать, да?

— На другое времени нет, — говорит Дамайя, ощущая странное стремление защитить Палелу. — Может, в экваториальных общинах детям и не приходится помогать взрослым с урожаем…

— Знаю, знаю. Но все равно позор. — Он поудобнее устраивается в седле. — Ладно, я не камнелорист, но я расскажу тебе о Шемшене. Давным-давно, во время Зимы Зубов, это… хм-м-м… третья Зима после основания Санзе, где-то двенадцать сотен лет назад, некий ороген по имени Мисалем решил убить императора. Это было еще в те времена, когда император, представь себе, что-то делал, задолго до основания Эпицентра. У большинства орогенов не было в те дни должной подготовки, они, как и ты, действовали под влиянием эмоций и инстинктов и в редких случаях

переживали детский возраст. Мисалем как-то умудрился не просто выжить, а еще и самостоятельно обучиться. У него был превосходный контроль, возможно, как у четырех- или пятиколечников…

— Как?

Он снова толкает ее ногой.

— Это ранги, которые используются в Эпицентре. Не перебивай.

Дамайя краснеет и подчиняется.

— Превосходный контроль, — продолжает Шаффа, — который Мисалем незамедлительно использовал для уничтожения всего живого в нескольких малых и больших городах, и даже в нескольких поселениях неприкаянных. Всего несколько тысяч человек.

Дамайя беззвучно ахает от ужаса. Ей никогда не приходило в голову, что рогги — она спохватывается. Она. Она сама *рогга*. Ей тут же становится противным это слово, которое она слышала почти всю жизнь. Это плохое слово, которое она не должна была произносить, хотя взрослые бросаются им направо и налево, но внезапно оно становится куда омерзительнее, чем было.

Значит, орогены. Ужасно знать, что орогены могут запросто убить стольких людей. За это,

догадывается она, их люди и ненавидят.

Ее. За это люди ненавидят *ее*.

— Зачем он это сделал? — спрашивает она, забывая, что не должна перебивать.

— Действительно, зачем? Наверное, потому, что был немного безумен. — Шаффа наклоняется так, чтобы она могла видеть его лицо, сводит к носу глаза и двигает бровями. Это так неожиданно смешно, что Дамайя прыскает, и Шаффа заговорщически улыбается ей. — Или Мисалем был просто злым. Как бы то ни было, он пошел к Юменесу, послав весть, что уничтожит весь город, если люди не отправят к нему навстречу императора, которого он убьет. Люди были в печали, когда император заявил, что согласен на условия Мисалема, но и вздохнули облегченно — а что еще им было делать? Они не знали, как сражаться с орогеном такой силы. — Он вздыхает. — Но император пришел не один — с ним была женщина. Его телохранительница, Шемшена.

Дамайя тихонько пищит от восторга.

— Наверное, она была действительно лучшая, раз стала телохранительницей императора!

— О, да, она была прославленным бойцом лучшей крови санзе. Более того, она была из функционал-касты Инноваторов, потому изучала

орогенов и знала кое-что о том, как работает их сила. Перед прибытием Мисалема она велела всем жителям Юменеса покинуть город. С собой они забрали весь скот и весь урожай. Они даже вырубили и сожгли все деревья и кустарники, сожгли дома, а затем залили огонь, чтобы остались только мокрые угли. Понимаешь ли, такова природа твоей силы — кинетическая передача, сэсунальный катализ. Одной волей горы не сдвинешь.

— Что такое…

— Нет-нет. — Шаффа ласково перебивает ее. — Я многому должен тебя научить, малышка, но вот этому тебя будут учить в Эпицентре. Позволь мне закончить.

Дамайя неохотно подчиняется.

— Скажу так. Часть силы, необходимой тебе, когда ты научишься владеть собой как подобает, берется изнутри тебя. — Шаффа касается ее затылка, как тогда, в амбаре, двумя пальцами прямо над линией роста ее волос, и она чуть подпрыгивает, поскольку при этом словно проскакивает искра, как при электрическом разряде. — Бóльшая часть, однако, должна браться откуда-то извне. Если земля уже движется или если есть огонь, выходящий на поверхность или

близко к ней, ты можешь использовать эту силу. Ты *предназначена* для использования этой силы. Когда Отец-Земля шевелится, он выпускает столько дикой силы, что, если взять ее, это не повредит ни тебе, ни кому-то еще.

— И воздух не становится холодным? — Дамайя изо всех сил старается быть вежливой, сдержать свое любопытство, но история такая увлекательная! И мысль использовать орогению безопасно, чтобы не причинять вреда, так заманчива! — И никто не умирает?

Она чувствует, как он кивает.

— Когда ты используешь силу земли — нет. Но, конечно, Отец-Земля не шевелится по чужому хотению. Когда поблизости нет земной силы, ороген может все же заставить землю шевелиться, но только если возьмет необходимое тепло, силу и движение из окружающих его предметов. Из всего, что движется или источает тепло — походные костры, вода, воздух, даже камни. И, конечно, из живых существ. Шемшена не могла убрать воздух или камни, но могла — и убрала — все остальное. Когда они с императором встретились с Мисалемом у обсидиановых врат Юменеса, они были единственными живыми существами в городе, а от города остались одни стены.

Дамайя восторженно втягивает воздух, пытаясь представить Палелу пустой, без единого кустика или козленка, но это было свыше ее сил.

— И все просто… ушли? Потому, что она сказала?

— Ну, вообще-то император приказал, но да. Юменес в те дни был куда меньше, но все равно это было большое дело. Но либо так, либо позволить чудовищу взять всех в заложники. — Шаффа пожимает плечами. — Мисалем утверждал, что не хочет сам стать императором, но кто бы в это поверил? Человек, который угрожает городу, чтобы получить то, что хочет, ни перед чем не остановится.

Это имело смысл.

— А он не знал, что сделала Шемшена, прежде чем добрался до Юменеса?

— Нет. Все было сожжено до его прибытия, люди ушли в другом направлении. Так что, когда Мисалем встретился с императором и Шемшеной, он потянулся за силой, чтобы уничтожить город, — и почти ничего не нашел. Нет силы — город не уничтожить. И пока Мисалем барахтался, пытаясь вытянуть то немногое тепло, что было в воздухе и земле, Шемшена вонзила стеклянный кинжал в торус его силы. Это не убило его,

но отвлекло достаточно, чтобы разрушить его орогению, а с остальным Шемшена разделалась своим вторым кинжалом. Так было покончено с величайшей угрозой Древней империи Санзе — вернее, *Экваториального объединения Санзе*.

Дамайя дрожит от восторга. Она давно не слышала такой прекрасной сказки. Но ведь это правда. Это даже лучше! Она робко улыбается Шаффе.

— Мне понравилась эта сказка.

К тому же он отличный рассказчик. У него такой низкий бархатный голос. Она прямо-таки видела все это, пока он рассказывал.

— Я так и думал, что тебе может понравиться. Так, понимаешь ли, и появились Стражи. Как Эпицентр является орденом орогенов, так мы — орден, который *наблюдает* за Эпицентром. Поскольку мы знаем, как и Шемшена, что при всей своей чудовищной силе вы не неуязвимы. Вас можно победить.

Он гладит руку Дамайи, лежащую на луке седла, и она уже не ежится, но и сказка ей уже не так нравится. Пока он ее рассказывал, она воображала себя Шемшеной, отважно выступающей против ужасного врага и побеждающей его при помощи хитрости и искусства. Но с каждым

шаффиным *вы* и *вас* она начинает понимать: он видит в ней не будущую Шемшену.

— И потому мы, Стражи, обучаемся, — продолжает он, возможно, не замечая, как притихла она. Теперь они в самом сердце расколотой земли. Острые, зазубренные скалы, высокие, как дома в Бреварде, обрамляют дорогу по обе стороны, насколько видит глаз. Кто бы ни строил эту дорогу, ему пришлось вырезать ее из самой земли.

— Мы обучаемся, — продолжает он, — как делала Шемшена. Мы изучаем, как работает сила орогении, и ищем способы обратить это знание против вас. Мы высматриваем среди вас тех, кто может стать будущими Мисалемами, и уничтожаем их. Остальных мы опекаем. — Он снова наклоняется, чтобы улыбнуться ей, но на сей раз Дамайя в ответ не улыбается. — Теперь я твой Страж, и мой долг сделать так, чтобы ты была полезна, но не опасна.

Когда он выпрямляется и замолкает, Дамайя не просит его рассказать еще сказку, как могла бы. Ей больше не нравится то, что он рассказал. И внезапно она каким-то образом понимает — он и не *хотел*, чтобы сказка ей понравилась.

Молчание продолжается и тогда, когда рваная земля потихоньку выравнивается, затем перехо-

дит в зеленые покатые холмы. Здесь ничего нет — ни ферм, ни пастбищ, ни лесов, ни городков. Судя по некоторым признакам, люди тут когда-то жили — она видит вдалеке поросшие мхом развалины чего-то вроде силосной башни, если они бывают размером с гору. И другие строения, слишком правильные и зазубренные, чтобы быть природными, слишком развалившиеся и странные, чтобы узнать. Руины, понимает она. Руины какого-то города, погибшего много-много Зим назад, потому от него так мало и осталось. А за руинами смутно виднеющийся на фоне затянутого облаками неба мерцает, медленно вращаясь, обелиск цвета грозовой тучи.

Санзе — единственное государство, которое пережило Пятое время года невредимым, причем не один раз, а целых семь. Она учила это в яслях. Семь веков, в течение которых земля где-то трескалась и извергала пепел или смертельный газ, что приводило к бессолнечной Зиме, которая тянулась годами или десятилетиями, а не несколько месяцев. Отдельные общины часто переживали Зимы, если были готовы. Если им везло. Дамайя знает предание камня, которое преподают всем детям, даже в такой дыре, как Палела. *В первую очередь охраняй ворота*. Дер-

жи хранилища чистыми и сухими. Повинуйся преданию, делай жестокий выбор, и, возможно, когда закончится Зима, останутся те, кто будут помнить, что такое цивилизация.

Но только раз в известной истории выжило целое государство — много сотрудничающих общин. Даже расцветали вновь и вновь, становясь все сильнее и крупнее с каждым катаклизмом. Поскольку люди санзе сильнее и умнее всех.

Глядя на далекий, мерцающий обелиск, Дамайя думает: *Даже умнее тех, кто его создал*?

Наверняка. Санзе все еще здесь, а обелиск — лишь очередной осколок какой-то мертвой цивилизации.

— Ты примолкла, — через некоторое время говорит Шаффа, поглаживая ее руку на луке седла, чтобы пробудить ее от задумчивости. Его ладонь более чем в два раза больше, чем у нее, теплая и утешительная в своей огромности. — Все обдумываешь сказку?

Она пытается сказать «нет», но, конечно, она думала о сказке.

— Немного.

— Тебе не нравится, что в этой сказке злодей — Мисалем. Что ты сама как Мисалем — потенциальная угроза, только у тебя нет Шемшены,

чтобы контролировать тебя.

Он говорит это сухо. Это не вопрос.

Дамайя ежится. Как это ему всегда удается знать, о чем она думает?

— Я не хочу быть угрозой, — тихонько пищит она. Затем, в порыве отваги, добавляет: — Но я не хочу… чтобы меня контролировали. Я хочу быть… — Она ищет слова, затем вспоминает, что ее брат говорил о том, что такое быть взрослым. — *Ответственной*. Сама.

— Прекрасное желание, — говорил Шаффа. — Но простой факт в том, Дамайя, что ты *не можешь* контролировать себя. Это не в твоей природе. Ты молния, опасная, если ее не загнать в провода. Ты пламя — да, ты теплый свет в холодной темной ночи, но также и пожар, уничтожающий все на твоем пути…

— Я никого не уничтожу! Я не такая плохая!

Внезапно все это становится слишком. Дамайя пытается обернуться и посмотреть на него, хотя от этого она теряет равновесие и соскальзывает с седла. Шаффа тут же твердо поднимает ее и усаживает лицом вперед, что без слов говорит: *сиди как положено*. Дамайя от расстройства еще крепче вцепляется в луку седла. А потом, поскольку она усталая и сердитая, и попа у нее болит от трех

дней в седле, и поскольку у нее вся жизнь пошла колесом, и поскольку ее осеняет, что она никогда снова не будет нормальной, она говорит больше, чем хотела.

— В любом случае ты мне не нужен, чтобы меня контролировать. Я сама могу!

Шаффа натягивает повод. Лошадь, всхрапнув, останавливается.

Дамайя цепенеет от ужаса. Она нагрубила ему! Дома мать всегда давала ей за такое подзатыльник. Шаффа сейчас побьет ее? Но он говорит так же ласково, как и всегда:

— Правда можешь?

— Что?

— Контролировать себя. Это важный вопрос. *Самый* важный. Можешь?

— Я… я не… — пищит Дамайя.

Шаффа кладет ладони ей на руки, сложенные на луке седла. Думая, что он хочет спрыгнуть с седла, она пытается их убрать, чтобы он мог схватиться. Он стискивает ее правую руку и удерживает ее на месте, хотя отпускает левую.

— Скажи, как тебя обнаружили?

Она понимает, о чем он, даже не задавая вопросов.

— На ланче. Я… Мальчик толкнул меня.

— Это было больно? Ты испугалась, разозлилась?

Она пытается вспомнить. Этот день во дворе кажется таким далеким.

— Разозлилась. — Но ведь это не все? Заб был больше нее. Он всегда *задирал* ее. И когда он ее толкнул, было больно, пускай и чуть-чуть. — Испугалась.

— Да. Орогения действует инстинктивно. Ее порождает необходимость выжить в момент смертельной опасности. В этом беда. Страх перед обидчиком, страх перед вулканом — силе, что живет в тебе, все равно. Она не осознает *степени* угрозы.

По мере того как Шаффа говорит, его рука делается все тяжелее, давит все сильнее.

— Твоя сила защищает тебя одинаково, вне зависимости от масштаба угрозы. Пойми, Дамайя, как тебе повезло — ороген, как правило, открывается, убив члена семьи или друга. В конце концов, именно те, кого мы больше всего любим, ранят нас всего сильнее.

Он расстроен, думает поначалу она. Может, он думает о чем-то ужасном, о том, что заставляет его метаться и стонать среди ночи? Может, кто-то убил члена его семьи или друга? Вот потому он

так сильно давит ей на руку?

— Ш… Шаффа. — Она внезапно пугается. Она не понимает почему.

— Ш-ш-ш-ш… — говорит он и расправляет пальцы, сплетая их с ее собственными. Затем он давит сильнее, так, что нажим приходится на кости ее ладони. Он делает это нарочно.

— Шаффа! — Это больно. Он *знает*, что это больно. Но он не останавливается.

— Тихо, тихо, успокойся, малышка. Ну, ну.

Когда Дамайя скулит и пытается вырваться — это *больно*, это продолжающееся размалывающее давление его руки, жесткий холодный металл луки, собственные кости, пронзающие ее плоть — Шаффа вздыхает и обнимает ее другой рукой за талию. — Спокойно. Будь отважной. Я собираюсь сломать тебе руку.

— Что…

Шаффа делает что-то, что заставляет его бедра напрячься от усилия, а его грудная клетка толкает ее вперед, но она едва ли это замечает. Все ее сознание сосредоточено на ее руке, на его руке, на тошнотворном влажном щелчке, и толчке того, что прежде никогда не сдвигалось с места, на боли такой острой, внезапной и сильной, что она *вопит*. Она царапает его руку свободной ру-

кой, отчаянно, бессмысленно. Он отбрасывает ее руку прочь и прижимает к ее бедру, так что она царапает себя.

И сквозь боль она вдруг осознает холодное, ободряющее спокойствие камня под копытами лошади.

Давление ослабевает. Шаффа поднимает ее сломанную руку так, чтобы она могла видеть повреждения. Она продолжает кричать теперь от ужаса при виде *собственной* руки, изогнутой так, как не должно быть, кожи, взбугрившейся и покрасневшей в трех местах, как второй набор костяшек, пальцев, уже сведенных спазмом.

Камень манит. Глубоко внутри него тепло и сила, которые могут помочь ей забыть о боли. Она почти тянется к этому обещанию освобождения. Затем медлит.

Ты можешь контролировать себя?

— Ты могла бы убить меня, — говорит Шаффа ей в ухо, и, несмотря на все, она замолкает, чтобы слышать его. — Дотянуться до огня в земле или вытянуть силу из всего, что вокруг тебя. Я сижу в пределах твоего торуса. — Для нее это ничего не значит. — Это плохое место для орогении, с учетом того, что ты еще не обучена — одна ошибка, и ты сдвинешь разлом под нами и устроишь

землетрясение. Это может убить и тебя тоже. Но если бы тебе удалось выжить, ты была бы свободна. Нашла бы какую-нибудь общину, упросила бы принять тебя или присоединиться к стае неприкаянных и жить как можешь. Ты могла бы скрывать свою суть, если будешь умной. Некоторое время. Это не может длиться долго, это будет иллюзией, но какое-то время ты будешь чувствовать себя нормальной. И я знаю, что ты больше всего хочешь именно этого.

Дамайя почти не слушает его. Боль пульсирует в ее руке, ее плече, в зубах, затуманивая все чувства. Когда он перестает говорить, она стонет и снова пытается вырваться. Его пальцы предупреждающе напрягаются, и она мгновенно замирает.

— Очень хорошо, — говорит он. — Ты контролировала себя, невзирая на боль. Большинство молодых орогенов неспособны на такое без обучения. Теперь будет настоящее испытание. — Он охватывает ее маленькую ладонь своей большой. Дамайя съеживается, но прикосновение его ласково. Пока. — Похоже, твоя рука сломана минимум в трех местах. Если ее положить в лубок и ухаживать, то, возможно, рука заживет без последствий. Однако, если я ее сломаю…

Она не может дышать. Страх забивает легкие. Она выдавливает из себя остатки воздуха единственным словом:

— Нет!

— *Никогда не говори мне «нет»*, — говорит он. Слова жгут ей кожу. Он наклоняется, чтобы прошептать их ей прямо в ухо. — Орогены не имеют права говорить «нет». Я твой Страж. Я сломаю каждую кость в твоей руке, каждую кость в твоем *теле*, если решу, что это необходимо для того, чтобы обезопасить мир от тебя.

Он не ломает ее руку. Почему? Не ломает. Пока она молча дрожит, он проводит большим пальцем по вспухшим узлам, которые уже начали формироваться на тыльной стороне ее руки. В этом его жесте есть нечто *созерцательное*, нечто *любопытствующее*. Дамайя не может смотреть. Она закрывает глаза, и слезы текут из-под ее ресниц. Ее тошнит, ей холодно. В ушах шумит кровь.

— П… почему? — судорожно выговаривает она. Дышать приходится с усилием. Кажется невозможным, что все это случилось на дороге, непонятно где, в солнечный тихий полдень. Она не понимает. Ее семья показала ей, что любовь — это ложь. Она не подобна камню, она гнется и

крошится, как ржавый металл. Но ей казалось, что Шаффе она *нравится*.

Шаффа гладит ее сломанную руку.

— Я люблю тебя, — говорит он.

Она дергается, и он успокаивает ее тихим шепотом в ухо, пока его большой палец поглаживает руку, которую он сам сломал.

— Никогда не сомневайся в этом, малышка. Бедняжка, запертая в амбаре, так боящаяся себя самое, что не могла даже говорить. И все же в тебе есть пламя разума вместе с пламенем земли, и я не могу не восхищаться обоими, каким бы страшным ни было последнее. — Он качает головой и вздыхает. — Очень не хочется это делать с тобой. Мне ненавистно, что это необходимо. Но пойми, пожалуйста — я делаю тебе больно, чтобы ты не сделала больно больше никому.

Ее рука *горит*. Ее сердце тяжело бьется, и с каждым ударом пульсирует боль, БОЛЬ боль, БОЛЬ боль, БОЛЬ боль. Как было бы хорошо унять эту боль, шепчет камень внизу. Однако это означало бы убить Шаффу — единственного в этом мире, кто любит ее.

Шаффа кивает, словно своим мыслям.

— Знай, Дамайя, я никогда не солгу тебе. Загляни под свою руку, Дамайя.

Дамайя через силу открывает глаза. Сто лет требуется, чтобы убрать ее другую руку. И когда она это делает, она видит, что в свободной руке он держит длинный, сходящийся на конус кинжал из черного стекла. Острие касается ткани ее рубашки, прямо под грудной клеткой. Он направлен ей в сердце.

— Одно дело — подавить рефлекс. И совсем другое — справиться с сознательным, нарочитым желанием убить другого ради самозащиты или чего еще. — Словно чтобы обозначить это желание, Шаффа колет ее в бок стеклянным ножом. Он достаточно остер, чтобы укусить даже сквозь одежду. — Но, кажется, ты умеешь, как и говорила, контролировать себя.

С этими словами Шаффа отводит кинжал, умело вертит его в пальцах и не глядя засовывает за пояс. Затем он берет ее сломанную руку обеими руками.

— Держись.

Она не может, поскольку не понимает, что делать. Ее слишком сбила с толку дихотомия его ласковых слов и жестоких действий. Затем она снова кричит, когда Шаффа начинает методично вправлять кости ее руки. Это длится всего несколько секунд. Но кажется, что это длится

гораздо дольше.

Когда она отбивается от него, в полуобмороке, трясущаяся, слабая, Шаффа снова пускает лошадь вперед, на этот раз короткой рысью. Дамайя уже не ощущает боли, едва замечая, что Шаффа придерживает ее поврежденную руку своей собственной, на сей раз прижимая ее к ее телу, чтобы уменьшить риск случайных толчков. Она не удивляется этому. Она ни о чем не думает, ничего не делает, ничего не говорит. В ней ничего не осталось, чтобы об этом сказать.

Зеленые холмы остаются позади, местность снова становится ровной. Она не обращает на это внимания, просто смотрит на небо и на этот далекий дымчато-серый обелиск, который, кажется, не поменял положения, хотя они проехали уже столько миль. Вокруг него небо становится синее и начинает наливаться чернотой, пока обелиск не превращается в темное пятно на фоне загорающихся звезд. Наконец, когда солнечный свет угасает, Шаффа направляет лошадь с дороги и спешивается, чтобы разбить маленький лагерь. Он снимает Дамайю с седла и опускает на землю, и она стоит там, где он ее поставил, пока он расчищает участок и ногой сдвигает маленькие камни в круг, чтобы разжечь костер. Дров тут нет,

но он вынимает из седельных сумок несколько кусков чего-то и разжигает огонь. Судя по запаху, это уголь или сушеный торф. Вообще-то ей все равно. Она просто стоит, пока он снимает с лошади седло и чистит животное, раскатывает спальные мешки и ставит на огонь маленький котелок. Запах готовящейся еды вскоре перекрывает маслянистую вонь костра.

— Я хочу домой, — выдает Дамайя. Она по-прежнему прижимает руку к груди.

Шаффа на мгновение отрывается от приготовления ужина, поднимает на нее взгляд. В мерцании костра его льдистые глаза словно пляшут.

— У тебя больше нет дома, Дамайя. Но скоро будет. В Юменесе. Там у тебя будут учителя и друзья. Целая новая жизнь.

Он улыбается.

Ее рука почти онемела после того, как он вправил кости, но осталась тупая, пульсирующая боль. Она закрывает глаза, желая, чтобы она ушла. Чтобы все ушло. Боль. Рука. Мир. Мимо проплывает запах чего-то вкусного, но у нее нет аппетита.

— Я не хочу новой жизни.

На мгновение ей отвечает тишина, затем

Шаффа вздыхает и встает, подходит к ней. Она пятится, но он опускается перед ней на колени и кладет ей руки на плечи.

— Ты боишься меня? — спрашивает он.

На какое-то мгновение в ней возникает желание солгать ему. Она думает, что ему не понравится, если она скажет правду. Но ей слишком больно, она слишком отупела сейчас, чтобы бояться, лицемерить или льстить. Потому она говорит правду.

— Да.

— Хорошо. Так и надо. Я не сожалею, что причинил тебе боль, поскольку тебе нужен был урок боли. Что ты понимаешь обо мне теперь?

Она качает головой. Затем она заставляет себя ответить, ибо смысл именно в этом.

— Я должна делать, что мне скажут, или ты сделаешь мне больно.

— И?

Она крепче закрывает глаза. Во сне это прогоняет злых существ.

— И, — добавляет она, — ты сделаешь мне больно, даже если я послушаюсь. Если будешь считать, что так надо.

— Да. — Она почти слышит его улыбку. Он отводит от ее щеки выбившуюся прядку, проводя

тыльной стороной пальцев по ее коже. — То, что я делаю, Дамайя, не случайно. Это все связано с контролем. Не давай мне причины сомневаться в тебе, и я никогда больше не сделаю тебе больно. Ты поняла?

Она *не хочет* слышать его слов, но вопреки себе слышит. И вопреки себе какая-то часть ее чуть успокаивается. Но она не отвечает, так что он говорит:

— Посмотри на меня.

Дамайя открывает глаза. На фоне костра его голова — темный силуэт, обрамленный еще более темными волосами. Она отворачивается.

Он берет ее лицо и твердо поворачивает к себе.

— Ты поняла?

Конечно, это предупреждение.

— Да, — говорит она.

Удовлетворенный, он отпускает ее. Затем подводит к костру и жестом велит сесть на камень, который он подкатил для нее. Она садится. Когда он дает ей металлическую миску с чечевичной похлебкой, она ест — неуклюже, поскольку она не левша. Она пьет из фляги, которую он ей протягивает. Ей надо пописать, но это трудно, она спотыкается на неровной земле, в темноте, вдалеке от костра, отчего ее рука начинает ныть,

но она справляется. Поскольку спальный мешок только один, она ложится рядом с ним, когда он похлопывает по нему рукой, указывая, где ей лечь. Когда он велит ей спать, она закрывает глаза — но уснуть не может долго.

Однако когда она засыпает, ее сны полны острой боли и вздымающейся земли, и огромной дыры, полной белого света, которая пытается проглотить ее, и кажется, и минуты не прошло, как Шаффа ее будит. Еще середина ночи, хотя звезды изменили положение. В первое мгновение она не вспоминает, что он сломал ей руку, и, не задумываясь, улыбается ему. Он моргает, затем отвечает ей искренней улыбкой.

— Ты беспокойно спала, — говорит он.

Она облизывает губы, уже не улыбаясь, поскольку она вспомнила и поскольку не хочет рассказывать ему, насколько напугали ее кошмары. Или пробуждение.

— Я храпела? — спрашивает она. — Мой брат говорит, что я сильно храплю.

Какое-то мгновение он молча смотрит на нее, улыбка его исчезает. Ей начинают не нравиться эти краткие мгновения молчания. Это не просто паузы в разговоре или моменты, когда он собирается с мыслями. Это испытания, хотя она не

понимает, на что. Он всегда испытывает ее.

— Храпела, — говорит он наконец. — Да. Не беспокойся. Я не буду тебя за это дразнить, как твой брат.

Шаффа улыбается, как будто это должно быть смешно. Брат, которого у нее больше нет. Кошмары, которые поглотили ее жизнь.

Но он остается единственным человеком, которого она может любить, так что она кивает и снова закрывает глаза, расслабляясь у него под боком.

— Спокойной ночи, Шаффа.

— Спокойной ночи, малышка. Пусть твой сон будет всегда спокойным.

* * *

КИПЯЩАЯ ЗИМА: 1842–1845 по имперскому летоисчислению. Взорвалась горячая точка под озером Теккарис, выбросив в воздух достаточно пара и твердых частиц, чтобы вызвать кислотные дожди и затемнение над всей территорией Южного Срединья, Антарктики и общинами Восточного Побережья. Экваториали и северные широты не пострадали благодаря господствующим ветрам и океанским течениям, так что историки спорят, считать ли этот период «истинной» Зимой.

Зимы Санзе, учебное пособие для детей 12 лет

7

Ты плюс один равно два

Утром ты встаешь и пускаешься в путь, и мальчик с тобой. Вы вдвоем бредете по холмистой местности под падающим пеплом.

Главная проблема — ребенок. Во-первых, он грязен. Прошлым вечером в темноте ты этого не заметила, но он весь покрыт сухой или подсыхающей грязью, к которой прилипли какие-то веточки и Земле ведомо, что еще. Наверное, его накрыло селем — во время землетрясений такое часто случается. Если так, ему еще повезло, но когда он просыпается и потягивается, ты морщишься от полос грязи и крошек, которые он оставил на твоем спальнике. Минут через двадцать ты осознаешь, что он еще и совершенно голый.

Когда ты спрашиваешь его об этом — и об остальном, — он уклоняется от ответов. Он не настолько большой, чтобы увиливать эффективно — но у него получается. Он не знает имя общины, из которой он родом, или людей, которые вырастили его, которых, вероятно, «не так много». Он

говорит, что у него нет родителей. Он не знает своего функционал-имени — прямая ложь, и ты в этом уверена. Даже если его мать и не знала, кто его отец, он унаследовал бы ее функционал-касту. Он мал и, возможно, осиротел, но не настолько мал, чтобы не знать своего места в мире. Куда более малые дети это знают. Уке было всего три, а он знал, что он Инноватор, как и его отец, и потому его игрушки — это книги, инструменты и все, что можно использовать для создания вещей. А еще он знал, что есть вещи, которые он не может обсуждать ни с кем, кроме своей матери, и только наедине. Все, что касается Отца-Земли и *вещей глубоко внизу*, как называл их Уке…

Но ты не готова об этом думать.

Вместо этого ты гадаешь над тайной Хоа, поскольку тут есть о чем подумать. Он приземист, как ты замечаешь, когда он встает — едва ли четыре фута ростом. Но ведет он себя как десятилетний, хотя он тогда или слишком мал для своих лет, или поступает слишком по-взрослому для такого тела. Ты думаешь, что скорее последнее, хотя не уверена, почему тебе так кажется. Ты не можешь сказать о нем многого, разве что кожа у него, пожалуй, светлее — там, где он стер грязь, она серо-грязная, а не коричнево-грязная. Так

что, возможно, он откуда-то из областей ближе к Антарктике или с западного побережья континента, где люди бледны.

И он здесь, в северо-западном Южном Срединье, одинокий и голый. Ладно.

Может, что-то случилось с его семьей. Может, они сменили общину. Многие поступают так, вырывают свои корни и проводят месяцы и годы, пересекая континент, чтобы напроситься в общину, где они будут торчать, как бледные цветы на сером лугу…

Может быть.

Верно.

Как бы там ни было.

У Хоа льдистые глаза. По-настоящему льдистые. Ты немного испугалась, когда проснулась поутру и он посмотрел на тебя: темная засохшая грязь окружает две серебристо-голубые точки. Он выглядит нечеловечески, но многие люди с такими глазами редко выглядят людьми. Ты слышала, что в Юменесе, в функционал-касте Селектов такие — льдистые глаза — особенно желательны. Санзе нравится, что льдистые глаза пугают и вызывают легкое отвращение. Они такие и есть. Но не это пугает в Хоа.

Во-первых, он неестественно весел. Когда

утром, после того как он прицепился к тебе, ты просыпаешься, ты видишь, что он уже встал и радостно играет с твоей трутницей. На лугу нет ничего, из чего можно было бы развести костер — одна луговая трава, которая вспыхнула бы мгновенно, если бы ты могла найти достаточно сухой травы и, возможно, в процессе устроила бы пал — потому ты не вынимала прошлым вечером трутницы из рюкзака. Но она у него в руках, он что-то беспечно напевает себе под нос, вертя в пальцах кремень, а это значит, что он рылся в твоем рюкзаке. Это не улучшает твоего настроения в этот день. Однако пока ты пакуешься, из головы твоей не выходит образ — ребенок, который явно пережил какую-то катастрофу, сидит голым среди луга, под падающим пеплом — и играет. Даже мычит под нос песенку. А когда видит, что ты проснулась и смотришь на него, улыбается.

Вот потому ты и решила держать его при себе, хотя и думаешь, что он наврал, что не знает, откуда он родом. Потому что. Ладно. Он *ребенок*.

Потому, когда заканчиваешь сборы, ты смотришь на него, а он в ответ смотрит на тебя. Он прижимает к груди узелок, который ты заметила прошлым вечером. Как ты можешь сказать, это что-то, замотанное в рваное тряпье. Узелок чуть

дребезжит, когда он стискивает его. Ты можешь сказать, что он чем-то встревожен — его глаза ничего не умеют скрывать. У него огромные зрачки. Он некоторое время вертит его, встает, одной ногой чешет заднюю часть голени.

— Идем, — говоришь ты и снова поворачиваешь в сторону имперского тракта. Ты пытаешься не замечать его тихого дыхания и того, как он через мгновение приноравливается к твоему шагу.

Когда ты снова выходишь на дорогу, по ней группками и нитками идут люди. Почти все направляются на юг. Их ноги взбивают пепел, пока легкий и подобный праху. Он падает большими хлопьями — пока маски не нужны, если кто не забыл, что надо положить их в рюкзак. Какой-то мужчина бредет рядом с раздолбанной телегой и хромой лошадью. В телеге пожитки и старики, хотя идущий пешком человек вряд ли сильно моложе. Все они смотрят на тебя, когда ты выходишь из-за холма. Группа из шести женщин, которые сбились вместе ради безопасности, при виде тебя начинают перешептываться — затем одна из них громко говорит другой:

— Ржавь земная, *глянь* на нее!

Возможно, ты выглядишь опасной. Или нежелательной. Или и тем, и другим.

Или, может, их обескураживает вид Хоа, потому ты оборачиваешься к ребенку. Он останавливается, когда останавливаешься ты, у него снова встревоженный вид, и тебе внезапно становится стыдно, что он ходит в таком виде, хотя ты и не просила этого странного ребенка таскаться за собой.

Ты осматриваешься. По ту сторону дороги виднеется ручей. Неизвестно, когда ты доберешься до очередного дорожного дома. Предполагается, что они стоят через каждые двадцать пять миль по имперскому тракту, но волна с севера могла повредить следующий. Теперь вокруг больше деревьев — вы покинули равнины, — но не так много, чтобы можно было как следует укрыться, к тому же многие из них сломаны после землетрясения. Пеплопад немного помогает — видно не дальше чем на милю. Однако ты замечаешь, что равнины вокруг дороги начинают переходить в более суровый ландшафт. Ты знаешь это по картам и по слухам, что за горами Тиримас находится древний, вероятно, закрытый разлом, полоса молодого леса, который вырос после прошлой Зимы, а затем где-то через сотню миль равнины превращаются в солончаки. За ними пустыня, где общин мало, и они сильно разбросаны, и,

скорее всего, они куда сильнее защищаются, чем общины в более гостеприимных местностях.

(Вряд ли Джиджа добрался до пустыни. Это было бы глупо — кто там его примет?)

Ты уверена, что есть общины между здешними местами и солончаками. Если привести мальчика в приличный вид, возможно, в одной из них его примут.

— Иди за мной, — говоришь ты и сворачиваешь с дороги. Он идет за тобой по обочине из щебня. Ты замечаешь, насколько некоторые из камней остры, и мысленно добавляешь хорошие ботинки к списку необходимых вещей, которые надо добыть для него. По счастью, он не порезал пока ноги, хотя в какой-то момент поехал по гравию, упал и покатился по склону. Ты спешишь к нему, когда он останавливается, но он уже сидит, и вид у него рассерженный, поскольку он шлепнулся прямо в грязь возле ручья.

— Давай! — Ты протягиваешь ему руку.

Он смотрит на руку, и в какой-то момент ты с удивлением замечаешь что-то вроде тревоги на его лице.

— Все хорошо, — говорит он, игнорируя твою руку, и встает на ноги. Грязь чавкает у него под ногами. Затем он проскальзывает мимо тебя,

чтобы поднять свой тряпичный узелок, который выронил при падении.

Ладно же. Маленький неблагодарный ублюдок.

— Ты хочешь, чтобы я вымылся, — говорит он.

— Как ты догадался?

Похоже, он не замечает сарказма. Положив на каменистый берег свой узелок, он заходит в воду по пояс, затем садится на корточки, пытаясь отдраиться. Ты вспоминаешь и роешься в рюкзаке, пока не находишь там кусок мыла. Он оборачивается на твой свист, и ты бросаешь его ему. Ты морщишься, когда он промахивается, но он тут же ныряет и появляется с мылом в руках. Затем ты смеешься, поскольку он смотрит так, будто никогда такого не видел.

— Тереть кожу? — Ты показываешь, как это делать. Снова сарказм. Но он выпрямляется и чуть улыбается, словно это действительно что-то проясняет для него, и подчиняется.

— И волосы тоже, — говоришь ты, снова роясь в рюкзаке и перемещаясь так, чтобы могла присматривать за дорогой. Некоторые из людей, проходящих по ней, посматривают на тебя с любопытством или неодобрением во взгляде, но большинство даже не смотрят. Оно и лучше.

Ты ищешь свою вторую рубашку. На мальчике она будет как платье, потому ты подшиваешь подол нитками, чтобы он мог подпоясывать ее по бедрам ради скромности и немного согревать торс. Надолго этого, конечно, не хватит. Лористы говорят, что вскоре после начала Зимы похолодает. Надо попробовать в следующем городке купить одежду и еще припасов, если там еще не ввели Зимнего Закона.

Затем мальчик выходит из воды, и ты не можешь отвести взгляд.

Ну, совсем другое дело.

Его отмытые от грязи волосы были пепельно-жесткими, той совершенной противопогодной текстуры, которую так ценили все, в ком была кровь санзе. Они уже начали высыхать и пушиться. По крайней мере, они достаточно длинны, чтобы греть ему спину. Но они *белые*, не пепельные, как обычно. И кожа его белая, не просто светлая. Даже жители Антарктики не так бесцветны, ты таких не видела. Брови над льдистыми его глазами тоже белые. Белые-белые-белые. Когда идет, он почти растворяется в падающем пепле.

Альбинос? Возможно. Но в его лице есть еще что-то. Ты удивляешься, но ты видишь и понимаешь — в нем нет *ничего* от санзе, кроме текстуры

волос. В ширине его скул, угловатости подбородка и разрезе глаз есть что-то совершенно чуждое твоему взгляду. У него пухлые губы, но маленький рот, настолько маленький, что тебе кажется, что ему трудно есть, хотя это явно не так, иначе он не дожил бы до таких лет. Еще и малый рост. Он не просто мал, но коренаст, словно его народ создан для других нагрузок, чем тот тип, который в течение тысячелетий культивировали в Старой Санзе. Может, его раса вообще вся такая белая, кем бы он ни был.

Но все это какая-то ерунда. Все расы в мире сейчас в какой-то мере отмечены кровью санзе. В конце концов, они правили Спокойствием много столетий и определенным образом продолжают. И не всегда это время было мирным, так что даже самые изолированные расы носят отпечаток санзе, желали ли их предки такой примеси или нет. Каждый оценивается по стандартным отклонениям от среднего санзе. Однако народ мальчика, кем бы они ни были, умудрился остаться обособленным.

— Что же ты такое, пламень подземный? — говоришь ты, прежде чем тебе приходит в голову, что ты можешь его обидеть. Несколько дней ужаса — и ты забываешь, как обращаться с детьми.

Но мальчик кажется лишь удивленным. Затем он улыбается.

— Пламень подземный? Ты странно говоришь. Я достаточно чист?

Ты настолько ошеломлена, что он называет *странной* тебя, что до тебя не сразу доходит, что он уклонился от ответа.

Ты качаешь головой, затем протягиваешь руку за мылом, которое он отдает тебе.

— Да. Вот.

Ты протягиваешь ему рубашку, чтобы он просунул туда руки и голову. Он делает это, но настолько неуклюже, словно его никогда никто не одевал. Но это легче, чем одевать Уке, по крайней мере, этот мальчик не извивается…

Ты замираешь.

Ты на некоторое время отключаешься. Когда приходишь в себя, небо светлеет, и Хоа лежит, растянувшись, на низкой траве. Прошло не меньше часа. Может, больше.

Ты облизываешь губы и неприветливо смотришь на него, ожидая, что он что-нибудь скажет о твоем… отсутствии. Он просто оживляется, как только видит, что ты вернулась, встает и ждет.

Ладно. В конце концов, вы можете поладить.

После этого вы возвращаетесь на дорогу. Маль-

чик шагает хорошо, несмотря на отсутствие обуви. Ты внимательно смотришь на него, высматривая признаки хромоты или усталости, и останавливаешься чаще, чем если бы шла одна. Кажется, что он благодарен за эти передышки, но в остальном все хорошо. Настоящий маленький странник.

— Ты не можешь оставаться со мной, — говоришь ты ему, однако, во время одной из ваших остановок. Пусть не слишком надеется. — Я постараюсь найти тебе общину. Мы будем останавливаться в нескольких по дороге, если они откроют ворота для торговли. Но мне надо идти дальше, даже если я найду тебе место. Я ищу одного человека.

— Дочь, — говорит мальчик. Ты застываешь. Проходит мгновение. Мальчик не замечает твоего потрясения. Он поет песенку под нос, гладит свой узелок, как зверька.

— Откуда ты знаешь? — шепчешь ты.

— Она очень сильная. Конечно, я не уверен, что это она, — мальчик смотрит на тебя и улыбается, не замечая твоего взгляда. — Таких, как ты, много идет в этом направлении. В таком случае всегда трудно.

В твоей голове сейчас, наверное, должно быть

много вопросов. Однако тебя хватает лишь на то, чтобы задать вслух лишь один.

– *Ты знаешь, где моя дочь*?

Он снова что-то уклончиво мычит. Ты уверена, что он понимает, насколько безумно все это выглядит. Ты уверена, что под этой невинной маской он смеется в глубине души.

— Откуда?

Он пожимает плечами.

— Просто знаю.

– *Откуда*? — Он не ороген. Ты признала бы своего, будь он орогеном. Орогены могут *выслеживать друг друга, как собаки,* чуя друг друга издалека, как если бы орогения была запахом. Только Стражи способны на подобное, да и то лишь если рогга не обучен или достаточно глуп, чтобы позволить им себя почуять.

Он поднимает глаза, и ты едва удерживаешься, чтобы не вздрогнуть.

— Я просто *знаю*, хорошо? Просто я могу это. — Он отводит взгляд. — Это то, что я всегда умел делать.

Ты удивляешься. Но Нэссун?

Ты готова поверить в любой абсурд, если это поможет тебе ее найти.

— Хорошо, — говоришь ты. Медленно, по-

скольку это безумие. Ты безумна, но сейчас ты понимаешь, что мальчик, видимо, тоже, а это значит, что тебе следует быть осторожной. Но остается крохотный шанс, что он *не* безумен или его безумие действует именно так, как он говорит…

— Как… как далеко до нее?

— Много дней пути. Она идет быстрее тебя.

Потому, что Джиджа взял телегу и лошадь.

— Нэссун жива.

Теперь приходится после этого замолкнуть. Слишком много чувств, слишком со многим надо справиться. Раск говорил тебе, что Джиджа покинул Тиримо вместе с ней, но ты боялась позволить себе думать о ней как о *живой*. Хотя часть тебя не желала верить, что Джиджа способен убить свою дочь, остальная часть тебя не только верила, но даже *предвкушала* это в какой-то мере. Старая привычка — брать себя в руки в предчувствии боли.

Мальчик кивает, глядя на тебя. Его маленькое личико сейчас странно торжественно. Внезапно запоздало ты осознаешь, что в этом ребенке совсем не так много детского.

Но если он может помочь тебе отыскать дочь, то будь он хоть воплощенным Злом земным, тебе

плевать.

Ты роешься в рюкзаке, отыскиваешь флягу, ту, с питьевой водой. Вторую ты наполняешь водой из ручья, но ее сначала надо прокипятить. Сделав глоток, ты, однако, протягиваешь ее мальчику. Когда он кончает пить, ты даешь ему горсть изюма. Он качает головой и отказывается:

— Я не голоден.

— Ты не ел.

— Я мало ем. — Он берет свой узелок. Может, там у него еда. Плевать. Тебе действительно все равно. Он не твой ребенок. Просто он знает, где твоя дочь.

Ты сворачиваешь лагерь и снова направляешься на юг, и на сей раз мальчик идет рядом с тобой, подспудно направляя тебя.

* * *

Слушайте, слушайте, слушайте внимательно.

Было время до Зим, когда жизнь и Земля, ее отец, цвели одинаково. (У жизни была еще и мать. Но с Ней случилось что-то ужасное.) Земля, наш отец, понимал, что ему нужна будет разумная жизнь, потому Он при помощи Зим создал нас

из животных: умные руки для создания вещей, умные головы для решения проблем, умный язык для сотрудничества и умные сэссапины для предупреждения нас об опасности. Люди стали тем, что было нужно Отцу-Земле, а потом и бóльшим, чем ему было нужно. Тогда мы обратились против Него, и Он с тех пор сжигает нас своей ненавистью.

Помните, помните все, что я говорю.

Стих лориста «Сотворение Трех Народов», часть первая.

8

Сиенит на пути

В конце концов Сиенит потребовалось узнать имя своего нового ментора. Он сказал — Алебастр. Она подумала, что его ему дали в насмешку. Ей достаточно часто приходится окликать его по имени, поскольку он постоянно засыпает в седле во время долгих дней верхом, так что ей приходится смотреть на дорогу и выискивать потенциальную опасность, а также занимать себя чем-нибудь. Он легко просыпается, когда она окликает его, отчего она поначалу думает, что он прикидывается, чтобы не разговаривать с ней. Когда она говорит ему это, он выглядит раздраженным и отвечает:

— Конечно, я на самом деле засыпаю. Если хочешь от меня добиться толку вечером, *дай мне поспать*.

Это злит ее — ведь не ему же рожать ребенка для империи и Земли. К тому же не похоже, чтобы секс требовал от него великих усилий, будучи коротким и унылым.

Но где-то через неделю их путешествия она

все-таки замечает, что он делает во время их дневной езды и даже ночью, когда они лежат, усталые и потные, в общем спальном мешке. Она думает, что ей простительно было этого не замечать, поскольку это постоянный фон, как тихий гул в комнате, полной разговаривающих людей — он успокаивает все землетрясения в округе. *Все*, не только те, что люди могут ощутить. Все мельчайшие, бесконечно малые растяжения и сокращения земли, некоторые из которых придают мощности большим движениям, а некоторые просто случайны: где бы они с Алебастром ни проходили, земля на время успокаивается. Сейсмическая стабильность в Юменесе — обычное дело, но ее не должно быть на окраинах, где покрытие узловой сети слабое.

Как только Сиенит это понимает, ее… охватывает смятение. Нет смысла нивелировать микросотрясения, и вообще-то такое должно ухудшать ситуацию в случае большого землетрясения. Ей это очень настойчиво внушали, когда она была еще галькой, изучавшей основы геометрии и сейсмологии: земля не любит, когда ее усмиряют. Цель орогена — перенаправление, не прерывание.

Она гадает над этой тайной в течение несколь-

ких дней, пока они едут вдоль Юменеса по Аллийской дороге, под вращающимся обелиском, похожим на турмалин размером с гору, сверкающим каждый раз, как он ловит солнечный свет. Дорога — лучший путь между двумя столицами квартентов. Она проложена как можно прямее по принципу, на который осмеливалась только Древняя Санзе, — она поднята на длинные высокие мосты над широкими каньонами и порой идет сквозь горы там, где слишком высоко взбираться. Это означает, что дорога до побережья займет всего несколько недель, если не особенно гнать — вполовину меньше, если бы они ехали по нижней дороге.

Но, ржавь и вонь земная, высокие дороги такие скучные. Большинство людей считают их ловушками, которые готовы захлопнуться, несмотря на тот факт, что они обычно безопаснее простых дорог. Все имперские дороги строились командами лучших геонеров и орогенов и нарочно располагались в местах, считавшихся постоянно стабильными. Некоторые пережили несколько Зим. В общем, в течение нескольких дней Алебастру и Сиенит встречаются только спешащие торговые караваны, почтальоны и патрули местных квартентов — все они смотрят на Сиенит и

Алебастра, заметив черные мундиры Эпицентра, не снисходя до разговора с ними. Вдоль боковых дорог видны немногочисленные общины и почти нет магазинов, чтобы прикупить съестных припасов, хотя вдоль самой дороги через равные промежутки расположены платформы, готовые зоны и навесы для лагеря. Каждый вечер Сиен бьет баклуши возле костра. Ей нечего больше делать, кроме как смотреть на Алебастра. Ну, и заниматься с ним сексом, хотя на это уходят какие-то минуты.

Однако вот это интересно.

— Зачем ты это делаешь? — спрашивает Сиенит через три дня после того, как заметила, что он успокаивает микросотрясения. Он только что сделал это сейчас, пока они ждали ужина — хлеб, подогретый с ломтями ветчины и черносливом, ням-ням. Он зевает, делая это, хотя, конечно, это должно требовать каких-то усилий. Орогения всегда чего-то стоит.

— Что делаю? — спрашивает он, успокаивая подземный афтершок и вороша костер в притворной скуке. Ей хочется ударить его.

– *Вот это*.

Он поднимает брови.

— А. Ты *можешь* это чувствовать.

— Конечно, могу! Ты все время это делаешь!

— Ну ты же прежде ничего не говорила.

— *Потому что пыталась понять, что ты делаешь*.

Он смотрит на нее озадаченно.

— Так спросила бы.

Она его убьет. Наверное, что-то слышно в ее молчании, поскольку он кривится и, в конце концов, поясняет:

— Я даю передышку узловикам. Каждое микросотрясение, которое я подавляю, ослабляет нагрузку на них.

Конечно, Сиен знает об узловиках. Как имперский тракт связывает бывших вассалов старой империи с Юменесом, так узлы соединяют отдаленные квартенты с Эпицентром, чтобы распространить его защиту на как можно большее расстояние. По всему континенту — в любой точке, которую старшие орогены определяют как лучшую для управления ближайшими линиями напряжения или горячими точками, — находится аванпост. В нем есть обученный в Эпицентре ороген, единственной задачей которого является сохранение стабильности в зоне. В экваториальных квартентах зоны защиты узлов перекрываются, так что там нет ни единой судороги. Это и

присутствие Эпицентра в самой середине объясняет то, почему Юменес построен так, как он построен. Однако за пределами экваториальных квартентов зоны разнесены, чтобы обеспечить защиту для большего числа людей, и потому в сети есть дыры. Нет смысла — по крайней мере по мнению старших Эпицентра, — ставить узел возле каждой мелкой сельскохозяйственной или горнодобывающей общины в глуши. Люди в таких местах защищаются сами как могут.

Сиен не знакома ни с одним из этих бедных дурачков, которых назначили на такую скучную должность, но она очень, очень рада, что никто даже не предполагал для нее такого. Такое выпадает орогенам, которые никогда не достигнут даже четвертого кольца — тем, у кого много дикой силы и мало контроля. Хотя бы жизни могут спасать, даже если сами обречены провести собственную жизнь в относительной изоляции и безвестности.

— Может, тебе уж микро-то надо оставить узловикам, — предполагает Сиенит. Еда уже достаточно подогрелась, она палочкой вынимает ее из костра. Вопреки желанию, ее рот наполняется слюной. День был долгий. — Может, им нужно *что-то*, чтобы не подохнуть от скуки.

Сначала ее внимание занимает еда, и она не замечает его молчания, пока не протягивает ему его порцию. Затем она хмурится — опять из-за этого выражения на его лице. Этой ненависти. На сей раз часть этой ненависти направлена на нее.

— Как понимаю, на узле ты никогда не бывала.

Что за ржавь?

— Нет. С чего бы?

— С того, что должна. Все рогги должны.

Сиенит еле заметно морщится от этого слова — *рогга*. В Эпицентре делают выговор каждому, кто такое говорит, так что она нечасто его слышала — случайно, вполголоса от проходящих мимо или от галек, пытающихся казаться крутыми, когда наставников рядом нет. Это такое некрасивое слово, резкое и гортанное, звучащее как оплеуха. Но Алебастр произносит его, как другие люди произносят *ороген*.

Он продолжает, все так же холодно:

— И если ты чувствуешь, что я делаю, то и ты можешь это делать.

Это еще больше пугает и злит Сиен.

— Какой ржави ради я должна гасить микровстряски? Тогда я была бы… — Она осекается, поскольку собиралась сказать *такой же усталой и бесполезной, как ты*, а это чистое хамство. Но

тут ей приходит в голову, что, наверное, он такой усталый и бесполезный именно *потому*, что делает это.

Это достаточно важно, раз он тратит себя на это, так что, возможно, с ее стороны неправильно так распускать язык. В конце концов, орогены должны заботиться друг о друге. Она вздыхает.

— Хорошо. Думаю, я могла бы помочь какому-нибудь дураку, который застрял на задворках мира, и делать ему нечего, кроме как поддерживать стабильность земли.

Хотя бы время поможет убить.

Он расслабляется, сначала немного, и она с изумлением видит на его лице улыбку. Вряд ли он прежде улыбался. Но нет, мускулы на его скулах по-прежнему *дерг-дерг-дерг*. Его по-прежнему что-то беспокоит.

— Тут есть узловая станция в двух днях пути, после следующего поворота.

Сиенит ждет вывода, но он принимается за еду, чуть похрюкивая от удовольствия, скорее от голода, чем от вкуса еды. Поскольку Сиенит тоже голодна, она с жадностью набрасывается на еду — и тут она хмурится.

— Подожди. Ты намерен поехать на ту станцию? Ты это хочешь сказать?

— Да. *Мы* поедем. — Алебастр поднимает на нее взгляд, на лице его на краткий миг мелькает командное выражение, и она еще сильнее ненавидит его.

Ее реакция на него совершенно иррациональна. Алебастр выше ее рангом на шесть колец и, возможно, даже еще выше, если бы ранжирование не ограничивалось десятью кольцами. Она знает слухи о его мастерстве. Если бы они хоть раз сцепились, он обратил бы ее торус внутрь ее самой и заморозил в считаные секунды. Ради одного этого ей следовало бы быть с ним вежливой — ради потенциальной его благосклонности, ради собственной цели продвинуться в иерархии Эпицентра ей следовало бы даже попытаться *полюбить* его.

Но она пыталась быть с ним вежливой и даже льстить — ничего не помогло. Он просто делает вид, что не понимает ее, или оскорбляет, пока она не затыкается. Она проявляла все те мелкие признаки уважения, которых старшие в Эпицентре ждут от младших, но это только раздражает его. Она злится, и, странным образом, это положение вещей, кажется, больше всего ему по вкусу.

Так что, хотя она никогда бы себе такого не позволила с другим старшим, она резко говорит:

— Да, *господин*.

Остаток вечера проходит в обидчивом, дрожащем молчании.

Они ложатся спать, и она, как всегда, тянется к нему, но на сей раз он поворачивается к ней спиной.

— Займемся этим поутру, если это еще нужно. У тебя еще не наступил срок менструации?

От этого Сиенит чувствует себя самой большой деревенщиной в мире. То, что он ненавидит секс так же, как она, это к гадалке не ходи. Но ужас в том, что он *ждет передышки*, а она не считала дни. Она начинает считать — примерно, поскольку не помнит точно, когда начались последние месячные, и он прав. Задержка.

Он, засыпая, вздыхает в ответ на ее изумленное молчание.

— Задержка еще ничего не значит. Путешествие — нагрузка для тела. — Он зевает. — Займемся этим утром.

Утром они спариваются. Иного слова она для этого подыскать не может — вульгарности не подходят, поскольку само действие тупо, а эвфемизм для затуманивания интимности не нужен, поскольку ничего интимного в этом нет. Это механично, как упражнение, как растяжки, ко-

торые она стала делать в начале дня перед тем, как сесть верхом. На сей раз это более живо, поскольку он успел отдохнуть, ей почти приятно, и он издает настоящие стоны, когда доходит. Но это все. Закончив, он лежит, глядя, как она встает и быстро умывается у костра. Она так к этому привыкла, что вздрагивает, когда он говорит:

— За что ты ненавидишь меня?

Сиенит молчит, раздумывая, не солгать ли. Если бы они были в Эпицентре, она солгала бы. Если бы это был кто-то другой из старших, одержимый пристойностью и тем, чтобы орогены Эпицентра всегда вели себя подобающе, она солгала бы. Однако он дал понять, что предпочитает честный ответ, пусть и грубый. Потому она вздыхает.

— Просто ненавижу, и все.

Он перекатывается на спину, смотрит в небо, и она уже думает, что разговор закончен, когда он спрашивает:

— Я думал, ты ненавидишь меня потому, что… потому, что я из тех, кого ты *можешь* ненавидеть. Я под рукой, я подхожу. Но на самом деле ты ненавидишь весь мир.

При этих словах Сиен швыряет полотенце в тазик с водой и злобно смотрит на него.

— Мир не несет такой ерунды.

— Мне неинтересно наставлять льстецов. Хочу, чтобы ты была со мной такая, как ты есть. А когда ты такова, ты едва ли говоришь мне хоть одно приличное слово, как бы я ни был вежлив с тобой.

Услышав такое, она чувствует себя немного виноватой.

— Тогда что ты имеешь в виду под этим — ненавижу мир?

— Ты ненавидишь то, как мы живем. То, как мир заставляет нас жить. Или нами владеет Эпицентр, или мы вынуждены прятаться, а когда нас обнаруживают, то ловят как собак. Или мы становимся чудовищами и пытаемся всех убить. Даже в Эпицентре нам всегда приходится думать, каких действий от нас ждут. Мы никогда не можем просто… быть. — Он вздыхает. Закрывает глаза. — Должен быть иной путь, лучший.

— Его нет.

— Должен быть. Санзе не может быть первой империей, пережившей несколько Зим. Мы видим свидетельства другой жизни, других народов, достигших могущества. — Он показывает в сторону от высокой дороги, на раскинувшийся перед ними пейзаж. Они недалеко от Великого Восточного леса — сколько видит глаз, перед

ними вздымается и опадает ковер деревьев. За исключением… за исключением каких-то точек на самом горизонте, напоминающих руки скелета, выбирающегося из деревьев. Очередные руины, и раз уж она видит их отсюда, они действительно огромны.

— Мы передаем Предание камня, — говорит, садясь, Алебастр, — но никогда не пытаемся запомнить то, что уже пытались сделать, что еще можно сделать.

— Потому что это *не сработало*. Те люди погибли. Мы все еще живы. Наш путь верен, их — неверен.

Он бросает на нее взгляд, который она толкует как «мне скучно объяснять тебе, какая ты дура», хотя, возможно, он имеет в виду совсем не это. Он прав — он ей не нравится.

— Я понимаю, что другого образования, кроме как в Эпицентре, ты получить не могла, но головой-то подумать можно? Выживание не равно *правильности*. Я мог бы убить тебя прямо сейчас, но лучшим я от этого не стану.

Может, и так, но *для нее* разницы не было бы. И она возмущена его небрежным допущением ее слабости, хотя он абсолютно прав.

— Ладно. — Она встает и начинает одеваться,

рывками натягивая одежду. — Тогда расскажи мне, что это за такие другие пути.

Он несколько мгновений не говорит ничего. Наконец она оборачивается посмотреть на него и видит, что он в замешательстве.

— Ну… — Он обдумывает предложение. — Мы можем попытаться позволить орогенам руководить.

Она чуть ли не смеется.

— Минут через десять после этого все Стражи Спокойствия сбегутся, чтобы прикончить нас, а половина континента сбежится посмотреть и поулюлюкать.

— Они убивают нас, поскольку Предание камня то и дело говорит, что мы с рождения — зло, что мы какие-то порождения Земли-Отца, твари, которых едва можно назвать людьми.

— Да, но ты не можешь изменить Предание камня.

— Предание камня постоянно меняется, Сиенит. — Он нечасто называл ее по имени. Это привлекает ее внимание. — Каждая цивилизация добавляет свое, и те части, которые не имеют ценности для людей, живущих в определенное время, забываются. Не без причины Табличка вторая так повреждена: кто-то когда-то давным-

давно решил, что она не важна или неверна, и не стал беречь ее. Или даже преднамеренно пытался стесать ее, вот потому так много копий повреждены ровно таким же образом. Археоместы нашли несколько старых таблиц в одном из древних городов на плато Тапита — они тоже записывали свое предание камня, видимо, чтобы передать его будущим поколениям. Но то, что было в табличках, отличалось, *резко* отличалось от того Предания, которое мы изучаем в яслях. Насколько мы знаем, запрет менять Предание сам по себе недавнее добавление.

Она этого не знала. Это заставило ее нахмуриться. От этого ей также не хочется ему верить или, возможно, так снова проявляется ее неприязнь к нему. Но… Предание камня старо, как разум. Только оно помогло человечеству переживать одно Пятое время года за другим, когда они сбивались вместе, когда мир становился темным и холодным. Лористы рассказывают о том, что случается, когда люди — политические лидеры, или философы, или лезущие всюду благонамеренные — пытались изменить Предание. Все неизбежно приводило к катастрофе.

Потому она не верит.

— Откуда ты узнал о табличках Тапиты?

— Я двадцать лет выполняю поручения вне Эпицентра. У меня есть друзья.

Друзья, разговаривающие с орогеном? Об исторической ереси? Звучит абсурдно. Но все же… ладно.

— Хорошо, но как же ты изменишь Предание способом, который…

Она не обращает внимания на окружающие породы, поскольку спор увлек ее сильнее, чем она готова признать. Он, однако, похоже, продолжает утихомиривать дрожь земли даже по ходу их разговора. К тому же он десятиколечник, так что нормально, что он резко вздыхает и вскакивает на ноги, словно его дергают за ниточки, поворачиваясь к западному горизонту. Сиен хмурится и следует за его взглядом. Лес по ту сторону дороги в заплатках от лесозаготовок и рассечен двумя расходящимися наземными дорогами, тянущимися среди деревьев. Там, вдалеке очередные руины мертвой цивилизации, купол, скорее провалившийся, чем целый, и она видит тут и там три-четыре точки огражденных стенами общин среди деревьев. Но она не понимает, на что он реагирует…

…затем она сэссит это.

Ржавь земная, это серьезно! Восемь, а то и де-

вять баллов. Нет, *больше*. Горячая точка примерно в двух сотнях миль, под окраиной небольшого городка Мехи… Но это неправильно. Мехи на краю Экваториалей, то есть сильно за пределами узловой сети. Почему же…

Не имеет значения почему, когда Сиен *видит*, как это землетрясение заставляет дрожать всю землю вокруг виадука, а деревья — шататься. Что-то пошло не так, сеть не действует, и горячая точка под Мехи фонтанирует, пробиваясь к поверхности. Первичные толчки даже отсюда ощущаются настолько сильно, что у нее во рту появляется привкус старого металла, а ногтевое ложе на пальцах начинает зудеть. Даже несэссорики-глухачи могут ощутить эту постоянную рябь по дребезжанию тарелок, старики ахают и хватаются за голову, а младенцы внезапно разражаются плачем. Если ничто не остановит это набухание, глухачи ощутят куда больше, когда у них под ногами взорвется вулкан.

— Что… — начинает было Сиенит, поворачиваясь к Алебастру, но потрясенно застывает, поскольку он стоит на четвереньках и рычит на землю.

Через мгновение она ощущает это — ударную волну дикой орогении, бьющую *наружу и вниз*

сквозь опоры виадука и уходящую в сланец местной почвы. Это не настоящая сила природы, это мощь воли Алебастра и сила, которую она зажигает, но она не может не смотреть сразу на двух уровнях, как сила несется — быстрее, чем Сиен способна бежать, — к этой далекой горящей бурлящей точке.

И прежде чем Сиенит понимает, что происходит, Алебастр *хватает* ее, так, как никогда не бывало раньше. Она ощущает собственную связь с землей, собственное орогенное сознание, внезапно захваченное и направляемое *кем-то другим*, и это ей совершенно не нравится. Но когда она пытается вернуть контроль над своей силой, это *жжется* как при трении, и в реальном мире она вскрикивает и падает на колени, не понимая, что происходит. Алебастр каким-то образом связал их, использовал ее силу для увеличения собственной, и она ни черта с этим поделать не может.

И вот они уже вместе, вдвоем погружаются в землю, спиралью проходя сквозь огромный бурлящий колодец смерти в горячей точке. Он огромен — несколько миль в ширину, больше горы. Алебастр что-то делает, и что-то выстреливает, и Сиенит вскрикивает от внезапной боли,

которая почти тут же кончается. Перенаправляется. Он снова делает это, и на сей раз она понимает, что именно: он *прикрывает* ее от жара, давления и ярости горячей точки. Ему это не в тягость, поскольку он сам стал жаром, давлением и яростью, настроившись на них, как у Сиен получалось только с маленькими термополостями в спокойных во всем остальном слоях, но это все равно что искра по сравнению с пожаром. В ней нет ничего, что могло бы с таким сравниться. Итак, он использует ее силу, но также выпускает силу, которую она не может переработать, посылая ее вовне прежде, чем она успеет одолеть ее восприятие и… и… на самом деле она не понимает, что будет. Эпицентр учит орогена не переступать границ собственных возможностей, но это не объясняет, что будет с тем, кто это сделает.

И прежде чем Сиенит успевает об этом подумать, прежде чем она успевает собрать необходимые силы, чтобы *помочь* ему, раз невозможно *уйти* от него, Алебастр делает что-то еще. Резкий удар. Что-то где-то прорвалось. Сразу же давление магмы в направлении поверхности начинает утихать. Он вытягивает их из пламени во все еще содрогающуюся землю, и она знает, что делать, поскольку это всего лишь толчки, а не врожден-

ный гнев Отца-Земли. Внезапно что-то меняется, и теперь *его* сила в *ее* распоряжении. Столько силы, Земля побери, он же чудовище! Но затем все становится легко — легко сглаживать рябь, запечатывать щели и уплотнять прорванные слои, чтобы там, где земля ослабла и находилась в напряжении, не образовались новые разломы. Она может сэссить линии разрыхления с такой ясностью, какой не знала прежде. Она разглаживает их, натягивает шкуру земли вокруг с хирургической точностью, какой прежде никогда не достигала. И когда горячая точка утихает, превращаясь еще в одну потаенную угрозу, и опасность проходит, она возвращается и видит, что Алебастр лежит, свернувшись перед ней, и их обоих окружает пятно инея, который уже начал испаряться.

Она на четвереньках, ее трясет. Когда она пытается двигаться, требуются огромные усилия, чтобы не упасть ничком. Локти подламываются. Но она заставляет себя подползти на пару футов к Алебастру, поскольку ей кажется, что он мертв. Она прикасается к его руке, и мышцы под тканью униформы кажутся твердыми, сведенными, застывшими, а не расслабленными. Это хороший признак. Она чуть подтаскивает его и видит, что

глаза его открыты, широко распахнуты, но не пусты, как у мертвого, а полны чистого изумления.

— Как и говорила Гессонит[1], — вдруг шепчет он, и она подскакивает, поскольку думала, что он без сознания.

Чудесно. Она посреди дороги неизвестно куда, полумертвая после того, как ее орогения была использована кем-то другим против ее воли, ей никто не поможет, кроме безмозглого и нелепо могущественного болвана, который все это и натворил. Она пытается взять себя в руки после… после…

Вообще-то она понятия не имеет, что случилось. Это было нелепо. Землетрясения *так* не происходят. Горячие точки, существующие бесконечно долго, просто так внезапно не прорываются. Их что-то должно спровоцировать — сдвиг плиты где-то, извержение вулкана, десятиколечник в дурном настроении, что-то такое. И поскольку толчок был таким мощным, она должна была бы отсэссить триггер. Должны были быть какие-то предпосылки, кроме вскрика Алебастра.

И что за ржавь сделал Алебастр? У нее в голове это не укладывается. Орогены не могут рабо-

---

[1] Примечания: 1
Разновидность граната.

тать вместе. Это доказано — когда два орогена пытаются оказать одно и то же влияние на проявление сейсмической активности, тот, у кого выше самоконтроль и точность, передавливает. Более слабый может пытаться — и выгорит, или сильный пробьется сквозь его торус и заморозит вместе со всеми окружающими. Именно потому Эпицентром руководят старшие орогены — они не просто более опытные, они могут убить любого, кто выступит против них, хотя и не предполагается, что они должны это делать. И потому у десятиколечников есть выбор: никто не собирается *заставлять* их что-либо делать. За исключением Стражей, конечно.

Но то, что сделал Алебастр, было безошибочно, хотя и необъяснимо.

Да ржавь все это побери! Сиенит садится прежде, чем успевает упасть. Мир мерзко вращается. Она облокачивается на поднятые колени и кладет на руки голову. Сегодня они никуда не уехали и не поедут. У Сиен нет сил ехать верхом, а Алебастр вряд ли способен выбраться из спальника. Он даже не одет, он просто свернулся клубком с голой задницей и трясется, совершенно бесполезный.

Так что на долю Сиен остается в конце концов встать, порыться в мешках и достать пару

чеканистых мела — маленьких дынь с жесткой коркой, заползающих под землю во время Зимы, или так рассказывают геоместы — и закатить их в остатки их костра, который они, к ее радости, не успели разбросать. У них не осталось ни растопки, ни топлива, но углей хватит, чтобы испечь дыньку, так что через пару часов они поедят. Она вытаскивает из кучи мешок с кормом для лошадей, наливает воды в ведро из промасленной холстины, чтобы они могли попить, смотрит на кучу их навоза и думает, что надо бы смести ее с виадука, чтобы не воняло.

Затем она снова ползет к спальнику, который, по счастью, сухой после недавнего инея. Она падает позади Алебастра и погружается в дрему. Она не спит. Самое малое содрогание земли при затухании горячей точки дергает ее сэссапины, не давая ей полностью расслабиться. Но все же от того, что она просто лежит, силы ее немного восстанавливаются, разум успокаивается, пока остывающий воздух не заставляет ее прийти в себя. Закат.

Она моргает. Обнаруживает, что почему-то обнимает Алебастра сзади. Он по-прежнему лежит, свернувшись комочком, но на сей раз его глаза закрыты, а тело расслаблено. Когда она садится,

он чуть вздрагивает и тоже поднимается.

— Мы должны поехать на узловую станцию, — выдавливает он хриплым голосом, что ее не удивляет.

— Нет, — отвечает она, слишком усталая, чтобы злиться, в конце концов совсем оставив попытки казаться вежливой. — Я не поеду верхом по боковой дороге по темноте, пока у меня сил нет. У нас не осталось сушеного торфа, и все остальное на исходе. Нам надо заехать в какую-нибудь общину и закупиться. А если ты хочешь заставить меня ехать в какой-то узел в заднице мира, то тебе придется отдать меня под суд за неповиновение.

Она прежде никогда не противилась приказу, потому немного не понимает последствий, но она слишком устала, чтобы думать об этом.

Он стонет и прижимает ладони тыльной стороной ко лбу, словно от головной боли, чтобы загнать ее поглубже. Затем он ругается на языке, который она слышала от него раньше. Она по-прежнему не понимает его, но теперь все больше уверена, что это язык каких-то креолов Побережья, что странно, поскольку он говорил, что был зачат и воспитан в Эпицентре. Но все же кто-то должен был воспитывать его первые несколько лет, прежде чем он стал достаточно взрослым,

чтобы попасть в гальки. Она слышала, что многие расы Восточного побережья темнокожи, как он, так что, возможно, она услышит такой язык, когда они доберутся до Аллии.

— Не поедешь со мной — один поеду, — резко отвечает он, перейдя наконец на разговорный санзийский. Он встает, ищет ощупью одежду и одевается, будто серьезно намерен ехать. Сиенит смотрит на него вытаращив глаза, поскольку его трясет так, что он едва может стоять. Если он в таком состоянии сядет в седло, он свалится.

— Эй, — говорит она, а он продолжает свои лихорадочные сборы, будто не слышит ее. — Эй! — Он дергается и зло смотрит на нее, и она запоздало понимает, что он действительно ее *не слышит*. Он слушал все время нечто совершенно другое — землю, свое внутреннее безумие, кто знает. — Ты убьешься.

— Мне плевать.

— Это же… — Она встает, подходит к нему, хватает его за руку как раз тогда, когда он тянется к седлу. — Это глупо, ты не…

– *Не говори мне, чего я не должен делать*. — Его рука как стальной трос, когда он наклоняется, чтобы прорычать это ей в лицо. Сиен чуть не пятится… но в упор она видит его налитые кровью

белки, безумный блеск, расширенные зрачки. С ним что-то *не так*. — Ты не Страж. Ты не смеешь приказывать мне.

— Ты с ума сошел? — Впервые с момента их встречи она… беспокоится. Он так легко использовал свою орогению, и она понятия не имеет, как он это сделал. Он настолько худ, что она, вероятно, легко могла бы отлупить его, но он заморозил бы ее после первого удара.

Он не дурак. Она должна заставить его понять.

— Я пойду с тобой, — твердо говорит она, и он смотрит на нее с такой благодарностью, что она ощущает себя мерзко после недавних нелестных мыслей о нем. — Как только *чуть рассветет*, чтобы мы могли спуститься на нижнюю дорогу, не сломав лошадям ноги, а себе шею. Хорошо?

Его лицо перекашивает болью.

— Слишком долго…

— Мы и так проспали весь день. А когда ты говорил об этом раньше, ты сказал, что туда ехать два дня. Если мы потеряем лошадей, насколько это затянется?

Это останавливает его. Он моргает, стонет, шатается, отпускает седло. Все залито алым светом заката. Вдалеке за его спиной виднеется скалистое формирование, высокий цилиндр, который с

первого взгляда Сиенит не может определить как искусственное или природное. Может, его поднял другой ороген, или это очередные древние руины, закамуфлированные лучше остальных. На фоне его Алебастр стоит, подняв глаза к небу, словно желает завыть. Его кулаки сжимаются и разжимаются, сжимаются и разжимаются.

— Узел, — говорит он в конце концов.

— Да? — Она тянет слова, пытаясь не дать ему услышать, что она потакает безумцу.

Он медлит, потом глубоко вздыхает.

— Ты знаешь, что толчки и извержения никогда не возникают ниоткуда, как в этот раз. Триггером этого, смещением, что нарушило равновесие горячей точки, был узел.

— Откуда ты… — Конечно, он знает, он же десятиколечник. Затем она осознает смысл. — Подожди, ты хочешь сказать, что все это запустил *узловик*?

— Именно это я и говорю. — Он оборачивается к ней, снова сжимая кулаки. — Теперь ты понимаешь, почему я хочу попасть туда?

Она тупо кивает. Она понимает. Потому что ороген, который запросто запускает супервулкан, не может сделать этого, не создав торус размером с небольшой город. Она невольно смотрит за лес,

в направлении узла. Отсюда она ничего не может увидеть, но где-то там ороген из Эпицентра уничтожил все живое в радиусе нескольких миль.

А затем возникает, наверное, самый важный вопрос: почему?

— Ладно, — внезапно выпаливает Алебастр. — Мы должны выехать утром и двигаться быстро как можем. Если поедем не напрягаясь, то это два дня, но если будем подгонять лошадей… — Он ускоряет речь, когда она открывает рот, и заглушает ее возражения как одержимый. — Если поторопим их, если выедем до рассвета, то успеем туда к ночи.

Возможно, большего от него она не добьется.

— Значит, на рассвете.

Она скребет голову. В волосы набилась дорожная пыль, она уже три дня не мылась. Завтра они должны будут проехать Высоту Адеа, небольшую общину, где она настояла бы остановиться в гостинице… но он прав. Они должны добраться до того узла.

— Но нам придется остановиться у очередного ручья или дорожного дома. У нас мало воды для лошадей.

Он стонет, сетуя на нужды смертной плоти. Но отвечает:

— Ладно.

Затем он садится на корточки у костра, берет остывшую дыню и разбивает ее, ест руками и методично жует. Вряд ли он ощущает ее вкус. Это просто топливо. Она ест другую дыньку, и остаток ночи проходит в тишине, если не в покое.

Утром — вернее, на исходе ночи — они садятся в седла и осторожно направляются к боковому спуску, который выведет их с виадука к наземной дороге. Когда они спускаются на уровень земли, встает солнце, Алебастр берет инициативу и пускает лошадь галопом, периодически позволяя ей перейти на шаг, чтобы отдохнуть. Сиен впечатлена — она думала, что он загонит их в порыве охватившей его спешки. По крайней мере, он не глуп. И не жесток.

Таким ходом они быстро выезжают на более людные и пересекающиеся нижние дороги, где обгоняют легкие телеги и случайных путников и несколько местных отрядов ополчения, которые быстро пропускают их, как только Сиен и Алебастр появляются. Ей это кажется почти иронией — в любое другое время их мундиры орогенов дают им широкий путь, поскольку орогенов никто не любит. Однако сейчас все должны почуять, чего чуть было не случилось в горячей точке.

Теперь они охотно дают дорогу, и на их лицах благодарность и облегчение. Эпицентр спешит на помощь. Сиен хочется рассмеяться им всем в лицо.

Они останавливаются на ночь и спят пару часов, и снова пускаются в путь с рассветом, и снова уже почти темно, когда впереди появляется узловая станция между двумя низкими холмами в конце извилистой дороги. Дорога тут не лучше протоптанной тропинки с остатками старого потрескавшегося асфальта, проложенного здесь как знак уважения цивилизации. Сама станция — очередной знак уважения. Они проехали по дороге десятки общин, каждая из которых демонстрировала дикую смесь архитектуры — местной, причуд более богатых членов общины, дешевой имитации стиля Юменеса. Однако станция — чистый представитель Древней империи: огромные мрачные стены темно-красного кирпича из вулканического шлака окружают комплекс из трех маленьких пирамид и более высокой центральной. Ворота сделаны из какого-то похожего на сталь металла, что заставляет Сиен поморщиться. Металлические ворота никогда не ставят там, где хотят настоящей безопасности. Но на станции нет никого, кроме живущего там орогена и

персонала, обслуживающего его или ее. В узлах нет даже схронов, поскольку они полагаются на постоянное снабжение из ближних общин. Вряд ли кто захочет украсть что-то из этих стен.

Алебастр застает Сиен врасплох, резко натянув поводья лошади довольно далеко перед воротами и, прищурившись, глядя на станцию.

— Что?

— Никто не выходит, — говорит он почти про себя. — За воротами нет движения. Не слышу ничего изнутри. А ты?

Она слышит только тишину, и больше ничего.

— Сколько людей там должно быть? Узловик, Страж и…?

— Узловикам не нужен Страж. Обычно там группа из шести солдат-имперцев, которые располагаются на станции для защиты узловика. Повара и все такое прочее для его обслуживания. И всегда минимум один врач.

Столько головоломок в нескольких словах. Ороген, которому не нужен Страж? Узловики всегда ниже четырехколечников, а низкоколечникам никогда не позволяют выходить из Эпицентра без Стражей или хотя бы одного старшего. Солдаты — это понятно, иногда суеверные местные не различают обученных в Эпицентре орогенов и

прочих. Но врач-то зачем?

Неважно.

— Вероятно, все мертвы, — говорит она, но уже сомневается в своем выводе. Лес вокруг них должен тоже быть мертвым на много миль вокруг — деревья, животные, мгновенно замерзшая и раскисшая в грязь почва. И все люди, путешествующие по дороге, должны были умереть. Откуда же иначе мог узловик взять достаточно сил, чтобы расшевелить горячую точку? Но все казалось в порядке — за исключением тишины на узловой станции.

Внезапно Алебастр посылает лошадь вперед, и времени на вопросы не остается. Они поднимаются по холму к закрытым, запертым вратам, которые Сиен не знает, как открыть, если внутри нет никого. Затем Алебастр шипит, подается вперед, и на мгновение перед ней вспухает узкий торус — не вокруг них, но вокруг врат. Она никогда такого прежде не видела, никто никогда не окружал торусом не себя, а что-то другое, но, наверное, десятиколечники такое умеют. Ее лошадь издает короткое нервное ржание, перед ними внезапно возникает воронка снега и холода, и она вынуждена натянуть поводья, чтобы остановить лошадь, и та пятится еще на несколько

шагов. В следующий момент что-то скрежещет и трескается за воротами. Алебастр дает торусу исчезнуть, когда одна из огромных стальных створок распахивается. Он уже спешился.

— Подожди, дай прогреться, — начинает было Сиен, но он не обращает на нее внимания и идет к воротам, даже не удосуживаясь смотреть под ноги на скользкий, обледеневший асфальт.

Ржавь земная. Сиен спешивается, привязывает повод к наклонному деревцу. После целого дня езды ей придется дать лошадям остыть, прежде чем напоить и накормить их и как минимум почистить — но что-то в этом большом, мрачном, молчаливом строении беспокоит ее. Она не понимает, что именно. Потому она не расседлывает лошадей. Так, на всякий случай. Затем она следует за Алебастром внутрь.

Внутри тихо и темно. В этой дыре нет электричества, только масляные светильники, но они выгорели. За металлическими воротами большой открытый двор, с галереями вдоль внутренних стен и зданий, чтобы любой посетитель оказался на линии огня снайперов. Тот же супергостеприимный вход, как у любой хорошо охраняемой общины, но в гораздо меньшем масштабе. Но *во* дворе нет никого, хотя Сиен замечает у одной

стены стол и кресла, где охранники не так давно наверняка играли в карты и ели. Во всем строении ни звука. Двор вымощен вулканическим шлаком, вытертый и выбитый шагами в течение многих лет, но сейчас она не слышит звука шагов. С одной стороны двора находятся стойла, но дверь закрыта, и внутри тихо. Возле ближайшей к воротам стены стоят сапоги, покрытые полосой подсыхающей грязи — их, скорее всего, бросили, чем аккуратно поставили здесь. Если Алебастр прав и здесь стоят имперские солдаты, они явно из тех, кто не ждет инспекции. Она понимает — назначение сюда вряд ли награда.

Сиен мотает головой. Затем она улавливает животный запах из стойла, что заставляет ее напрячься. Она чует лошадей, но не видит их. Она подходит ближе — ее кулаки сжимаются, и она вынуждена заставить себя их разжать — заглядывает поверх первой двери стойла, затем в остальные для полного осмотра.

Три дохлые лошади распростерлись на соломе. Еще не распухли, вероятно, потому, что только головы и ноги животных обмякли. Тело каждой лошади покрыто коркой льда и конденсатом, по большей части еще замороженное. Двухдневной давности, думает она.

В центре строения находится маленькая пирамида из кирпича с собственными внутренними каменными воротами, хотя они сейчас открыты. Сиенит не видит, куда делся Алебастр, но догадывается, что он внутри пирамиды, поскольку там должен находиться узловик.

Она взбирается на стул и при помощи находящейся рядом кремневой искрицы зажигает одну из масляных ламп, затем сама идет внутрь — теперь она движется быстрее, поскольку знает, что увидит. Да, в темных коридорах пирамиды она видит солдат и обслугу, которые прежде тут жили — кто-то упал на бегу, кто-то прижался к стене, кто-то упал, простерши руки к центру здания. Некоторые пытались убежать от неизбежного, а кто-то пытался остановить его источник. Никто не преуспел.

Затем Сиен обнаруживает узловую камеру.

Такой она и должна быть. Она находится в середине здания, за элегантной аркой, украшенной бледно-розовым мрамором с барельефом, изображающим корни деревьев. Камера за ней перекрыта высоким сводом, там темно. Она пуста, за исключением самого центра, в котором находится большое… нечто. Она назвала бы это креслом, если бы не провода и ремни, из которых

оно состоит. С виду не слишком приятное, если не считать, что в нем полулежа сидит его хозяин. Там сидит узловик, стало быть…

О. О.

Проклятая, жженая земля!

Алебастр стоит на возвышении, на котором находится это проволочное кресло, глядя на труп узловика. Он не смотрит на нее, когда она подходит. Его лицо неподвижно. Не печально, не сурово. Просто маска.

— Даже самые малые из нас могут послужить всеобщему благу, — говорит он без намека на иронию.

Тело в кресле маленькое, обнаженное. Руки и ноги атрофированы. Волос нет. Вокруг трубки, насадки и… прочее, для чего у нее нет слов, и все это входит в тощие ручки, в выпирающую гортань, узкий таз. На животе трупа находится эластичный мешок, каким-то образом там *закрепленный* и полный… ох. Мешок надо бы заменить.

Она концентрируется на всем этом, на мелких деталях, поскольку это помогает. Поскольку часть ее бормочет, и заставить ее замолчать, удержаться внутри она может лишь сосредоточившись на том, что она видит. Действительно, это гениально сделано. Она не знала, что в теле

можно вот так поддерживать жизнь, сделав его неподвижным, против его воли, бесконечно. Она сосредотачивается на том, как это сделано. Проволочная рама особенно гениальна — рядом есть рычаг с рукояткой, так что все устройство можно переворачивать, чтобы легче было мыть. Проволока сводит к минимуму образование пролежней, наверное. В воздухе висит смрад болезни, но рядом целая полка микстур и таблеток — это понятно, поскольку нужны куда более качественные антибиотики, чем обычный производимый общинами пенициллин, чтобы сделать что-то вроде этого. Возможно, одна из насадок как раз и предназначена, чтобы вводить препараты в узловика. А эта — чтобы закачивать в него пищу, а эта для отвода мочи, ох, а это салфетка, чтобы стирать слюну.

Но она видит и всю картину, невзирая на свои усилия сконцентрироваться на мелочах. Узловик — ребенок, которого держали в таком состоянии месяцы или годы. *Ребенок*, чья кожа почти такая же темная, как и у Алебастра, и чьи черты лица были бы такими же, не будь он так истощен.

— Что же… — все, что она может сказать.

— Порой роггу невозможно научить держать контроль.

Сейчас она понимает, что он преднамеренно допустил это ругательное слово. Расчеловечивающее слово для того, кто превращен в вещь. Это помогает. Голос Алебастра звучит ровно, безэмоционально, но подбор слов выражает все.

— Иногда Стражи ловят дичка, слишком взрослого для обучения, но достаточно юного, чтобы не убивать его зря. Иногда замечают среди галек слишком чувствительного, который вряд ли сможет себя контролировать. Эпицентр некоторое время пытается таких учить, но если ребенок перестает развиваться темпами, которые Страж считает подходящими, Мать-Санзе всегда найдет им другое применение.

— Как… — Сиен не может оторвать глаз от лица, лица *мальчика*. Его глаза открыты, они коричневые, но затуманенные смертью и застывшие. Она отстраненно удивляется, что ее не выворачивает. — Как *вот это*? Пламя подземное, Алебастр, я же *знаю* детей, которых забрали в узлы. Я не… это не…

Алебастр расслабляется. Она не понимала, насколько жестко он держит себя, пока он не наклоняется, чтобы пропустить руку под шеей ребенка, поднять его слишком большую голову и повернуть.

— Тебе надо это увидеть.

Она не хочет, но все же смотрит. На бритом затылке ребенка виден длинный, механический зарубцевавшийся шрам с точками давно затянувшихся швов. В самом соединении позвоночника и черепа.

— Сэссапины рогги больше и сложнее, чем у нормальных людей. — Когда она достаточно насмотрелась, Алебастр отпускает голову ребенка. Она глухо падает в проволочную колыбель, тяжело и безразлично, и Сиен подпрыгивает. — Довольно просто нанести здесь и здесь повреждение, чтобы полностью разрушить личность рогги, но оставить возможность использовать его *инстинкты*. Если рогга переживет операцию.

Гениально. Да. Новорожденный ороген может остановить землетрясение. Это врожденное, даже более верное умение, чем способность сосать грудь — и из-за этой способности орогенов-детей убивают чаще, чем кого бы то ни было. Лучшие из них проявляют себя прежде, чем успевают повзрослеть достаточно, чтобы осознавать опасность.

Но свести ребенка к одним инстинктам, к одной способности останавливать землетрясения…

Нет, ее просто должно вывернуть.

— Дальше все просто. — Алебастр вздыхает, словно читает особенно скучную лекцию в Эпицентре. — Накачивай лекарствами, чтобы подавить инфекции и прочее, поддерживай его достаточно живым, чтобы он мог функционировать, и ты получишь то, чего не может предоставить даже Эпицентр — надежный, безопасный, абсолютно полезный источник орогении. — Точно так же как Сиенит не может понять, почему ее не рвет, она не понимает, почему он не кричит. — Но, полагаю, кто-то сделал ошибку, позволив вот этому очнуться.

Он смотрит в сторону, Сиенит следит за его взглядом и видит труп мужчины у дальней стены. Он одет не как солдаты. Он в гражданском, и одет он хорошо.

— Врач? — Ей удается говорить таким же отстраненным, ровным голосом, что и Алебастр. Так проще.

— Возможно. Или какой-то местный, заплативший за эту привилегию. — Алебастр по-настоящему *пожимает плечами*, показывая на все еще яркий синяк на верхней части бедра ребенка. Это отпечаток руки, четко видный даже на темной коже. — Мне рассказывали, что многим нравятся такие развлечения. Фетиш беспомощности, в

общем и целом. Но им нравится больше, когда жертва осознает, что они делают.

— Ох, Земля, Алебастр, ты же не хочешь сказать…

Он снова перебивает ее, словно она ничего и не говорила.

— Проблема в том, что узловики ощущают ужасную боль, когда используют орогению. Все из-за тех самых повреждений. Поскольку они не могут удержаться от реакции на любой толчок в окрестностях, даже на микротолчки, считается гуманным постоянно держать их на седативных средствах. И все орогены инстинктивно реагируют на любую осознанную угрозу…

Ага. Вот оно.

Сиенит, шатаясь, отступает к ближайшей стене, и ее рвет сушеными абрикосами и вяленым мясом, которые она заставила себя проглотить, пока они верхом ехали к станции. Это неправильно. Это все неправильно. Она думала… она не думала… она не знала…

Затем, отерев рот, она поднимает взгляд и видит, как Алебастр смотрит на нее.

— Как я и сказал, — завершает он очень тихо, — каждый рогга должен побывать в узле хотя бы раз.

— Я не знала, — размазывает она слова запястьем. Слова не имеют смысла, но она должна их сказать. — Не знала.

— Думаешь, это имеет значение? — Безэмоциональность его лица и голоса почти жестоки.

— Это имеет значение для *меня*!

— Думаешь, *ты* имеешь значение? — Он вдруг улыбается. Улыбка его уродливая, холодная, как исходящий ото льда пар. — Думаешь, хоть кто-то из нас имеет для них значение, кроме того, что мы можем для них сделать? Повинуемся мы или нет. — Он резко показывает головой на труп осквернённого, убитого ребенка. — Думаешь, он имел значение после всего, что с ним сделали? Единственная причина, почему того же самого не сделали со всеми нами, — это то, что мы более разносторонни, более полезны. Если контролируем сами себя. Но каждый из нас для них — лишь очередное оружие. Просто полезное чудовище, новая капля крови для добавления в породную линию. Просто очередной хренов *рогга*.

Прежде она никогда не слышала столько ненависти в единственном слове. Но на сей раз, стоя рядом с окончательным доказательством всемирной ненависти, холодным, смердящим, она даже не могла вздрогнуть. Потому что. Если Эпицентр

способен на такое, или Стражи, или Лидеры Юменеса, или геоместы, или все, что приходит в кошмарах, то незачем приукрашивать то, чем на самом деле являются люди вроде Сиенит или Алебастра. Они вовсе не люди. Не *орогены*. Вежливость — оскорбление перед лицом всего, что она видела. *Рогги*. Вот кто они такие.

Через мгновение Алебастр поворачивается и покидает помещение.

* * *

Они разбивают лагерь в открытом дворе. В здании станции есть весь тот комфорт, которого так недостает Сиен: горячая вода, мягкая постель, еда, состоящая не только из долгого хлеба и сушеного мяса. Но во дворе трупы, по крайней мере не человеческие.

Алебастр сидит, молча глядя в костер, разведенный Сиенит. Он завернулся в одеяло, в руках у него чашка чая, заваренного ею. Она хотя бы пополнила их запасы из того, что было на станции. Она не видела, чтобы он пил из чашки. Было бы лучше, думает она, если бы она могла налить ему чего покрепче. Или нет. Она не уверена, что может натворить ороген его уровня, если напьется. Потому и предполагается, что они не должны

пить… но сейчас есть причина, чтоб ее… Да гори все огнем.

— Дети — наша погибель, — говорит Алебастр. Его глаза полны пламени.

Сиенит кивает, хотя и не понимает. Он говорит. Это хорошо.

— Думаю, у меня двенадцать детей. — Алебастр плотнее запахивает одеяло. — Я не уверен. Мне не всегда говорят. И не всегда я после встречаюсь с их матерями. Но думаю, что двенадцать. И не знаю, где бóльшая их часть.

Весь вечер, когда он заговаривает, выдает какие-то случайные факты. Сиенит не может заставить себя отвечать на большинство его заявлений. Так что это не совсем разговор. Однако это заставляет ее заговорить, поскольку она об этом думает. О том, как этот мальчик среди проволоки напоминает Алебастра.

— Наш ребенок, — начинает она.

Он встречается с ней взглядом и снова улыбается. На сей раз по-доброму, но она не уверена, следует ли верить улыбке или ненависти под ее поверхностью.

— О, это всего лишь возможная судьба. — Он кивает на мрачные красные стены станции. — Наш ребенок может стать вторым мной и вырваться

за пределы рангов колец, установив новые стандарты орогении. Стать легендой Эпицентра. Или она будет середнячком и не сделает ничего заметного. Просто очередная четырех-пятиколечница, которая будет расчищать заросшие кораллами гавани и в свободное время делать детей.

Он говорит настолько, ржавь его побери, *весело*, что трудно слышать слова, а не его тон. Тон успокаивает, а часть ее хочет утешения прямо сейчас. Но его слова держат ее на пределе, раня, как осколки стекла среди гладких мраморных шариков.

— Или глухачей, — говорит она. — Даже двое рогг… — трудно выговаривать это слово. Но еще труднее сказать *орогенов*, поскольку этот более вежливый термин сейчас звучит лживо. — Даже мы можем породить глухача.

— Надеюсь, нет.

— Надеешься, что *нет*? — Это лучшая судьба, которую она может представить для своего ребенка.

Алебастр протягивает руки к костру, чтобы согреть их. Он носит свои кольца, осознает она. Он почти никогда их не надевает, но в какой-то момент, еще не доехав до станции, даже когда страх за то, что это его ребенок, горел в его кро-

ви, он подумал о своем имуществе и надел их. Некоторые кольца блестят в свете костра, другие тусклы — по одному на каждом пальце, включая большой. Шесть пальцев Сиенит чуть-чуть зудят из-за своей наготы.

— Любой ребенок двух окольцованных орогенов Эпицентра, — говорит он, — тоже должен быть орогеном. Но это не совсем точно. Это не *наука*, это мы. В этом нет логики. — Он бледно улыбается. — Для безопасности Эпицентр считает каждого ребенка, рожденного от любого рогги, потенциальным роггой, пока не становится очевидным обратное.

— Но ведь как только это становится очевидным, они становятся… *людьми*. — Это ее единственная надежда. — Может, кто-то примет их в хорошую общину, отправит в нормальные ясли, позволит им заслужить имя…

Он вздыхает. И в этом такая усталость, что Сиен замолкает в смятении и мрачных предчувствиях.

— Ни одна община не примет нашего ребенка, — говорит он медленно и взвешенно. — Орогения может не проявиться в одном поколении, может, в двух-трех, но потом она всегда возвращается. Отец-Земля никогда не забывает о нашем

долге перед ним.

Сиенит хмурится. Он говорил такое и прежде, то, что заставляет вспомнить рассказы лористов об орогенах — что они оружие не Эпицентра, а полной ненависти, ждущей своего часа планеты у них под ногами. Планеты, которая хочет лишь одного — смести эту плесень жизни, что расплодилась на ее некогда девственной поверхности. В речах Алебастра есть нечто, что заставляет ее думать, что он *верит* этим древним сказкам хотя бы немного. Может, и правда верит. Может, ему удобно считать, что у таких, как он, есть цель, пусть и страшная.

Сейчас она не готова слушать всякую мистику.

— Хорошо, никто ее не примет. — «Она» выбрано наугад. — И что тогда? Эпицентр не держит глухачей.

Глаза Алебастра подобны его кольцам. В один момент они отражают блеск, в другой становятся тусклыми.

— Нет. Она станет Стражем.

О, ржавь!

Это многое объясняет.

Алебастр поднимает взгляд в ответ на ее молчание.

— Так. Забудь все, что ты видела сегодня.

– *Что*?

— То, в кресле, не было ребенком. — Сейчас в его глазах нет света. — Это не был мой ребенок, это не был вообще чей-нибудь ребенок. Это было ничто. Никто. Мы стабилизировали горячую точку и выяснили, какое событие почти привело ее к взрыву. Мы проверили, нет ли выживших, и не нашли никого, и это мы телеграфируем в Юменес. И это мы оба будем говорить по возвращении, если нас будут спрашивать.

— Я… я не знаю, смогу ли…

Мертвый, бессмысленный взгляд ребенка. Как же ужасно застрять в бесконечном кошмаре. Проснуться в муке и увидеть ухмылку какого-то мерзкого паразита. Она ощущала лишь жалость к мальчику и облегчение от его избавления.

— Ты сделаешь так, как я сказал. — Голос его как удар бича, и она ожигает его взглядом, мгновенно придя в бешенство. — Будешь жалеть — говори, что жалеешь утрату ресурса. Спросят — говори, что рада его смерти. Прочувствуй это. Поверь в это. В конце концов, он едва не убил несчетное количество народу. И если тебя будут спрашивать, отвечай, что понимаешь, почему они с нами так поступают. Ты знаешь, что это для нашего же блага. Для всеобщего блага.

— Ты сволочной ублюдок, я не знаю…

Он смеется, и она вздрагивает, поскольку бешенство возвращается, быстро, как удар бича.

— Не доводи меня сейчас, Сиен. Пожалуйста, не надо. — Он продолжает смеяться. — Я получу выговор, если убью тебя.

Наконец-то угроза. Ну ладно. Пусть только заснет. Придется закрыть ему лицо, когда она будет перерезать ему глотку. Даже смертельная рана приводит к смерти через пару секунд, и если за этот короткий промежуток он направит на нее орогению, ей конец. Но, не видя ее, он вряд ли сумеет точно сфокусироваться на ней, или если его отвлечет удушье…

Он продолжает смеяться. Жестко. Именно тогда Сиенит замечает нарастающую дрожь вокруг. *Почти* в слое под ней. Она хмурится, отвлекшись от мыслей, тревожится, думая, не горячая ли это точка снова, и потом, запоздало, понимает, что это не дрожь, это какое-то ритмическое сотрясение. В такт к нарастанию хриплого смеха Алебастра.

Когда она пялится на него, оцепенев, он даже хлопает себя по колену. Он продолжает смеяться, поскольку *хочет* разрушить все, что видит. И уж если его полумертвый, полувыросший сын смог запустить супервулкан, то даже сказать невоз-

можно, что сможет устроить отец ребенка, если пожелает. Или случайно, упустив на мгновение контроль.

Руки Сиен, лежащие на коленях, сжимаются в кулаки. Она сидит, вогнав ногти в ладони, пока он, наконец, не берет себя в руки. Это получается не сразу. Даже когда он перестает хохотать, он закрывает лицо руками и время от времени хихикает, и плечи его вздрагивают. Может, он плачет. Она не знает. Да ей все равно.

Наконец, он поднимает голову и делает глубокий вдох.

— Извини, — говорит он в конце концов. Смех прекратился, но он опять весел. — Давай поговорим о чем-нибудь другом?

— Где, ржавь побери, твой Страж? — Она так и не разжала кулаки. — Ты же чокнутый!

Он ржет.

— Я уже много лет как обезопасился от нее.

Сиен кивает.

— Ты убил ее.

— Нет. Я что, дурак? — Короткий досадливый смешок. Сиен до ужаса боится его и теперь без стыда признается в этом себе. Но он это замечает, и что-то в его поведении меняется. Он делает еще один глубокий вдох и обмякает. — Черт.

Извини…

Она ничего не отвечает. Он печально еле заметно улыбается, словно не ожидал от нее такого. Затем он встает и раскатывает спальный мешок. Она смотрит, как он ложится спиной к огню, смотрит, пока дыхание его не становится медленным. Только тогда она расслабляется.

И подпрыгивает, когда он очень тихо заговаривает с ней.

— Ты права, — говорит он. — Я уже много лет безумен. Останешься со мной надолго — тоже спятишь. Если ты видела и поняла достаточно, то это главное. — Он испускает долгий вздох. — Если ты меня убьешь, окажешь большую услугу всему миру.

После он ничего не говорит.

Сиен раздумывает над его последними словами дольше, чем, наверное, следовало бы. Затем она сворачивается калачиком, чтобы поспать, как получится, на жестких камнях двора, завернувшись в одеяло и подложив под голову седло. Лошади беспокойно переступают с ноги на ногу, как весь вечер, они чуют смерть на станции. Но, наконец, и они засыпают, и Сиенит тоже. Она надеется, что в конце концов заснет и Алебастр.

Позади, над дорогой, по которой они приехали,

проплывает турмалиновый обелиск и скрывается за горой, неуклонно следуя своим курсом.

* * *

Лето, Осень, Весна, Зима, пятая – Смерть, что всему госпожа.

Арктическая поговорка

Интерлюдия

Дефект узора. Узелок в утке. Есть то, что следует замечать. То, чего недостает и чье отсутствие подозрительно.

Заметь, к примеру, что никто в Спокойствии не говорит об островах. И не потому, что островов нет или они необитаемы, как раз наоборот. Это потому, что острова формируются возле разломов или поверх горячих точек, что означает, что в планетарных масштабах они эфемерны, извержение или очередное цунами — и нет их. Но ведь и люди в планетарных масштабах эфемерны. Количество вещей, о которых не упоминают, просто астрономическое.

Люди Спокойствия не говорят о других континентах, хотя закономерно предположить, что они где-то существуют. Никто не путешествовал по миру, чтобы точно сказать, что их нет. Мореплавание достаточно опасно с учетом необходимости пополнения припасов и цунами, которые всего сто футов высотой, в отличие от легендарных водяных гор, гуляющих в открытом океане. Они просто принимают на веру

обрывки знаний, полученных от более отважных цивилизаций, говорящих, что больше ничего нет. Точно так же никто не говорит о небесных объектах, хотя здесь небеса населены, как и везде во вселенной. По большей части это потому, что внимание людей привлечено к земле, а не к небу. Они видят то, что там есть — звезды, солнце, случайные кометы или падучую звезду. Они не замечают того, чего недостает.

Но как иначе? Как можно увидеть, что недостает того, что ты никогда, никогда не представлял себе? Это за пределами человеческой природы. Какое счастье, что в этом мире существует не только человечество.

9

Сиенит среди врагов

Они прибывают в Аллию через неделю, под голубым полуденным небом, абсолютно чистым, если не считать мерцающего где-то вдалеке от берега пурпурного обелиска.

Аллия — крупная для Побережья община. Конечно, до Юменеса ей далеко, но вполне солидная. Это настоящий город. Бóльшая часть ее жилых районов, магазинов и индустриальных кварталов втиснуты в чашу природной гавани с отвесными стенами, образовавшуюся из древней кальдеры, рухнувшей с одной стороны. С каждой стороны на расстоянии нескольких дней пути рассыпаны другие поселения. По дороге сюда Сиенит и Алебастр останавливаются у первого же скопления домов и фермерских построек, расспрашивают и, игнорируя злые взгляды, которые вызывают их черные мундиры, выясняют, что поблизости есть несколько гостевых домов. Они минуют первый, в котором могли бы остановиться, поскольку какой-то молодой человек с фермы решил следовать за ними несколько миль, придерживая

лошадь, чтобы держаться вне, как он полагал, их радиуса поражения. Он один, и он ничего не говорит, но один человек может легко обрасти целой бандой, потому они решают ехать дальше, надеясь, что усталость одолеет его ненависть — и, в конце концов, он действительно разворачивает лошадь и возвращается туда, откуда приехал.

Следующий гостевой дом отнюдь не такой приличный, как первый, но и не такой плохой — это старый приземистый оштукатуренный дом, повидавший несколько Зим, но крепкий и хорошо ухоженный. Кто-то посадил на каждом его углу розовые кусты и позволил плющу оплести стены. Вероятно, это означает, что при наступлении следующей Зимы этот дом рухнет, но это не проблема Сиенит. За одну комнату на двоих и стойло для двух лошадей им приходится заплатить два имперских перламутра. Это такая откровенная обдираловка, что Сиенит смеется в лицо хозяйке, не успев взять себя в руки. (Женщина злобно смотрит на них.) К счастью, Эпицентр понимает, что орогенам в поле приходится порой давать на лапу местным, чтобы те вели себя пристойно. Сиенит и Алебастру щедро отсыпали средств и выдали письмо-аккредитив, чтобы получить еще наличных, если понадобится. Так что они платят

хозяйке, сколько она просит, и вид этих милых беленьких монеток делает их черные мундиры для нее сносными, хотя бы на время.

Лошадь Алебастра хромает после скачки к узловой станции, так что, прежде чем разместиться, они ищут скототорговца и меняют хромое животное. Взамен они получают резвую молодую кобылку, которая так скептически смотрит на Алебастра, что Сиенит снова невольно смеется. Хороший день. После хорошего отдыха в настоящих кроватях они продолжают путь.

Ворота Аллии массивны и даже более демонстративно громоздки и изукрашены, чем ворота самого Юменеса. Но они металлические, а не из настоящего камня, отчего смотрятся как безвкусная подделка, каковой они и являются. Сиен не понимает, как эта хреновина может вообще что-нибудь защищать, невзирая на факт, что они имеют пятьдесят футов в высоту и сделаны из цельных пластин хромированной стали с легкой чеканкой для украшения. Во время Зимы первый же кислотный дождь разъест болты, а хорошее шестибалльное землетрясение приведет к перекосу пластин, и громадина перестанет закрываться. Ворота явно говорят, что у общины много денег и мало камнелористов, чтобы на-

ставлять касту Лидеров.

Ворота охраняет горстка Опор, все в красивых зеленых униформах местного ополчения. Большинство сидят вокруг, читая книги, играя в карты или другим способом отвлекаясь от отслеживания движения сквозь ворота. Сиен старается не кривиться при виде такой жалкой дисциплины. В Юменесе они были бы вооружены, откровенно стояли бы начеку и по крайней мере замечали бы всякого входящего. Один из Опор действительно меряет их оценивающим взглядом, заметив их мундиры, затем жестом пропускает их, задержав взгляд на кольцах Алебастра. На руки Сиен он даже не смотрит, что приводит ее в крайне мерзкое настроение, когда они наконец выбираются из мощеного лабиринта городских улиц и подъезжают к особняку губернатора.

Аллия — единственный крупный город в этом квартенте. Сиен не может припомнить названия еще трех общин этого квартента или как это государство называлось, прежде чем стать номинальной частью Санзе, — некоторые старинные государства вернули себе прежние названия, когда Санзе ослабила контроль, но система квартентов работала лучше, так что это не имеет значения. Она знает, что это сельскохозяйствен-

ный и рыболовецкий регион, и такая же дыра, как любая прибрежная область. Несмотря на все это, особняк губернатора впечатляюще красив: со своими изящными архитектурными юменесскими чертами вроде карнизов, стеклянных окон и да, одиночного декоративного балкона, выходящего на обширный передний двор. Другими словами, совершенно ненужная игрушка, которую, вероятно, приходится ремонтировать после каждого даже самого небольшого землетрясения. И зачем они выкрасили все здание в ярко-желтый цвет? Он похож на гигантский четырехугольный овощ.

У дверей особняка они отдают лошадей конюху и становятся на колени во дворе, чтобы служанка из касты Стойкость намылила и вымыла им руки — местная традиция, чтобы снизить риск распространения инфекции среди Лидеров общины. После этого очень высокая женщина, почти такая же темнокожая, как Алебастр, одетая в белый вариант формы ополчения, выходит во двор и коротким жестом велит им следовать за собой. Она ведет их сквозь особняк в небольшую гостиную, где закрывает дверь и садится за стол.

— Вы довольно долго сюда добирались, — говорит она вместо приветствия, глядя на что-то у

себя на столе и безапелляционно приказывая им жестом садиться. Они садятся в кресла по другую сторону стола. Алебастр скрещивает ноги и складывает ладони с непроницаемым выражением лица. — Мы ожидали вашего приезда неделю назад. Вы хотите проследовать в гавань прямо сейчас или сделаете это отсюда?

Сиенит открывает было рот, чтобы ответить, что она лучше поехала бы в гавань, поскольку никогда прежде не убирала коралловый барьер, а вблизи она лучше поймет, как это сделать. Однако прежде чем она успевает раскрыть рот, вмешивается Алебастр.

— Прошу прощения, — говорит он, — кто вы?

Сиенит захлопывает рот и смотрит на него во все глаза. Он вежливо улыбается, но в его улыбке чувствуется острый край, что тут же заставляет Сиенит насторожиться. Женщина сверлит его взглядом, буквально излучая оскорбленность.

— Мое имя Азаэль Лидер Аллия, — медленно говорит она, словно разговаривает с ребенком.

— Алебастр, — отвечает он, касаясь своей груди и кивая. — Мою коллегу зовут Сиенит. Но, простите, мне нужно не ваше имя. Мне сказали, что губернатор этого квартента мужчина.

В этот момент Сиенит все понимает и реша-

ет подыграть. Она не понимает, *почему* он так поступает, но нормального пути понять его действия не существует. Женщина и не понимает, ее челюсть заметно твердеет.

— Я заместитель губернатора.

У большинства квартентов есть губернатор, вице-губернатор и сенешаль. Возможно, эта община старается переплюнуть необходимые требования Экваториалей, вводя дополнительные уровни бюрократии.

— И сколько у губернатора заместителей? — спрашивает Сиенит, и Алебастр укоризненно цокает.

— Мы должны соблюдать вежливость, Сиен, — говорит он. Он по-прежнему улыбается, но он в бешенстве, это она видит по тому, как много зубов он обнажает в улыбке. — В конце концов, мы всего лишь орогены. А это член самой уважаемой в Спокойствии функционал-касты. Мы здесь всего лишь чтобы проявить силу, слишком огромную для ее понимания, чтобы спасти экономику ее региона, в то время как *она…* — Он грозит женщине пальцем, даже не пытаясь скрыть сарказма. — Она педантичная мелкая бюрократка. Но уверена, что она *очень важная* мелкая бюрократка.

Женщина недостаточно светлокожая, чтобы румянец выдал ее, но все верно — ее жестко выпрямленная спина и вздрагивающие ноздри говорят достаточно. Она переводит взгляд с Алебастра на Сиенит, затем снова на него, что Сиенит полностью понимает. Никто так не умеет раздражать, как ее наставник. Она ощущает внезапную извращенную гордость.

— У губернатора шесть заместителей, — говорит она наконец, отвечая на вопрос Сиенит, ожигая взглядом улыбающегося Алебастра. — И то, что я заместитель, не имеет значения. Губернатор — очень занятой человек, а это не слишком важное дело. Потому для него достаточно *мелкого бюрократа*, не так ли?

— Это не мелкое дело. — Алебастр уже не улыбается, хотя по-прежнему сидит в расслабленной позе, сложив пальцы вместе. Он выглядит так, словно раздумывает, не разозлиться ли, хотя Сиенит знает, что он уже зол. — Я могу сэссить кораллы уже отсюда. Вашу гавань почти невозможно использовать. Скорее всего, тяжелые грузовые корабли уже лет десять заходят в другие прибрежные общины. Если не дольше. Вы согласились заплатить Эпицентру такую огромную сумму — я знаю, что она огромна, поскольку к

вам прислали меня, — значит, вы надеетесь, что расчистка гавани восстановит вашу утраченную торговлю, иначе вы никогда не расплатитесь с долгами, прежде чем следующее цунами вас сметет. Значит, мы, мы двое… — Он показывает на Сиен и снова складывает пальцы. — Мы, ржавь земная, ваша единственная надежда.

Женщина не шевелится. Сиенит не может понять выражения ее лица, но она напряжена и еле заметно подобралась. Страх? Возможно. Скорее всего, реакция на словесные стрелы Алебастра, которые явно уязвили ее нежное мяско.

Он продолжает.

— Так что меньшее, что вы можете сделать, так это в первую очередь выказать нам гостеприимство, затем представить нас человеку, который заставил нас проделать путь в несколько сотен миль для решения вашей мелкой проблемы. Это ведь просто вежливость. Верно? Именно так принято встречать высокопоставленных официальных представителей. Вы не согласны?

Вопреки себе Сиен хочется захихикать.

— Хорошо, — наконец выдавливает из себя женщина с ощутимой ломкостью в голосе. — Я передам ваш… запрос… губернатору. — Затем она улыбается, опасно сверкнув белыми зубами. — Я

также передам ваше неудовольствие вместе с нашим обычным протоколом касательно приема гостей.

— Если вы так принимаете гостей, — говорит Алебастр, оглядываясь по сторонам с той отточенной надменностью, которую в полной мере способен выразить лишь уроженец Юменеса, — то тогда вам *следует* передать наше неудовольствие. Значит, прямо к делу? Даже без чашечки сафе, чтобы нам освежиться после долгого путешествия?

— Мне сказали, что вы остановились в пригородном районе на ночь.

— Да, и это немного привело нас в порядок. Жилье также… менее чем удовлетворительно. — Это неправда, думает Сиен, поскольку в гостевом доме было тепло и постели удобные — хозяйка была подчеркнуто вежлива, как только получила деньги. Но остановить его было невозможно. — Когда вы в последний раз проделывали верхом пятнадцать сотен миль, заместитель губернатора? Будьте уверены, вам для отдыха потребовалось бы больше одного дня.

Ноздри женщины едва не раздуваются. Но все же она Лидер. Семья должна была вышколить ее, научить держать удар.

— Прошу прощения. Я не подумала.

— Не подумали. — Алебастр внезапно встает, и хотя это движение гибкое и не угрожающее, Азаэль вздрагивает, словно он вот-вот набросится на нее. Сиен тоже встает — запоздало, поскольку Алебастр застал ее врасплох, — но Азаэль даже не смотрит на нее.

— Мы остановимся в гостинице, которую проехали по дороге сюда, — говорит Алебастр, не обращая внимания на беспокойство женщины. — Где-то через две улицы. С каменной киркхушей на фасаде. Не помню названия.

— «Конец Зимы», — еле слышно говорит женщина.

— Да, похоже. Пусть счет пришлют туда.

Азаэль тяжело дышит, сжимая лежащие на столе руки в кулаки. Сиен удивлена. Поскольку гостиница — весьма разумная просьба, пусть и дороговата… а, так проблема в этом! У заместителя губернатора нет полномочий платить за их размещение. Если ее начальство это разозлит, то сумму вычтут из ее жалованья.

Но Азаэль Лидер продолжает вести вежливую игру и не орет на них, как почти ожидала Сиен.

— Конечно, — говорит она, даже изображая улыбку, и Сиен почти восхищается ею. — Прошу

вас вернуться завтра утром в это же время, и я дам вам дальнейшие инструкции.

Они уходят и направляются на улицу, к той самой причудливой гостинице, которую забронировал им Алебастр.

Когда они стоят у окна своего номера — снова совместного, и они заказали не самую дорогую еду, чтобы никто не назвал их запросы чрезмерными, — она смотрит на профиль Алебастра, пытаясь понять, почему от него до сих пор разит яростью, как от печи.

— Браво, — говорит она, — но было ли это необходимо? Я бы лучше сделала работу и уехала назад как можно скорее.

Алебастр улыбается, хотя желваки на его скулах подрагивают.

— Я подумал, что тебе понравится, если с тобой в кои-то веки будут обращаться как с человеком.

— Мне нравится. Но какая разница? Даже если ты сейчас использовал свое положение, они не станут по-другому к нам относиться…

— Нет. И мне все равно, что они о нас думают. Они не обязаны нас любить. Имеет значение то, что они *делают*.

Он считает, что так и надо. Сиенит вздыхает и трет пальцами переносицу, чтобы сохранить

спокойствие.

— Они будут жаловаться.

И Сиенит, поскольку это технически ее задание, будет за это наказана.

— Пусть. — Он отворачивается от окна и идет в ванную. — Позовешь, когда принесут еду. Я буду отмокать, пока не сморщусь.

Интересно, думает Сиенит, есть ли смысл ненавидеть чокнутого? В любом случае он не заметит.

Приходит горничная с подносом скромной, но сытной местной еды. В большинстве Прибрежных общин рыба дешева, так что Сиен доставляет себе удовольствие заказать филе темтира, который в Юменесе считается дорогим деликатесом. Его очень редко подают в столовых Эпицентра. Алебастр выходит из ванной, опоясавшись полотенцем, — и он действительно сморщенный. И именно сейчас Сиен замечает, насколько он жилист и как похудел за эти несколько недель пути. Кожа да кости. Заказал он себе только миску супа. По счастью, это огромная миска густой похлебки из морепродуктов, которую приправили сметаной и солидной порцией свекольного чатни, но ему явно надо больше есть.

Для Сиенит подали к основному блюду на от-

дельной тарелочке гарнир из чесночного ямса и хрустящих сильваби. Она ставит его к нему на поднос.

Алебастр смотрит на это. Потом на нее. Через мгновение выражение его лица смягчается.

— Понятно. Ты предпочитаешь мужчин, у которых больше мяса на костях.

Он шутит — они оба знают, что ей не нравился бы секс с ним, даже будь он привлекателен.

— Любая бы предпочла.

Он вздыхает. Затем послушно начинает есть ямс. Между ложками — он не кажется голодным, просто мрачно решителен — он говорит:

— Я больше этого не ощущаю.

— Чего?

Он пожимает плечами. Скорее от неспособности выразить мысль, чем от смущения, думает она.

— Да почти все. Голод. Боль. Когда я в земле… — он кривится. Это настоящая проблема — не невозможность высказаться, а несоответствие слов. Она кивает, показывая, что понимает его. Возможно, когда-нибудь кто-нибудь придумает язык для орогенов. Может быть, такой язык существовал в прошлом, но был забыт. — Когда я в земле, я могу сэссить только землю. Я не ощу-

щаю — *этого*. — Он показывает на комнату, на свое тело, на нее. — А я столько времени провожу в земле. Ничего не могу поделать. А когда я возвращаюсь, это похоже… словно часть земли возвращается со мной, и… — Он замолкает. Но ей кажется, что она понимает. — Похоже, такое происходит после седьмого или восьмого кольца. Эпицентр держит меня на строгом режиме питания, но я не очень-то его соблюдаю.

Сиен кивает, поскольку это очевидно. Она кладет ему на тарелку еще и свой солодковый кекс, и он снова вздыхает. Затем съедает все со своего блюда.

Они идут в постель. Позже, среди ночи Сиен снится, что она падает вверх, в колодец дрожащего света, который идет рябью и блестит вокруг нее, как грязная вода. А наверху что-то мерцает, исчезает и снова возвращается, словно оно не совсем реально в этом месте.

Она резко просыпается, не понимая, почему у нее такое ощущение, что что-то *неправильно*, но уверенная, что должна с этим что-то сделать. Она садится, сонно трет лицо, и только когда исчезают остатки сна, она осознает нависающее, давящее ощущение неизбежного рока.

Она в смятении смотрит на Алебастра — он

тоже не спит, странно оцепенелый, глаза и рот его раскрыты. Он издает булькающие звуки или пытается захрапеть, но проваливает жалкие попытки. Что за ржавь? Он не смотрит на нее, не шевелится, просто продолжает издавать эти нелепые звуки.

И в то же время его орогения нарастает, нарастает и *нарастает*, пока ее череп не начинает раскалываться. Она касается его руки. Она липкая и застывшая, и только тогда она понимает, что он не может пошевелиться.

— Бастер? — Она наклоняется над ним, заглядывает ему в глаза. Он не отвечает ей взглядом. Но все же она отчетливо сессит там что-то, пробудившееся и реагирующее внутри него. Его сила изгибается, хотя его мускулы неспособны расслабиться, и с каждым хрипом она ощущает, как спираль накручивается, стягивается все туже, готовая лопнуть в любой момент. Горит, осыпается ржавыми хлопьями. Он не может пошевелиться, и он *в панике*.

— Алебастр!

Орогены никогда не должны паниковать. Особенно десятиколечники. Конечно, он не может ответить ей, она просто показывает ему, что она здесь, что она поможет ему, надеясь успокоить

его. Похоже, какой-то приступ. Сиенит сбрасывает покрывала, становится на колени и засовывает пальцы ему в рот, стараясь прижать язык. Рот его полон слюны, он просто захлебывается ею. Это заставляет ее грубо перевернуть его на бок, повернув его голову так, чтобы слюна вытекала, и наградой им обоим становится его первый нормальный вдох. Но он неглубокий, этот вдох, и он слишком долго втягивает воздух. Он борется. Что бы там ни было, оно парализовало его легкие и все остальное.

Комната покачивается, и по всей гостинице Сиен слышит тревожные голоса. Однако крики скоро замолкают, поскольку никто особо не беспокоится на самом-то деле. Сэссы неизбежного землетрясения нет. Вероятно, они списали это на сильный порыв ветра… пока.

— Черт, черт, черт…

Сиенит садится на корточки, чтобы оказаться на линии его взгляда.

— Бастер, тупая людоедская ржавь, *сдерживай*! Я хочу тебе помочь, но мне этого не сделать, если ты убьешь нас обоих!

Лицо его не реагирует. Дыхание не меняется, но ощущение беды сразу ослабевает. Это лучше. Хорошо. Теперь…

— Я пойду найду врача…

На сей раз дом сотрясает куда более сильный толчок. Она слышит звон посуды на их пустом подносе. Это означает «нет».

— Я не могу тебе помочь! Я не знаю, что с тобой! Ты подохнешь, если…

Все его тело содрогается. Она не понимает, нарочно ли он или это просто конвульсия. Но осознает, что это предостережение в следующий момент, когда *это* случается снова: его сила вцепляется в нее, как когти. Она стискивает зубы и ждет, когда он использует ее, чтобы сделать то, что ему нужно… но ничего не происходит. Он овладел ею, она чувствует, что он *что-то делает*. Мечется, что ли. Ищет, но ничего не находит.

— Что? — Сиенит вглядывается в его вялое лицо. — Что ты ищешь?

Ответа нет. Но это явно то, чего он не может найти без движения со своей стороны.

Это бессмысленно. Орогенам не нужны глаза, чтобы делать свое дело. *Дети в колыбели способны на такое*. Но, но… Она пытается думать. Прежде, когда это случилось в дороге, он сначала двинулся к источнику боли. Она прокручивает эту сцену перед мысленным взором, пытаясь понять, что он сделал и как он это сделал. Нет, не

так. Узловая станция была немного к северо-западу, а он смотрел прямо на запад, на горизонт. Тряхнув головой от собственной глупости, Сиенит вскакивает и бросается к окну, открывает его и выглядывает наружу. Ничего не видно, кроме наклонных улиц и оштукатуренных зданий, в этот поздний час все тихо. Активность только дальше по дороге, там, где она видит гавань и океан за ней. Там грузят судно. Небо покрыто облаками, до рассвета далеко. Она чувствует себя идиоткой. Но тут…

Что-то вонзается в ее мозг. За спиной в постели Алебастр издает хриплый звук, она ощущает дрожь его силы. Что-то привлекло его внимание. Когда? Когда она посмотрела на небо. Озадаченная, она снова туда смотрит.

Вот. *Там*. Она почти ощущает его радость. Затем его сила окутывает ее, и она перестает видеть глазами.

Это похоже на ее сон. Она падает вверх, и почему-то это имеет смысл. Все вокруг нее — то, сквозь что она падает, — полно света и сверкания граней, как вода, только цвет ее бледно-пурпурный, а не голубой или прозрачный, как у второсортного аметиста с примесью дымчатого кварца. Она мечется, на какое-то мгновение подумав, что тонет,

но есть нечто, что она чувствует сэссапинами, а не кожей или легкими. Она не может выгребать из воды, поскольку это не вода, и она на самом деле не там. И она не может утонуть, поскольку Алебастр каким-то образом держит ее.

Там, где она панически мечется, он действует целенаправленно. Он тащит ее наверх, падая все быстрее, что-то ища, и она почти слышит вой этого нечто, чувствует момент таких сил, как давление и температура, которые то холодят ее кожу, то щекочут.

Вмешивается что-то новое. Что-то еще подключается. Это вне ее понимания, слишком сложное, чтобы осознать это полностью. Что-то просачивается откуда-то, согревается от трения. Что-то внутри нее разглаживается, усиливается. *Горит.*

Затем она вдруг уже повсюду, плавает среди огромных ледяных предметов, и на них что-то есть, среди них…

Загрязнение.

Это не ее мысль.

И тут все исчезает. Она резко возвращается в тело, в реальный мир зрения, звуков, вкуса, запахов и сэссы — настоящего, того, с которым они предназначены работать, а не та ржавь, которую только что сделал Алебастр, — а Алебастр блюет

на постели.

Сиен с отвращением отпрыгивает, затем вспоминает, что он парализован, он вообще двигаться не должен, не то что блевать. Тем не менее он блюет, чуть приподнявшись на постели, чтобы было легче. Паралич явно прошел.

Он выблевал немного, где-то одну-две чайные ложки скользкого ярко-белого вещества. Они ели много часов назад, в его верхней части пищеварительного тракта ничего не должно было остаться. Но она вспоминает:

Загрязнение.

И запоздало понимает, что из него вышло. И более того, она понимает, *как* он это сделал.

Когда он наконец извергает все и сплевывает несколько раз, чтобы отплеваться, он падает на спину, тяжело дыша, или просто наслаждается тем, что вообще может дышать.

Сиенит шепчет:

— Ржавь земная, что ты только что сделал?

Он чуть смеется. Открывает глаза и направляет взгляд на нее. Она не может назвать это очередным смешком, каким он обычно выражает нечто иное, кроме юмора. На сей раз в нем физическая боль или просто усталое отступление.

— Ф… фокус, — говорит он между судорожными

вздохами. — Контроль. Вопрос градуса.

Это первый урок орогении. Любой ребенок может сдвинуть гору, это инстинкт. Но лишь обученный в Эпицентре ороген может целенаправленно сдвинуть валун. И, вероятно, только десятиколечник способен двигать микроскопические части вещества целенаправленно в своей крови и нервах.

Это должно быть просто невозможно. Она не должна верить, что он такое сделал. Но она помогала ему в этом, так что ей ничего не остается, как поверить в невозможное.

Клятая Земля.

Контроль. Сиенит делает глубокий вдох, чтобы взять себя в руки. Затем она встает, приносит стакан воды. Он еще слаб, и ей приходится помочь ему сесть, чтобы отпить из стакана. Он сплевывает первый глоток на ковер у нее под ногами. Она сердито смотрит на него. Затем хватает подушку, чтобы сунуть ему под спину, помогает ему опереться на нее и прикрывает незапачканной частью одеяла его ноги и бедра. После этого она идет к креслу напротив кровати, достаточно большому и мягкому, чтобы переспать в нем ночь. Ей надоело возиться с выделениями его тела.

После того как Алебастр перевел дыхание и

восстановил часть сил — она не жестока, — она очень спокойно говорит:

— Теперь расскажи мне, что ты сделал.

Вопрос, похоже, его не удивляет. Он запрокидывает голову и не шевелится.

— Выживал.

— На виадуке. Сейчас. *Объясни*.

— Не знаю, смогу ли… И должен ли.

Она сдерживается. Она слишком боится не сдержаться.

— Что ты хочешь сказать — «должен ли»?

Он делает долгий, глубокий вдох, явно наслаждаясь им.

— У тебя… еще не хватает контроля. Недостаточно. Без этого… если ты попытаешься сделать то же, что и я… ты погибнешь. Но если я тебе расскажу, как я сделал это… — Он снова делает глубокий вдох, выдыхает. — Ты не удержишься и попытаешься повторить.

Контроль над предметами, слишком мелкими, чтобы их разглядеть. Звучит как насмешка.

— Ни у кого нет такого контроля. Даже у десятиколечника.

Она слышала рассказы — они делают замечательные вещи. Но не невозможные.

— «Они боги в кандалах», — выдыхает Алебастр,

и она понимает, что он засыпает. Его вымотала борьба за жизнь — или, может, творить чудеса сложнее, чем кажется. — «Укротители дикой земли, которых самих нужно укрощать и взнуздывать».

— Что это?

Он что-то цитирует.

— Предание камня.

— Вранье. Такого нет в Трех Табличках.

— Это Пятая табличка.

Сколько же в нем дерьма! И он засыпает. Земля, она убьет его.

— Алебастр! Ответь, ржавь тебя побери, на мой вопрос! — Молчание. Клятая Земля. — Что ты делаешь со мной?

Он испускает долгий тяжелый вдох, и она думает, что он спит. Но он говорит:

— Параллельное масштабирование. Если телегу тянет одно животное, она далеко не уедет. Поставь два по очереди, и пусть стоящее впереди тянет первым. Поставь их рядом в ярме, *синхронизируй* их, устрани потери от трения между ними, и ты получишь от двух животных больше, чем от каждого отдельно. — Он снова вздыхает. — Конечно, в теории.

— А ты что такое, ярмо?

Она шутит. Но он кивает.

Ярмо. Это хуже. Он обращается с ней, как с *животным*, заставляет ее работать для него, чтобы самому не выгореть.

— Как ты… — Она отбрасывает слово *как*, которое подразумевает вероятность там, где ее быть не должно. — Орогены не могут работать вместе. Один торус поглощает другой. Более высокая степень контроля превалирует. — Этот урок они оба усвоили, еще будучи гальками.

— Хорошо же. — Он почти засыпает, слова его смазаны. — Будем считать, что этого не было.

Она настолько взбешена, что на мгновение слепнет, мир становится белым. Орогены не могут позволить себе такой ярости, потому она выпускает ее в словах.

— Не пытайся скормить мне это дерьмо! Я не хочу, чтобы ты такое снова делал со мной… — Но как она остановит его? — Или я убью тебя, слышишь? Ты не имеешь права!

— Спасла мне жизнь. — Он почти бормочет, но она слышит, и это наносит ее гневу удар в спину. — Спасибо.

Ну правда же, разве можно винить тонущего в том, что он ради своего спасения хватается за любого, кто рядом?

Или ради спасения тысяч?

Или для спасения своего сына?

Он спит, сидя рядом с маленькой лужицей мерзости, которую он из себя изверг. Сиен в отвращении подбирает ноги, сворачиваясь калачиком в плюшевом кресле и пытаясь устроиться поудобнее.

Только после этого до нее доходит, что случилось. Самая суть, а не только то, что Алебастр совершил невозможное.

Когда она была галькой, иногда она помогала на кухне, и порой они открывали банку с консервированными фруктами или овощами, которые оказывались испорченными. Те, которые треснули или даже приоткрылись, так воняли, что поварам приходилось открывать окна и заставлять галек махать полотенцами, чтобы проветрить помещение.

Но хуже всего были банки, как узнала Сиен, которые не треснули. Содержимое выглядело нормально, не воняло после открывания. Единственным признаком опасности было небольшое вспучивание металлической крышки.

— Прикончит тебя вернее, чем укус сваптриска, — говорил старший повар, седой старый Стойкий, показывая им подозрительную банку,

чтобы они знали, что высматривать. — Чистый яд. Мышцы цепенеют и перестают работать. Даже дышать не сможешь. И яд сильный. Одной такой банкой весь Эпицентр можно перетравить.

Он смеялся, будто это было забавно.

Если подмешать пару капель такой заразы в суп, то этого более чем достаточно, чтобы прикончить одного немолодого роггу.

Может, случайность? Ни один уважающий себя повар не будет ничего брать из бомбажной банки, но, возможно, «Конец Зимы» нанимает неумех. Сиенит сама заказывала еду подростку, который поднялся спросить, не надо ли им чего. Она не говорила, что кому предназначается? Она пытается вспомнить, что говорила. «*Мне рыбу и ямс*». Значит, они могли догадаться, что похлебка предназначается Алебастру.

Почему бы не отравить их обоих, раз кто-то в гостинице так ненавидит рогг, что готов их убить? Так просто капнуть ядовитого овощного сока во все блюда, не только в еду Алебастру. Может, они так и сделали, просто на нее еще не подействовало? Но она чувствует себя хорошо.

Ты параноик, говорит она себе.

Но ведь она не воображает, что все вокруг ее ненавидят. Она же, в конце концов, ронга.

Сиен досадливо ерзает в кресле, охватывая колени руками и пытаясь заснуть. Попытка обречена на провал. В голове ее теснятся вопросы, а тело слишком привыкло к спальнику, раскатанному на жесткой земле. В конце концов остаток ночи она сидит, глядя из окна на мир, который становится все более безумным, и думая, какую ржавь она должна со всем этим сделать.

Но утром, когда она выглядывает из окна, чтобы подышать влажным воздухом в безуспешной попытке очнуться, она случайно смотрит вверх. В сумраке рассвета там парит большой осколок аметиста. Всего лишь обелиск — она смутно припоминает, что видела его вчера, когда они въезжали в Аллию. Они всегда прекрасны, как блуждающие звезды, а она едва обращает внимание и на тех, и на этих при нормальном ходе вещей.

Однако сейчас она его замечает. Поскольку сегодня он гораздо ближе, чем вчера.

* * *

В центре любого строения имеется гибкая центральная балка.

Верь дереву, верь камню, но металл ржавеет.

Табличка третья: «Строения», стих первый.

10

Ты в пути с чудовищем

Ты думаешь, может, тебе нужно стать кем-то другим.

Ты не уверена, кем именно. Прежняя ты была сильнее и холоднее или горячее и слабее. Любое сочетание качеств лучше подходит для того, чтобы выбраться из заварухи, в которой ты оказалась. Прямо сейчас ты холодна и слаба, и это бесполезное сочетание.

Может, ты смогла бы стать кем-то иным. Ты делала такое и прежде — это на удивление просто. Новое имя, новый фокус, примерка новой личности и подгонка для лучшей посадки. Несколько дней — и ощущение такое, что ты никогда никем другим и не была.

Но. Только вот одна «ты» — мать Нэссун. Именно это до сих пор останавливало тебя, и это решающий фактор. В конце концов, когда Джиджа будет мертв и можно будет спокойно оплакать сына… если Нэссун еще жива, ей понадобится мать, которую она знала всю свою жизнь.

Потому ты должна оставаться Иссун, и Иссун

придется довольствоваться теми осколками тебя, которые оставил после себя Джиджа. Ты как можешь складываешь их, втискиваешь случайные осколки волевым усилием, если они не совсем подходят, не замечая хруста и треска. Пока ведь еще ничего важного не сломалось, верно? Сойдет. Выбора нет. До тех пор, пока хотя бы один твой ребенок жив.

* * *

Тебя будят звуки драки.

Вы с мальчиком расположились на ночь возле дорожного дома, среди нескольких сотен людей, у которых явно была такая же идея. На самом деле в самом доме никто не ночует — сейчас это не более чем каменный сарай без окон с водокачкой внутри, — поскольку по негласному соглашению это ничейная территория. И потому же ни один из нескольких десятков лагерей, разбитых вокруг дорожного дома, почти не прилагает усилий, чтобы общаться друг с другом, поскольку они слишком перепуганы, так что сначала бьют ножом, а потом спрашивают. Мир изменился слишком быстро и слишком радикально. Предание камня, может, и пытается подготовить каждого к частностям, но всеобъемлющий ужас

Пятого времени года по-прежнему остается потрясением, с которым никто не может легко справиться. В конце концов, всего неделю назад все было нормально.

Вы с Хоа устроились на ночь и развели костер по соседству, на полянке среди равнинной травы. Выбора нет, и ты дежуришь по очереди с ребенком, хотя и опасаешься, что он заснет — когда кругом столько народу, опасно быть беспечным. Главная опасность — воры, поскольку у тебя полный путевой рюкзак и вы всего лишь одинокие женщина и ребенок. Огонь тоже опасен, поскольку вокруг в сухой траве слишком много людей, которые не знают, какой конец у спички поджигать. Но ты устала. Прошла всего неделя с тех пор, как ты жила своей простой, предсказуемой жизнью, и ты не сразу возвращаешься в состояние путешественника. Потому ты велишь ребенку разбудить тебя сразу же, как прогорит торфяной брикет. Это четыре-пять часов сна.

Но проходит *много часов*, когда почти на рассвете на дальнем конце сооруженного наспех лагеря люди начинают кричать. Люди вокруг тебя вопят: «Тревога!», ты выбираешься из мешка и встаешь. Ты не знаешь, кто кричит. Не знаешь, из-за чего. Это неважно. Ты просто сгребаешь

рюкзак одной рукой, подхватываешь мальчика другой и поворачиваешься, чтобы бежать.

Он уклоняется прежде, чем ты успеваешь это сделать, и хватает свой тряпичный узелок. Затем он снова берет тебя за руку, и его льдистые глаза в темноте кажутся огромными.

Затем вы — и все вокруг — бежите, бежите дальше на равнину, дальше от дороги, поскольку именно оттуда слышались первые крики и поскольку воры, неприкаянные или ополчение, или те, из-за кого возникла паника, скорее всего, уйдут по дороге, когда закончат свое дело. В блеклом, как пепел, свете зари люди вокруг тебя кажутся полуреальными тенями, бегущими в одном направлении с тобой. Сейчас мальчик, рюкзак и земля у тебя под ногами — единственное, что существует реально.

Через довольно долгое время силы тебя покидают, ты спотыкаешься и останавливаешься.

— Что это было? — спрашивает Хоа. Похоже, он совсем не выдохся. Дети восстанавливаются быстро. Конечно, вы не всю дорогу бежали. Ты слишком не в форме для этого. Главное было двигаться, что ты и делала, когда у тебя не хватало дыхания, чтобы бежать.

— Я не видела, — отвечаешь ты. На самом деле

не важно, что это было. В боку колет. Обезвоживание. Ты достаешь флягу, чтобы попить. Ты морщишься — судя по звуку, она почти пуста. Конечно, ты не воспользовалась шансом наполнить ее в дорожном доме. Ты намеревалась сделать это утром.

— И я не видел, — говорит мальчик, оборачиваясь назад и изгибая шею, словно он был обязан что-то видеть. — Все было тихо, и вдруг… — он пожимает плечами.

Ты смотришь на него.

— Ты не спал?

Ты видела костер, прежде чем вы побежали. Он почти прогорел. Он должен был разбудить тебя несколько часов назад.

— Нет.

Ты окидываешь его взглядом, который усмирял двоих твоих собственных и пару десятков чужих детишек. Он пятится, конфузится.

— Я *не спал*.

— Почему ты не разбудил меня, когда брикет догорел?

— Тебе надо было поспать. А я не хотел.

Проклятье. Это означает, что ему позже захочется спать. Земля побери этих упрямых детей!

— У тебя бок болит? — Хоа подходит ближе. У

него обеспокоенный вид. — Больно?

— Просто колет. Пройдет.

Ты оглядываешься, хотя в пеплопаде видимость футов двадцать от силы. Нет никаких признаков того, что рядом кто-то есть, и ты не слышишь никаких других звуков из окрестностей путевого дома. Вокруг вас тоже нет никаких звуков, если не считать шороха пепла в траве. По логике вещей, остальные люди, стоявшие лагерем вокруг путевого дома, не могли уйти далеко, но ты ощущаешь себя совершенно одинокой, если не считать Хоа.

— Нам надо вернуться к дорожному дому.

— За твоими вещами?

— Да. И за водой. — Ты прищуриваешься, глядя в направлении дорожного дома, но это бесполезно, поскольку именно там равнина тает в бело-серой мгле. Ты не уверена, что следующий дорожный дом будет пригоден. Его могут занять какие-нибудь типы, претендующие на роль главарей банд, или разрушить впавшие в панику толпы. Или водокачка может не работать.

— Ты могла бы вернуться. — Ты оборачиваешься к мальчику, который сидит на траве и, к твоему удивлению, что-то жует. Он же прежде ничего не ел… ох. Он крепко завязывает свой узелок и

глотает, прежде чем снова заговорить. — К тому ручью, где велела мне искупаться.

Это шанс. Ручей ушел в землю недалеко от того места, где ты брала из него воду. Всего день пути. Но это день *обратного* пути, и…

И ничего. Вернуться к ручью — самый безопасный вариант. Твое нежелание возвращаться тупо и глупо.

Но Нэссун где-то *впереди*.

— Что же он делает с ней? — тихо говоришь ты. — Сейчас он уже должен знать, что она такое.

Мальчик просто смотрит. Если он и беспокоится о тебе, то не показывает этого.

Что же, ты готова дать ему больше поводов для беспокойства.

— Мы вернемся к дорожному дому. Прошло довольно много времени. Воры, бандиты, или кто там еще, уже наверняка забрали что хотели и ушли.

Если только то, чего они хотели, не был сам дорожный дом. Несколько старейших общин Спокойствия начинали как источники воды, захваченные сильнейшими группами в регионе, и держались против всех общинников до конца Зимы. Это самая большая надежда для неприка-

янных в такие времена — если ни одна община не желает их принимать, они могут создать свою. Но мало какие группы неприкаянных достаточно организованы, контактны и сильны, чтобы сделать это успешно.

И мало кто способен соперничать с орогеном, который хочет воды больше, чем они.

— Если они хотят остаться там, — говоришь ты, и ты действительно намерена так сделать, пусть даже из-за такой малости, как вода. Ты просто хочешь воды, и сейчас любое препятствие кажется тебе горой, а *орогены едят горы на завтрак*, — то лучше им дать мне воды.

Мальчик, который должен был бы сейчас с воплем броситься прочь, просто встает на ноги. Ты купила ему одежду в последней общине, которую вы проходили, вместе с торфом. Теперь у него крепкие дорожные ботинки и хорошие толстые носки, две полных перемены одежды и пиджак. Очень похожий на твой собственный. Такие вещи молча сигнализируют об организованности, совместной цели, принадлежности к группе. Это немного, но любая мелочь идет на пользу. *Отличная мы парочка — чокнутая тетка и ребенок-оборотень*.

— Пошли, — говоришь ты и пускаешься в путь.

Он следует за тобой.

Когда вы подходите к дорожному дому, все тихо. Ты понимаешь, что вы близко, по беспорядку вокруг — чей-то брошенный лагерь с еще дымящимся кострищем, чей-то порванный рюкзак, схваченные и рассыпанные на бегу припасы. Круг вырванной травы, угли костра, брошенный спальник — возможно, твой. Ты подхватываешь его по дороге, скатываешь и подсовываешь под стропы своего рюкзака, чтобы потом привязать его покрепче. И затем почти неожиданно возникает дорожный дом.

Поначалу ты думаешь, что там никого нет. Ты слышишь только свои шаги и собственное дыхание. Мальчик по большей части молчит, но когда ты возвращаешься на асфальт, его шаги кажутся неожиданно тяжелыми. Ты бросаешь на него взгляд, и он вроде бы понимает. Он останавливается и напряженно смотрит на твои ноги, когда ты идешь. Наблюдает, как ты перекатываешься с пятки на носок, не столько печатая шаг, сколько скользя по земле и снова осторожно ставя ногу. Затем он начинает делать так же, и если бы ты не должна была следить за окружающим, если бы тебя не отвлекал стук собственного сердца, ты бы посмеялась, увидев удивление на его лице, ко-

гда его шаги становятся беззвучными. Он почти симпатичен.

Но когда ты заходишь в дорожный дом, понимаешь, что ты не одна.

Сначала ты видишь только водокачку и цемент, в который она встроена: на самом деле все дорожные дома — просто навесы для водокачки. Затем ты видишь женщину, которая тихо напевает себе под нос, наполняя одну флягу и ставя вторую, еще бóльшую, под кран. Она суетится вокруг водокачки, трудится, если хотите, и замечает тебя, только когда снова берется за рычаг. Она замирает, и вы смотрите друг на друга.

Она неприкаянная. Никто из тех, кто недавно лишился дома, не может быть настолько грязен. (За исключением мальчика, подсказывает твой разум, но есть разница между грязью катастрофы и *немытостью.*) Волосы женщины свалялись, как и твои, но от обычного небрежения. Они висят неровными жирными сосульками. Ее кожа не просто грязна, грязь навечно въелась в нее. В этой грязи есть железо, и оно заржавело от влаги ее кожи, окрасив ее поры красным. Некоторая ее одежда свежая — понятно, откуда она взяла ее, судя по тому, сколько брошенного добра ты видела вокруг дорожного дома, и у ног ее лежат

три рюкзака, набитые припасами, и к каждому прикреплена фляга. Но дух от нее идет настолько крепкий и могучий, что ты надеешься, что она всю воду использует на помывку.

Ее глаза мечутся между тобой и Хоа, быстро и точно оценивая вас, и через секунду она пожимает плечами и заканчивает наполнять флягу двумя сильными долгими рывками. Затем она берет ее, завинчивает, прикрепляет к одному из тюков у нее под ногами и неожиданно умело, даже заставив тебя немного опешить, взваливает все три на плечо и поспешно отступает.

— Налетай.

Конечно, ты и прежде видела неприкаянных, все видели. В городах, где требуются более дешевые работники, чем Опоры, и где профсоюзы Опор слабы, они живут в трущобах и попрошайничают на улицах. В других местах они живут между общинами в лесах, на краю пустынь, где промышляют охотой и строят хибары из мусора. Те из них, кто не ищет проблем, воруют с полей и амбаров на краю территорий общин. Те, кто хочет драки, разоряют маленькие плохо охраняемые общины и нападают на путников на малых дорогах квартентов. Губернаторам квартентов до этого мало дела. Держи всех начеку и напоминай

нарушителям, как они могут кончить. Но если грабежей слишком много и есть жертвы, то ополчение идет охотиться на неприкаянных.

Сейчас все это не имеет значения.

— Мы не ищем неприятностей, — говоришь ты. — Мы пришли за водой. Как и ты.

Женщина, которая с любопытством смотрит на Хоа, снова переводит взгляд на тебя.

— Я тоже не собираюсь ничего устраивать. — Она демонстративно закрывает очередную флягу, которую наполнила. — Мне еще много таких надо налить. — Она показывает подбородком на твой рюкзак и прикрепленную к нему флягу. — Тебе надолго не хватит.

Ее фляги действительно огромны. Наверное, тяжелые, как бревно.

— Ждешь кого-нибудь?

— Не-а. — Женщина ухмыляется, показывая замечательно белые зубы. Пусть она сейчас и неприкаянная, но прежде она жила иначе — ее десны не знали недоедания. — Хочешь грохнуть меня?

Ты вынуждена признать, что не ожидала такого.

— У нее наверняка есть жилье поблизости, — говорит Хоа. Ты с удовлетворением видишь, что

он стоит в дверях, глядя наружу. Настороже. Умный парнишка.

— Ага, — говорит женщина весело, невзирая на то что они раскрыли ее невеликую тайну. — Пойдете за мной?

— Нет, — твердо отвечаешь ты. — Ты нам не нужна. Оставь нас в покое, и мы не тронем тебя.

— И я тоже.

Ты снимаешь флягу с плеча и ставишь ее под кран. Это неудобно — фляга сделана так, чтобы кто-то ее держал, пока второй качает воду.

Женщина молчаливо предлагает помощь, берясь за рычаг. Ты киваешь, и она качает тебе воду. Сначала ты напиваешься досыта, затем в напряженной тишине наполняешь флягу. Нервы заставляют тебя нарушить молчание.

— Ты сильно рисковала, придя сюда. Вероятно, все скоро вернутся.

— Не все и не скоро. И ты тоже сильно рискуешь.

— Верно.

Женщина кивает на груду наполненных фляг, и ты запоздало замечаешь — что это там? На горлышке одной из фляг какое-то сооружение из веточек, скрученных листьев и куска кривой проволоки. Оно тихо щелкает, когда ты на него

смотришь.

— Гоняет тест, кстати.

— Что?

Она пожимает плечами, окидывает тебя взглядом, и ты понимаешь — эта женщина такая же неприкаянная, как ты глухачка.

— Это землетрясение на севере, — говорит она, — как минимум девять баллов. Именно это мы ощутили на поверхности. И оно было глубоко. — Она внезапно замолкает, отворачивается от тебя и хмурится, словно услышала что-то тревожное, хотя там нет ничего, только стена. — Никогда не видела такого землетрясения. Странный рисунок у него. — Затем снова, как птица, резко поворачивает голову к тебе. — Вероятно, прорвало много водоносных слоев. Конечно, со временем они восстановятся, но в ближайшей перспективе невозможно сказать, какие загрязнения могут возникнуть вокруг. Я имею в виду, это же отличное место для города, верно? Ровное, легкий доступ к воде, нигде поблизости никаких сдвигов. Я хочу сказать, тут, вероятно, когда-то мог быть город. Знаешь, сколько грязи оставляют после себя умершие города?

Ты не сводишь с нее глаз. Хоа тоже, но он на все так смотрит. Затем та штука во фляге перестает

щелкать, и неприкаянная наклоняется, чтобы вытащить ее. От нее в воду уходила какая-то полоска — кора?

— Безопасно, — говорит она и запоздало замечает твой взгляд. Она чуть хмурится и показывает полоску. — Она сделана из того же растения, что и сафе. Ну, приветственный чай. Знаешь? Но я обработала его еще кое-чем, чтобы улавливать те вещества, которых не улавливает сафе.

— Нет такого, — вырывается у тебя, и потом ты замолкаешь, обеспокоенная ее резким взглядом. Надо закончить фразу. — То есть… нет того, вредного для людей, чего не улавливает сафе.

Только потому его и пьют, поскольку вкус у него как у кипяченой мочи.

У женщины раздраженный вид.

— Это не так. Где тебя, ржавь земная, учили?

Это то, чему ты сама учила в яслях Тиримо, но прежде чем ты успеваешь ответить, она резко говорит:

— Сафе не работает в холодном растворе, все это знают. Жидкость должна быть теплой или комнатной температуры. Оно также не ловит того, что убьет тебя через несколько месяцев, а не за пару минут. Чего хорошего, если ты помрешь не сегодня, а через год от коросты?

— Ты геомест! — выдыхаешь ты. Это кажется невозможным. Ты видела геоместов. Такими люди представляют себе орогенов, когда они в благодушном настроении — загадочные, непостижимые, обладающие знаниями, запретными для смертных, волнующие. Никто, кроме геоместов, не знает так много бесполезных фактов.

— Нет. — Женщина подбирается. Ее почти разрывает от гнева. — Мне хватило мозгов не слушать этих болванов в Университете. Я не дура.

Ты снова смотришь на нее в полном смятении. Но в этот момент твоя фляга переполняется, и ты ищешь затычку. Она перестает качать, затем сует крохотное устройство из коры в карман своих объемистых юбок и начинает разбирать один из тючков у ее ног, быстро и эффективно. Она вытаскивает флягу — такого же размера, как и твоя, — и отбрасывает ее в сторону. Затем, когда маленький тючок пустеет, она отбрасывает и его. Ты не отводишь взгляда от этих двух предметов. Было бы легче, если бы мальчик сам мог нести свои припасы.

— Бери их, если уходишь, — говорит женщина, и хотя она не смотрит на тебя, ты понимаешь, что она нарочно отложила их для тебя. — Я не останусь, ты тоже.

Ты подходишь взять флягу и пустой маленький рюкзачок, женщина встает, чтобы помочь тебе наполнить вторую флягу, затем снова принимается рыться в своих вещах. Привязывая флягу и спальный мешок, который ты подобрала по дороге, и перекладывая кое-какие вещи из своего рюкзака в рюкзачок для мальчика, ты говоришь:

— Ты знаешь, что случилось? Кто это сделал? — ты показываешь в направлении, откуда раздались разбудившие тебя крики.

— Сомневаюсь, чтобы это был «кто-то», — говорит женщина. Она откладывает несколько пакетов просроченной еды, пару детских трусов, которые могли бы подойти Хоа, и книги. Кто же берет книги в рюкзак? Однако женщина читает заголовок каждой, прежде чем отбросить их в сторону. — Люди не так быстро, как природа, реагируют на такие перемены.

Ты привязываешь к своему рюкзаку вторую флягу, понимая, что не надо заставлять Хоа нести слишком большую тяжесть. Он всего лишь мальчик, да еще и недоросток. Поскольку неприкаянной их общество явно не нужно, ты забираешь трусики из груды ненужных ей вещей. Ей вроде все равно.

Ты спрашиваешь:

— Ты думаешь, какие-то животные напали?

— А ты разве не видела труп?

— Я и не знала, что был труп. Люди стали вопить и разбегаться, и мы тоже побежали.

Женщина вздыхает.

— Это не неразумно, но это действительно лишает тебя… возможностей.

Словно иллюстрируя свои слова, она отбрасывает в сторону очередной выпотрошенный рюкзак и встает, поднимая на плечи два оставшихся. Один из них более поношен и явно удобнее остальных — ее собственный. Бечевкой она связывает две фляги, чтобы они улеглись на ее зад, поддерживаемые его немалым изгибом, а не болтались. Внезапно она ожигает тебя злым взглядом.

— Не ходи за мной.

— И не собиралась. — Маленький рюкзачок для Хоа собран. Ты надеваешь свой, проверяешь, чтобы все было прочно и удобно.

— Я не шучу. — Она чуть наклоняется вперед, ее лицо почти дико от ярости. — Ты не знаешь, к чему я возвращаюсь. Я могу жить в огороженном поселении с полусотней такой же ржави, как я. У нас острые зубы и поваренная книга блюд из сочных тупых людишек.

— Ладно, ладно. — Ты делаешь шаг назад, что вроде успокаивает ее. Злоба сменяется облегчением, она продолжает пристраивать рюкзаки поудобнее. Ты тоже получила то, что хотела, так что пора уходить. Когда ты протягиваешь мальчику рюкзак, он вроде им доволен, ты помогаешь ему надеть его как следует. Когда ты занимаешься этим, неприкаянная проходит мимо тебя, и остатки твоей былой личности заставляют тебя сказать:

— Кстати, спасибо.

— Не за что, — беззаботно говорит она, направляясь к двери, — и резко останавливается. Смотрит на что-то. Взгляд на ее лицо заставляет волосы на затылке встать дыбом. Ты спешишь к двери, чтобы увидеть то, на что она смотрит.

Это киркхуша — одна из тех длинных пушистых тварей, которых срединники держат как домашних питомцев вместо собак. Поскольку собаки слишком дороги для всех, кроме самых шикарных экваториалов. Киркхуша скорее похожа на сухопутную выдру, чем на собаку. Они хорошо приручаются, дешевы, поскольку питаются листвой низких кустарников и живущими там насекомыми. И они даже забавнее щенков, когда маленькие… но эта киркхуша вовсе не

забавна. Это здоровенная, фунтов в сто тварь с гладкой шерстью. Кому-то она была дорога, по крайней мере до недавнего времени — на ее шее еще сохранился ошейник из тонкой кожи. Она рычит, выскальзывая из травы на дорогу, и ты видишь красные пятна вокруг ее пасти и на когтистых цепких лапах.

С киркхушей, понимаете ли, есть проблемы. Дело в том, что каждый может себе позволить держать такую. Они питаются листьями — пока не почуют пепел, что запускает внутри них какой-то инстинкт, который обычно спит. И тогда они меняются. Во время Зимы все меняется.

Женщина у тебя за спиной шипит, и ты напрягаешься, ощущая, как твое сознание быстро опускается в землю. (Ты по привычке вытаскиваешь его назад. Только не когда вокруг другие люди. Если только выбора не останется.) Она подошла к краю асфальта, наверняка готовясь метнуться в поля и прорваться к дальним деревьям. Но неподалеку от дороги, примерно там, где раньше кричали люди, ты видишь, как волнуется трава, и слышишь тихий хруст и писк других киркхуш — сколько их там, сказать невозможно. Но они заняты. Жрут.

Эта прежде была домашним любимцем. Может,

она тепло вспоминает своих хозяев. Может, она замялась, когда остальные напали, и всего лишь попробовала мяса, которое станет основной ее пищей до конца Зимы. Теперь она оголодает, если не забудет о своих цивилизованных привычках. Она то выходит на асфальт, то сходит с него, стрекоча себе под нос, словно в нерешительности — но не уходит. Она заперла тебя, Хоа и неприкаянную в доме, пока борется со своим сознанием. Бедная, бедная тварь.

Ты встаешь и шепчешь Хоа и женщине, если она способна слушать:

— Не двигайся.

Но прежде чем ты находишь что-нибудь безопасное, за что можно зацепиться — скальную инклюзию, которую ты можешь сдвинуть, или источник воды, который ты можешь заставить бить гейзером, что оправдает то, что ты заберешь теплоту из воздуха и жизнь из этой белки-переростка, — Хоа смотрит на тебя и делает шаг вперед.

— Я же сказала, — начинаешь ты, хватая его за плечо, чтобы отдернуть назад, но это все равно что пытаться сдвинуть скалу, одетую в пиджак, — твоя рука просто стягивает ткань. Он не сдвигается ни на йоту.

Протест умирает у тебя на устах, когда мальчик продолжает двигаться вперед. Ты понимаешь, что он не просто не повинуется — в его позе слишком много целенаправленности. Ты не уверена, что он даже *заметил* твою попытку его остановить.

Теперь мальчик останавливается в нескольких футах от твари. Она перестает рыскать и подбирается, словно… ждет. Чего? Непохоже, что она собирается наброситься. Она опускает голову и бьет коротким хвостом, неуверенно. Она *обороняется*.

Мальчик стоит к тебе спиной. Ты не видишь его лица, но сразу его коренастая маленькая фигурка становится все менее безопасной. Он поднимает руку и протягивает ее в сторону киркхуши, словно предлагая понюхать ее. Словно она все еще домашний питомец.

Киркхуша атакует.

Стремительно. Они вообще быстрые животные, но ты видишь сокращение ее мускулов, и вот она уже на пять футов ближе, пасть ее разинута, и зубы смыкаются на середине предплечья мальчика. И, о Земля, ты не можешь видеть, как у тебя на глазах умирает ребенок, не Уке, как ты могла это допустить, ты — худшая в мире тварь.

Но можно — если ты сумеешь сосредоточиться — заморозить тварь и не задеть мальчика, ты опускаешь взгляд и сосредотачиваешься, хотя неприкаянная ахает, кровь мальчика капает на асфальт. Смотреть на то, как тварь калечит мальчика, — это мешает концентрации, плевать, что он потеряет руку, главное — спасти ему жизнь…

Воцаряется тишина.

Ты поднимаешь взгляд.

Киркхуша перестала двигаться. Она там, где была — висит, стиснув зубы, на руке Хоа, глаза дикие от… скорее от страха, чем от ярости. Она даже чуть-чуть дрожит. Ты слышишь, как она еле слышно испускает писк, резко обрывающийся.

Затем мех киркхуши начинает шевелиться. (Что?) Ты хмуришься, присматриваешься, но это хорошо видно, поскольку тварь так близко. Все шерстинки покачиваются одновременно, но в разных направлениях. Затем они начинают блестеть. (Что?) Мех застывает. Ты сразу понимаешь, что не только ее мускулы застыли, но и покрывающая их плоть тоже. Не просто застыли, но… окаменели.

И затем ты замечаешь, что *вся киркхуша* окаменела.

Что…

Ты не понимаешь, что ты видишь, потому продолжаешь смотреть, осознавая все по частям. Глаза ее стали стеклом, когти — кристаллами, зубы — каким-то охряно-желтым волокном. Где прежде было движение — теперь покой, мышцы ее окаменели, и это не метафора. Просто мех изменился в последнюю очередь, перекосился, когда фолликулы превратились во что-то иное.

Вы с неприкаянной просто смотрите.

Ого.

Правда. Ты так думаешь. Ничего больше в голову не приходит. Ого.

По крайней мере, это заставляет тебя двигаться. Ты бочком продвигаешься вперед, пока не видишь всю картину с другого ракурса, но в целом ничего не меняется. Мальчик по-прежнему вроде в порядке, хотя его рука наполовину в глотке твари. Киркхуша по-прежнему мертва. Хорошо. Мертва и безопасна.

Хоа смотрит на тебя, и ты вдруг понимаешь, насколько у него несчастный вид. Словно ему стыдно. С чего бы? Он всех вас спас, даже если метод был… Ты не знаешь, как это назвать.

— Это ты сделал? — спрашиваешь ты его.

Он опускает взгляд.

— Я не хотел пока, чтобы ты такое видела.

Отлично. Есть о чем подумать потом.

— Что ты сделал?

Он поджимает губы.

Вот прямо сейчас он решает дуться. Но, возможно, сейчас и правда не время для разговоров, с учетом того, что его рука торчит из глотки остекленевшей твари. Зубы пронзили его кожу, бьет кровь и стекает по уже неживым челюстям твари.

— Твоя рука. Сейчас… — Ты озираешься. — Сейчас найду что-нибудь, чтобы освободить тебя.

Хоа запоздало вспоминает о своей руке. Он снова смотрит на тебя, ему явно не нравится, что ты это видишь, но затем покорно вздыхает. Затем он сгибает руку, прежде чем ты успеваешь сказать ему, чтобы не делал ничего, что может покалечить его еще сильнее.

Голова киркхуши рассыпается. Большие куски камня с грохотом падают на пол, рассыпается блестящая пыль. Рука мальчика начинает сильнее кровоточить, но она свободна. Он чуть сгибает пальцы. Они в порядке. Он опускает руку.

Ты бросаешься к нему, поскольку его рана — это то, что ты понимаешь и с чем можешь что-то сделать. Но он быстро отдергивает руку, прикрывая укус другой рукой.

— Хоа, разреши…

— Все в порядке, — спокойно говорит он. — Но нам надо идти.

Другие киркхуши все еще близко, хотя они жрут какого-то бедолагу в траве. Но это не задержит их надолго. Хуже того, только вопрос времени, когда другие несчастные люди решат вернуться к путевому дому, надеясь, что все плохое позади.

Кое-что плохое до сих пор здесь, думаешь ты, глядя на отдельно лежащую нижнюю челюсть киркхуши. Ты видишь грубые желваки на задней части ее языка, теперь блестящие, как кристаллы. Затем ты оборачиваешься к Хоа, который держится за руку с несчастным видом.

Именно этот несчастный вид загоняет, наконец, страх вглубь тебя, заменяя его чем-то более знакомым. Сделал ли он это потому, что не знал, сможешь ли ты защитить себя? По какой-то другой, непонятной причине? В конце концов, это не важно. Ты понятия не имеешь, как вести себя с чудовищем, способным превратить живое в статую, но ты знаешь, что делать с несчастным ребенком.

И у тебя большой опыт с детьми, которые вообще-то чудовища втайне от всех.

Потому ты протягиваешь руку. Хоа удивлен. Он

смотрит на нее, потом на тебя, и во взгляде его в этот момент что-то настолько человеческое и благодарное, что, к удивлению, заставляет себя почувствовать себя чуть более человеком.

Он принимает твою руку. Его хватка не ослабела от раны, так что ты ведешь его за собой, и вы снова идете на юг. Неприкаянная безмолвно следует за вами, или ей просто нужно в ту же сторону, или она просто думает, что вместе вы сильнее. Никто из вас ничего не говорит, поскольку говорить нечего.

У тебя за спиной, в полях, киркхуши продолжают жрать.

* * *

Бойся шаткого камня. Бойся крепких чужаков. Бойся внезапной тишины.

Табличка первая: «О выживании», стих третий.

11

Дамайя в эпицентре всего

В Эпицентре у жизни есть распорядок.

Подъем на рассвете. Поскольку на ферме Дамайя всегда так и вставала, то это для нее просто. Для прочей гальки — а теперь она галька, бесполезный кусок камня, который следует обтесать или, по крайней мере, использовать для галтовки других, лучших камней, — подъем настает, когда кто-нибудь из инструкторов заходит в спальню и звонит в отвратительно громкий колокольчик, что заставляет морщиться даже тех, кто уже проснулся. Стонут все, включая Дамайю. Ей это нравится. От этого она чувствует себя как часть чего-то.

Они встают, застилают свои постели, по-военному заправляя одеяла. Затем они бредут в душевую, белую от электрического света и сверкающей плитки, благоухающую травяными чистящими растворами, поскольку Эпицентр нанимает Опор и неприкаянных из трущоб Юменеса для уборки. Поэтому и по другим причинам душевые замечательны. Никогда ей не доводи-

лось каждый день мыться горячей водой, как здесь, где тонны ее просто падают из дырочек в потолке, как самый лучший в мире дождь. Она старается не показывать этого, поскольку некоторые другие гальки — экваториалы — будут над ней смеяться, над деревенщиной, потрясенной новизной доступной, удобной чистоты. Но да, она такая и есть.

После этого гальки чистят зубы и возвращаются в спальню одеваться и причесываться. Их униформа состоит из жестких серых брюк и белых рубашек с черным кантом, как у мальчиков, так и у девочек. Дети, у кого волосы длинные, или кудрявые, или слишком тонкие, должны зачесать и убрать их назад. Те дети, у кого волосы пепельные, курчавые или короткие, должны как следует их уложить. Затем гальки выстраиваются перед своими кроватями, ожидая, когда придет инструктор и пройдет по рядам. Они проверяют, действительно ли все гальки умылись. Они проверяют постели — не описался ли кто или неаккуратно заправил углы. Тех галек, кто не умыт, снова отправляют в душ, на сей раз холодный, и инструктор стоит и смотрит, чтобы все было сделано как следует. (Дамайя старается никогда так не попадаться, поскольку это вовсе

не забавно.) Гальки, которые не оделись и не причесались или не застелили постель как подобает, отправляются в Дисциплинарный отдел, где получают наказание в соответствии с проступком. Непричесанные волосы остригают коротко, а при повторном проступке бреют наголо. Нечищеные зубы наказываются полосканием рта мылом. За непорядок одежды наказывают пятью ударами розгой по попе, за неаккуратно заправленную постель — десятью. От ударов кожа не лопается — инструкторы обучены так бить, — но остаются рубцы, которые жесткая ткань униформ должна натирать.

Вы представляете нас всех, говорят инструкторы, словно хоть одна галька осмелится протестовать. *Когда вы грязны — все орогены грязны. Когда вы ленивы — все мы ленивы. Мы делаем вам больно, поскольку вы делаете больно всем нам.*

Только раз Дамайя осмелилась оспаривать несправедливость этого утверждения. Все дети в Эпицентре разные — по возрасту, цвету кожи, росту. Некоторые говорят на санземэте с разными акцентами, будучи родом из разных частей света. У одной девочки острые зубы, поскольку у ее расы обычай подпиливать их. У одного мальчика нет пениса, хотя он засовывает носок

себе в трусы после каждого мытья. Еще одна девочка редко регулярно питалась и поглощает все с волчьим аппетитом, будто по-прежнему голодает. (Инструкторы постоянно находят в ее постели припрятанную еду и заставляют съедать, все съедать, перед всеми, даже если ее начинает тошнить.) Невозможно ожидать одинаковости при таких различиях, и Дамайе кажется бессмысленным судить остальных по поведению детей, у которых общего лишь проклятие орогении.

Но теперь Дамайя знает, что мир несправедлив. Они орогены, Мисалемы этого мира, проклятые и ужасные от рождения. Потому необходимо сделать их безопасными. Как бы то ни было, если она будет делать то, что от нее ждут, не случится ничего неожиданного. Постель ее заправлена безупречно, зубы всегда чистые и белые. Когда она начинает забывать важное, смотрит на свою правую руку, которая то и дело ноет в холодные дни, хотя кости срослись за несколько недель. Она вспоминает боль и ее урок.

После инспекции идет завтрак по манере Санзе — долька какого-нибудь фрукта и колбаса, которые они берут в вестибюле спальни и едят на ходу. Они маленькими группами расходятся на уроки в разные дворы Эпицентра, которые

старшие гальки называют тиглями, хотя их не так следует называть. (Есть многое, о чем гальки говорят между собой и чего они никогда не скажут старшим. Старшие это знают, но делают вид, что нет. Мир несправедлив, и иногда это не имеет смысла.)

В первом тигле, крытом, первые уроки проводятся за партами с аспидными досками, когда один из инструкторов Эпицентра читает лекцию. Иногда бывают устные экзамены, когда галек засыпают вопросами, пока кто-нибудь не запнется. Тогда его заставляют мыть доски. Так они учатся спокойно работать под давлением.

— Имя первого императора Древней Санзе?

— Землетрясение в Эрте испускает продольные волны в 6:35 и семь секунд и вибрационные волны в 6:37 и двадцать семь секунд. Каково запаздывание? — Этот вопрос становится более сложным для старших галек, поскольку они мыслят логарифмами и функциями.

— Камнелористика гласит: «Ищи центр круга». Где в этом суждении кроется ошибка?

Однажды этот вопрос достается Дамайе. Она встает и отвечает:

— Это утверждение объясняет, как можно найти примерное местоположение орогена по

карте, — говорит она. — Оно неверно — упрощено, — поскольку зона поглощения орогена не *круглая*, а *тороидальная*. Многие не понимают, что зона эффекта простирается также вниз и вверх и искусный ороген может деформировать ее другими трехмерными способами.

Инструктор Марказит одобрительно кивает, и Дамайя чувствует гордость. Она любит оказываться правой. Марказит продолжает:

— И поскольку Предание трудно было бы запомнить, если бы в нем были фразы вроде «ищи инвертированный эпицентр конического торуса», мы имеем круги и центры. Точность принесена в жертву поэтичности.

Класс смеется. Это не смешно, но во время контрольных нервы натянуты.

После занятий ланч в большом открытом дворе, устроенном поодаль специально для этих целей. Поверх шифера натянут промасленный холщовый тент, им можно в дождливый день перекрыть весь двор, хотя в Юменесе, который далеко от моря, редко бывают такие дни. Так что гальки обычно сидят на длинных низких скамьях под ярко-голубым небом, смеются, пинаются и обзываются. На легкий завтрак подают много еды, вся разная, вкусная и сытная, хотя многое из

далеких мест, и Дамайя не всегда знает, как что называется. (Она все равно съедает свою порцию. Ба учила ее никогда не отказываться от еды.)

Это любимое время Дамайи, хотя она единственная из галек, кто сидит одна за пустым столом. Она замечает, что многие так сидят, слишком многие, чтобы считать, что им не удалось завести друзей. У остальных такой вид, что Дамайя научилась быстро их распознавать — некоторая скрытность движений, нерешительность, напряженность взгляда и рта. У некоторых более явные отметины прежней жизни. Например, седоволосый мальчик с Восточного побережья, у которого нет руки до локтя, хотя он достаточно сноровисто обходится без нее. У девочки фенотипа санзе, где-то лет на пять старше Дамайи, одна сторона лица вся в кривых рубцах от ожогов. А еще у одной девочки, которая появилась здесь даже позже Дамайи, левая рука в специальной кожаной повязке вроде перчатки без пальцев, прикрепленной к запястью. Дамайя узнает повязку — она сама носила такую в первые свои недели в Эпицентре, пока ее рука заживала.

Они не очень смотрят друг на друга, она и эти, сидящие отдельно.

После ланча гальки гуляют по Кольцевым са-

дам длинными молчаливыми вереницами под присмотром инструкторов, чтобы они не разговаривали и откровенно не пялились на старших орогенов. Конечно же, Дамайя смотрит во все глаза, поскольку как же иначе! Важно видеть, что их ждет, как только они заслужат свои кольца. Сад — настоящее чудо, как и сами орогены: взрослые и пожилые разного вида, все здоровые и красивые, уверенные, что и делает их красивыми. Все такие грозные в своих черных мундирах и полированных ботинках. Их кольца сверкают и вспыхивают, когда они свободно жестикулируют или переворачивают страницы книг, которые *не обязаны* читать, или убирают за ухо выбившуюся прядь.

То, что видит в них Дамайя, она поначалу не понимает, хотя *желает* этого так отчаянно, что это ее нервирует и изумляет. Когда первые недели превращаются в месяцы и она привыкает к рутине, она начинает понимать, что видит в старших орогенах: контроль. Они умеют управлять своей силой. Ни один из окольцованных орогенов не заморозит весь двор из-за того, что его толкнул какой-то мальчишка. Никто из этих элегантных профессионалов в черном глазом не моргнет при сильном землетрясении или когда

семья от него откажется. Они знают, кто они такие, они приняли все, что это означает, и они не боятся ничего, даже Старика-Землю.

И если для того чтобы достичь этого, Дамайе придется поплатиться несколькими сломанными костями или провести несколько лет в месте, где никто ее не любит, где она даже не нравится никому, то это небольшая цена.

Потому она погружается в дневные практикумы по прикладной орогении. В тренировочных тиглях, расположенных в самом внутреннем кольце Эпицентра, Дамайя стоит в одном ряду с другими гальками одного с ней уровня опыта. Там под бдительным присмотром инструктора она учится визуализировать и дышать, по желанию расширять свое осознание земли, а не просто реагировать на ее движения или собственное возбуждение. Она учится контролировать свое возбуждение и все прочие эмоции, которые могут заставить ее силу реагировать на несуществующую угрозу. На этой стадии у галек нет хорошего контроля, так что никому из них не позволяется что-либо по-настоящему *двигать*. Инструкторы каким-то образом понимают, когда они вот-вот что-то сделают, и поскольку у всех инструкторов есть кольца, они могут проникнуть в развиваю-

щийся торус любого ребенка способом, который Дамайя пока не понимает, создавая короткий, ошеломляющий холодный шлепок воздуха как предупреждение. Это напоминание о серьезности урока, а также подтверждение тех слухов, о которых шепчутся старшие гальки, когда выключают свет. *Будешь делать слишком много ошибок, инструкторы тебя заморозят.*

Пройдет много лет, прежде чем Дамайя поймет, что, когда инструктор убивает запутавшегося студента, это не наказание, а милосердие.

После практики ужин и свободный час, когда они могут делать что захотят, — уступка их юности. Новенькие гальки, как правило, рано ложатся спать, вымотанные усилиями по обретению контроля над незримыми, непокорными мускулами. Старшие, более выносливые и энергичные, некоторое время смеются и играют вокруг коек спальни, пока инструкторы не объявляют, что гасят свет. На другой день все начинается снова.

Так проходят шесть месяцев.

* * *

Один из старших галек подходит к Дамайе на ланче. Мальчик высок, он экваториал, хотя не ка-

жется полностью санзе. Волосы у него по текстуре проволочные, но по цвету они провинциально-светлые. У него плечи и развивающаяся крепость Опоры, что сразу заставляет ее насторожиться. Ей по-прежнему всюду чудится Заб.

Но мальчик улыбается, в его манерах нет ничего угрожающего, когда он подходит к ее одинокому столу и спрашивает:

— Можно сесть?

Она пожимает плечами. Она не хочет соседа, но ее охватывает любопытство. Он ставит свой поднос и садится.

— Я Аркит[2].

— Это не твое имя, — отвечает она, и его улыбка немного тускнеет.

— Это имя дали мне родители, — говорит он уже серьезнее, — и я буду его носить, пока никто не найдет способа отнять его у меня. А этого не будет никогда, поскольку это настоящее имя. Но, если тебе угодно, *официально* меня зовут Матчиш.

Разновидность аквамарина высшего качества, используемая почти исключительно в искусстве. Имя ему подходит — он симпатичный парнишка, невзирая на явное арктическое или

---

[2] Примечания: 2
Разновидность порфира.

антарктическое происхождение (ему все равно, но экваториалам не все равно), что делает его острогранно-опасно красивым, какими всегда бывают взрослые парни. И потому она решает называть его Матчиш.

— Чего ты хочешь?

— О, ты действительно работаешь над собственной популярностью.

Матчиш начинает есть, облокотившись на стол. (Но прежде он проверяет, нет ли поблизости инструкторов, которые могли бы упрекнуть его за такие манеры.)

— Ты ведь знаешь, как такое делается, верно? Симпатичный популярный парень вдруг проявляет интерес к провинциальной серой мышке. Все за это ее ненавидят, но она начинает становиться уверенной в себе. Затем парень предает ее и сожалеет об этом. Это ужасно, но потом она «находит себя», понимает, что он ей не нужен и, может, еще что-то в этом роде. — Он неопределенно шевелит пальцами в воздухе. — И в конце концов она превращается в самую красивую девушку на свете, потому что нравится себе. Но это не сработает, если ты не будешь краснеть, заикаться и делать вид, что я тебе не нравлюсь.

Она совершенно сбита с толку этой мешаниной

слов. Это так ее раздражает, что она говорит:

— Но ты действительно мне не нравишься.

— О! — Он изображает, будто ранен в самое сердце. Вопреки всему, Дамайю его выходка заставляет немного расслабиться. В ответ он ухмыляется. — А, уже лучше. Ты что, книжек не читаешь? Или в той дыре, откуда ты родом, лористов нет?

Она не читает книг, поскольку еще не так хорошо умеет читать. Ее родители научили тому, чего достаточно, чтобы прожить, а инструкторы назначили ей дополнительное еженедельное чтение, чтобы улучшить ее умения в этом направлении. Но она не готова в этом признаться.

— Конечно, у нас есть лористы. Они обучают нас Преданию камня и рассказывают, как подготовиться…

— Бр-р. У вас *настоящие* лористы. — Мальчик трясет головой. — Там, где я вырос, их никто не слушал, кроме ясельных учителей и самых занудных геоместов. Больше всего все любили лористов-популяризаторов — ну, тех, кто выступает в амфитеатрах и барах. Их истории ничему не учат. Они просто забавные.

Дамайя никогда о таких не слышала, но, возможно, это экваториалы, которые никогда не

добирались до Северного Срединья.

— Но лористы рассказывают о Предании камня. В этом их смысл. Если они такого не делают, то, может, следует называть их… ну… как-то иначе?

— Возможно. — Он протягивает руку и пытается стянуть кусок сыра с ее тарелки, а она так возбуждена этим разговором о популяризаторах, что даже не протестует. — Настоящие лористы жаловались на них юменесским Лидерам, но это все, что я знаю. Меня привезли сюда два года назад, и больше я ничего о них не слышал. — Он вздыхает. — Надеюсь, что популяризаторы не исчезнут. Мне они нравились, хотя их истории немного туповаты и предсказуемы. Конечно, их истории предназначены для яслей, а не для таких мест. — Уголки его губ изгибаются вниз, когда он оглядывается в некотором неодобрении.

Дамайя прекрасно понимает, о чем он, но хочет, чтобы он это сказал.

— Таких мест?

Он искоса смотрит на нее. Сверкает улыбкой, которая, наверное, очаровала больше людей, чем встревожила.

— О, ты сама понимаешь. Прекрасных, чудесных, совершенных мест, полных любви и света.

Дамайя смеется, затем останавливает себя. Она

не уверена, почему сделала так.

— Ага. — Он с удовольствием заканчивает есть. — Я тоже не сразу начал смеяться после того, как попал сюда.

После этих слов он чуть-чуть начинает нравиться ей.

Ему ничего не нужно, через некоторое время понимает она. Он разговаривает ни о чем и ест ее еду, что нормально, поскольку она почти закончила есть. Вроде он не против, чтобы она называла его Матчиш. Она все так же не доверяет ему, но похоже, что ему просто не с кем поговорить. Это она понимает.

Наконец он встает и благодарит ее.

— Спасибо за эту искрометную беседу, — говорит он, хотя она была практически его монологом, и направляется к своим друзьям. Она выбрасывает его из головы, и день продолжается.

Только вот на другой день что-то меняется.

Сначала кто-то в душе сильно толкает ее, и она роняет полотенце. Когда она оборачивается, никто из девочек и мальчиков, моющихся в той же душевой, не смотрит на нее и не извиняется. Она списывает это на случайность.

Однако когда она выходит из душевой, оказывается, что кто-то украл ее обувь. Она приготовила

ботинки вместе с одеждой, которую сложила на постели, прежде чем пойти в душ, чтобы ускорить процесс одевания. Она делает так каждое утро. Но теперь ботинок нет.

Она тщательно ищет их, везде, где могла бы их забыть, хотя она просто знает, что не забывала их. А когда она обводит взглядом остальных галек и те старательно на нее не смотрят, когда инструкторы объявляют поверку и ей ничего не остается, как вытянуться в своей безупречной униформе, но босой, тогда она понимает, что происходит.

Она проваливает поверку, и ее наказывают отдраиванием стоп пемзой, отчего ее ноги весь день саднят в новых ботинках, которые ей выдают.

Это лишь начало.

Тем вечером после ужина кто-то подливает что-то в ее сок. Галек, которые не умеют вести себя за столом, наказывают кухонными работами, что означает, что все они имеют доступ ко всей еде. Она об этом забывает и не думает о странном вкусе сока, пока у нее не расплывается взгляд и не начинает болеть голова. Но и тогда она не понимает, что происходит, она спотыкается и шатается по дороге в спальную. Один из инструкторов оттаскивает ее в сторону, ругает ее

за недостаток координации и принюхивается к ее дыханию.

— И сколько же ты выпила? — спрашивает он.

Дамайя сдвигает брови, сначала не понимая, поскольку она выпила всего лишь положенный стакан сока. То, что она не сразу понимает, является результатом того, что она пила — кто-то подлил спирт в ее стакан.

Орогены не должны пить. Никогда. Способность двигать горы плюс опьянение равны катастрофе. Инструктора, остановившего ее, зовут Галенит, это один из молодых четырехколечников, который проводит послеобеденные тренировки по орогении. В тигле он безжалостен, но почему-то сейчас он ее жалеет. Он уводит ее с построения и ведет к себе, что, по счастью, близко. Там он укладывает Дамайю на диван и приказывает ей спать.

Утром Дамайя пьет воду и морщится от отвратительного вкуса во рту. Галенит сидит и смотрит на нее. Он говорит:

— Ты должна разобраться и покончить с этим. Если бы тебя поймал кто-то из старших… — он качает головой. Это такое серьезное нарушение, что за него даже не определено наказания. Оно будет ужасным — это все, что они должны знать.

Не важно, почему остальные гальки решили ее травить. Главное, что они это делают и это не безобидные шуточки. Они пытаются сделать так, чтобы ее заморозили. Галенит прав. Дамайя должна разобраться с этим. Немедленно.

Она решает, что ей нужен союзник.

Среди одиночек она заметила еще одну девочку. Ее *все* замечают — с ней что-то не так. Ее орогения нестабильна, подавлена. Это кинжал, постоянно направленный в землю и готовый в нее вонзиться, и обучение лишь ухудшает ситуацию, поскольку он становится все острее. Такого не должно случиться. Ее зовут Селу. Она еще не заслужила — или ей не дали — орогенского имени, но остальные гальки обзывают ее Осколком, и это имя прилипло к ней. Она даже откликается на это прозвище, поскольку не может отвадить их называть ее так.

Все уже шепчутся, что она не сдюжит. Что делает ее идеальной.

Дамайя подходит к Осколку на другой день за завтраком. (Теперь она пьет только воду, которую набирает из соседнего фонтана. Ей приходится есть то, что ей подают, но теперь она тщательно проверяет всю пищу, прежде чем что-то положить в рот.)

— Привет, — говорит она, ставя свой поднос.

Осколок окидывает ее взглядом.

— Что, все так плохо, что тебе понадобилась *я*?

Хороший признак того, что они могут быть откровенны друг с другом сразу.

— Да, — говорит Дамайя и садится, поскольку Осколок вроде не возражает. — Они ведь и тебя травят, не так ли? — Конечно, травят. Дамайя не видела того, что они делают, но иначе быть не может. Таков порядок жизни в Эпицентре.

Осколок вздыхает. От этого пространство чуть дрожит, или так на мгновение ощущается. Дамайя заставляет себя не реагировать, поскольку доброе партнерство не должно начинаться с проявлений страха. Осколок видит это и чуточку расслабляется. Вибрация нависшей опасности исчезает.

— Да, — тихо говорит Осколок. Внезапно Дамайя осознает, что Осколок *рассержена*, хотя смотрит в свою тарелку. Это заметно по тому, как жестко она сжимает вилку и как бесстрастно ее лицо. Дамайя удивляется — неужели у Осколка действительно проблемы с контролем? Или просто ее мучители *довели* ее? — И что же ты хочешь с этим сделать?

Дамайя вкратце излагает свой план. Поначалу

Осколок кривится, но затем понимает, что она серьезно. Они молча заканчивают трапезу, Осколок по ходу дела думает. Наконец, она говорит:

— Я с тобой.

План на самом деле прост. Им надо найти голову змеи, а для этого лучше всего оставить наживку. Они решают, что ею будет Матчиш, поскольку он явно замешан в этом деле. Проблемы Дамайи начались сразу после его с виду дружеского разговора. Они дожидаются, когда он оказывается утром в душе вместе с ними, смеется вместе с друзьями, и затем Дамайя возвращается к своей койке.

— Где мои ботинки? — громко спрашивает она.

Остальные гальки озираются по сторонам, кто-то из них стонет, готовый поверить в то, что у обидчиков не хватило выдумки и они повторяют тот же трюк второй раз. Яшма, который всего на пару месяцев дольше в Эпицентре, чем Дамайя, хмыкает.

— Никто на сей раз не брал твоих тапок, — говорит он. — Они в твоем ящике.

— А ты откуда знаешь? Значит, это *ты* тогда их взял? — Дамайя становится перед ним, он ощетинивается и встречает ее на середине комнаты, расправив плечи.

— Я не брал твоего хлама! Если они пропали, то ты сама их потеряла!

— Я ничего не теряю. — Она тычет его пальцем в грудь. Он, как и она, из Северного Срединья, но тонкий и бледный, вероятно, из общины вблизи Арктики. Он краснеет от злости, остальные веселятся, но не очень громко, поскольку он задирает остальных куда громче. (Хорошая орогения — это прогиб, а не прекращение.) — Если ты их не брал, то знаешь, кто взял. — Она снова тычет его в грудь, и он отбрасывает ее руку.

— Не *трогай* меня, тупая маленькая свинья! Я сейчас тебе твой ржавый палец сломаю!

— Что тут происходит?

Все внезапно замолкают и резко оборачиваются. В дверях, готовый к вечерней поверке, стоит Сердолик, один из немногих старших среди инструкторов. Это крупный мужчина, бородатый и суровый, шестиколечник. Они все его боятся. От страха все гальки тут же разбегаются по местам у своих кроватей, вытянувшись «смирно». Дамайя ощущает невольный трепет. Но, бросив взгляд на Осколок, получает в ответ слабый кивок. Отвлекающий маневр сработал.

— Я спросил, что здесь происходит? — Сердолик входит в комнату, как только они выстраивают-

ся. Он смотрит на Яшму, который по-прежнему красный, как спелое яблоко, но на сей раз скорее от страха, чем от злости. — Какая-то проблема?

Яшма злобно смотрит на Дамайю.

— Не у *меня*, инструктор.

Когда Сердолик поворачивается к ней, она уже готова.

— Кто-то украл мои ботинки, инструктор.

— Опять? — Добрый знак. В прошлый раз Сердолик просто выбранил ее за то, что она потеряла обувь, да еще и пытается оправдываться. — У тебя есть доказательство, что их украл Яшма?

Это самое слабое место. Она никогда не умела хорошо врать.

— Я знаю, что это был мальчик. Они исчезли во время последнего душа, а все девочки были *внутри*, со мной. Я считала.

Сердолик вздыхает.

— Если ты пытаешься переложить вину на свой недогляд на кого-то другого…

— Она всегда это делает, — встревает рыжая девочка с Восточного побережья.

— Да она вообще дефективная! — говорит мальчик, который выглядит так, будто они с ней из одной общины, если вообще не родственник. Половина галек тихо хихикают.

— Обыщите ящики мальчиков, — говорит Дамайя, не слушая хихиканья. Прошлый раз она об этом не просила, поскольку не знала точно, где могут быть ботинки. На сей раз она уверена. — У них было мало времени, чтобы избавиться от ботинок. Они должны были спрятать их где-то здесь. Посмотрите в их ящиках.

— Это нечестно, — говорит один из маленьких мальчиков, экваториал, который едва из ясельного возраста вышел.

— Нет, честно, — говорит Сердолик, еще более угрюмо глядя на нее. — Подумай, прежде чем просить меня нарушить личное пространство своих товарищей. Если ошибешься, на сей раз так легко не отделаешься.

Она еще помнит, как болели натертые ноги.

— Я понимаю, инструктор.

Сердолик вздыхает. Затем он поворачивается к мужской половине спальной.

— Открывайте свои ящики. Все. Покончим с этим.

Они ворчат, открывая их, и бросают злые взгляды на Дамайю. Она сама обострила ситуацию. Теперь они все ее ненавидят. Прекрасно. По крайней мере, теперь есть за что. Но все изменится, когда игра закончится.

Матчиш вместе с остальными открывает свой ящик со злобным сопением — и вот, ее ботинки лежат прямо поверх его свернутой униформы. Дамайя видит, как на его лице раздражение сменяется смятением, а потом смертельным ужасом. Она чувствует себя отвратительно. Она не любит причинять зло людям. Но она пристально смотрит, и когда на лице Матчиша возникает ярость, он резко поворачивается и смотрит на кого-то другого. Она прослеживает его взгляд, напряженно, готовая увидеть…

…что он смотрит на Яшму. Да. Этого она и ожидала. Значит, это он.

Яшма внезапно бледнеет. Он мотает головой, словно чтобы отделаться от обвиняющего взгляда Матчиша. Не получается.

Инструктор Сердолик все это видит. Он стискивает челюсти, когда снова смотрит на Дамайю. Он зол на нее? Почему? Он должен понимать, что она не могла иначе.

— Вижу, — словно в ответ на ее мысли, говорит он. Затем смотрит на Матчиша. — Что скажешь?

Матчиш не пытается оправдываться. Это она видит по его поникшим плечам и сжатым кулакам. Но он не будет отдуваться один. Потупив голову, он говорит:

— В тот раз ботинки взял Яшма.

— Неправда! — кричит Яшма, он пятится от койки на середину комнаты. Его всего трясет. Даже глаза дрожат, он вот-вот расплачется. — Он все врет, он просто пытается свалить на кого-нибудь… — Но когда Сердолик поворачивается к нему, Яшма вздрагивает и замолкает. Он почти выплевывает слова. — *Она* продала их для меня. Продала одному из неприкаянных уборщиков за выпивку!

И тут он показывает на Осколок.

Дамайя ахает, все в ней цепенеет. Осколок?

Осколок.

— Ты, ржавый людоедский *выблядок*! — Осколок стискивает кулаки. — Ты *дал* тому старому извращенцу пощупать себя за выпивку и письмо, ты прекрасно знал, что он не отдал бы нам его за *ботинки*…

— Оно было от моей матери! — теперь Яшма открыто плачет. — Я не хотел… чтобы он… не хотел, но мне не дали бы написать ей…

— Тебе понравилось, — глумливо скалится Осколок. — Я ведь сказала, что расскажу, если ты проболтаешься, верно? Я видела. Он засунул в тебя свои пальцы, а ты стонал, как от удовольствия, как какой-нибудь Селект, какой ты и есть, только

у Селектов есть *стандарты*…

Это неправильно. Все неправильно. Все смотрят друг на друга, на орущую Осколка, на Дамайю, на рыдающего Яшму, на Сердолика. Комната полна ахов и шепотов. Снова возвращается то ощущение — подавленное, зловещее, не то чтобы вибрация, с которой высвобождается орогения Осколка, и все в комнате вздрагивают. Или это от слов и их смысла, поскольку галькам такого знать не положено. Да, они должны попадать в передряги, поскольку они дети, а у детей всегда так, но *не в такие*.

— Нет! — скулит Яшма. — Я велел тебе не рассказывать!

Теперь он открыто всхлипывает. Его губы двигаются, но ничего связного он произнести не может, только глухой, отчаянный вой — или, возможно, продолжение слова «нет». Невозможно сказать, поскольку шумят теперь все: кто-то шипит на Осколка, веля ей заткнуться, кто-то всхлипывает вместе с Яшмой, кто-то нервно хихикает над его слезами, некоторые нарочито перешептываются о том, что знали, но не верили…

– *Хватит*. — Комната замолкает от спокойной команды Сердолика, только Яшма продолжает тихо всхлипывать. Через мгновение челюсти Сер-

долика твердеют. — Ты, ты и ты, — он указывает на Матчиша, Яшму и Осколок. — Идите за мной.

Он выходит из комнаты. Трое галек переглядываются, и странно, что никого из них не испепеляет на месте неприкрытая ненависть, которой полны их взгляды. Затем Матчиш ругается и идет следом за Сердоликом. Яшма проводит рукавом по лицу и идет за ним, повесив голову и сжав кулаки. Осколок обводит вызывающим взглядом комнату — пока не натыкается на Дамайю. Тогда Осколок вздрагивает.

Дамайя смотрит на нее, поскольку она слишком ошарашена, чтобы отвести взгляд. И еще потому, что внутри у нее все кипит от гнева. Вот что значит доверяться другим. Осколок ей не друг, она ей даже не нравилась, но она думала, что они могут по крайней мере помочь друг другу. Теперь она нашла голову змеи, которая пыталась сожрать ее, а оказалось, что змея наполовину проглочена совершенно другой змеей. На результат тошно смотреть, куда уж убивать.

— Лучше ты, чем я, — негромко говорит в тишине Осколок. Дамайя ничего не говорит, не требует объяснения, но Осколок отвечает, прямо перед всеми. — Идея была в этом. Еще один промах — и мне конец, но ты, ты Маленькая

Образцовая Гражданка. Высшие баллы по всем тестам, совершенный контроль в прикладной орогении, все при тебе. Инструкторы пока ничего плохого с тобой не сделают. И пока они пытались понять, как это случилось, что их маленькая звездная ученица внезапно накосячила, они перестали ждать, что я взорву какую-нибудь гору. Или *пытаться заставить* меня это сделать… хотя бы на время. — Ее улыбка гаснет, она отводит взгляд. — Идея была в этом.

Дамайя ничего не может сказать. Она даже думать не может. Так что Осколок качает головой и идет следом за всеми к Сердолику.

В комнате безмолвие. Никто не смотрит друг на друга.

Затем у двери какое-то шевеление, в комнату входят еще два инструктора и начинают проверять койку и ящик Яшмы. Гальки смотрят, как одна женщина поднимает матрас, а другая заглядывает под него. Слышится треск разрываемой материи, и инструктор появляется с большой коричневой фляжкой, наполовину полной. Она открывает флягу, принюхивается к содержимому, кривится и кивает другой женщине. Обе уходят.

Когда эхо их шагов затихает, Дамайя подходит к ящику Матчиша и забирает свои ботинки.

Она опускает крышку — в тишине звук очень громкий. Никто не шевелится. Пока она не возвращается к своей койке и не садится, чтобы надеть ботинки.

Это служит сигналом. Слышатся вздохи, остальные тоже начинают шевелиться — достают книги для очередного урока, выходят в соседний двор, идут в буфетную, где готов завтрак. Когда в буфетную выходит сама Дамайя, какая-то девочка бросает на нее взгляд, затем быстро отстраняется.

— Извини, — бормочет она. — Это я толкнула тебя в душевой.

Дамайя смотрит на нее и видит потаенный страх в ее глазах, отчего кожа вокруг них натягивается.

— Ничего, — тихо отвечает она. — Забудь об этом.

Остальные гальки больше никогда не создавали проблем Дамайе. Через несколько дней возвращается Матчиш со сломанными руками и затравленными глазами, больше он никогда не разговаривает с Дамайей. Яшма не возвращается, но Сердолик говорит им, что его отослали в малый Эпицентр в Арктике, поскольку в юменесском Эпицентре о нем слишком много дурных

воспоминаний. Возможно, это рассматривается как милость, но Дамайя понимает, что это ссылка, как ее ни понимай.

Могло быть и хуже.

Осколок исчезла. Больше никто о ней не вспоминает.

* * *

ГРИБКОВАЯ ЗИМА: 602 год по имперскому летоисчислению. Серия океанических извержений во время сезона муссонов в восточных Экваториалях привела к повышению влажности в регионе, солнце было скрыто на полгода. Хотя по всем обстоятельствам это была умеренная Зима, ее наступление создало идеальные условия для распространения плесени, которая расползлась по Экваториалям, а также Северному и Южному Срединью, уничтожив основной в то время злак мирок (ныне вымерший). Возникший в результате голод включен в официальные записи геоместов, из-за него Зима продлилась на четыре года дольше (два года на распространение плесневой заразы, еще два года на восстановление

системы сельского хозяйства и распределение продовольствия). Почти все пострадавшие общины сумели пережить Зиму на собственных запасах, подтвердив таким образом эффективность имперских реформ и сезонного планирования. Впоследствии многие общины Северного и Южного Срединья добровольно присоединились к Империи, что стало началом ее Золотого века.

Зимы Санзе

12

Сиенит находит новую игрушку

— Мой коллега болен, — говорит Сиенит Азаэль Лидер Аллии, сидя напротив нее за столом. — Он приносит свои извинения за то, что не может вам помочь. Я расчищу «пробку» в вашей гавани.

— Мне жаль слышать о недомогании вашего начальника, — говорит Азаэль с легкой усмешкой, от которой у Сиен почти шевелятся волосы на затылке. Почти — потому, что она к этому готова и может взять себя в руки. Это все еще бесит ее. — Но я обязана задать один вопрос, — продолжает Азаэль с очень озабоченным видом. — Будет ли вас… достаточно? — Глаза ее скользят по пальцам Сиен, которая постаралась надеть кольца так, чтобы случайный наблюдатель обязательно их увидел. Руки ее сложены, большой палец спрятан, чтобы Азаэль заподозрила, что на нем пятое кольцо. Но когда Азаэль встречается взглядом с Сиенит, та видит в нем только скептицизм. Ее не впечатляют четыре кольца, даже пять.

И потому я больше никогда не поеду на задание с десятиколечником. Как будто у нее был выбор.

Все равно лучше это обдумать.

Сиенит заставляет себя улыбнуться, хотя ей далеко до вежливых манер Алебастра. Она осознает, что ее улыбка кажется жалкой.

— Во время последнего моего задания, — говорит она, — я должна была снести три здания из пяти в квартале. Это было в центре Дибарса, в районе с многотысячным населением среди рабочего дня, неподалеку от Седьмого университета. — Она закидывает ногу за ногу. Геоместы чуть не свели ее с ума во время этой миссии, постоянно требуя заверений, что она не устроит землетрясения сильнее 5 баллов. Чувствительные приборы, важная калибровка, все такое. — Это заняло пять минут, и ни единый обломок не упал за пределы зоны сноса. Это было до того, как я получила свое последнее кольцо.

И она удержала землетрясение на уровне 4, к великой радости геоместов.

— Я рада слышать, что вы столь компетентны, — говорит Азаэль. Возникает пауза, что заставляет Сиен подобраться. — Поскольку ваш коллега неспособен помогать, я не вижу причины, почему Аллия должна платить за услуги двух орогенов.

— Но разве он…

— Это не имеет отношения к делу.

Это раздражает, но Сиенит решает объяснить.

— Он десятиколечник. Он вполне может наблюдать за моими действиями и по необходимости вмешиваться прямо из гостиницы. Более того, он удерживал землетрясения в этом районе в течение последних нескольких дней, пока мы по нему ехали. Это служба, которую он выполнял из уважения к узловикам — или, скорее, к вашей общине, поскольку у такого отдаленного поселения нет узловой станции. — Лицо Азаэль напрягается, она хмурится, чувствуя укол, но Сиен разводит руками. — Самая большая разница между ним и мной, что это *мне* необходимо, чтобы он за мной наблюдал.

— Я… понимаю. — В словах Азаэль слышно большое беспокойство, чего и следует ожидать. Сиен знает, что в обязанности орогенов Эпицентра входит успокаивать страхи глухачей, и здесь Сиен разбередила тревоги Азаэль. Но она начала питать грязные подозрения по поводу того, кто именно здесь, в Аллии, может хотеть смерти Алебастра, так что неплохо будет отговорить Азаэль — или того, кого Азаэль знает, — от этого плана. Эта педантичная мелкая бюрократка даже не подозревает, насколько близко ее город прошлой

ночью был к уничтожению.

В последовавшем неловком молчании Сиенит решает, что настала пора задать свои собственные вопросы. И, возможно, подбросить немного дрожжей в очко, чтобы посмотреть, что всплывет наружу.

— Вижу, что губернатор опять не может с нами встретиться?

— Да. — Лицо Азаэль становится непроницаемым, как у игрока. Вежливая улыбка и пустые глаза. — Я передала запрос вашего коллеги. К сожалению, у губернатора не нашлось окна в расписании.

— Какая жалость. — И поскольку Сиенит начинает понимать, почему Алебастр вел себя в этом случае как засранец, она складывает руки. — К сожалению, это не просьба. У вас есть телеграф? Я хотела бы отправить сообщение в Эпицентр, чтобы они знали, что мы задерживаемся.

Глаза Азаэль сужаются, поскольку телеграф у них, конечно, есть, и, конечно, Сиенит наносит этот укол намеренно.

— Задерживаетесь.

— Да, — Сиенит поднимает брови. Она знает, что у нее не слишком получается изображать невинность, но она хотя бы пытается. — Как ду-

маете, скоро ли губернатор сможет встретиться с нами? Эпицентр захочет узнать.

Она встает, словно намереваясь уйти.

Азаэль склоняет голову к плечу, но Сиенит видит напряженность в ее лице.

— Я думала, что вы благоразумнее своего коллеги. Вы хотите уехать, не расчистив нашу гавань из-за уязвленного самолюбия?

— Это не уязвленное самолюбие. — Теперь Сиенит действительно зла. Теперь она понимает. Она смотрит на Азаэль сверху вниз, на чопорную, уверенную в себе, сидящую в большом кресле за столом, и ей приходится выдерживать настоящую борьбу с собой, чтобы не сжимать кулаки и не стискивать челюсти. — Вы стерпели бы такое отношение, будучи в нашем положении?

— Конечно, стерпела бы! — Азаэль выпрямляется, вынужденная показать настоящую реакцию. — У губернатора нет времени…

— Нет, вы бы не стерпели. Поскольку, будучи в моем положении, вы были бы представителем независимой и могущественной организации, а не каким-то дешевым лакеем из провинциальной дыры. Вы ожидали бы, чтобы к вам отнеслись как к опытному специалисту, которого обучали его ремеслу с детства. Как к человеку, который

выполняет важную и *сложную* работу и который прибыл, чтобы решить задачу, от которой зависит благополучие вашей общины.

Азаэль не сводит с нее взгляда. Сиенит делает паузу, затем глубокий вдох. Она должна оставаться вежливой и владеть этой вежливостью как тонко отточенным стеклянным ножом. Она должна быть холодной и спокойной в своем гневе, чтобы недостаток самоконтроля не сочли меткой чудовища. Как только жар за ее глазами остывает, она делает шаг вперед.

— И все же вы даже не подали нам руки, Азаэль Лидер. Вы даже не смотрели нам в глаза при первой нашей встрече. Вы даже до сих пор не предложили чашку сафе, о которой говорил вчера Алебастр. Вы предложили бы ее геоместу из Седьмого университета? Или мастеру-геонеру, пришедшему починить гидростанцию общины? Предложили бы ее представителю профсоюза Опор собственной общины?

Азаэль вся сжимается, когда до нее доходит аналогия. Сиенит молча ждет, пока все это обретет весомость. Наконец Азаэль говорит:

— Понимаю.

— Возможно, — она продолжает ждать, и Азаэль вздыхает.

— Чего вы хотите? Извинений? Я извиняюсь. Но вы должны, однако, вспомнить, что большинство нормальных людей никогда не видели орогенов, не то чтобы вели с ними дела, и… — Она разводит руками. — Можно понять, что мы чувствуем себя… неуютно?

— Дискомфорт понятен. А хамство — нет. — Ржавь ее побери. Эта женщина недостойна стараний объяснить. Сиен решает оставить это для более значительного человека. — И извинение ваше гроша не стоит. «Мне жаль, что вы настолько ненормальны, что я не могу относиться к вам как к человеку».

— Вы рогга, — вырывается у Азаэль с такой желчностью, что она сама себе удивляется.

— Отлично. — Сиенит заставляет себя улыбнуться. По крайней мере, откровенно. — Она качает головой и идет к дверям. — Я вернусь завтра. Возможно, к тому времени у вас будет время пересмотреть расписание губернатора.

— У вас контракт, — говорит Азаэль натянутым до дрожи голосом. — Вы *обязаны* выполнить услугу, за которую мы заплатили вашей организации.

— И мы ее выполним, — говорит Сиенит и останавливается, положив руку на дверную

ручку. Пожимает плечами. — Но в контракте не указано, когда конкретно после приезда мы должны это сделать. — Она блефует. Она понятия не имеет, что указано в контракте. Но она готова поспорить, что и Азаэль этого не знает, поскольку заместитель губернатора не такая фигура, чтобы об этом знать. — Кстати, спасибо за номер в «Конце Зимы». Постели весьма удобны. И кухня великолепна.

Это последняя капля. Азаэль тоже встает.

— Подождите. Я пойду поговорю с губернатором.

Сиенит мило улыбается и садится ждать. Азаэль выходит и отсутствует довольно долго, так что Сиен начинает задремывать. Она встряхивается, когда заходит еще одна женщина, тоже побережница, в возрасте, дородная, в сопровождении Азаэль, вид у которой побитый. Губернатор — мужчина. Сиенит вздыхает и готовится к еще более вооруженной до зубов вежливости.

— Сиенит Ороген, — начинает женщина, и вопреки закипающему гневу Сиенит впечатлена весомостью ее присутствия. Это «ороген» после имени Сиенит необязательно, конечно же, но это приятная крупица столь требуемой вежливости, так что Сиен встает, и женщина тут же делает

шаг к ней и протягивает руку. Ее кожа холодная и сухая и куда более грубая, чем ожидала Сиенит. Не мозолистая — просто рука человека, привыкшего выполнять свою ежедневную работу.

— Мое имя Эрсмит Лидер Аллия. Я вице-губернатор. Губернатор действительно слишком занят сегодня, но я выделила время в моем графике для встречи с вами. Я надеюсь, моего приветствия будет достаточно… тем более что я должна перед вами извиниться за дурное обращение, которое вам пришлось испытать. Заверяю вас, что Азаэль будет наказана за свое неподобающее поведение, чтобы напомнить ей, что хороший Лидер обращается с остальными — со *всеми* остальными — вежливо.

Хорошо. Возможно, эта женщина просто играет в политическую игру или вообще лжет, что она вице-губернатор. Возможно, Азаэль просто нашла прилично одетую уборщицу, чтобы сыграть эту роль. Однако это все-таки попытка найти компромисс, и Сиен принимает игру.

— Благодарю вас, — говорит она с искренней благодарностью. — Я передам ваши извинения моему коллеге Алебастру.

— Хорошо. Также передайте ему, что мы оплатим ваши расходы сверх уже оговоренного кон-

трактом, за три дня до и три дня после расчистки гавани. — Теперь в ее улыбке чувствуется намек, которого, как полагает Сиенит, она, вероятно, заслуживает. Похоже, эта женщина действительно читала контракт.

Но это не имеет значения.

— Я ценю ваше пояснение.

— У вас есть еще какие-то пожелания? Азаэль, например, с удовольствием устроит вам тур по городу.

Однако! Сиенит *нравится* эта женщина. Она подавляет улыбку и смотрит на Азаэль, которая к этому моменту сумела взять себя в руки. Она отвечает Сиенит бесстрастным взглядом. Сиен так и подмывает сделать то, что, вероятно, сделал бы Алебастр, и поддержать безмолвное предложение Эрсмит продолжить унижение Азаэль. Но Сиенит устала, и вообще вся ее поездка обернулась сущим адом, и чем скорее она покончит с делом и вернется домой в Эпицентр, тем лучше.

— Нет, спасибо, — отвечает она, и лицо Азаэль чуть вздрагивает — от скрытого облегчения? — Я на самом деле хотела бы, если возможно, посмотреть гавань, чтобы оценить масштаб проблемы.

— Конечно. Но, возможно, вы сначала хотели бы освежиться? Хотя бы чашечку сафе?

Сиенит на сей раз не может сдержать улыбки.

— Я должна, наверное, сказать, что на самом деле не люблю сафе.

— Никто не любит. — В искренности улыбки Эрсмит сейчас нет никаких сомнений. — Что-нибудь еще, прежде чем мы пойдем?

Теперь очередь Сиенит удивляться.

— Вы пойдете с нами?

На лице Эрсмит читается ирония.

— Ну, в конце концов, благополучие нашей общины *зависит* от вас. Так что мне кажется, что так и подобает.

О, да. Это настоящая хозяйка.

— Тогда прошу вас, ведите меня, Эрсмит Лидер.

Сиенит показывает на дверь, и они все вместе выходят.

* * *

С гаванью дело неладно.

Они стоят на чем-то вроде широкого бульвара, тянущегося вдоль восточного изгиба полукруглого залива. Отсюда видна бóльшая часть Аллии, раскинувшейся по склонам кальдеры, окружающей порт. Город действительно очарователен. День стоит прекрасный, ясный и теплый, а небо настолько синее и чистое, что Сиенит думает,

как замечательно смотреть отсюда ночью на звезды. Но то, чего она не видит — под водой, вдоль дна гавани, — заставляет мурашки бежать по ее коже.

— Это не коралл, — говорит она.

Эрсмит и Азаэль одновременно поворачиваются к ней с озадаченным видом.

— Извините? — говорит Эрсмит.

Сиенит отходит от них, подходит к ограде и протягивает руки. Жест необязателен, но ей просто хочется показать им, что она что-то делает. Орогены Эпицентра всегда показывают своим клиентам, что осознают и оценивают ситуацию, даже когда клиенты не понимают, что происходит.

— Дело в дне гавани. *Верхний* слой — коралл. — Она задумывается. Она никогда прежде не ощущала коралла, но он чувствуется так, как она и ожидала — слой кишащей яркой жизни, которую она может забрать, если понадобится, для подпитки своей орогении, и толстый слой древней известковой смерти. Но коралл сидит на горбатом хребте на дне гавани, и хотя он кажется природным — такие складки обычно встречаются там, где суша встречается с морем, как она читала, — Сиенит уверенно может сказать, что

это не так.

Во-первых, он абсолютно прямой. И огромный. Гребень проходит через всю гавань. Но что важнее, *он не здесь*.

Это скала под слоями ила и песка, она чувствует это. Если придется, то она, наверное, сдвинет морское ложе вроде этого. Она ощущает вес воды и камень, деформированный ее весом и давлением снизу, пласты вокруг него — но не само препятствие. Оно точно так же могло быть большой полостью на дне гавани… вокруг которой сформировалось все дно.

Сиенит хмурится. Ее пальцы распрямляются и подрагивают, следуя течению и изгибам сэсуны. Тихое скольжение сланца, песка и органики, холодное давление твердой коренной породы, течение и резкий срыв в глубину. Следуя ему, она запоздало вспоминает о том, что надо озвучивать то, что она обнаруживает.

— Там, *под* слоем коралла, что-то еще, погребенное на океанском дне. Камень под ним сжат, это должно быть тяжелым… — Но почему в таком случае она этого не чувствует? Почему она ощущает препятствие только по его воздействию на окружающее? — Странно.

— Это имеет отношение к делу? — Это Азаэль,

возможно, пытается показать свой профессионализм и интеллект, чтобы вернуть расположение Эрсмит. — Нам нужно только чтобы был уничтожен коралловый барьер.

— Да, но коралл как раз на нем сидит. — Она ищет коралл и находит его везде по окраинам гавани. В голове у нее формируется теория. — Именно потому это единственное место в глубокой части гавани, перекрытое кораллом. Он растет *поверх* этой штуки, там, где ложе океана сильно поднято. Коралл — мелководная штука, но наверху этого гребня у него достаточно прогретой солнцем воды.

— Ржавь земная. Это значит, что он снова нарастет? — Это говорит один из мужчин, пришедших с Эрсмит и Азаэль. Насколько может сказать Сиенит, это группа чиновников, но она вспоминает об их присутствии, лишь когда один из них заговаривает. — Смысл-то был в том, чтобы расчистить гавань насовсем…

Сиенит выдыхает и расслабляет сэссапины, открывает глаза, чтобы они поняли, что она закончила.

— Со временем зарастет, — говорит она, оборачиваясь к ним. — Смотрите, вот с чем вы имеете дело, — говорит она. — Это ваша гавань. — Она

складывает левую ладонь, словно охватывая две трети окружности. Гавань Аллии не такая ровная, но они понимают, она это видит по тому, что они подходят ближе. Она кладет большой палец на открытую часть, почти перекрывая ее. — Эта штука расположена здесь. Она чуть приподнята с одного конца, — она шевелит кончиком большого пальца, — поскольку в подложке есть природный наклон. Вот здесь находится бóльшая часть кораллов. Вода на дальнем конце глубже и холоднее. — Она неуклюже шевелит рукой, показывая на основание большого пальца. — Вот открытый канал, который используется для движения в вашем порту. Если вдруг коралл не станет любить темную холодную воду или не появится другая разновидность коралла, которая будет любить такие условия, эта часть, вероятно, никогда не зарастет.

Но даже пока она говорит, до нее доходит — кораллы растут друг на друге. Новые существа растут на костях своих предшественников. Со временем уровень дна даже в холодной зоне поднимется на уровень оптимальных условий для роста кораллов. Точно выверив время, Азаэль хмурится и говорит:

— За исключением того, что этот канал *закупо-*

ривался медленно, но верно в течение многих лет. По записям десятилетней давности корабли могли проходить по центру гавани, теперь — нет.

Огонь подземный. Когда Сиен вернется в Эпицентр, она скажет, что к курсу для галек нужно добавить изучение морской жизни, строящей скалы. Странно, что они еще такого не изучают.

— Если эта община существует много Зим, а проблема у вас возникла только что, то этот коралл явно не из быстрорастущих.

— Аллии всего лишь две Зимы, — говорит Эрсмит, с болезненной улыбкой глядя на Сиен. Это само по себе значительное достижение. Срединные и арктические общины в большинстве своем и одной Зимы не переживают, на Побережье все еще более эфемерно. Но, конечно, Эрсмит думает, что говорит с уроженкой Юменеса.

Сиенит пытается припомнить все, что не проспала на уроках истории в яслях. Самой недавней была Удушливая Зима, меньше ста лет назад. Она была еще мягкой, поскольку люди погибли в основном в Антарктике, близ горы Акок, когда та взорвалась. До того была Кислотная Зима. Или Кипящая? Она всегда путала эти две. Как бы то ни было, это было за две-три сотни лет до Удушливой, и это была тяжелая Зима. Верно, после них

не осталось ни одного приморского поселения, так что понятно, что Аллия всего на несколько десятков лет моложе, поскольку ее построили, когда вода стала менее кислой и отступила, после чего береговая полоса снова стала жилой.

— Значит, коралл перекрывал гавань в течение четырех сотен лет или около того, — прикидывает вслух Сиенит. — Возможно, с перерывом во время Удушливой Зимы… — Как коралл переживает Пятое время года? Она понятия не имеет, но ему для роста нужны тепло и свет, или он погиб бы во время последней Зимы. — Хорошо, положим, он разросся и стал препятствием в течение ста лет.

— Огонь подземный, — с ужасом говорит вторая женщина. — Вы хотите сказать, что через сто лет нам придется делать это *снова*?

— Мы по-прежнему будем платить Эпицентру через сто лет, — вздыхает Эрсмит и смотрит на Сиенит не с досадой, а с какой-то покорностью. — Боюсь, ваше начальство высоко ценит ваши услуги.

Сиенит сдерживает желание пожать плечами. Это правда.

Все переглядываются, затем смотрят на нее, и Сиенит понимает: они сейчас попросят ее сделать

какую-нибудь глупость.

— Это очень плохая идея, — заранее говорит она, поднимая руки. — Серьезно. Я прежде никогда ничего под водой не перемещала, именно поэтому мне назначен руководитель. — Очень он ей помог. — И что еще важнее, *я понятия не имею, что там за штуковина*. Это может быть массивный газовый или нефтяной карман, который отравит вашу гавань на много лет. — Это не так. Ты знаешь это, поскольку никакой газовый или нефтяной карман не может быть таким прямым и плотным, как это нечто, кроме того, ты можешь сэссить нефть или газ. — Это может быть остатком какой-то особо тупой мертвой цивилизации, которая фаршировала свои гавани бомбами. — Блестящая идея. Они в ужасе смотрят на нее. Она делает очередную попытку.

— Закажите исследование, — говорит она. — Пришлите геоместов, которые изучают морскую растительность, может, геонеров, которые знают что-то о… — она машет рукой, бешено ища мысль, — океанских течениях. Взвесьте все «за» и «против». Затем уже зовите кого-нибудь вроде меня. — Она очень надеется, что конкретно это придется делать уже не ей. — Орогения должна быть вашим последним доводом, не первым.

Это лучше. Они слушают ее. Двое из тех, кого она не знает, начинают негромко переговариваться, на лице Эрсмит задумчивость. Азаэль кажется раздосадованной, но это не всегда плохо. Азаэль не слишком умна.

— Боюсь, нам придется об этом подумать, — говорит, наконец, Эрсмит. Она настолько разочарована, что Сиенит даже жалко ее. — Мы не сможем позволить себе второго контракта с Эпицентром, и я не уверена, что мы сможем позволить себе исследование. Седьмой университет и Концерн Геонеров требуют почти столько же, что и Эпицентр. Но что еще важнее, мы не можем далее терпеть блокировки гавани — как вы сами догадались, мы уже потеряли часть торговли, которая переместилась в другие Прибрежные порты, способные принимать более тяжелые суда. Если мы утратим доступность, смысла существования нашей общины не останется.

— Мне жаль, — начинает Сиен, но один из мужчин, шептавшихся у нее за спиной, рычит на нее.

— Вы агент Эпицентра, — говорит он, — и мы заключили с вами контракт на выполнение работ.

Может, в конце концов, он не просто чиновник.

— Я знаю. И я готова ее выполнить прямо сейчас, если вы желаете. — Коралл — пустяк, теперь она знает, поскольку просэссила его. Она может сделать это, вероятно, даже не сильно качнув корабли на якорях. — Если я расчищу коралл, уже завтра вашу гавань можно будет использовать…

— Но вас наняли, чтобы *расчистит*ь гавань, — говорит Азаэль. — Навсегда расчистить, а не на время. Если проблема оказалась больше, чем вы думали, то это не повод не завершить работу. — Ее глаза сужаются. — Разве только вы отказываетесь устранять препятствие по какой-то другой причине.

Сиен еле сдерживается, чтобы не обозвать Азаэль.

— Я изложила свои доводы, Лидер. Если бы я хотела вас в чем-то обмануть, то зачем мне рассказывать вам что-то об этом препятствии? Я бы просто убрала коралл и оставила вас осознавать проблему на собственной шкуре, когда он снова вырос бы.

Это, насколько она видит, заставляет некоторых из них заколебаться — оба мужчины из группы перестают смотреть на нее с таким подозрением. Даже Азаэль теряет обвиняющий вид, неловко выпрямившись. Эрсмит тоже кивает и

поворачивается к остальным.

— Думаю, нам надо обсудить это с губернатором, — говорит она в конце концов. — Привести ему все аргументы.

— При всем уважении, Лидер Эрсмит, — хмурится одна из женщин, — я другого выбора не вижу. Нам надо расчистить гавань, временно или насовсем. В любом случае нам платить Эпицентру столько же.

— Или ничего не платить, — говорит Сиенит. Все они поворачиваются к ней, и она вздыхает. Глупо, что она упомянула об этом — одному Отцу-Земле ведомо, что с ней сделают старшие, если она сорвет это задание. Но она ничего не может поделать. Перед этими людьми стоит перспектива экономического обрушения всей их общины. Сейчас не Зима, они могли бы переехать куда-нибудь, начать с нуля. Или самораспуститься, всем семьям общины попытаться найти место в других поселениях…

…что невозможно для тех членов семей, которые бедны, больны или стары. Или у кого есть тети, братья-сестры или родители-орогены, таких никто не примет. Или если в общине, куда они попытаются пристроиться, окажется уже слишком много представителей их функционал-

касты. Или…

Да ржавь все это побери.

— Если мы с моим коллегой вернемся сейчас обратно, — говорит Сиенит, несмотря ни на что, — ничего не сделав, — это нарушение контракта. Вы вправе требовать назад предоплату, за исключением наших расходов на поездку и поселение. — Она говорит это, глядя в упор на Азаэль, та стискивает челюсти. — Ваша гавань будет доступной, по крайней мере, еще несколько лет. Используйте это время и сэкономленные деньги для изучения того, что случилось, и выяснения, что там такое внизу, или… или переведите вашу общину в другое место.

— Это немыслимо, — в ужасе говорит Азаэль. — Это наш дом!

Сиен не может не думать о воняющем рвотой одеяле.

— Дом — это люди, — тихо говорит она Азаэль. Та моргает. — Дом — это то, что вы забираете с собой, а не то, что покидаете.

Эрсмит вздыхает.

— Это очень поэтично, Сиенит Ороген. Но Азаэль права. Переезд означает потерю идентичности нашей общины и, вероятно, рассеяние нашего населения. Также это означает потерю

всего, что мы сюда вложили. — Она делает жест рукой, и Сиенит понимает, что она имеет в виду: легко можно стронуть с места людей, но не здания. Не инфраструктуру. Все это означает благополучие, а даже вне Зимы благополучие означает выживание. — И нет гарантии, что в другом месте мы не столкнемся с худшими проблемами. Я ценю вашу честность — действительно ценю. Но… знакомый вулкан лучше.

Сиенит вздыхает. Она пыталась.

— Так чего вы хотите от меня?

— Мне кажется, это очевидно.

Да. Клятая Земля, это так.

— Вы *можете* это сделать? — спрашивает Азаэль. Может, она и не думала задирать ее. Может, она просто волнуется, поскольку Сиен говорит о судьбе общины, которую Азаэль всю жизнь учили направлять и защищать. И, конечно, родившись Лидером, Азаэль ничего не знает об этой общине, кроме ее потенциала и привлекательности. У нее никогда не было причины рассматривать свою общину с недоверием, ненавистью или страхом.

Сиенит и не думает обижаться на нее. Но она и так уже в дурном настроении, к тому же она устала, поскольку мало спала после того, как спасла Алебастра от отравления прошлой ночью,

а вопрос Азаэль подразумевает, что она хуже, чем есть. Слишком много сразу для этой долгой, ужасной поездки.

— Да, — рявкает Сиенит, отворачиваясь и протягивая руки. — Отойдите все как минимум на десять футов.

В группе слышны аханья, тревожное перешептывание, и на разворачивающейся карте ее сознания она видит, как они спешно отступают — горячие яркие возбужденные точки удаляются из зоны легкой достижимости. Они все равно в зоне досягаемости, пусть уже и не такой легкой. Да и вся их община, честно говоря, — это сгусток движения и жизни, которую так легко схватить и поглотить при необходимости. Но им не надо этого знать. В конце концов, она профессионал.

Она всаживает ось своей силы в землю остро и глубоко, чтобы ее торус был скорее узким и высоким, а не широким и смертоносным. Затем она снова прощупывает местную подложку, выискивая ближайшие дефекты или остаточное тепло потухшего вулкана, сформировавшего кальдеру Аллии. В конце концов, та штука в гавани тяжелая, ей понадобится для ее передвижения больше, чем источники в окружающей среде.

Но во время ее поисков происходит нечто

странное — и знакомое. Ее сознание смещается.

Внезапно она уже не в земле. Что-то тащит ее прочь, наружу, вниз, внутрь. Она сразу же теряется, бьется в темном, цепенящем холоде, и вливающаяся в нее сила — не тепло, не движение, не потенциал, а что-то иное.

Что-то подобное она чувствовала в ту ночь, когда Алебастр руководил ее орогенией. *Но это не Алебастр*.

И она еще сохраняет какой-то контроль. Она не может остановить того, что происходит — она уже вобрала слишком много сил, если она попытается это сделать, она заморозит половину общины и вызовет толчок, который сделает пример гавани академическим. Но она может *использовать* этот поток мощи. Она может, к примеру, направить его в каменную подложку под той вещью, которой она не может видеть. Она может переместить ее, без изящества и не столь эффективно, но эта ржавая работа будет сделана. Она ощущает чудовищную *пустоту*, которую порождает в ответ этот предмет. Если Алебастр наблюдает из своей комнаты, он должен быть впечатлен.

Но откуда идет сила? Как я…

Запоздало и с некоторым ужасом она осознает,

что вода движется как гора при внезапной подаче кинетической энергии, но реагирует она куда быстрее. И она реагирует сама быстрее, чем когда-либо прежде, поскольку *переполнена* силой, она практически сочится из ее пор, и, огонь земной, это ощущается невероятно здорово, поскольку это детская игра — остановить нарастающую волну, готовую смести гавань. Она просто рассеивает ее силу, отсылая часть в море, направляя остальную на усмирение вод, когда та штука со дна вырывается из цемента покрывающих ее осадков — и коралла, который просто соскальзывает и рассыпается, — и начинает подниматься.

Но.

Но.

Эта штука не делает того, что она хочет. Она намеревалась просто переместить ее к краю гавани так, чтобы если коралл снова нарастет, он не перекрывал бы прохода. Вместо этого…

…клятая Земля… что за ржавь… вместо этого…

Вместо этого *эта штука движется сама*. Она не может ее удержать. Когда она пытается, вся сила, которую она держала, утекает, втягивается куда-то так же быстро, как и наполнила ее.

Сиен резко возвращается в себя, хватая воздух и наваливаясь на деревянные перила смотро-

вой площадки. Прошло всего несколько секунд. Достоинство не позволяет ей упасть на колени, но поддерживают ее только перила. А затем она понимает, что никто не замечает ее слабости, поскольку и площадка под ее ногами, и перила, за которые она отчаянно цепляется, зловеще дрожат.

Оглушительно взревывают сирены с башни прямо у нее за спиной. Внизу, под смотровой площадкой, по набережным и улицам бегут люди, и если бы не сирены, она, вероятно, услышала бы крики. С усилием Сиен поднимает голову и видит, что Азаэль, Эрсмит и прочие поспешно уходят со смотровой площадки, держась подальше от зданий, с застывшими от страха лицами. Конечно же, они бросают Сиенит.

Но не это окончательно выводит Сиен из поглощенности собственными мыслями. Это внезапный дождь морской воды, осыпающий набережные, за которым следует тень, накрывающая всю эту сторону гавани. Она поворачивается.

Из воды медленно поднимается, сбрасывая ошметки своей земной раковины и начиная с гудением вращаться, обелиск.

Он отличается от того, который Сиен видела прошлой ночью. Тот, пурпурный, наверное, по-

прежнему висит в небе в нескольких милях от берега, хотя она не смотрит туда, чтобы убедиться в его наличии. Тот, что перед ней, привлекает все ее внимание, все ее мысли, поскольку он *ржавенно огромен* и еще не до конца поднялся из воды. Он темно-красного гранатового цвета, он представляет собой гексагональную колонну с острой неровной вершиной. Он полностью непрозрачен — ни полуреального мерцания, ни вспышек, как у прочих обелисков, и он шире, чем несколько кораблей, поставленных цепочкой. И, конечно, он очень длинный. Он продолжает подниматься и вращаться, перегораживая всю гавань, поскольку он где-то с милю длиной.

Но с ним что-то не так, и это становится понятно по мере того, как он поднимается. Посередине его чистая кристаллическая красота идет трещинами. Они массивны, уродливы и окрашены черным, словно океанические загрязнения проникали туда со дна в течение долгих веков, которые он там пролежал. Эти резкие, паутинные линии расходятся светящимися лучами по кристаллу. Сиенит *чувствует*, как гудение обелиска в этом месте дрожит и сбивается, когда неописуемые энергии протискиваются сквозь точку повреждения.

И в центре этих расходящихся трещин она видит какую-то окклюзию. Что-то маленькое. Сиенит прищуривается, налегает на перила, вытягивает шею, следя за поднимающейся точкой. Затем обелиск чуть поворачивается, словно глядя на нее, и у нее кровь в жилах застывает, когда она понимает, что видит.

Существо. В этой штуке внутри кто-то есть, застывший как муха в янтаре, руки и ноги его раскинуты, волосы застыли всплеском. Она не может как следует увидеть его лица, но в ее воображении у него распахнуты глаза и раскрыт рот. В крике.

Именно тогда она замечает странную мраморность кожи существа, чернопрожилочную в темно-красном кристалле. Вспыхивает солнечный свет, и она понимает, что волосы его бесцветны или по крайней мере достаточно прозрачны, чтобы растворяться в самом гранате. И есть в том, *что* она видит, нечто понятное ей, потому что она сама какое-то мгновение была частью обелиска — она понимает, откуда шла эта сила, она не хочет слишком глубоко туда заглядывать, поскольку, клятая Земля, она не может *принять* этого. Это знание у нее в голове, и невозможно его отрицать, как бы она ни хотела.

Когда трезвый разум вынужден снова и снова сталкиваться с невозможным, не остается ничего иного, как принять это.

И потому она смиряется с тем, что то, что она видит, — это сломанный обелиск, пролежавший на дне гавани Аллии Земля ведает сколько. Она смиряется с тем, что существо, заточенное в его сердце, каким-то образом сломавшее эту массивную, великолепную, загадочную структуру… это камнеед.

И он мертв.

* * *

Отец-Земля мыслит веками, но он никогда, никогда не спит.

И ничего не забывает.

Табличка вторая: «Неполная правда», стих второй.

13

Ты идешь по горячему следу

Вот что ты такое по сути своей — такое же малое и милое создание. Это коренная порода твоей жизни. Отец-Земля вправе презирать тебя, но не стыдись. Может, ты и чудовище, но в тебе есть и величие.

* * *

Неприкаянную женщину зовут Тонки. Просто Тонки — ни функционал-касты, ни названия поселения. Ты уверена, что, невзирая на все ее протесты, она геомест. Она признает это — или вроде как признает, — когда ты спрашиваешь ее, зачем она следует за тобой.

— Просто он чертовски интересен, — говорит Тонки, показывая подбородком на Хоа. — Если бы я не попыталась узнать, что он такое, мои старые хозяева из универа пустили бы убийц по моему следу. Не могу сказать, что они уже этого не сделали! — Она ржет как лошадь, обнажая крупные белые зубы. — Хотелось бы взять у него

кровь на анализ, но без оборудования толку не выйдет. Так что буду наблюдать.

(Эти слова раздражают Хоа, и он целенаправленно старается держаться так, чтобы ты по дороге оказывалась между ним и Тонки.)

«Универ», о котором она говорила, явно Седьмой университет в Дибарсе, самый знаменитый центр обучения геоместов и лористов во всем Спокойствии, расположенный во втором по величине городе Экваториалей. И если Тонки обучалась в этом престижном заведении, а не является просто выскочкой из какого-то местечкового колледжа для взрослых или нахваталась от какого-то местного самоучки, тогда это и правда падение ниже плинтуса. Но ты достаточно вежлива, чтобы не говорить ей этого.

Тонки не живет в анклаве людоедов, несмотря на свои изобретательные угрозы. Ее дом — пещера, расположенная в полости породы — древнем провалившемся внутрь затвердевшем лавовом пузыре, который некогда был размером с небольшой холм. Теперь это изолированная ложбина в лесу, с кривыми колоннами блестящего черного стекла среди деревьев. Кругом множество всевозможных маленьких пещерок, там, где, вероятно, пузыри поменьше прилегали к большому, и Тон-

ки предостерегает тебя, что некоторые в дальнем конце стали логовом для лесных кошек и прочих зверей. Большинство их в обычной обстановке неопасны, но сезон меняет все, так что ты тщательно следуешь указаниям Тонки.

Пещера Тонки полна всяких устройств, книг и прочего хлама, который она сюда натащила, среди которого есть действительно нужные вещи вроде ламп и долго хранящейся еды. Пещера благоухает ароматным виноградом от разведенного в ней костра, но его быстро забивает дух Тонки, как только она заходит внутрь и начинает хлопотать. Ты смиряешься с фактом, что придется его терпеть, хотя Хоа, похоже, не замечает этой вони или ему все равно. Ты завидуешь его стоицизму. К счастью, оказывается, что Тонки притащила всю эту воду действительно для мытья. Она без стыда моется прямо у вас на глазах, раздеваясь догола и садясь на корточки возле деревянной шайки, чтобы отскрести подмышки, пах и прочее. Ты с удивлением замечаешь где-то по ходу процесса пенис, но непохоже, чтобы какая-нибудь община взяла ее в Селекты. Под конец она полощет одежду и волосы в каком-то темно-зеленом растворе. Она говорит, что он противогрибковый. (У тебя есть на этот счет сомнения.)

В любом случае, после того как она заканчивает с помывкой, в пещере пахнет куда лучше, и ты проводишь очень приятную и спокойную ночь в своем спальнике — у нее есть запасные, но ты не хочешь рисковать подцепить вшей — и даже позволяешь Хоа свернуться рядом с тобой, хотя поворачиваешься к нему спиной, чтобы он не обнял тебя. Он и не пытается.

На следующий день ты возобновляешь свой путь на юг вместе с неприкаянным геоместом Тонки и Хоа… кем бы он там ни был. Ты совершенно уверена, что он не человек. Это тебя не волнует, официально выражаясь, ты тоже не совсем человек (согласно декларации Второго Юменесского совета по Преданию «*О Правах личностей, пораженных орогенией*» где-то тысячелетней давности). Тебя волнует то, что Хоа об этом не говорит. Ты спрашиваешь его, что он сделал с киркхушей, а он отказывается отвечать. Ты спрашиваешь его, почему он не отвечает, а он жалостно смотрит на тебя и говорит:

— Потому что я хочу понравиться тебе.

Странствуя с этими двумя, ты чувствуешь себя почти нормальной. В любом случае дорога требует вашего полного внимания. В следующие два дня пеплопад усиливается до такой степени,

что вам приходится достать из рюкзаков и надеть маски — на счастье (ужас) у вас их четыре. Теперь пепел падает крошкой, это не висящая дымка смерти, о которой говорит Предание, но это не повод для неосторожности. Остальные тоже перешли к маскам, ты это видишь, когда они материализуются из серой мглы. Их волосы, кожа и одежда почти сливаются с пепельным пейзажем, их взгляды шершаво скользят по тебе. Маски делают всех одинаково узнаваемыми и неузнаваемыми, что хорошо. Больше никто не обращает внимания на тебя, Хоа или Тонки. Ты рада влиться в безликие массы.

К концу недели поток людей, тянущихся по дороге, начинает разбиваться на группки и порой ручейки. Все, у кого есть община, торопятся назад, и редеющий поток говорит о том, что люди находят, где поселиться. Теперь на дороге остаются только те, кто зашел дальше, чем обычно, или те, кому некуда возвращаться — как те экваториалы с пустыми глазами, многие из них в жутких ожогах после падения обломков. Эти экваториалы — назревающая проблема, поскольку на дороге их по-прежнему много, хотя раненые по большей части уже ослабели и умирают. (Вы как минимум двоих таких проходите каждый день,

они просто сидят по обочинам дороги, бледные или, наоборот, красные от жара, свернувшись или дрожа в ожидании конца.) Осталось много вполне здоровых, и теперь они неприкаянные. А это всегда проблема.

Ты разговариваешь с небольшой группой таких в следующем дорожном доме — пять женщин очень разного возраста и очень молодой, неуверенный с виду мужчина. Эти, как ты замечаешь, сняли большинство летящих, бесполезно красивых одежд, которые люди в экваториальных городах считают модными, где-то по пути они выменяли или украли более крепкую одежду и надлежащее дорожное снаряжение. Но каждый сохранил какой-то остаток прежней жизни — самая старшая женщина носит головной платок из обтрепавшегося, грязного синего атласа, у самой молодой из-под крепкой, практичной туники торчат рукава из тонкой просвечивающей ткани. У молодого человека мягкий кушак персикового цвета, чисто для украшения, насколько ты можешь сказать.

Только это не просто украшение. Ты замечаешь, как они смотрят на тебя, когда ты подходишь — быстрые оценивающие взгляды, проверка твоих запястий и щиколоток, нахмуренные брови,

когда ты пытаешься заговорить с ними. У непрактичной одежды есть очень даже практический смысл — это маркер нового нарождающегося племени. Племени, к которому ты не принадлежишь.

Не проблема. Пока.

Ты спрашиваешь у них, что случилось на севере. Ты знаешь это, но знать в геологическом смысле и осознавать значение события в реальном человеческом понимании — разные вещи. Они рассказывают тебе, когда ты показываешь им руки и демонстрируешь, что ты не представляешь собой (видимой) угрозы.

— Я возвращалась домой с концерта, — говорит одна из младших женщин, которая не представляется, но должна быть — если еще не стала — Селектом. Она выглядит точно так, как должна выглядеть женщина по меркам красоты санзе — высокая, сильная, загорелая и почти оскорбительно здоровая, с красивыми ровными чертами лица и широкими бедрами, и все это венчается шевелюрой серо-пепельных волос, которые лежат на ее плечах почти как шкура. Она показывает головой на молодого мужчину, который скромно опускает очи долу. Тоже миленький, вероятно, тоже Селект, хотя и худо-

сочного типа. Ничего, нарастит мяска, если его будут обслуживать пять женщин. — Он играл в импровизационном зале на улице Шемшены, это было в Алебиде. Музыка была такая красивая…

Голос ее дрожит, и на мгновение она уносится мыслью куда-то от «здесь и сейчас». Ты знаешь Алебид — это средняя по величине городская община — была, — известная своей сценой. Затем она возвращается, поскольку она хорошая девочка-санзе, а санзе в облаках не витают.

— Мы увидели что-то вроде разрыва, там, на севере. В смысле вдоль горизонта. Мы видели… Сначала красная вспышка, затем свет распространился на восток и запад. Не могу сказать, как далеко это было, но свет отразился от облаков. — Она снова замолкает, вспоминая что-то ужасное, и лицо ее жестко, угрюмо и полно гнева. Это более социально приемлемо, чем ностальгия. — Это распространялось *быстро*. Мы просто стояли на улице, глядя, как это разрастается, и пытались понять, что мы видели, и сэссили, когда земля начала дрожать. Затем что-то — облако — затмило красное, и мы поняли, что это идет на нас.

Это не пирокластическое облако, ты это знаешь. Иначе она с тобой не разговаривала бы. Значит, просто пепельная буря. Алебид лежит сильно к

югу от Юменеса, так что до них докатилось лишь эхо того, что накрыло северные общины. И это хорошо, потому что это эхо чуть не разрушило куда более южный Тиримо. По-хорошему от Алебида должен был один щебень остаться.

Ты подозреваешь, что эту девочку спас ороген. Да, возле Алебида есть узловая станция. Или была.

— Все осталось, как оно стояло, — продолжает она, подтверждая твои подозрения. — Но затем посыпался пепел, стало невозможно дышать. Он забивался в рот, в легкие, цементировался. Я завязала рот блузкой, она была из той же ткани, из которой делают маски. Только это меня и спасло. Нас. — Она бросает взгляд на молодого человека, и ты понимаешь, что обрывок ткани вокруг его запястья некогда был женским платьем, судя по цвету. — Это был вечер прекрасного дня. Ни у кого не было с собой рюкзаков.

Воцаряется тишина. На сей раз все в группе позволяют себе унестись мыслями в прошлое вместе с ней. С воспоминаниями всегда так. Но ты помнишь, что только у немногих экваториалов были рюкзаки. Узловых станций было более чем достаточно, чтобы на столетия обезопасить большие города.

— И мы побежали, — резко заканчивает женщина с тяжелым вздохом. — И все еще бежим.

Ты благодаришь их за информацию и уходишь прежде, чем они, в свою очередь, успевают задать вопросы тебе.

В течение дня ты слышишь много подобных историй. И ты замечаешь, что среди экваториалов, которых ты встречаешь, нет никого из Юменеса и приблизительно той же широты. Алебид — самый северный город, откуда есть беженцы.

Но это не имеет значения. Ты не идешь на север. И все равно, занимает ли это твои мысли — то, что случилось, — ты знаешь, что не надо на этом зацикливаться. У тебя в голове и так полно дурных воспоминаний.

Так что ты со своими спутниками продолжаешь идти сквозь серые дни и красноватые ночи, и тебя заботит только то, чтобы фляги были полны, а запасы провизии пополнялись, чтобы сменить ботинки, когда они начинают просить каши. Пока все это просто, поскольку люди все еще надеются, что это будет короткая Зима — год без лета, возможно, два или три. Так проходят большинство Зим, и уцелевшие общины с охотой торгуют в такое время, наживаясь на плохом планировании других, и к концу Зимы становят-

ся богатыми. Но ты знаешь, что эта Зима будет намного, намного длиннее, чем прикидывают иные — но это не мешает тебе извлекать выгоду из их ошибок.

То и дело по дороге ты останавливаешься возле разных общин, некоторые из них обширные и обнесены высокими гранитными стенами, некоторые защищены всего лишь проволочной оградой, острыми кольями и плохо вооруженными Опорами. С ценами начинаются непонятки. Одна община требует наличных, и ты отдаешь почти все, что у тебя есть, за спальник для Хоа. В следующем наличных не берут вообще, но принимают полезные инструменты, и ты отдаешь один из молотков Джиджи для огранки камня, который лежит на дне твоего рюкзака. За него ты получаешь двухнедельный запас долгого хлеба и три банки сладкой ореховой пасты.

Ты распределяешь припасы между вами троими, поскольку это важно. Предание камня полно наставлений против утаивания припасов внутри группы — а сейчас вы группа, признаете вы это или нет. Хоа выполняет свою обязанность, держа ночную вахту — он мало спит. (Или ест. Но через некоторое время ты стараешься этого не замечать, как и не вспоминать, как он превратил

киркхушу в камень.) Тонки не любит подходить к общинам, хотя в новой одежде и с запахом не хуже обычного запаха тела она может сойти за очередную лишенную дома женщину, а не неприкаянную. Так что это достается тебе. И все же Тонки помогает чем может. Когда твои ботинки износились до дыр, а в общине, в которую ты обратилась, ничего не захотели брать взамен, Тонки, к твоему удивлению, достала компас. Компасы бесценны, когда небо затянуто облаками, а в пеплопаде ничего не видно. За такое десять пар обуви могли бы дать. Но женщина из общины, с которой ты ведешь торг, знает, что ты в беспомощном положении, и потому ты получаешь лишь две пары обуви — одну для тебя, вторую для Хоа, поскольку его ботинки уже стали изнашиваться. Тонки, у которой запасная пара ботинок болтается, привязанная к рюкзаку, отмахивается, когда ты потом начинаешь сетовать.

— Есть и другие способы найти путь, — говорит она и так смотрит на тебя, что тебе становится не по себе.

Ты *не думаешь*, что она знает, что ты рогга. Но по ней вообще ничего не скажешь.

Миля уходит за милей. Дорога часто разветвляется, поскольку в этой части срединных земель

много общин и потому что здесь имперский тракт пересекается с общинными дорогами и коровьими тропами, пересекает реки и старые железные пути, которые использовались для транспортировки чего-то какими-то древними мертвыми цивилизациями. Именно из-за таких пересечений имперский тракт так и проложен, потому что дороги — кровь Древней Санзе, и так было всегда. К несчастью, в результате легко заблудиться, если ты не знаешь, где находишься, или если у тебя нет *компаса*, карты или указателя «*детоубийцам — сюда*».

Мальчик — твое спасение. Тебе хочется верить, что он каким-то образом может чувствовать Нэссун, поскольку иногда он лучше компаса — безошибочно указывает направление, в котором вам надо идти каждый раз, как вы оказываетесь на перекрестке. Бóльшую часть времени вы идете по имперскому тракту — конкретно этот Юменес — Кеттекер, хотя Кеттекер где-то в Антарктике, и ты молишься, чтобы вам не пришлось идти так далеко. В каком-то месте Хоа уводит вас на общинную дорогу, срезая участок имперского тракта, и, вероятно, экономит вам много времени, особенно если Джиджа не сходил с тракта. (Но здесь вышла проблема, поскольку община,

которая построила короткую дорогу, защищается хорошо вооруженными Опорами, которые предупредительно стреляют в вас из арбалетов, как только видят. Они не открывают ворота для торговли. Ты спиной чувствуешь их взгляды долгое время после того, как вы проходите мимо них.) Однако, когда дорога отклоняется к югу, Хоа не так уже уверен. Когда ты спрашиваешь, он отвечает, что знает направление, в котором идет Нэссун, но не может определить конкретную дорогу, по которой идут они с Джиджей. Он может лишь указать наиболее вероятный путь.

Через несколько недель у него начинаются проблемы даже с этим. Ты стоишь вместе с Хоа на одном перекрестке целых пять минут, и он кусает губу, пока ты в конце концов не спрашиваешь его, в чем дело.

— Сейчас таких, как ты, много в одном месте, — смущенно говорит он, и ты быстро меняешь тему, поскольку если Тонки не знает, кто ты, то после этого разговора будет знать.

Но… *много таких, как ты*. Людей? Нет, это бессмысленно. Рогги? Вместе? Еще более бессмысленно. Эпицентр погиб вместе с Юменесом. Есть малые Эпицентры в Арктике — далеко на севере, теперь за непроходимой центральной широтой

континента — и Антарктике. Но туда много месяцев пути. Любые орогены на дороге теперь такие же люди, как и она, они скрывают свою сущность и пытаются выжить, как и прочие. Нет смысла им сбиваться в группу — это лишь повысит шансы быть обнаруженными.

На перекрестке Хоа выбирает дорогу, но по его хмурому лицу ты понимаешь, что это лишь догадка.

— Это близко, — говорит он тебе наконец вечером, когда ты ешь долгий хлеб с ореховой пастой, пытаясь не мечтать о чем-нибудь получше. Тебе начинает хотеться свежих овощей, но очень скоро они будут дефицитом, если уже не стали, так что лучше и не мечтать. Тонки где-то рядом, вероятно, бреется. В последние дни у нее закончилось какое-то биоместское снадобье, которое она держит в рюкзаке и пытается пить тайком от тебя, хотя тебе все равно, и теперь ей приходится каждые несколько дней сбривать щетину. Это делает ее раздражительной.

— Там полно орогенов, — продолжает Хоа. — Ничего за ними не вижу. Они как… как маленькие огни. Каждого отдельно легко видеть, как Нэссун, но когда они вместе, это очень яркий свет, и она либо очень близко к ним, либо ушла за них.

Сейчас я не могу… — кажется, он ищет слова. Для каких-то вещей слов нет. — Я не могу, ну…

— Сэссить? — предлагаешь ты.

Он хмурится.

— Нет. Я не это делаю.

Ты решаешь не спрашивать, что он делает.

— Я не могу… не могу *знать* больше ничего. Яркий свет не дает сфокусироваться на одном маленьком огоньке.

— Сколько… — ты пропускаешь слово на случай, если вдруг вернется Тонки, — сколько их?

— Не могу сказать. Больше одного. Меньше деревни. Но еще больше идут туда.

Это беспокоит тебя. Не могут же все они гнаться за похищенными дочерьми и мужьями-убийцами.

— Почему? Откуда они знают, куда идти?

— Не знаю.

Что ж, и то хлеб.

Ты знаешь только то, что Джиджа отправился на юг. Но «юг» — это огромная территория, больше трети континента. Тысячи общин. Десятки тысяч квадратных миль. Куда он направляется? Ты не знаешь. А что, если он повернет на восток или на запад? Остановится?

У тебя возникает мысль.

— Они могли остановиться в том месте? Джиджа и Нэссун?

— Я не знаю. Они, однако, шли в том направлении. До того места я не терял их.

Ты ждешь, пока Тонки не вернется, и говоришь ей, куда ты идешь. Ты не говоришь ей почему, а она не спрашивает. Ты не рассказываешь ей также, чему навстречу ты идешь, потому что и сама не знаешь. Может, кто-то пытается создать новый Эпицентр. Возможно, существует какая-то инструкция. Как бы то ни было, хорошо снова иметь четкую цель.

Ты отбрасываешь ощущение тревоги, когда снова встаешь на дорогу, по которой, как ты надеешься, прошла Нэссун.

* * *

Суди их всех по их полезности: лидеров и здоровяков, плодовитых и мастеровитых, мудрых и смертоносных, и немногих Опор, чтобы охранять их всех.

Табличка первая: «О выживании», стих девятый.

14

Сиенит ломает свои игрушки

Оставаться на месте. Ждать инструкций. Так гласит телеграмма из Юменеса.

Сиенит молча протягивает ее Алебастру, он смотрит на нее и смеется.

— Ну-ну. Начинаю думать, что ты только что заслужила очередное кольцо, Сиенит Ороген. Или смертный приговор. Увидим по возвращении.

Они в своей комнате в гостинице «Конец Зимы», обнаженные после обычного вечернего совокупления. Сиенит встает, голая, беспокойная, раздраженная, расхаживает по комнате. Она меньше, чем та, в которой они жили на прошлой неделе, поскольку их контракт с Аллией исполнен и город больше не платит за их размещение.

— Когда мы вернемся? — Она зло смотрит на него, ходя взад-вперед. Он совершенно расслаблен, длиннокостный позитив на фоне белого негатива кровати в тусклом свете сумерек. Глядя на него, она не может не думать о гранатовом обелиске — он такой же невозможный, нереальный, невероятный. Она не может понять, почему

он не встревожен.

— Что за хрень — «оставаться на месте»? Почему нам не позволяют вернуться?

Он цыкает на нее.

— Что за язык! Ты была такой правильной девочкой в Эпицентре. Что случилось?

— Ты случился. Отвечай на вопрос!

— Может, хотят дать нам отдохнуть. — Алебастр зевает и тянется за фруктом в сетке прикроватной тумбочки. Последнюю неделю они сами платят за свою еду. Но хотя бы теперь он ест без напоминаний. Скука хорошо на него влияет. — Какая разница, где мы будем убивать время — здесь или по дороге в Юменес, Сиен? Здесь мы хотя бы живем с удобствами. Ложись.

Она скалится.

— Нет.

Он вздыхает.

— Отдохнуть ложись. На сегодняшнюю ночь мы свой долг выполнили. Огни подземные, может, мне выйти, чтобы ты могла помастурбировать? Тебе лучше станет?

На самом деле да, но она не хочет признаваться ему в этом. В конце концов она возвращается в постель, поскольку делать больше нечего. Он протягивает ей апельсиновый ломтик, и она бе-

рет его, поскольку это ее любимый фрукт и здесь они дешевы. Много аргументов за то, чтобы жить в прибрежной общине, думает она уже не первый раз с момента их приезда. Мягкий климат, хорошая еда, низкие цены, люди со всех концов света, приезжающие в порт, чтобы путешествовать или торговать. И океан — такой прекрасный, завораживающий, она может часами стоять у окна и смотреть на него. Если бы только города Побережья не сносило раз в несколько лет цунами… ладно.

— Я просто не понимаю, — говорит она уже в стотысячный раз. Бастеру, наверное, до чертиков надоело слушать ее нытье, но ей просто больше нечего делать, так что пусть терпит. — Это какое-то наказание? Я не должна была наткнуться на эту ржавую летучую хрень, спрятанную на дне гавани по время обычной работы по расчистке коралла? — Она всплескивает руками. — Как будто кто-то мог это предвидеть!

— Скорее всего, — говорит Алебастр, — тебя просто хотят иметь под рукой, когда понаедут геоместы, на случай, если образуется какая-то работа для Эпицентра.

Он уже говорил это и прежде, и она понимает, что это, наверное, правда. Город уже кишит

геоместами — и археоместами, и биоместами, и камнелористами. Даже несколько докторов приехали для изучения влияния обелиска на население Аллии. Конечно же, понаехали шарлатаны и чокнутые, всякие там металлористы, астрономесты и прочие представители мусорных наук. Любой с минимальным образованием или хобби изо всех общин этого и соседнего квартентов. Сиенит и Алебастр сумели получить комнату только потому, что именно они обнаружили обелиск, и потому, что сняли комнату заранее — сейчас все гостиницы и меблированные комнаты в квартенте переполнены.

Прежде до этих клятых обелисков никому дела не было. Но никто и никогда не видел его висящим так близко над центром крупного города, да еще с дохлым камнеедом внутри.

Но кроме расспросов Сиенит по поводу ее мнения насчет поднятия обелиска — ее уже начинает корчить всякий раз, как ей представляют очередного *Какого-то Инноватора Откуда-то* — никто ничего больше от Сиенит не хочет. Это хорошо, поскольку у нее нет полномочий вести переговоры от имени Эпицентра. Это мог бы сделать Алебастр, но она не хочет, чтобы он торговался с кем бы то ни было по поводу ее услуг. Она *не*

думает, что он нарочно подпишет ее на то, что ей не нравится, он же не полный дурак. Таковы нормы.

Что хуже, она не до конца доверяет Алебастру. Она не видит смысла в том, чтобы оставаться здесь. Эпицентр должен хотеть ее возвращения в Экваториали, где ее смогут допросить в Седьмом университете в присутствии имперских ученых и где старшие смогут оценить, сколько будет стоить для исследователей разговор с ней. Они должны хотеть сами поговорить с ней, чтобы лучше понять ту странную силу, которая уже трижды давала ей себя ощутить и которая, как она в конце концов понимает, каким-то образом исходит из обелисков.

(И еще с ней должны хотеть пообщаться Стражи. У них есть свои тайны. И больше всего ее беспокоит, что они не проявляют интереса.)

Алебастр предупредил ее не говорить об этом. *Никто не должен знать, что ты способна связываться с обелисками*, сказал он на следующий день после происшествия. Тогда он был еще слишком слаб после отравления, едва способен вставать с постели. Оказалось, что он был слишком вымотан орогенистически, чтобы сделать что-нибудь, когда она подняла обелиск, несмотря

на то что она хвасталась перед Азаэль его дистанционными возможностями. Но как бы он ни был слаб, ему достало сил схватить ее за руку и заставить слушать себя. *Говори всем, что ты просто пыталась сместить пласт, и эта штука выскочила сама, как пробка, из-под воды. Даже наши этому поверят. Это просто очередной бессмысленный артефакт какой-то очередной мертвой цивилизации, и никто не будет расспрашивать тебя, если ты не дашь повода. Так что не разговаривай об этом. Даже со мной.*

Конечно, от этого ей еще сильнее хочется *об этом* поговорить.

Но когда она попыталась заговорить *об этом* после того, как Бастер оправился, он так на нее зыркнул, что она поняла намек и перешла к другой теме.

И это злит ее больше, чем что-либо еще.

— Хочу пройтись, — говорит она в конце концов и встает.

— Отлично, — Алебастр потягивается и встает, она слышит, как хрустят его суставы. — Я иду с тобой.

— Я не просила компании.

— Нет. — Он опять улыбается ей, но на сей раз жестко. Она начинает ненавидеть такую улыб-

ку. — Но если ты собираешься погулять одна, вечером, в чужом городе, *где одного из нас уже пытались убить*, то тебе лучше иметь компанию.

Сиенит вздрагивает.

— А.

Но это другая тема, о которой они не могут говорить, не потому что Алебастр запрещает, а потому что никто из них ничего толком не знает и может только строить догадки. Сиенит хочется верить в самое очевидное — кто-то на кухне просто недостаточно опытен. Но Алебастр указал ей на одну нестыковку — никто в этой гостинице или городе не почувствовал себя плохо. Сиенит думает, что этому тоже есть простое объяснение — Азаэль велела поварам отравить только еду Алебастра. Разозленные Лидеры склонны к такому, по крайней мере, если судить по рассказам о них, изобилующим отравлениями и изощренной тайной злобой. Сиенит больше нравятся истории о Стойких, преодолевающих невероятные сложности, и Селектах, спасающих жизнь путем хитрого политического брака и стратегической репродукции, или об Опорах, решающих свои проблемы с честной жестокостью.

Алебастр, будучи Алебастром, думает, что в его почти смертельном отравлении есть нечто

большее. И Сиенит не хочется признавать, что он может быть прав.

— Ладно, — говорит она и одевается.

Стоит приятный вечер. Солнце садится. Они идут по наклонному бульвару в гавань. Их тени стелются далеко перед ними, и дома Аллии, по большей части покрытые штукатуркой песочного цвета, на краткое время приобретают более глубокие драгоценные тона — алый, фиолетовый, золотой. Бульвар, по которому они идут, пересекает извилистую боковую улочку, заканчивающуюся маленькой бухтой в стороне от шумного района гавани. Когда они останавливаются насладиться видом, то видят группу местных подростков, которые играют на черном песке и смеются. Все они гибкие, загорелые, здоровые и откровенно счастливые. Сиен не может оторвать от них взгляда и думает: может, это и означает расти нормальным?

Затем обелиск, который хорошо виден в конце бульвара, на котором они стоят, он висит в десяти-пятнадцати футах над поверхностью гавани, испускает еще один из низких, едва заметных импульсов, которые издает с тех пор, как Сиенит подняла его, и это заставляет ее забыть о детях.

— Что-то с это штукой не так, — говорит Але-

бастр тихо-тихо.

Сиенит смотрит на него, раздраженная, и с ее языка вот-вот готовы сорваться слова: *Что, теперь ты хочешь поговорить об этом?* — когда замечает, что он не смотрит на обелиск. Он шаркает по земле ногой, засунув руки в карманы с видом — о, Сиен чуть ли не смеется. На миг он кажется застенчивым юнцом, готовым предложить что-то неприличное своей симпатичной спутнице. То, что он не молод, не застенчив и что ему все равно, красива она или дурна, не имеет значения, поскольку они уже трахались. Случайный прохожий не поймет, что он вообще думает об обелиске.

Что тут же заставляет Сиенит понять: *Никто не сэссит этого импульса, кроме них*. На самом деле это не совсем импульс. Он не краткий, не ритмичный, это мгновенная пульсация, случайная и зловещая, как зубная боль, которую она периодически сэссит. Но если бы остальные люди в городе сэссили это хотя бы раз, они уже не смеялись бы и не играли на исходе этого долгого золотого дня. Они все высыпали бы на улицы и смотрели на эту массивную, нависающую штуковину, к которой Сиенит в душе все чаще начинает применять прилагательное *опасная*.

Сиен понимает намек Бастера и берет его за руку, прижимаясь к нему, будто действительно его любит. Она понижает голос до шепота, хотя и не понимает, от кого или чего он пытается скрыть их разговор. Деловой день города заканчивается, на улицах есть люди, но никого рядом, и никому нет до них дела.

— Я все жду, когда он поднимется, как остальные.

Поскольку он висит уж слишком близко к земле — или к поверхности воды. Все прочие обелиски, которые видела Сиен — включая тот аметистовый, что спас жизнь Алебастру и который по-прежнему парит в нескольких милях от берега, — находятся на уровне нижнего слоя облаков или выше.

— И он кренится на одну сторону. Будто едва держит равновесие.

Что? Она не может удержаться и смотрит туда, хотя Бастер тут же стискивает ее руку, чтобы она отвела взгляд. Но этого краткого взгляда хватает, чтобы подтвердить его слова: обелиск действительно чуть-чуть накренен, его вершина наклонена к югу. Во время вращения он просто должен немного вихлять. Крен настолько мал, что она не заметила бы его, если бы они не стояли

на улице, застроенной домами с прямыми стенами. Теперь она уже не может не видеть этого.

— Идем туда, — предлагаешь ты. Они уже слишком задержались. Алебастр соглашается, и они непринужденным шагом спускаются к маленькой бухточке.

— Потому нас тут и держат.

Она не обращает на него внимания, когда он говорит эти слова. Ее невольно привлекают красота заката и длинные, элегантные улицы города. По тротуару идет еще одна пара. Высокая женщина кивает им, хотя они оба в черных мундирах орогенов. Этот маленький жест странен. И приятен. Юменес — сущее чудо человеческих достижений, вершина изобретательности и инженерии, он продержался десяток Зим, этому ничтожному городку Побережья никогда с ним не сравниться. Но в Юменесе никто никогда не снизошел бы до того, чтобы кивнуть рогге, каким бы прекрасным ни был день.

И тут последние слова Алебастра достигают ее слуха.

— Что?

Он продолжает идти непринужденной походкой, не обгоняя ее, хотя шаг у него длиннее.

— Мы не могли поговорить в гостинице. Рис-

кованно разговаривать даже здесь. Но ты хотела знать, почему нас держат здесь и не разрешают вернуться. Вот поэтому. Обелиск выходит из строя.

Это очевидно, но…

— А мы-то тут при чем?

— Ты его подняла.

Она делает злое лицо прежде, чем он успевает цыкнуть на нее.

— Он сам поднялся. Я только убрала всю грязь, что держала его внизу, и, возможно, пробудила его. — Вопрос, почему разум говорит ей, что он до того *спал*, она глубоко копать не хочет.

— Это больший контроль над обелиском, который кто-нибудь проявлял за три тысячи лет истории империи. — Бастер слегка пожимает плечами. — Будь я каким-нибудь педантичным выскочкой-пятиколечником и прочел вот это все в телеграмме, вот что я подумал бы и вот что сделал бы — попытался бы контролировать того, кто может контролировать вот это. — Он показывает глазами на обелиск. — Но нам следует беспокоиться не о выскочках-пятиколечниках из Эпицентра.

Сиен не понимает, что за ржавь он несет. Нельзя сказать, что он говорит полную чушь — она легко

может представить, что какая-нибудь выскочка-педант вроде Шпат способна на такое пойти. Но зачем? Успокоить местное население, держа под рукой десятиколечника? О присутствии здесь Бастера знает только горстка бюрократов, которые, скорее всего, сейчас разбираются с внезапным притоком туристов и исследователей. Чтобы сделать что-то, если обелиск… сделает что-то? Нелепо. И кто еще может об этом беспокоиться? За исключением…

Она хмурится.

— Ты сказал что-то раньше. — Что-то… о связи с обелиском? Что это значит? — И… и ты что-то сделал той ночью. — Она бросает на него тревожный взгляд, но на сей раз он не гневается. Он смотрит на бухту, словно очарован видом, но глаза его зорки и серьезны. Он понимает, о чем она. Она медлит еще мгновение, затем говорит: — Ты ведь *можешь* что-то делать с этими штуками, верно? — Земля, какая же она дура. — *Ты* можешь их контролировать! Эпицентр знает?

— Нет. И ты тоже не знаешь. — Он на мгновение пронзает ее своим темным взглядом.

— Почему ты так…

Нет, он даже не скрывает. Он говорит с ней. Но так, будто подозревает, что кто-то их подслу-

шивает.

— Никто не мог слышать нас в комнате. — Она показывает на стайку детишек, один из которых налетает на Алебастра и извиняется. Улица узкая. Извиняется. На самом деле извиняется.

— Ты не знаешь. Основная колонна дома вырезана из цельного гранита, заметила? И фундамент такой же. И если он стоит прямо на материковой породе… — по лицу его на мгновение проскальзывает смятение, затем оно снова становится бесстрастным.

— Но как это связано с… — И тут до нее доходит. О. О. Нет, этого не может быть. — Ты хочешь сказать, что кто-то может слышать нас *сквозь стены*? Сквозь сам камень? — Она никогда ни о чем подобном не слышала. Конечно, это имеет смысл, поскольку так работает орогения. Когда Сиен заякорена за землю, она способна сэссить не только камень, с которым связано ее сознание, но и все, что его касается. Даже если она не может постичь сам предмет. Как обелиск. И все же ощущать не только тектонические колебания, но *звук*? Это невозможно. Она никогда не слышала, чтобы рогга имел такую высокую чувствительность.

Он долго смотрит ей в глаза.

— Я могу. — Когда она в ответ смотрит на него,

он вздыхает. — Всегда умел. Вероятно, и ты можешь — но пока это нечетко. Сейчас для тебя это только краткие вибрации. Между восьмым и девятым кольцами я начал различать среди вибраций фразы. Детали.

Она качает головой.

— Но ты единственный десятиколечник.

— У большинства моих детей потенциальные способности десятиколечника.

Сиенит вздрагивает, внезапно вспомнив мертвого ребенка на узловой станции близ Мехи. О. Эпицентр контролирует всех узловиков. Что, если они имеют какой-то способ заставлять этих детей слушать, а потом передавать услышанное по какому-то подобию живого телеграфа? Он этого боится? Неужели Эпицентр — это такой паук в центре Юменеса, использующий узлы своей паутины, чтобы прослушивать все разговоры в Спокойствии?

Но ее отвлекает от этих размышлений какая-то мысль на задворках сознания. Что-то, о чем только что сказал Алебастр. Это его проклятое влияние — теперь она подвергает сомнению все, с чем выросла. Он сказал: *У большинства моих детей потенциальные способности десятиколечника.* Но других десятиколечников в Эпицентре

нет. Детей рогг отсылают в узлы, только если они не способны себя контролировать. Они — не могли?

О.

Нет.

Она решает сохранить это озарение при себе.

Он гладит ее по руке, возможно, снова играет роль, а может, по-настоящему хочет утешить ее. Конечно, он знает, и даже лучше ее, что сделали с его детьми.

Затем он повторяет:

— Нам следует опасаться не старших Эпицентра.

А кого тогда? Старшие — сплошная неприятность. Сиен присматривается к их политическим играм, поскольку однажды она окажется среди них, и важно будет понимать, у кого настоящая власть, а кто лишь прикидывается. Существует как минимум десяток группировок, кроме обычных рогг: жополизы и идеалисты, и те, кто собственную мать зарезал бы стеклянным ножом, только бы пробиться наверх. Но Сиен сразу приходит на ум мысль о тех, перед кем они отвечают.

Стражи. Ведь никто никогда не доверит кучке вонючих рогг действовать по своей инициати-

ве, не больше, чем Шемшена Мисалему. Никто в Эпицентре не обсуждает политику Стражей, поскольку, вероятно, никто в Эпицентре ее не понимает. Стражи сами по себе, и проверкам они противятся. Яростно.

Не в первый раз Сиен задает себе вопрос: перед кем ответственны Стражи?

Пока она размышляет над этим, они подходят к бухточке и останавливаются у перил. Бульвар здесь кончается, булыжник его мостовой скрывается под песком, далее идут деревянные мостки с перилами. Неподалеку от них другой песчаный пляж вроде того, который они уже видели. Дети бегают вверх-вниз по ступенькам мостков, играют и верещат, а за ними шумная компания женщин купается нагишом. Она замечает какого-то мужчину, который сидит на перилах ниже того места, где они стоят, лишь потому что он без рубашки и смотрит на них. Первое на мгновение привлекает ее внимание, затем она вежливо отводит взгляд, поскольку Алебастр не очень-то туда смотрит и потому что недавно у нее был секс, который ей действительно понравился. На последнее она не обратила бы внимания, поскольку в Юменесе прохожие на нее постоянно пялятся.

Но.

Она стоит у перил с Бастером, беззаботная, какой уже давно не была, слушая смех играющих детей. Трудно сосредоточиться на том таинственном моменте, о котором они с Алебастром разговаривали. Политика Юменеса так далека отсюда, загадочна, но неважна и неприкосновенна. Как обелиск.

Но.

Она запоздало осознает, как напрягся рядом с ней Алебастр. И хотя он смотрит на берег и детей, она знает, что он смотрит не на них. Затем до нее, наконец, доходит, что люди в Аллии *не пялятся ни на кого,* даже на пару черных мундиров во время вечерней прогулки. Не считая Азаэль, большинство людей этой общины слишком воспитанны для такого.

Потому она снова смотрит на человека на перилах. Он улыбается ей, почти мило. Он старше ее лет на десять, и у него великолепное тело. Широкие плечи, красивые дельтовидные мышцы под безупречной кожей, совершенная узкая талия.

Винно-красные брюки. И сброшенная на перила рубашка, которую он снял для того, чтобы позагорать на солнышке, тоже винно-красная. И лишь потом она осознает знакомый зуд в сэссапинах, говорящий о присутствии Стража.

— Твой? — спрашивает Алебастр.

Сиенит облизывает губы.

— Я надеялась, что твой.

— Нет. — Затем Алебастр устраивает шоу, делает шаг вперед, кладет руки на перила, наклоняет голову, словно хочет опереться на них и потянуть плечи. — Не давай ему прикоснуться к тебе голой кожей.

Это едва слышный шепот. Затем Алебастр выпрямляется и поворачивается к молодому человеку.

— Что-то задумал, Страж?

Страж тихо смеется и спрыгивает с перил. Он как минимум наполовину побережник, смуглый и курчавый, немного бледноват, но в остальном похож на жителей Аллии. Нет. Он полностью теряется среди них, на первый взгляд, но есть в нем *нечто* неопределенное, как во всех Стражах, с которыми Сиенит имела несчастье взаимодействовать. Никто в Юменесе никогда не спутает Стража с орогеном или глухачом. В них есть нечто, что замечают все.

— Вообще-то да, — говорит Страж. — Алебастр Десятиколечник. Сиенит Четырехколечница. — Одно это заставляет Сиенит скрипнуть зубами. Она предпочла бы *Ороген*, если уж надо назвать

что-то, кроме имени. Стражи, конечно, прекрасно понимают разницу между десяти- и четырехколечником. — Я Эдки Страж Исполнитель. У вас было много работы.

— Как нам и подобает, — отвечает Алебастр, и Сиенит смотрит на него с невольным удивлением. Она никогда не видела, чтобы он был напряжен таким образом. У него выступили жилы на шее, пальцы на руках растопырены, словно готовы… к чему? Она не понимает, почему ей пришло в голову слово «готов». — Как видишь, мы выполнили поручение Эпицентра.

— О, да. Отличная работа. — Эдки почти небрежно переводит взгляд на это наклонное, пульсирующее несчастье под названием обелиск. Но Сиенит смотрит ему в лицо. Она видит, как улыбка Стража исчезает, словно ее и не было. Это нехороший знак. — Лучше бы вы выполнили *только* ту работу, которую вам велели выполнить. Ты очень своеволен, Алебастр.

Сиенит хмурится. Даже здесь ее унижают.

— Это сделала я, Страж. Какая-то проблема с моей работой?

Страж удивленно поворачивается к ней, и в этот момент Сиенит понимает, что совершила ошибку. Большую, поскольку его улыбка не воз-

вращается.

— Ты? Правда?

Алебастр шипит, и — клятая Земля — она *чувствует*, как он вгоняет свое сознание в пласты, поскольку оно заходит невероятно глубоко. Его сила заставляет дрожать все ее тело, не только сэссапины. Она не может следовать за ним — он перехлестывает ее дальнодействие в мгновение ока, легко достигая до магмы, хотя это несколько миль в глубину. И его контроль над всей этой чистой энергией земли совершенен. Изумителен. Он легко может сдвинуть гору.

Но *зачем*?

Страж внезапно улыбается.

— Страж Лешет передает привет, Алебастр.

Пока Сиенит пытается разобраться во всем этом и с тем фактом, что Алебастр готов *схватиться со Стражем*, Алебастр застывает.

— Вы нашли ее?

— Конечно. Мы должны поговорить о том, что ты с ней сделал. И скоро.

Внезапно — Сиенит не знает, откуда он его достал и когда, — в его руке черный стеклянный нож. У него широкое, но до смешного короткое лезвие, всего пара дюймов. Его с трудом можно вообще назвать ножом.

Что, ржавь все это побери, он собирается им делать, ногти нам подстричь?

И прежде всего, почему он направляет оружие на двух имперских орогенов?

— Страж, — начинает было она, — может, тут какое-то недора…

Страж что-то делает. Сиенит моргает, но картина не меняется — они с Алебастром стоят перед Эдки на мостках, исчерченных тенями и залитых кровавым светом заката, за ними играют дети и старые женщины. Но что-то изменилось. Она не понимает что, пока Алебастр не издает кашляющего звука и не бросается на нее, сбивая ее с ног и отшвыривая на несколько футов.

Сиенит никогда не понять, как такой хилый человек сумел уронить ее. Она сильно ударяется о доски, выбивая воздух из легких, сквозь туман видит, как некоторые из игравших неподалеку детей останавливаются и смотрят. Один из них смеется. Она с трудом встает на ноги, полная ярости, готовая выругать Алебастра на чем Земля стоит.

Но Алебастр тоже лежит на земле всего в паре футов от нее. Он лежит на животе, не сводя с нее глаз, и издает странные звуки. Тихие. Рот его широко раскрыт, но из него выходит какой-то писк,

как у детской игрушки или альвеол металлориста. Он дрожит с ног до головы, словно не может больше ничего, что нелепо, поскольку с ним все в порядке. Сиен не знает, что и думать, пока до нее внезапно не доходит — он *кричит*.

— С чего ты решил, что я буду целиться в нее? — Эдки не сводит глаз с Алебастра, и Сиенит пробирает дрожь, поскольку на лице его она читает *глумливую радость*, даже *удовольствие*, а Алебастр лежит, беспомощно вздрагивая… а нож, который был в руке Эдки, торчит в плече Алебастра. Сиен ошарашенно смотрит, не понимая, как не заметила его раньше. Он так выделяется на фоне черной рубашки Алебастра. — Ты всегда был глупцом, Алебастр.

Теперь в руке Эдки новый кинжал. Он длинный и угрожающе узкий. Пугающе знакомый.

— За что… — Сиенит неспособна думать. У нее саднят руки, когда она ползет по доскам, пытаясь встать на ноги и удрать одновременно. Она инстинктивно тянется к земле и тут понимает, что сделал Страж, поскольку *там нет ничего*. Она не может сэссить землю глубже чем на пару футов у себя под руками и спиной, ничего, кроме песка, соленого ила и червей. Когда она пытается проникнуть глубже, в сэссапинах начинается

неприятный звон. Это как ушибить локоть и перестать чувствовать пальцы. Словно часть ее сознания уснула. Она будет зудеть и вернется, но пока там ничего нет.

О таком шептались гальки, после того как тушили свет. Все Стражи странные, но вот что делает их такими, какие они есть: они как-то умеют прерывать орогению усилием воли. А некоторые из них особенно странные, *обученные* быть страннее прочих. Некоторым из них не дают опекать орогенов и никогда не подпускают к необученным детям, потому что даже соседство с ними опасно. Эти Стражи только выслеживают исключительно сильных провинившихся орогенов, и когда находят их… Сиенит никогда особенно не хотела знать, что они делают, но, похоже, сейчас узнает. Огонь подземный, она глуха к Земле, как большинство стариков со ржавыми мозгами. Вот так чувствуют себя глухачи? Это все, что они ощущают? До этого момента она всю жизнь завидовала их нормальности.

Но.

Когда Эдки приближается к ней с кинжалом наготове, она видит его глаза, тот прищур, ту жесткость рта, которые заставляют ее подумать о том, как она чувствует себя во время сильных

головных болей. И это заставляет ее выпалить:

— Ты… с тобой все в порядке?

Она понятия не имеет, почему так спросила.

Эдки склоняет голову набок, на его лице вновь возникает улыбка, ласковая и удивленная.

— Ты так добра, малышка. Со мной все в порядке. Все в порядке.

Он продолжает надвигаться.

Она снова отползает, снова пытается встать на ноги, пытается дотянуться до силы, и ничего ей не удается. Даже если бы и удалось — он Страж. Ее обязанность — повиноваться. Ее обязанность — *умереть*, если он пожелает.

Это неправильно.

— Пожалуйста, — в отчаянии говорит она вне себя. — Мы же не сделали ничего дурного, я не понимаю, не понимаю…

— Тебе и не надо понимать, — говорит он с бесконечной добротой. — Тебе нужно сделать только одну вещь. — И он делает выпад, целясь ей в грудь.

Позже она осознает последовательность событий.

Позже она осознает все, что произошло в одно мгновение. Но сейчас это происходит медленно. Время теряет смысл. Она видит только кинжал,

огромный и острый, его кромки блестят в угасающем свете заката. До нее это доходит постепенно, милосердно, вымывая из нее порожденный долгом ужас.

Это *никогда* не было правильным.

Она осознает только шершавые доски под пальцами и беспомощные крохи тепла и движения — и это все, что она может сэссить под деревом. Но этим она не сможет сдвинуть даже гальку.

Она осознает Алебастра, потому что он корчится *в конвульсиях*, как же она этого не поняла раньше, он не владеет собственным телом, это стеклянный кинжал в плече каким-то образом лишил его всей силы, и на лице его беспомощный страх и мука.

Она осознает, что она *зла*. В бешенстве. Будь проклят этот долг. То, что делает этот Страж, все, что делают Стражи, *неправильно*.

И тут…

И тут…

И тут…

Она чувствует обелиск.

(Алебастр, которого начинает трясти сильнее, открывает рот, взгляд вонзается в нее, несмотря на неконтролируемую дрожь остального тела. В голове мимолетно звенит его предостережение,

но она не может вспомнить точных слов.)

Кинжал на полпути к ее сердцу. Это она очень-очень осознает.

Мы боги в цепях, и это, ржавь побери, неправильно.

И она снова тянется, на сей раз не вниз, а вверх, не прямо, а чуть в сторону…

Нет, беззвучно кричит Алебастр между приступами конвульсий.

…и обелиск втягивает ее в свой дрожащий, дерганый кроваво-красный свет. Она падает вверх. Ее *тащит* вверх и внутрь. Она полностью утрачивает контроль, о Земля-Отец, Алебастр был прав, эта штука ей не по силам…

…и она кричит, поскольку забыла, что обелиск *сломан*. Она с болью протискивается через зону повреждения, каждая трещина прожигает ее насквозь, раскалывает ее, разбивает на куски, пока…

…пока она не останавливается, зависнув и свернувшись от боли среди растрескавшейся алости.

Это нереально. Это не может быть реальным. Она одновременно ощущает себя лежащей на засыпанных песком досках, на ее коже угасает закат. Она не ощущает обсидианового кинжала Стража, по крайней мере пока. И она *видит* сво-

ими сэссапинами, а не глазами, но другого слова, кроме «видеть», она не может подобрать:

Перед ней в сердце обелиска парит камнеед.

Она впервые так близко к нему. Во всех книгах говорится, что камнееды не мужчины и не женщины, но этот напоминает гибкого юношу, изваянного из черного мрамора с белыми прожилками, облаченного в струящиеся одежды из радужного опала. Его руки и ноги, мраморные и полированные, раскинуты, словно в падении. Его голова запрокинута, его волнистые волосы расплескались у него за спиной прозрачной волной. Трещины разошлись по его телу и жесткой иллюзии одежды *внутрь* него, сквозь него.

Ты в порядке? — спрашивает она, не имея понятия, почему спрашивает, тем более что она сама раскалывается на куски. Ее тело рассечено жуткими трещинами, ей хочется задержать дыхание, чтобы еще больше не навредить ему. Но это иррационально, поскольку она не здесь, и это нереально. Она на улице, вот-вот умрет, а этот камнеед мертв уже целую эпоху.

Камнеед закрывает рот, открывает глаза, склоняет голову и смотрит на нее.

— Все хорошо, — говорит он. — Спасибо, что спросила.

И тут обелиск раскалывается.

15

Ты среди друзей

Ты добираешься до места, где «сплошные орогены», и оно вовсе не таково, как ты ожидаешь. Во-первых, оно заброшено. Во-вторых, это вовсе не община.

В полном смысле этого самого «не». По мере вашего приближения дорога расширяется, опускается на уровень земли и полностью исчезает в центре деревни. Такое делают во многих поселениях — выравнивают дорогу, чтобы привлечь путников, поощрить торговлю, но в таких общинах обычно есть место для торговли, а тут ты не видишь ничего похожего на торговые ряды или рыночную площадь, или хотя бы гостиницу. Более того, тут даже стены нет. Ни груды камней, ни проволочной ограды, даже острых кольев, вбитых в землю по периметру поселения. *Ничего* не отделяет это поселение от окружающего его пейзажа, а это лес с кустистым подлеском — прекрасное укрытие для нападающих.

Но, кроме кажущейся заброшенности и отсутствия стены, есть и другие странности. И их

немало, замечаешь ты, вместе с остальными оглядываясь по сторонам. Во-первых, тут недостаточно полей. Поселение, способное вместить несколько сотен человек, как это некогда было, должно иметь более одного-единственного (обобранного подчистую) гектара колючих стеблей чойи, которое ты заметила по дороге. У него должен быть больший выпас, чем высохший зеленый пятачок возле центра. Также ты не видишь хранилища, никакого вообще. Хорошо, положим, оно скрыто — многие общины так делают. Но затем ты замечаешь, что дома чудовищно разнятся по стилю — один по-городскому высокий и узкий, второй широкий и приземистый, как для более теплого климата, третий — купол, покрытый дерном, вросший в землю, как твой старый дом в Тиримо. Общины не без причины придерживаются единого избранного стиля — единообразие представляет собой определенное послание. Оно говорит потенциальным захватчикам, что члены общины будут защищаться как один. А визуальное послание этой общины… сбивает с толку. Возможно, им все равно. Этого ты истолковать не можешь. Это тебя заставляет нервничать даже сильнее, чем ежели бы это место кишело враждебно настроенными людьми.

Ты с остальными медленно, осторожно продвигаешься по улицам поселения. Тонки даже не пытается делать беспечный вид. У нее в руке обнаженные парные стеклянные кинжалы с черными лезвиями. Ты понятия не имеешь, где она их прятала, хотя в ее юбках может спрятаться целая армия. Хоа кажется спокойным, но кто может сказать, что на самом деле чувствует Хоа? Он казался спокойным и тогда, когда превратил киркхушу в статую.

Ты не достаешь свой нож. Если тут и правда полно рогг, то вы останетесь в живых, только если они не будут возражать против вашего присутствия.

— Ты уверен, что это то самое место? — спрашиваешь ты Хоа.

Хоа горячо кивает, что означает, что тут много людей, просто они прячутся. Почему? И как они смогли увидеть ваше приближение сквозь пеплопад?

— Ушли недавно, — бормочет Тонки. Она смотрит на мертвый сад возле одного дома. Его обобрали путники или бывшие обитатели, среди иссохших ветвей не осталось ничего съедобного. — Дома в хорошем состоянии. И сад плодоносил пару месяцев назад.

Ты на миг удивляешься, осознав, что вы уже два месяца в пути. Два месяца после смерти Уке. Чуть меньше с начала пеплопада.

Затем ты быстро сосредотачиваешься на «здесь» и «сейчас». Поскольку после того как вы трое остановились посреди поселения и некоторое время стояли в смятении, дверь одного из домов открывается, и на порог выходят три женщины.

Сначала ты смотришь на арбалет в руках одной из них. Какое-то мгновение это единственное, что ты видишь, как в твой последний день в Тиримо, но ты не замораживаешь ее в мгновение ока, потому что он нацелен не на тебя. Он просто лежит у нее на руке, и хотя она всем видом показывает, что легко пустит его в дело, ты так же думаешь, что если ее не спровоцировать, она стрелять не будет. Кожа у нее такая же белая, как у Хоа, но, по счастью, ее волосы просто рыжеватые, а глаза обычного коричневого цвета. Она маленькая, тонкокостная, худенькая и узкобедрая, что заставило бы среднего экваториала отпускать гаденькие замечания по поводу ее способности к деторождению. Антаркт, возможно, из бедной общины, неспособной кормить досыта своих детей. Она далеко от дома.

Та, что привлекает твое внимание, является противоположностью первой, и, возможно, это самая грозная женщина, которую ты только встречала в жизни. И это не связано с ее внешностью. Она вполне себе санзе — ожидаемый валик темно-серых волос, ожидаемая темно-коричневая кожа и откровенно крепкое сложение. Ее глаза ошеломляюще черные — не потому, что черные глаза редки, но потому, что она подчеркивает их дымчато-серыми тенями и темной подводкой. Макияж среди гибели мира. Ты даже не знаешь, восхититься или оскорбиться.

И эти глаза подобны пронзающему оружию, удерживающему ваши взгляды на острие ее взора, пока она оценивает вашу одежду и снаряжение. Она не столь высока, как требуют каноны Санзе — ниже тебя, — но она носит толстый коричневый меховой жилет до щиколоток. От этого она похожа на маленького модного медведя. Однако в ее лице есть нечто, что заставляет тебя немного подобраться. Ты не уверена, что именно. Она улыбается, обнажая все зубы, взгляд у нее твердый, не дружелюбный, но и не враждебный. И по этой твердости ты узнаешь наконец, то, что видела несколько раз прежде: уверенность. Эта разновидность абсолютного, непоколебимого

принятия себя обычна для глухачей, но здесь ты встретить ее не ожидала.

Потому что она, конечно же, ронга. Ты узнаешь своего, когда сэссишь его. И она узнает тебя.

— Хорошо, — говорит она, уперев руки в боки. — И сколько же вас, трое? Полагаю, разделяться вы не хотите.

Ты пару секунд пялишься на нее.

— Привет, — говоришь ты в конце концов. — Угу.

— Юкка, — говорит она. Ты понимаешь, что это ее имя. Затем она добавляет: — Юкка Ронга Кастрима. Добро пожаловать. А вы?

– *Ронга*? — вырывается у тебя. Ты постоянно используешь это слово, но когда его используют как кастовое имя, это подчеркивает его вульгарность. Называть себя *роггой* все равно что называть себя *кучей дерьма*. Это как пощечина. Это заявление, но о чем, ты сказать не можешь.

— Это, э-э-э, не одно из семи обычных функционал-имен, — говорит Тонки. Голос ее насмешлив, тебе кажется, что она пытается острить, чтобы прикрыть нервозность. — И даже не из пяти менее принятых.

— Назовем его новым. — Юкка пересчитывает взглядом всех твоих спутников, оценивает. Затем

возвращается к тебе. — Значит, твои друзья знают, кто ты такая.

Ты с испугом смотришь на Тонки, та смотрит на Юкку так же, как она смотрит на Хоа, когда тот не прячется за тобой, словно Юкка — захватывающее новое чудо, у которого можно взять кровь на анализ. Тонки встречает твой взгляд с таким отсутствием удивления или страха, что ты понимаешь: Юкка права. Наверняка она уже некоторое время назад поняла это.

— Рогга как функционал-имя. — Тонки задумчиво смотрит на Юкку. — В этом много скрытых смыслов. И Кастрима — это тоже не зарегистрированное в Имперском реестре название поселения Южного Срединья, хотя должна признать, что я просто могла забыть. В конце концов, их сотни. Но вряд ли, у меня память хорошая. Это новобщина?

Юкка наклоняет голову, отчасти в подтверждение, отчасти иронически признавая чары Тонки.

— Технически да. Эта версия Кастримы существует лет пятьдесят. Официально это вовсе не община — просто очередная стоянка для путешествующих по тракту в направлении Юменес — Месемера или Юменес — Кетеккер. У нас больше производств, чем у прочих, поскольку в

районе есть шахты.

Она замолкает, глядя на Хоа, и на мгновение выражение ее лица становится напряженным. Ты тоже озадаченно смотришь на Хоа, поскольку, хотя он и необычно выглядит, ты не понимаешь, что он сделал такого, чтобы так напрячь чужака. И тут ты, наконец, замечаешь, что Хоа стоит совершенно неподвижно и его маленькое личико заострилось, превратившись из обычно приветливого в нечто натянутое, злое и почти кровожадное. Он смотрит на Юкку так, словно хочет убить ее.

Нет. Не на Юкку. Ты следуешь за его взглядом к третьему члену отряда Юкки, которая до нынешнего мгновения стояла несколько позади них и на которую ты не обращала внимания из-за притягательности Юкки. Высокая хрупкая женщина — и тут ты замираешь, нахмурившись, поскольку не уверена в своем определении. Да, она женского рода, это верно. Ее волосы прямые, как у антарктов, темно-рыжие, декоративно длинные, они обрамляют лицо с тонкими чертами. Понятно, что оно хочет казаться женщиной, хотя носит длинное, свободное платье без рукавов, слишком тонкое для холодеющего воздуха.

Но ее кожа… Ты не можешь отвести взгляд, это

грубо, это не лучший способ начать знакомство с этими людьми, но ты ничего не можешь с собой поделать. Ее кожа. Она не просто гладкая, она… какая-то глянцевая. Почти полированная. И у нее самая удивительная текстура, какую ты только видела — или это вовсе не кожа.

Рыжая женщина улыбается, и вид ее зубов подтверждает это, и тебя пробирает дрожь до самых костей.

Хоа в ответ на эту улыбку шипит, словно кот. И в этот момент ты наконец в ужасе видишь его зубы. В конце концов, он никогда не ест при тебе. Он никогда не показывает их в улыбке. Они окрашены, в то время как у нее прозрачны, они эмально-белы, что, вероятно, род камуфляжа, но не слишком отличны по форме от зубов рыжей женщины. Они не квадратные — они граненые. Алмазной огранки.

— Клятая Земля, — бормочет Тонки. У тебя те же ощущения.

Юкка резко смотрит на свою спутницу.

— Нет.

Глаза рыжей женщины смотрят на Юкку. Больше в ней ничего не движется, все ее тело остается совершенно неподвижным. Как статуя.

— Это можно сделать без вреда для тебя или

твоих сотоварищей. — Губы ее тоже не шевелятся. Голос звучит неожиданно гулко, отдаваясь эхом где-то внутри ее грудной клетки.

— Я не хочу ничего делать. — Юкка упирает руки в боки. — Это мое место, и ты согласилась жить по моим законам. *Прекрати*!

Блондинка чуть меняет позу. Она не поднимает арбалет, но ты уверена, что она сделает это по первому знаку. К чему бы это ни привело. Рыжая пару мгновений не двигается, затем закрывает рот, пряча эти ужасные алмазные зубы. И тут ты понимаешь несколько вещей сразу. Первое — она на самом деле не улыбалась. Это была демонстрация угрозы, как киркхуша обнажает свои клыки. Второе — когда ее рот закрыт, а на лице спокойствие, она куда меньше пугает.

Третье — Хоа точно так же демонстрировал угрозу. Но он расслабляется, закрывает рот, когда женщина отступает.

Юкка выдыхает. Она снова смотрит на тебя.

— Думаю, — говорит она, — вам лучше войти.

— Мне кажется, что это не лучшая идея, — мило говорит тебе Тонки.

— Мне тоже, — говорит блондинка, сверля Юкку взглядом. — Ты уверена, Ик?

Юкка пожимает плечами, хотя ты уверена, что

она вовсе не столь равнодушна, какой кажется.

— А когда я могу быть в чем-то уверенной? Но сейчас это кажется хорошей идеей.

Ты не уверена, что ты с этим согласна. И все же странная это община или нет, мифические твари или нет, приятно тебе или нет, ты пришла сюда с конкретной целью.

— Здесь не проходили мужчина и девочка? — спрашиваешь ты. — Отец и дочь. Мужчина примерно моего возраста, девочке восемь… — Два месяца. Ты почти забыла. — Девять лет. Она… — ты осекаешься. Заикаешься. — О… она в… выглядит к… как я.

Юкка моргает, и ты понимаешь, что искренне удивила ее. Она явно готовилась к совершенно другому вопросу.

— Нет, — говорит она…

…и в тебе что-то обрывается.

Так *больно* слышать это «нет». Это подобно удару топора, а искренне недоумевающий взгляд Юкки как соль на рану. Ты вздрагиваешь и шатаешься от этого толчка, все твои надежды погибли. Сквозь туман скользящих почти-мыслей до тебя доходит, что все это время ты чего-то *ожидала* с тех пор, как Хоа рассказал тебе об этом месте. Ты начала думать, что снова найдешь их здесь,

что у тебя снова будет дочь, что ты снова будешь матерью. Теперь ты понимаешь, что нет.

— Иссун? — кто-то хватает тебя за плечи. Кто? Тонки. У нее загрубевшие от тяжелой жизни руки. Мозоли шуршат по коже твоей куртки. — Иссун, о ржавь, не надо…

Ты всегда знала. Как ты смела ожидать иного? Ты просто очередная, ржаводушная рогга, очередной агент Клятой Земли, просто очередная ошибка тонкой практики селекции, очередной примененный не по месту инструмент. Тебе вообще не надо было заводить детей, и ты не должна была пытаться сохранить их, раз уж родила. Почему Тонки держит тебя за руки?

Потому, что ты закрыла ими лицо. О, ты рыдаешь.

Тебе надо было все рассказать Джидже, еще до того как вышла за него, прежде чем стала спать с ним, прежде чем ты даже посмотрела на него и подумала — *может быть*, ты даже права не имела так думать. Тогда если бы его охватил порыв убить роггу, он убил бы тебя, не Уке. Из вас двоих именно ты заслуживаешь смерти, в конце концов, в десять тысяч раз больше, чем население двух общин.

Наверное, ты немного кричишь.

Ты должна не кричать. Умереть. Ты должна была умереть прежде твоих двух детей. Ты должна была умереть родами и не родить их.

Ты должна…

Ты должна…

Что-то проходит сквозь тебя.

Это немного похоже на волну силы, пришедшую с севера, которую ты отвела в тот день, когда изменился мир. Или немного похоже на то, как ты себя почувствовала, когда вернулась домой после трудного дня и увидела своего сына на полу. Импульс потенциала, прошедший неиспользованным. Прикосновение чего-то неощутимого, но значительного, прошло и ушло, ошеломляющее как своим явлением, так и исчезновением.

Ты моргаешь и опускаешь руки. Глаза саднит, взгляд затуманен, ладони мокры. Юкка стоит перед тобой в паре шагов. Она не прикасается к тебе, но ты смотришь на нее, понимая, что она только что что-то сделала. Что-то непонятное для тебя. Да, это орогения, но приложенная способом, которого ты никогда прежде не испытывала.

— Эй, — говорит она. На ее лице нет ничего похожего на сострадание. И все же голос ее, когда она к тебе обращается, звучит мягче. Возможно, просто потому, что она стоит ближе. — Эй. Все

хорошо?

Ты сглатываешь. Горло свело.

— Нет, — говоришь ты. (Опять это слово! Ты почти хохочешь, но сглатываешь, и приступ проходит.)

— Нет. Но я могу… держать себя в руках.

Юкка медленно кивает.

— Вижу.

Блондинка у нее за спиной скептически относится к этой перспективе.

Затем со вздохом она поворачивается к Тонки и Хоа — последний сейчас обманчиво спокоен, нормален. По крайней мере, по стандартам Хоа.

— Ладно, — говорит она. — Значит, так. Можете остаться или уйти. Если останетесь, я приму вас в общину. Но прежде вы должны понять — Кастрима уникальна. Мы пытаемся тут жить иначе. Если Зима будет короткой, нам придется горячо, когда Санзе попрет на нас. Но я не думаю, что эта Зима будет короткой.

Она искоса смотрит на тебя, не совсем чтобы ища подтверждения. *Подтверждение* — не то слово, поскольку тут нет сомнений. Это любой рогга знает не хуже своего имени.

— Эта Зима не будет короткой, — соглашаешься ты. У тебя хриплый голос, но ты приходишь в

себя. — Она затянется на несколько десятилетий. — Юкка поднимает бровь. Да, она права, ты стараешься быть обходительной ради твоих спутников, но нужна не обходительность. Нужна правда. — Веков.

Но даже это еще приуменьшение. Ты уверена, что это затянется на тысячу лет. Может, на *несколько* тысяч.

Тонки немного хмурится.

— Ну, все показывает либо на большую эпейрогеническую[3] деформацию или, вероятно, простое нарушение изостазии[4] по всей тектонической плите. Но объем орогении, требуемый для преодоления такой инерции… просто запределен. Ты уверена?

Ты смотришь на нее, мгновенно позабыв о своей скорби. Как и Юкка, и блондинка. Тонки раздраженно кривится, злясь в первую очередь на тебя.

— Да ржави ради, прекратите делать вид, что для вас это сюрприз. Секретам конец, верно? Вы знаете, кто я, а я знаю, кто вы. Или будем продол-

---

[3] Примечания: 3

Связанная с образованием континента деформация.

[4] Примечания: 4

Изостазия (изостатическое равновесие) — гидростатически равновесное состояние земной коры.

жать игру?

Ты качаешь головой, хотя не то чтобы в ответ на ее вопрос. Ты решаешь ответить на другой ее вопрос.

— Я уверена, — говоришь ты. — Века. Может, больше.

Тонки вздрагивает.

— Ни в одной общине нет припасов на такой срок. Даже в Юменесе.

Сказочные хранилища Юменеса превратились в шлак где-то в лавовой трубке. Отчасти ты жалеешь о том, что столько провизии пропало. Другая часть тебя говорит: *что же, это гораздо более быстрый и милосердный конец человеческой расы.*

Когда ты киваешь, Тонки впадает в полное ужаса молчание. Юкка переводит взгляд с тебя на Тонки и решает сменить тему.

— Здесь двадцать два орогена, — говорит она. Ты вздрагиваешь. — Со временем будет больше. Это для вас нормально? — она смотрит в первую очередь на Тонки.

Это прекрасно отвлекает всех.

— Как? — спрашивает Тонки. — Как ты собираешь их всех сюда?

— Не бери в голову. Отвечай на вопрос.

Ты могла бы сказать Юкке, чтобы не беспокоилась.

— Мне нормально, — тут же говорит Тонки. Удивительно, что она слюни не пускает. Вот тебе и потрясение от перспективы неизбежной гибели всего человечества.

— Хорошо, — Юкка обращается к Хоа. — Теперь ты. Здесь есть еще несколько твоих.

— Больше, чем ты думаешь, — тихо говорит Хоа.

— Да. Ладно. — Юкка воспринимает это с невероятной самоуверенностью. — Ты все слышал. Если хочешь остаться здесь, следуй правилам. Никаких драк. Никакого… — Она грозит пальцем и обнажает зубы. Это на удивление понятно. — И будешь делать так, как я говорю. Понял?

Хоа чуть склоняет голову набок, его глаза блестят откровенной угрозой. Увидеть его алмазные зубы было настоящим шоком — ты уже начала было считать его довольно милым существом, хотя немного чудаковатым, а теперь не знаешь, что и думать.

— Ты мной не командуешь.

К твоему удивлению, Юкка наклоняется и смотрит ему прямо в лицо.

— Вот что я тебе скажу, — говорит она. — Мо-

жешь продолжать делать то, что, очевидно, делал, — прикидываться такой невинной лавиночкой, как делают все ваши, иначе я расскажу всем, чего ты *действительно* хочешь.

И Хоа… пятится. Его глаза — только глаза — мечутся в сторону не-женщины на пороге. Та улыбается, хотя на сей раз не показывает свои зубы, и в этом есть нечто жалкое. Ты не знаешь, что все это значит, но Хоа вроде бы немного сникает.

— Хорошо, — со странной формальностью говорит он Юкке. — Я согласен на твои условия.

Юкка кивает и выпрямляется, позволяя своему взгляду задержаться на нем чуть дольше, прежде чем отвернуться.

— Вот что я хотела сказать перед твоим, м-м-м, небольшим приступом, это то, что мы приняли нескольких человек, — говорит она тебе. Она говорит это через плечо, поворачиваясь к порогу дома. — Мужчин с девочками вроде не было, но были другие странники, искавшие дом, среди них некоторые из квартента Чебак. Мы принимали тех, кто казался полезным. — Именно так поступает разумная община в такие времена — вышвыривает нежелательных, принимая тех, кто обладает ценными умениями и качествами. Общины, у которых сильные лидеры, делают

это постоянно, безжалостно, но с некоторым холодным гуманизмом. Менее крепкие общины делают это так же безжалостно, но более грязно, как Тиримо избавился от тебя.

Джиджа всего лишь камнерез. Умелый, но его ремесло не является редкостью. Нэссун, однако, такая же, как ты и Юкка. И по какой-то причине жители этой общины *хотят* иметь у себя орогенов.

— Я хочу встретиться с этими людьми, — говоришь ты. Остается маленький шанс, что Джиджа и Нэссун находятся здесь под другими именами. Или кто-то видел их по дороге. Или… ладно. Шанс действительно мал.

Но ты не упустишь его. Она твоя дочь. Ты пойдешь на все, чтобы найти ее.

— Ладно. — Юкка поворачивается и подзывает тебя жестом. — Идем внутрь, и я покажу тебе несколько чудес. — Словно она уже этого не сделала. Но ты идешь следом, поскольку ни миф, ни тайна не идут в сравнение с малейшей искрой надежды.

* * *

Тело преходяще. Лидер не на час полагается на большее.

Табличка третья: «Структуры», стих второй.

16

Сиенит в потаенном месте

Сиенит просыпается от того, что одна сторона ее тела замерзла. Левая — бедро и плечо — и бóльшая часть спины. Источник холода, резкий ветер, почти болезненно ерошит волосы на ее затылке, что означает, что ее волосы выбились из принятого в Эпицентре пучка. К тому же во рту вкус грязи, хотя язык сух.

Она пытается пошевелиться. Все тело ноет. Странная боль, не локализованная, не острая, не пульсирующая, вообще никакая. Как будто все ее тело — один большой синяк. Она невольно стонет, когда пытается пошевелить рукой и обнаруживает под ней твердую землю. Она чуть приподнимается на руках, чтобы убедиться, что по-прежнему владеет своим телом, хотя встать ей не удается. Единственное, что у нее получается, — это открыть глаза.

Под ее рукой и перед ее лицом крошащийся серебристый камень — монцонит или один из мелких сланцев. Она никогда не могла запомнить названия субвулканических пород, поскольку

галечный инструктор по геомеистрии в Эпицентре был ужасно занудным. В нескольких футах от нее из трещины в этом как-бишь-его-там камне растет клевер, пучок травы и какой-то пушистый кустарник. (Биомеистрия ее интересовала еще меньше.) Растения постоянно качаются под ветром, хотя и не очень сильно, поскольку она прикрывает их своим телом.

Чтоб тебя, думает она и пугается собственной ментальной грубости.

Она садится. Это больно и трудно, но она это делает и обнаруживает, что лежит на небольшом каменистом склоне, окруженном растительностью. За ним безбрежный простор неба с легкими облаками. Пахнет океаном, но по-другому, не так, как она привыкла за последние несколько недель: не так солоно, более тонко. Воздух суше. Судя по положению солнца, сейчас позднее утро, но холодно, как поздней зимой.

Но ведь должен быть день. Аллия в Экваториалях, температура должна быть умеренной. А еще эта холодная, жесткая земля, на которой она лежит, должна быть теплым песком. Какой ржави она тут делает?

Ладно. Разберемся. Скала, на которой она лежит, сэссится высоко над уровнем моря, отно-

сительно близко к знакомой границе. Это край Максимали, одной из двух тектонических плит, образующих Спокойствие. Минималь севернее. И она уже прежде сэссила край этой плиты — они недалеко от Аллии.

Но это не Аллия. На самом деле они даже не на континенте.

Сиенит задумчиво пытается сделать больше, чем просто сэссить, тянется к краю плиты, как делала несколько раз прежде…

…и ничего не происходит.

Она несколько мгновений сидит, замерзнув куда сильнее, чем от ветра.

Но она не одна. Рядом, свернувшись эмбрионом, поджав длинные ноги и руки, лежит Алебастр. Либо без сознания, либо мертв. Нет, бока его медленно поднимаются и опадают. Это хорошо.

За ним, наверху склона, стоит высокая хрупкая фигура в развевающихся белых одеждах.

Сиен на миг испуганно замирает.

— Привет! — хрипло каркает она.

Фигура — судя по всему, женщина — не оборачивается. Она смотрит на что-то за вершиной, чего Сиенит не видит.

— Привет.

Хотя бы так. Сиен заставляет себя расслабить-

ся, хотя это трудно, когда она не может достичь земли и увериться, что силы ее не покинули. Бояться нечего, журит она себя, кем бы ни была эта женщина, если бы она хотела причинить им зло, она уже сделала бы это с легкостью.

— Где мы?

— На острове, примерно в сотне миль от Восточного побережья.

— На *острове*?

Это пугает. Острова — смертельные ловушки. Хуже жить только на линиях разлома и в кальдерах спящих, но не потухших вулканов. Но теперь Сиенит слышит далекий звук прибоя о скалы, где-то внизу, под склоном, где они лежат. Если они всего в сотнях миль от края Максимали, то находятся слишком близко к подводному разлому. Прямо над ним, в общем и целом. Вот почему люди не живут на островах, клятая Земля, — их в любую минуту может смести цунами.

Она встает, ей внезапно непреодолимо хочется увидеть, насколько плохо их положение. Ноги ее затекли от лежания на камне, но она все равно, спотыкаясь, обходит Алебастра, пока не оказывается на склоне рядом с женщиной. Затем она видит:

Насколько хватает глаз, открытый пустой оке-

ан. В нескольких футах от того места, где она стоит, скала резко обрывается, превращаясь в крутой утес, возвышающийся на несколько сотен футов над морем. Когда она подходит к краю и смотрит вниз, видит пену, разбивающуюся о кинжалы скал далеко внизу — падение означает смерть. Она быстро пятится.

— Как мы сюда попали? — испуганно шепчет она.

— Я принесла вас.

— Ты… — Сиенит обходит женщину, злость уже пробивается сквозь потрясение. Затем злость угасает, оставляя одно потрясение.

Изваяйте женщину — невысокую, с волосами, забранными в пучок, с тонкими чертами лица, стоящую в изящной позе. Придайте ее телу и одежде теплый цвет старой слоновой кости, но окрасьте в более темный тон зрачки и волосы — в этом случае черный — и кончики пальцев. Здесь цвет понемногу тает, переходя в красноватый, словно въевшаяся грязь. Или кровь.

Камнеед.

— Клятая Земля, — шепчет Сиенит. Женщина не отвечает. У них за спиной слышится стон, заставляющий Сиенит забыть обо всем остальном, что она хотела сказать. (Но что она могла бы

сказать? Что?) Она отрывает взгляд от камнееда и фокусируется на Алебастре, который шевелится и явно чувствует себя не лучше, чем Сиенит. Но она на миг забывает о нем, придумав, наконец, что сказать.

— Зачем? — спрашивает она. — Зачем ты принесла нас сюда?

— Чтобы он был в безопасности.

Все так, как рассказывают камнелористы. Рот камнееда не открывается, когда он говорит. Ее глаза не двигаются. Она вполне могла бы быть статуей, чем и кажется. Это ощущение крепнет, и Сиенит понимает, что сказала эта тварь.

— Чтобы *он*... был в безопасности?

Снова камнеед не отвечает.

Алебастр опять стонет, так что Сиенит, в конце концов, подходит к нему, помогает сесть, и он начинает шевелиться. Его рубашка на плече натягивается, и он шипит, и она запоздало припоминает, что Страж всадил туда свой метательный кинжал. Кинжала уже нет, но рубашка присохла к ране, он ругается, открывая глаза.

– *Декайе шисекс анрелаббемет.*

Она уже слышала, как он говорит на этом странном языке.

— Говори на санземэте, — рявкает она, хотя

нельзя сказать, чтобы он ее успел разозлить. Она не сводит глаз с камнееда, но та продолжает стоять неподвижно.

— Гребаная, гребаная ржавь, — говорит он, хватаясь за больное место. — Больно.

Сиенит отбрасывает его руку.

— Не трогай, разберешь рану. — А они в сотнях миль от цивилизации, отделены от нее водой, насколько хватает глаз. Оставлены на милость твари, чья раса сама *загадка*, а также *смерть*. — У нас компания.

Алебастр окончательно приходит в себя и смотрит, моргая. На Сиенит, потом ей за спину. Глаза его чуть расширяются при виде камнееда. Он стонет.

— Блин. *Блин*. Что ты наделала на сей раз?

Почему-то Сиенит не слишком удивляет то, что Алебастр знаком с камнеедом.

— Я спасла твою жизнь, — говорит камнеед.

— Что?

Рука камнееда поднимается, так ровно, что это даже более чем *изящно* и почти *неестественно*. Больше ничто в ее теле не движется. Она показывает. Сиенит следует взглядом за направлением и видит западный горизонт. Но он, в отличие от всего остального горизонта, разорван: справа

и слева тянется ровная линия неба и моря, но посередине той линии набухает нарыв, жирный, пламенеюще-красный и дымящийся.

— Аллия, — говорит камнеед.

* * *

На острове обнаруживается поселение. Вокруг только пологие холмы, трава и камень — ни деревьев, ни плодородной почвы. Совершенно не пригодное для жизни место. Но когда они добираются до противоположной стороны острова, где утесы немного более зазубренные, они видят полукруглую бухту, похожую на ту, что в Аллии. (*Была* в Аллии.) Однако на этом сходство и заканчивается, поскольку эта гавань намного меньше, а поселение вырезано прямо в крутом склоне утеса.

Поначалу и не скажешь. Поначалу Сиен думает, что это просто выходы из пещер, неровно усыпавшие утес. Затем она замечает, что все входы одинаковой формы, хотя и разные по величине: прямые линии по порогу и сторонам и арка, заканчивающаяся посередине изящным острием. И вокруг каждой арки фасад покрыт резьбой — элегантные колонны, точеные прямоугольники дверных проемов, замысловатые кронштейны в

виде цветочных завитков и резвящихся зверей. Она видела и более странное. Правда, немного, но когда живешь в Юменесе под сенью Черной Звезды и Императорского дворца, венчающего ее, и в Эпицентре с его стенами из плавленого обсидиана, то привыкаешь к странностям искусства и архитектуры.

— У нее нет имени, — говорит Алебастр, когда они спускаются по каменным ступенькам, огражденным перилами, которые, похоже, ведут к поселению. Он говорит о камнееде, которая покинула их наверху лестницы. (Сиен на мгновение отвела взгляд, а когда снова обернулась, камнееда уже не было. Алебастр заверил ее, что она по-прежнему рядом. Сиен не уверена, что хочет знать, откуда это ему известно.)

— Я зову ее Сурьма. Не за белизну. Сурьма — металл, а не камень, поскольку она не ронга, и в любом случае против Алебастра никто не протестовал.

Умно.

— И она… отзывается?

— Да. — Он оглядывается на Сиенит, чего не стоило бы делать, поскольку ступеньки, по которым они идут, очень, очень крутые. Хотя тут и есть перила, любой, кто споткнется, скорее всего,

перелетит через них и упадет навстречу мерзкой смерти под утесом. — Короче, она не против, а я понимаю, когда она возражает.

— Зачем она притащила нас сюда? — Чтобы спасти их. Хорошо. Они видели дым Аллии над водой. Но сородичи Сурьмы, как правило, игнорируют людей и избегают контактов с человечеством, если только люди их не достают.

Алебастр качает головой, снова глядя себе под ноги.

— Я не могу ответить, почему они делают то или другое. Если и есть ответ, они никогда не удосуживаются нам сказать. Честно говоря, я уже перестал спрашивать. Напрасная трата сил. Сурьма приходит ко мне уже лет пять. Обычно, когда никого рядом нет. — Он жалко хмыкает. — Я привык думать, что она мой глюк.

Ладно.

— Она ничего тебе не рассказывает?

— Просто говорит, что она здесь ради меня. Не могу понять, это типа «я здесь ради тебя, Бастер, я всегда любила тебя, пусть я только живая статуя, похожая на красивую женщину, я спасла тебя» или что-то более зловещее. Но разве это имеет значение? Раз уж она спасла нас?

Сиен полагает, что нет.

— И где она теперь?

— Ушла.

Сиен подавляет желание пинком сбросить его с лестницы.

— Ушла в… а… — Она понимает, что думает, но это ей кажется таким абсурдом, что даже трудно произнести это вслух. — В землю?

— Полагаю, да. Они перемещаются в земле, как по воздуху. Я видел, как они это делают. — Он останавливается на одной из частых площадок лестницы, и Сиенит чуть не врезается ему в спину. — Ты ведь *понимаешь*, что, вероятно, именно так она доставила нас сюда?

Сиен старается об этом не думать. Даже мысль о прикосновении камнееда заставляет ее нервничать. От одной мысли, что тварь тащит ее под милями твердой породы и океаном, ее бьет дрожь. Камнеед — нечто, противоречащее здравому смыслу вроде орогении, артефактов мертвых цивилизаций, всему, что можно измерить или предсказать имеющим разумное обоснование способом. Но если орогению можно понять (отчасти) и контролировать (приложив усилия), а артефактов мертвых цивилизаций можно хотя бы избегать, если они не выныривают из ржавого океана прямо у тебя под носом, камнееды дей-

ствуют как хотят, ходят куда пожелают. Предания полны предостережений о таких тварях, и никто не пытается их останавливать.

Это заставляет остановиться саму Сиен, и Алебастр успевает дойти до очередной площадки, прежде чем осознает, что она не следует за ним.

— Камнеед, — говорит она, когда тот с досадой поворачивается к ней. — Тот, в обелиске.

— Это другой, — говорит он с той терпеливостью, с которой разговаривают с особо тупыми людьми, но не заслуживающими того, чтобы им говорили об их тупости напрямую, поскольку у них был тяжелый день. — Я же говорил тебе, что давно уже ее знаю.

— Я не об этом. — *Ты идиот*. — Тот камнеед, из обелиска, посмотрел на меня прежде, чем… чем. Он двигался. Он не был мертв.

Алебастр в упор смотрит на нее.

— Когда ты это видела?

— Я… — Она беспомощно разводит руками. У нее не хватает слов. — Это было… это было, когда я… я *думаю*, что я видела. — Или ей показалось. Какая-то вспышка, вроде как вся жизнь в одно мгновение проходит перед глазами, которую спровоцировал кинжал Стража? Это казалось таким реальным.

Алебастр долго смотрит на нее. Его обычно такое подвижное лицо застыло, так что она уже начала считать это неодобрением.

— Ты сделала нечто, что должно было убить тебя. Тебе просто повезло. И если тебе… чудится… то я не удивлен.

Сиенит кивает, не оспаривая его мнения. Она ощущала в те мгновения силу обелиска. Он и *убил* бы ее, будь он неповрежденным. Она чувствует себя… выжженной, отупевшей после всего этого. Может, потому она больше не способна владеть орогенией? Или это просто затянувшийся эффект того, что сделал Страж?

— Что там произошло? — растерянно спрашивает его она. Все это слишком бессмысленно. Почему кто-то пытался убить Алебастра? Почему Страж явился завершить дело? Как все это связано с обелиском? Почему они здесь, на этом острове-ловушке посреди этого ржавого моря? — Что происходит *сейчас*? Бастер, Земля нас побери, ты знаешь больше, чем говоришь.

Лицо его болезненно кривится, но в конце концов он вздыхает и складывает руки.

— Нет, и ты сама понимаешь. Что бы ты там ни думала, у меня нет ответов на все вопросы. Понятия не имею, почему ты так думаешь.

Потому что он знает слишком много такого, чего не знает она. И потому что он десятиколечник. Он умеет делать такое, чего она не может представить, не может даже описать, и в душе она думает, что он, вероятно, может *понимать* то, чего не понимает она.

— Ты знал о том Страже.

— Да. — Теперь он рассержен, хотя и не на нее. — Я в такое вляпывался и прежде. Но я не понимаю, почему он был там. Могу только догадываться.

— Лучше, чем ничего.

Он раздражен.

— Ладно, вот тебе догадка. Кто-то — возможно, не один — знал, что в гавани Аллии находится поврежденный обелиск. Кем бы они ни были, они знали, что десятиколечник, скорее всего, заметит обелиск сразу же, как начнет сэссить окрестности. И поскольку для реактивации его оказалось достаточно всего лишь четырехколечника, то очевидно, что никто из этих таинственных неизвестных не знал, насколько чувствителен или опасен этот обелиск. Иначе ни ты, ни я живыми до Аллии не добрались бы.

Сиенит хмурится, берется за перила, чтобы выпрямиться после особенно сильного порыва

ветра, который дует вверх по обрыву.

— Неизвестные?

— Группы. Фракции, вовлеченные в какой-то конфликт, о котором мы ничего не знаем и в который вляпались по чистой случайности.

— Фракции *Стражей*?

Он насмешливо фыркает.

— Ты говоришь так, будто это невозможно. А что, у всех рогг одна цель, Сиен? Или у всех глухачей? Даже у камнеедов могут быть свои разборки.

И одному Земле ведомо какие.

— Значит, одна из этих, хм, фракций направила этого Стража, чтобы убить нас. — Нет. Пока она не сказала Стражу, что именно она активировала обелиск. — *Меня*.

Алебастр мрачно кивает.

— Думаю, что он отравил меня, думая, что я послужу триггером для обелиска. Стражи не любят карать нас на глазах глухачей, если такого можно избежать — вызовет ненужную симпатию населения к нам. Это нападение среди дня, на глазах у всех — крайняя мера. Нам повезло, что он не попытался отравить тебя. Даже со мной это сработало бы. Любой паралич влияет также и на сэссапины. Я был бы абсолютно беззащитен.

Если бы…

Если бы он не смог привлечь силу аметистового обелиска, припахав сэссапины Сиенит, чтобы сделать то, чего не смог он сам. Теперь, когда Сиен лучше понимает, что он сделал той ночью, это кажется еще более мерзким. Она наклоняет голову.

— Никто из них ведь не знал, на что ты способен. Верно?

Алебастр тихонько вздыхает, отводит взгляд.

— Даже я сам не знаю, Сиен, на что способен. То, чему научил меня Эпицентр… в какой-то момент мне пришлось об этом забыть. Пришлось разработать собственное обучение. Порой мне кажется, что, если бы я мог просто *думать* иначе, если бы смог избавиться от того, чему они научили меня, и попытаться сделать что-то новое, я мог бы… — Он замолкает, задумчиво нахмурившись. — Я не знаю. Правда не знаю. Может, к лучшему, что ничего не вышло, иначе Стражи прикончили бы меня давным-давно.

Это полубред, но Сиенит понимающе вздыхает.

— И у кого была возможность послать Стража убить…

Выследить десятиколечника. До усрачки напугать четырехколечника.

— Все Стражи — убийцы, — с горечью говорит

он. — А у кого есть власть приказывать Стражу, я не знаю. — Алебастр пожимает плечами. — Ходят слухи, что Стражи подчиняются Императору — то есть это последняя власть, которая у него осталась. Или это ложь, и юменесские семьи Лидеров контролируют их, как и все остальное. Или ими управляет сам Эпицентр? Без понятия.

— Я слышала, что они сами себя контролируют, — говорит Сиен. — Возможно, это все пересуды галек.

— Возможно. Стражи так же незамедлительно расправляются с глухачами, как и с роггами, когда им надо сохранить свои тайны или если глухач просто встал у них на пути. Если у них есть иерархия, то знают ее только сами Стражи. А вот как они делают то, что делают… — Он делает глубокий вдох. — Это какая-то хирургическая процедура. Все они дети рогг, но сами не рогги, поскольку в их сэссапинах есть что-то, отчего эта процедура действует на них лучше. Какой-то имплант. В мозг. Одному Земле известно, как они об этом узнали и когда начали такое делать, но это позволяет им отключать орогению. И дает другие способности. Куда худшие.

Сиенит ежится, вспоминая звук разрывающихся сухожилий. Ладонь ее руки пронзает резкая

боль.

— Однако он не пытался тебя убить, — говорит она. Она смотрит на его плечо, которое до сих пор заметно темнее, чем рубашка, хотя, наверное, от движения присохшая кровь выкрошилась, и ткань уже не прилипает к ране. Там свежая кровь — видимо, снова кровоточит, но, по счастью, не сильно.

— Этот нож…

Алебастр кивает.

— Это фишка Стражей. Они кажутся сделанными из обычного стекла, но это не так. Они, оказавшись в теле орогена, каким-то образом разрушают то, что делает нас такими, какие мы есть. Как это делают сами Стражи. — Он вздрагивает. — Никогда не знал, как это ощущается — жжет, как огнем подземным. Нет, — быстро говорит он, не давая Сиенит открыть рот. — Я не знаю, *почему* он пырнул меня. Он и так уже оглушил нас обоих, я был так же беспомощен, как и ты.

Вот оно. Сиенит облизывает губы.

— Ты можешь… ты все еще…

— Да. Это проходит через несколько дней. — Он улыбается, видя облегчение на ее лице. — Я же говорил, я уже так сталкивался со Стражами.

— Почему ты велел мне не позволять ему прикасаться ко мне? Обнаженной кожей?

Алебастр замолкает. Сиенит поначалу думает, что он снова уперся, но затем смотрит на его лицо и видит тень на нем. Потом он моргает.

— Когда я был моложе, знал другого десятиколечника. Когда я был… Он был чем-то вроде ментора. Как Шпат для тебя.

— Шпат не… Ладно, не бери в голову.

Он все равно не слышит ее, погрузившись в воспоминания.

— Я не знаю, почему так случилось. Но однажды мы гуляли в Кольце, просто наслаждались прекрасным вечером… — Он резко замолкает, затем смотрит на нее с кривой, почти болезненной усмешкой. — Мы искали место, где могли бы поговорить наедине.

О. Возможно, это кое-что объясняет.

— Понимаю, — не к месту говорит она.

Он кивает, тоже не к месту.

— Как бы то ни было, появился тот Страж. Без рубашки, как тот, которого ты видела. Он ничего не сказал, зачем он здесь. Он просто… напал. Я даже не видел как, все так быстро случилось. Как в Аллии. — Бастер проводит рукой по лицу.

Он захватил Гессонита[5] удушающим приемом, но недостаточно сильно, чтобы по-настоящему задушить его. Ему нужен был контакт кожа-к-коже. Затем он просто держал Гесса и *скалился*, пока все происходило. Как будто это было самое прекрасное зрелище в мире, эта ломка.

— Что? — она почти не хотела знать этого и все же хотела. — Что делает кожа Стража?

Челюсти Алебастра сжимаются, играют желваки.

— Она обращает твою орогению внутрь тебя. Так мне кажется. Не знаю, как лучше объяснить. Но все то внутри нас, что может сдвигать тектонические плиты, запечатывать разломы и все такое прочее, вся та сила, с которой мы рождены… Стражи все это направляют на нас.

— Я… я не…

Но орогения не действует на плоть напрямую! Если бы было так…

…О.

Он замолкает. На сей раз Сиенит не подталкивает его.

— Да. Так-то вот. — Алебастр качает головой, затем смотрит на деревню в скале. — Идем?

---

[5] Примечания: 5
Разновидность граната.

После такого рассказа трудно идти.

— Бастер. — Она показывает на свой мундир, пыльный, но в котором все еще можно узнать черную форму имперского орогена. — Сейчас каждый из нас в лучшем случае гальку сдвинуть с места может. А этих людей мы не знаем.

— Понимаю. Но у меня болит плечо, я хочу пить. Ты тут нигде текучей воды не видишь?

Нет. И пищи тоже. И вернуться назад, на материк, вплавь через такую ширь воды просто невозможно. И это еще если бы Сиенит умела плавать, а она не умеет, и если бы океан не кишел чудовищами из сказок, а они, вероятно, реальные.

— Ладно, — говорит она и протискивается вперед. — Дай мне поговорить с ними первой, чтобы нас не грохнули из-за тебя. — Чокнутый ржавень.

Алебастр коротко хихикает, словно услышал ее невысказанную мысль, но не возражает и продолжает спускаться следом за ней.

В конце концов лестница переходит в ровный резной карниз, который огибает стену утеса где-то в ста футах над самым высоким урезом воды. Сиен догадывается, что в результате такого высокого расположения поселение неуязвимо для

цунами. (Конечно, она не может быть уверена. Вся эта вода странная для нее.) Возможно, это еще из-за отсутствия защитной стены, хотя сам океан — прекрасная защита для этой… общины, если ее так можно назвать, от всех чужаков. Внизу, на приколе возле причала, который выглядят как груда камней, на которые кое-как навалены доски, болтаются около десятка лодок. Уродливо и примитивно по сравнению с Аллией, с ее ровными пирсами и пилонами, однако эффективно. И сами лодки выглядят странно, по крайней мере по сравнению с теми, которые она видела. Некоторые простые, изящные, выглядящие так, будто вырезаны из цельного ствола дерева, с балансирами по обе стороны. Другие больше и с парусами, но они совершенно непохожи на то, к чему она привыкла.

Вокруг лодок суетятся люди, таскают корзины, другие трудятся над хитроумной оснасткой парусов на одной из них. Они не смотрят вверх — Сиенит едва справляется с желанием окликнуть их. Но их с Алебастром все равно уже успели заметить. У входа первой из пещер впереди — теперь, когда они на одном уровне с ними, видно, какие они огромные, — начинают собираться люди.

Сиенит облизывает губы и набирает в грудь

воздуха, когда они подходят ближе. Они не выглядят враждебно.

— Привет, — говорит она и ждет. Никто не пытается убить ее на месте. Пока все хорошо.

Около двадцати человек смотрят на Сиенит и Алебастра по большей части удивленно. В основном это дети разного возраста, несколько подростков помоложе, горстка старших и киркхуша на поводке, которая настроена дружелюбно, судя по вилянию ее короткого хвоста. Эти люди явно с Восточного побережья, высокие и темнокожие, как Алебастр, хотя с небольшой долей людей посветлее, и она замечает минимум одну пепельную шевелюру, качающуюся на ветру. В лицах их нет тревоги, что тоже хорошо, хотя у Сиен складывается впечатление, что они не привыкли нападать на гостей врасплох.

Затем вперед выходит мужчина с видом Лидера — или просто лидер. И говорит нечто совершенно непонятное.

Сиен непонимающе смотрит на него. Она не может даже сказать, что это за язык, хотя он чем-то ей знаком. Затем — о, ржавь клятая — Алебастр резко подается вперед и отвечает что-то на этом же языке, и все сразу пересмеиваются, перешептываются и расслабляются. Все, кроме Сиенит.

Она зло смотрит на него.

— Перевод!

— Я сказал им, что ты боишься, что они нас убьют, если я заговорю первым.

Ей хочется убить его на месте.

Они начинают разговаривать, люди из этой деревни и Алебастр, а Сиенит остается только стоять и делать вид, что она ничуточки не раздосадована. Алебастр делает паузы, когда может, чтобы переводить, хотя порой запинается — они говорят действительно слишком быстро. Ей кажется, что он обобщает. Много. Но она узнает, что это поселение называется Миов, и человека, шагнувшего к ним, зовут Харлас, и он их вождь.

Да, еще они пираты.

* * *

— Тут невозможно выращивать пищу, — объясняет Алебастр. — Чтобы прожить, они делают то, что приходится.

Это уже позже, после того как жители Миова пригласили их в сводчатые пещеры, из которых состоит их община. Она полностью находится в утесе — неудивительно, поскольку остров представляет собой практически колонну однообразного камня. Некоторые пещеры природные,

некоторые выдолблены в камне непонятным способом. И все они удивительно красивы, с искусно вырезанными сводами, арками акведуков вдоль многих стен и достаточным количеством ламп и факелов, чтобы не ощущать клаустрофобии. Сиен не нравится ощущение всех этих тонн камня над головой, когда ждешь, что они рухнут на тебя во время очередного толчка, но если уж приходится торчать в ловушке, так хоть в уютной.

Миовиты поселили их в гостевом доме — или, скорее, некоторое время пустующем и не особо разрушенном. Им с Алебастром выделяли пищу с общего костра, дали доступ к общинным баням и выдали пару смен одежды в местном стиле. Им даже обеспечили некое подобие приватности, хотя это затруднительно, поскольку любопытные дети постоянно заглядывают в незастекленные окна их пещеры, смеются и разбегаются. Это почти мило.

Сиен сидит на груде сложенных одеял, которые, видимо, специально предназначены для сидения, и смотрит, как Алебастр обматывает полоской чистой ткани свое раненое плечо, держа другой конец в зубах, чтобы затянуть ее. Он мог бы попросить ее помочь. Но он не просит, потому она не предлагает.

— Они почти не торгуют с материком, — продолжает он, возясь с повязкой. — Реально они могут предложить только рыбу, а у общин Побережья ее полно. Потому миовиты пиратствуют. Они нападают на корабли на торговых путях или облагают данью общины взамен за защиту от нападений — да-да, *их собственных* нападений. Не спрашивай, как это работает — я знаю только то, что мне рассказал их вождь.

Это звучит… сомнительно.

— А что они вообще здесь делают? — Сиен обводит взглядом покрытые грубой резьбой стены и потолок. — Это же *остров*. То есть эти пещеры хороши до первого цунами, которое просто сотрет этот островок с карты. И, как ты сказал, выращивать пищу тут нельзя. У них хранилища вообще есть? А вдруг начнется Зима?

— Думаю, тогда они погибнут. — Алебастр пожимает плечами, по большей части чтобы проверить, хорошо ли легла новая повязка. — Я тоже их спрашивал, но они в ответ смеялись. Ты заметила, что остров стоит на горячей точке?

Сиен моргает. Она этого не замечала, но ее орогения сейчас онемела, как ушибленный палец. Его тоже, но это онемение, похоже, сравнительно.

— И как глубоко?

— Очень. Вряд ли в ближайшее время прорвется. Или вообще когда. Но если это случится, на этом месте будет кратер вместо островов. — Он морщится. — Конечно, если цунами прежде до них не доберется, мы же находимся так близко к границе схождения плит. Здесь столько возможностей погибнуть. Но они обо всем этом знают, серьезно, и, насколько я могу сказать, им все равно. По крайней мере, они умрут свободными, так они говорят.

— Свободными от чего? От жизни?

— От Санзе. — Алебастр ухмыляется, когда у Сиен отпадает челюсть. — По словам Харласа, эта община является частью цепочки маленьких островных общин архипелага — так называется группа островов, если ты не знала, — которая тянется отсюда почти до Антарктики. Эти острова породила та самая горячая точка. Некоторые из общин этой цепочки, включая Миов, пережили десяток Зим или больше…

— Ржавь! — вырывается у Сиен.

— …и они даже не помнят, когда была основана, м-м, вырезана община Миов, так что она, возможно, еще старше. Они были здесь *до Санзе*. И, насколько они понимают, Санзе либо не знает

о них, либо ей все равно. Они никогда не были присоединены к ней. — Он качает головой. — Прибрежные общины всегда обвиняли друг друга в том, что они покрывают пиратов, и никто, у кого мозги есть, так далеко не заплывал. Может, никто и не знает, что на этих островах есть поселения. То есть они, вероятно, знают об островах, но не могут представить, что кому-то хватит дури там жить.

Да никому. Сиен качает головой, ошеломленная дерзостью этих людей. Когда очередные дети заглядывают к ним в комнату, нагло глядя на них, Сиен невольно улыбается, и у какой-то девочки глаза округляются, как тарелки, и она разражается смехом, болтает что-то на своем отрывистом языке, пока товарищи не оттаскивают ее. Отважная, безумная малышня.

Алебастр хихикает.

— Она сказала: та страшненькая умеет улыбаться!

Ублюдок ржавый.

— Не могу поверить, что им хватает безумия тут жить! — Она качает головой. — Не могу представить, чтобы этот остров ни разу не раскалывало, не трясло, не заливало водой сотни раз.

Алебастр неуютно ерзает, и Сиен берет себя

в руки.

— Ну, они выживают по большей части потому, что питаются рыбой и водорослями. Океан во время Зимы не умирает, как земля или водоемы поменьше. Если ты можешь рыбачить, то у тебя всегда есть пища. Не уверен, что у них даже есть склады на случай. — Он задумчиво озирается. — Если им удается сохранять стабильность острова во время землетрясений и извержений, то это действительно неплохое место для жизни.

— Но как они могут…

— Рогги. — Он смотрит на нее, ухмыляясь, и она понимает, что он ждал момента, чтобы сказать ей это. — Здесь они своих рогг не убивают. Они дают им в руки *управление*. И они действительно очень-очень нам рады.

* * *

Камнеед – это воплощенное безумие. Помни урок их сотворения и берегись их даров.

Табличка вторая: «Неполная правда», стих седьмой.

17

Дамайя в завершении

Все меняется. В Эпицентре есть свой распорядок жизни, но мир никогда не стоит на месте. Проходят годы.

После исчезновения Осколка Матчиш больше ни разу не заговаривает с Дамайей. Когда он видит ее в коридоре или после проверки, просто отворачивается. Если он перехватывает ее взгляд, хмурится. Такое нечасто случается, поскольку она нечасто на него смотрит. Ей плевать, что он ее ненавидит. В любом случае он был лишь *потенциальным* другом. Теперь она понимает, что не следует хотеть завести друга или верить, что она когда-нибудь заслужит дружбу.

(Друзей не бывает. Эпицентр — не школа. Гальки — не дети. Орогены — не люди. Инструменту не нужны друзья.)

И все же это тяжело, поскольку без друзей скучно. Инструкторы научили ее читать — чему не учили родители, — но она способна читать только до того момента, когда слова начинают скакать по странице, как камни во время землетрясения.

В библиотеке немного чисто развлекательных книг, не утилитарных. (Инструментам не нужно развлечение.) Ей позволено практиковать орогению только во время прикладных занятий, и хотя она порой лежит на своей койке и мечтает о дополнительных занятиях для большей практики — в конце концов, ее приоритет — сила орогена, — их ровно столько, сколько есть.

Потому, чтобы убить время во время Свободных часов или в другое время, когда она не занята и не спит, она бродит по Эпицентру.

Никто не мешает галькам этого делать. Никто не охраняет спальню во время Свободных часов или потом. Инструкторы не вводят комендантского часа — Свободный час может перерасти в Свободную ночь, если галька желает на следующий день бороться со сном. Старшие тоже не мешают галькам покидать здание. Любой ребенок, которого застукают в саду Кольца, закрытом для неокольцованных, или вблизи ворот Эпицентра, будет отвечать перед старшими. Но за все прочее санкции будут умеренными — каков проступок, таково и наказание. Так вот.

В конце концов, еще никого не изгоняли из Эпицентра. Разболтавшийся инструмент просто удаляют со склада. А функциональный инстру-

мент должен быть достаточно сообразительным, чтобы самому о себе позаботиться.

Потому Дамайя на своих прогулках придерживается наименее интересных зон Эпицентра, что оставляет большой простор для исследований, поскольку комплекс Эпицентра огромен. Кроме садов и тренировочных площадок для галек, там есть жилые кластеры, в которых живут окольцованные орогены, находятся библиотеки и театры, госпиталь и места, где работают все взрослые орогены, когда у них нет назначений за пределами Эпицентра. Там также проложены мили мощенных обсидианом дорожек и находятся гектары зеленых зон, которые не под паром и не подготовлены для вероятного Пятого времени года: вместо этого они отданы под ландшафтный дизайн. Просто для красоты. Дамайя понимает, что кто-то должен за ними ухаживать.

И вот через все это Дамайя проходит в поздние вечерние часы, представляя, где и как она будет жить, как только присоединится к рядам окольцованных. Взрослые в этом районе по большей части не обращают на нее внимания: идут куда-то, разговаривают друг с другом или бубнят что-то себе под нос, сосредоточенные на своих взрослых делах. Кое-кто замечает ее, но пожима-

ет плечами и идет дальше. Все они когда-то были гальками. Только одна женщина останавливается и спрашивает:

— А тебе можно здесь находиться?

Дамайя кивает и проходит мимо, и женщина больше не пристает.

Административные здания — самые интересные. Она заглядывает в большие тренировочные залы, где практикуются окольцованные орогены: большие залы-амфитеатры без крыш, с мозаичными кольцами, выложенными прямо на земле концентрическими кругами. Иногда там лежат большие базальтовые блоки, иногда земля перевернута, но блоков нет. Иногда она застает там взрослых, которые практикуются — двигают блоки как детские игрушки, загоняют их в землю и снова поднимают одним усилием воли, затуманивая воздух вокруг себя смертельными кольцами холода. Это одновременно и пьянит, и пугает, и она повторяет то, что они делают, как может, хотя и немного. Ей предстоит еще долгий путь к тому, чтобы хотя бы начать делать такое.

Но больше всего Дамайю влечет Главное здание. Это самое сердце комплекса Эпицентра: большой шестиугольник, перекрытый куполом, больше, чем все остальные здания, вместе взятые.

Именно здесь вершатся все дела Эпицентра. Здесь окольцованные орогены сидят в кабинетах и перебирают бумаги, и платят по счетам, поскольку все это они, конечно же, должны делать сами. Никто не хочет, чтобы об орогенах говорили, что это пустая трата ресурсов Юменеса — Эпицентр финансово и во всем остальном самодостаточен. В здании Свободный час наступает после основного рабочего времени, так что здесь не так людно, как днем, но всегда, когда Дамайя бродит по зданию, она замечает, что многие кабинеты все еще освещены свечами или порой электрическими лампочками.

У Стражей тоже есть свое крыло в Главном здании. То и дело она видит винно-красную форму среди групп черных, и как только она их замечает, сворачивает в другую сторону. Не от страха. Вероятно, они замечают ее, но не беспокоят, поскольку она не делает ничего запретного. Так ей говорил Шаффа — Стражей следует бояться только в особых, единичных ситуациях. Однако она все равно избегает их, поскольку по мере того, как она становится опытнее, она ощущает в присутствии Стража странное чувство. Это… какой-то зуд, зазубренный и едкий, который скорее ощущаешь на вкус и слух, чем сэссишь. Она не

понимает этого, но замечает, что многие орогены обходят Стражей стороной.

В Главном здании есть заброшенные крылья, поскольку Эпицентр обширнее, чем необходимо, или так ей, по крайней мере, говорят инструкторы, когда Дамайя спрашивает их об этом. Никто до постройки Эпицентра не знал, сколько на свете орогенов, или, возможно, строители полагали, что бóльшее количество орогенов будут переживать детский возраст, после чего их будут доставлять сюда. Тем не менее, когда Дамайя толкает привлекшую ее внимание дверь, которой вроде никто не пользовался, и обнаруживает за ней темные пустые коридоры, ее тут же охватывает любопытство.

Внутри слишком темно, чтобы далеко видеть. Рядом с собой она видит сломанную мебель, корзины для хранения и прочее, так что решает, что сразу туда не полезет. Слишком высок шанс пораниться. Вместо этого она возвращается в спальню галек и несколько следующих дней готовится к походу. Довольно просто стащить стеклянный нож с обеденного подноса, а в спальне полно масляных ламп, которые можно взять, и никто ничего не заметит. Она берет лампу. Вместо заплечного мешка она берет наволочку из пра-

чечной — у нее истрепавшийся край, и она лежит в груде списанного белья, и, наконец, когда она чувствует себя готовой, выступает в поход.

Поначалу она продвигается медленно. Ножом делает пометки на стенах, чтобы не потеряться, пока не осознает, что эта часть Главного здания имеет ровно такую же структуру, как и остальная часть: центральный коридор, периодически разбиваемый лестничными проемами и дверьми по обе стороны, которые ведут в сьюты или комнаты. Больше всего ей нравятся комнаты, хотя многие из них скучные. Совещательные комнаты скорее кабинеты, чем жилые; какие-то совсем большие, которые могли бы быть аудиториями для лекций, хотя, кажется, по большей части тут хранили старые книги и одежду.

Но книги! Преобладающая часть — развлекательное чтиво, которого так мало в библиотеках — романы, приключения и какие-то обрывки ненужных сказаний. Но иногда двери приводят к замечательным вещам. Она обнаруживает этаж, который, видимо, некогда был жилым — возможно, в один из тех урожайных годов, когда было слишком много орогенов, чтобы комфортно разместить их в жилых зданиях. Однако похоже, что по какой-то причине многие обитатели

просто вышли, оставив здесь все свои пожитки. Дамайя находит в шкафах длинные полуистлевшие элегантные платья, игрушки для малышей, украшения, за которые ее мать удавилась бы. Она примеряет одно и смеется своему отражению в пошедшем пятнами зеркале, затем замирает, испуганная звуком собственного смеха.

Здесь есть и более странные вещи. Комната, полная обитых плюшем красивых кресел — теперь вытертых и побитых молью, — которые поставлены кругом, лицом друг к другу. Зачем, она может лишь догадываться. Комната, назначения которой она не понимает до тех пор, пока ее исследования не приводят в здания Эпицентра, отведенные для исследовательских работ — тогда она понимает, что обнаружила нечто вроде лаборатории, полной странных контейнеров и устройств, которые, как она потом узнает, предназначены для анализа энергии и работы с химикатами. Возможно, геоместы не снисходят до изучения орогении и орогенам приходится делать это самим? Она может лишь догадываться.

А комнат больше, бесконечно много. Это становится тем, чего она больше всего ждет каждый день — кроме Практики. Она то и дело попадает впросак в школе, поскольку думает о своих

находках и пропускает вопросы в контрольных. Она старается не слишком расслабляться, чтобы учителя не начали задавать ей вопросы, хотя она подозревает, что им известно о ее ночных похождениях. Она даже замечала нескольких из них во время своих блужданий: они выглядят странно человечно в свои свободные часы. Однако они не беспокоят ее, что ее весьма удовлетворяет. Так приятно ощущать, что у тебя есть совместная с ними тайна, хотя на самом деле-то она не знает, так ли это. В Эпицентре есть свой распорядок, но это ее распорядок, она установила его, и никто не нарушает его. Хорошо иметь что-то свое.

Но однажды все меняется.

* * *

Незнакомая девочка вклинивается в строй галек так незаметно, что Дамайя почти не замечает ее. Они снова идут по Саду Колец, возвращаясь в общежитие галек после Прикладной практики, Дамайя устала, но довольна собой. Инструктор Марказит[6] похвалил ее за то, что она заморозила

[6] Примечания: 6

Марказит — *лучистый колчедан*. Минерал, (поли)сульфид железа. Химическая формула FeS_2, нередки примеси незначительных количеств мышьяка, сурьмы, кобальта, таллия, висмута, меди.

всего двухфутовый торус вокруг себя, одновременно расширив зону контроля примерно на сто футов вниз.

— Ты почти готова к испытанию на первое кольцо, — сказал он ей в конце занятия. Если это правда, то она пройдет тест на год раньше, чем большинство галек, и первой в группе ее набора.

Поскольку Дамайя так охвачена волнением от этой мысли и потому, что это был вечер долгого дня, и все устали, и в саду мало народу, и инструкторы болтают друг с другом, почти никто не видит, как странная девочка встраивается в колонну прямо перед Дамайей. Даже Дамайя почти упускает ее, поскольку девочка разумно ждала момента, когда они сделают крутой поворот у изгороди. Шаг, второй — и вот она здесь, идет в ногу с ними, смотрит вперед, как и большинство остальных. Но Дамайя знает, что прежде ее тут не было.

На мгновение Дамайя теряется. Она не слишком хорошо знает *всех* галек, но все же она знает их в лицо, а эта девочка не из них. Но кто она тогда? Она не уверена, сказать ли ей об этом.

Внезапно девочка оглядывается и натыкается на взгляд Дамайи. Она усмехается и подмигивает. Дамайя моргает. Когда девочка отворачивается,

она следует за ней, слишком сбитая с толку, чтобы болтать.

Они проходят через сад и идут в казармы. Здесь инструкторы уходят, оставляя галек на свободное время перед сном. Дети расходятся, кто-то идет за едой в буфет, самые новенькие бредут спать. Несколько более энергичных галек немедленно начинают какую-то глупую игру, гоняясь друг за другом среди коек. Как обычно, они игнорируют Дамайю и все, что Дамайя делает.

Потому Дамайя поворачивается к гальке, которая не галька.

— Ты кто?

— Ты хочешь спросить именно об этом? — девочка кажется искренне озадаченной. Она ровесница Дамайе, высокая и тощая, с более желтоватой кожей, чем у большинства юных санзе, а волосы у нее волнистые и темные, а не жесткие и серые. На ней униформа галек, и волосы ее завязаны так же, как у остальных галек с длинными волосами. Иллюзию нарушает только тот факт, что она совершенно чужая здесь. — То есть тебе ведь на самом деле не важно, кто я? — говорит девочка, продолжая делать вид, будто ее обидел первый вопрос Дамайи. — На твоем месте я хотела бы узнать, что я тут делаю.

Дамайя, онемев, смотрит на нее. А девочка пока оглядывается, чуть нахмурившись.

— Я думала, меня многие заметят. Вас ведь тут немного в этой комнате — человек тридцать? Это меньше, чем в моем классе, и уж я-то заметила бы, если бы вдруг появился новенький…

– *Кто ты такая*? — почти шипит Дамайя. Инстинктивно она, однако, понижает голос и в качестве дополнительной меры хватает девочку за руку и тащит ее в укромный уголок, где их вряд ли заметят. Поскольку все годами не обращают внимания на Дамайю, то их и не замечают. — Говори, а то инструкторов позову!

— О, это уже лучше. — Девочка ухмыляется. — Куда больше, чем я ожидала. Но все равно странно, что только ты одна… — И тут ее усмешка сменяется тревогой, когда Дамайя открывает рот и набирает воздуха, явно готовясь закричать. Она быстро выговаривает: — Меня зовут Биноф! Биноф! А тебя?

Это так привычно, это просто вежливость, и Дамайя всегда отвечала на такой вопрос еще до того, как попала в Эпицентр, так что она отвечает автоматически.

— Дамайя Опо… — Она так давно не думала о своем кастовом имени или о том факте, что оно

теперь не имеет к ней отношения, что ошеломлена, чуть было не услышав его. — Дамайя. Что ты здесь делаешь? Откуда ты взялась? Почему ты… — Она беспомощно тычет в девочку, имея в виду и ее униформу, и волосы, и само существование.

— Тс-с. *Теперь* ты хочешь задать миллион вопросов? — Биноф качает головой. — Слушай, я не собираюсь тут оставаться и не хочу тебе неприятностей. Мне только нужно узнать, не видела ли ты или не слышала чего-нибудь странного в последнее время? — Дамайя снова пялится на нее, и Биноф морщится. — Место. С очертаниями. Ну типа. Большое… вроде… — Она делает несколько сложных жестов, видимо, пытаясь пантомимой изобразить то, что имеет в виду. Это совершенно бессмысленно.

Нет. Не совсем.

Эпицентр круглый. Дамайя знает это, хотя может получить лишь представление об этом, когда вместе с остальными гальками проходит по Саду Кольца. К западу над Эпицентром нависает Черная Звезда, а на севере Дамайя видела группу зданий, достаточно высоких, чтобы заглядывать за обсидиановые стены. (Она часто задается вопросом, что жители этих домов думают, глядя вниз на Дамайю и ее сородичей из своих гордели-

вых окон и с крыш.) Но что еще важнее, Главное здание тоже круглое — почти. К этому моменту Дамайя уже часто гуляла по его темным коридорам при помощи всего лишь масляной лампы, пальцев и сэссапин, но когда она видит, что Биноф рисует в воздухе шестиугольник, она сразу понимает, что имеет в виду эта чужая девочка.

Дело в том, что коридоры Главного здания не так широки, чтобы охватить все пространство, которое оно занимает. Под крышей здания, в самом его сердце, есть место, куда не дотягиваются его рабочие пространства и коридоры, и там должно быть огромное пустое помещение. Может, двор или театр, хотя в Эпицентре есть другие театры. Дамайя нашла стены, окружающие это место, и пошла по ним, и они не круглые, там есть углы и грани. Их шесть. Но если есть дверь, которая ведет в эту шестиугольную центральную комнату, то в заброшенных крыльях ее нет. Она еще не нашла ее.

— Комната без дверей, — не подумав, бормочет Дамайя. Так она начала про себя называть эту незримую комнату в тот самый день, как осознала ее существование. Биноф втягивает воздух и подается вперед.

— Да. *Да*. Она так называется? Она в том боль-

шом здании, в сердце Эпицентра? Я так и думала. Да.

Дамайя моргает и хмурится.

— Кто. Ты. Такая.

Девочка права — она не это хочет спросить. И все же это охватывает все непосредственные вопросы.

Биноф кривится. Она оглядывается. Раздумывает мгновение, поджимает челюсть и, наконец, говорит:

— Биноф Лидер Юменес.

Для Дамайи это почти ничего не значит. В Эпицентре никто не пользуется кастовыми или общинными именами. Любой, кто был Лидером до того, как его поймали Стражи, больше таковым не является. Гальки, рожденные здесь или привезенные сюда в раннем детстве, носят рогговское имя, и любой после получения первого кольца должен взять себе такое. И это все.

Но тут интуиция поворачивает ключик, замочек щелкает, и внезапно Дамайя понимает, что Биноф не просто выражает верность социальным условностям, которая тут неприменима. Она применима к Биноф, поскольку та *не ороген*.

И Биноф не просто глухачка, она Лидер, она из Юменеса, то есть дитя одного из самых влия-

тельных семейств Спокойствия. *И она проникла в Эпицентр, притворяясь орогеном.*

Это настолько невозможно, настолько безумно, что Дамайя разевает рот. Биноф видит, что она понимает, и подходит ближе, понижая голос.

— Я сказала, что не хочу для тебя неприятностей. Сейчас я пойду и найду эту комнату, и прошу только одного, чтобы ты пока ничего никому не говорила. Но ты хотела знать, зачем я здесь. Вот за этим. Я ищу эту комнату.

Дамайя закрывает рот.

— Зачем?

— Я не могу тебе сказать. — Когда Дамайя зло смотрит на нее, Биноф поднимает руки. — Это для твоей и моей безопасности. Есть вещи, которые положено знать только Лидерам, а мне пока знать их не полагается. Если кто-то узнает, что я тебе рассказала, то… — Она мнется. — Не знаю, что с нами сделают, но мне не хочется это выяснять.

Ржавь. Дамайя рассеянно кивает.

— Тебя сцапают.

— Возможно. Но тогда я им просто скажу, кто я. — Девочка пожимает плечами с беспечностью того, кто никогда в жизни не знал настоящего страха. — Они не узнают, зачем я здесь. Кто-то вызовет моих родителей, и мне влетит, но я все

равно постоянно во что-то вляпываюсь. Но если мне удастся найти ответы на некоторые вопросы, то дело будет того стоить. Итак, где комната без дверей?

Дамайя качает головой, тут же почуяв ловушку.

— У *меня* будут неприятности, если я стану помогать тебе. — Она не Лидер, вообще никто, никто ее не спасет. — Уходи, как пришла. Сейчас же. Если уйдешь, я никому ничего не скажу.

— Нет уж. — У Биноф коварный вид. — Я много труда приложила, чтобы сюда попасть. И у тебя все равно уже неприятности, раз ты не позвала инструктора сразу же, как поняла, что я не галька. Теперь ты моя сообщница. Так ведь?

Дамайя испуганно смотрит на нее, у нее живот подводит, как только она понимает, что девочка права. Она в бешенстве, поскольку Биноф пытается ею манипулировать, а она это ненавидит.

— Лучше уж я закричу сейчас, чем ты вляпаешься и тебя поймают. — Она встает и направляется к дверям общей спальни.

Биноф ахает и трусит за ней, хватает ее за руку и говорит громким шепотом:

— Не надо! Пожалуйста! Послушай, у меня есть деньги! Три красных алмаза и целый алексан-

дрит! Хочешь?

Дамайя закипает еще сильнее.

— И на кой ржавь мне деньги?

— Тогда привилегии. Когда ты в следующий раз выйдешь из Эпицентра…

– *Мы не выходим.* — Дамайя злобно смотрит на нее и вырывает руку. Как эта тупая глухачка вообще сюда пролезла? Есть же охрана, городская милиция у всех ворот, ведущих из Эпицентра. Но их задача — не выпускать наружу орогенов, а не задерживать глухачей. Возможно, эта девчонка из Лидеров со своими деньгами и *привилегиями* при своем бесстрашии смогла сюда проникнуть, даже если стража и пыталась удержать ее. — Мы здесь потому, что это единственное место, где нам не грозит опасность от таких, как *ты*. Убирайся.

Внезапно Дамайе приходится отвернуться, стиснуть кулаки, жестко сосредоточиться, делая быстрые короткие вдохи, поскольку она настолько зла, что та ее часть, которая умеет двигать линии разлома, начинает погружаться в землю. Это постыдная потеря контроля, и она молится, чтобы никто из инструкторов этого не заметил, потому что тогда ее перестанут считать практически готовой к испытанию на первое кольцо. Не говоря о том, что она вообще может заморозить

эту девчонку.

Биноф коварно заглядывает ей в лицо и говорит:

— О, да ты злишься? Орогению выпускаешь? Каково это?

Вопросы настолько нелепы, отсутствие страха настолько глупо, что орогения Дамайи испаряется. Она уже не злится, она просто удивлена. Неужели все Лидеры в детстве такие? Палела такой маленький городишко, что там вообще не было ни одного, люди из функционал-касты Лидеров предпочитают жить в местах, достойных лидерства. Может, это просто *юменесские* Лидеры таковы. Или эта девочка просто дура.

Словно молчание Дамайи само было ответом, Биноф ухмыляется и приплясывает перед ней.

— Я никогда прежде не видела орогена! То есть не черных, которые с кольцами, а детей, как я! Ты не такая страшная, как говорят лористы. Но они вообще много врут.

Дамайя мотает головой.

— Вообще тебя не понимаю.

К ее удивлению, Биноф грустнеет.

— Ты говоришь прямо как моя мама. — Она на мгновение отводит взгляд, потом поджимает губы и обжигает Дамайю решительным взгля-

дом. — Так ты поможешь мне найти эту комнату или нет? Если нет, хотя бы не говори никому.

Несмотря ни на что, Дамайю снедает любопытство. Ей интересна девочка, возможность найти комнату без дверей, новизна самой интриги. Прежде она никогда не отправлялась на поиски с *кем-нибудь*. Это так… волнующе. Она мнется и неуютно озирается по сторонам, но в душе она уже решилась, верно?

— Хорошо. Но я так и не нашла входа, хотя исследую Главное здание уже несколько месяцев.

— Значит, так называется большое здание? И я не удивлена, вероятно, *легкого* пути попасть внутрь нет. Или, может, был, но сейчас закрыт. — Не замечая взгляда Дамайи, Биноф трет подбородок. — Но у меня есть идея, где искать. Я видела старые чертежи… Ладно. Это должно быть на южной стороне здания, на первом этаже.

Увы, это не заброшенное крыло. И все же она говорит:

— Я знаю дорогу. — Как приятно видеть радость на лице Биноф при этих словах.

Она ведет Биноф дорогой, по которой обычно ходит сама, так, как она обычно ходит. Странно, но возможно, потому, что нервничает, она осознает, что ее замечает больше народу. Двойных

проверок больше, чем обычно, и когда она замечает инструктора Галенита, идя мимо фонтана — того самого Галенита, который застукал ее пьяной и спас ей жизнь, не донеся об этом, — он улыбается ей, прежде чем повернуться к своему болтливому собеседнику. Вот тогда Дамайя и осознает, *почему* все они смотрят: они знают о странной тихой гальке, которая постоянно гуляет. Они наверняка знают о Дамайе по каким-то слухам, и они *рады*, что она, наконец, привела кого-то с собой. Они думают, что у нее завелась подруга. Дамайя рассмеялась бы, если бы истина не была такой несмешной.

— Странно, — говорит Биноф, когда они проходят по обсидиановой дорожке через один из малых садов.

— Что?

— Я думала, что меня все заметят. Но почти никто не обращает внимания. Хотя мы тут единственные дети.

Дамайя пожимает плечами и продолжает идти.

— Я думала, нас остановят, будут спрашивать. Мы ведь можем делать что-то не то.

Дамайя качает головой.

— Если кто-то из нас покалечится и нас найдут

прежде, чем мы истечем кровью, то отправят в госпиталь.

И тогда у Дамайи появится в деле отметка, которая может не дать ей пройти тест на кольцо. Все, что она сейчас делает, может этому помешать. Она вздыхает.

— Это хорошо, — говорит Биноф, — но, может, лучше остановить детей *прежде*, чем они успеют себе навредить?

Дамайя останавливается посреди дорожки через газон и поворачивается к Биноф.

— Мы не дети, — раздраженно говорит она. Биноф моргает. — Мы гальки — Имперские орогены в процессе обучения. Вот под кого ты маскируешься и кем тебя все считают. Всем наплевать, если парочка орогенов покалечится.

Биноф пялится на нее.

— О.

— И ты слишком много болтаешь. Гальки так не делают. Мы расслабляемся только в общежитии, и то когда инструкторов рядом нет. Если хочешь казаться одной из нас, делай это *правильно*.

— Ладно, ладно! — Биноф вскидывает обе руки, словно успокаивая ее. — Прости, я просто… — Она морщится, когда Дамайя сердито смотрит на нее. — Ладно. Больше никаких разговоров.

Она затыкается, и Дамайя идет дальше.

Они доходят до Главного здания, и Дамайя заходит внутрь как обычно. Только на сей раз она сворачивает направо, а не налево, и спускается по лестнице, а не поднимается. Потолки в этом коридоре ниже, а стены украшены так, как она прежде не видела — маленькими фресками, на которых изображены приятные, невинные сцены. Через некоторое время она начинает беспокоиться, поскольку они все ближе к крылу, в котором она никогда не бывала и бывать не хочет — к крылу Стражей.

— Где именно на южной стороне? — спрашивает она.

— Что? — Биноф погружена в созерцание, что выдает ее еще сильнее, чем нескончаемый треп, она удивленно моргает, глядя на Дамайю. — Ой. Где-то вообще на южной стороне. — Она сжимается под злым взглядом Дамайи. — Я не знаю где! Я просто знаю, что там была дверь, даже если ее теперь уже и нет. — Она крутит пальцами. — Орогены ведь должны вроде делать такие вещи?

— Что, двери искать? Нет, разве что они *в земле*. — Но даже говоря эти слова, Дамайя хмурится, поскольку… ладно. Она *действительно* может сэссить, где находятся двери, чисто по логике.

Несущие нагрузку стены ощущаются как материковая порода, а двери — как дыры в пласте, места, где нагрузка здания на землю меньше. Если дверь на этом этаже заделана, убраны ли косяки? Возможно. Но ведь это место будет отличаться от окружающих стен?

Она уже поворачивается, растопырив пальцы так, как делает, когда пытается распространить свою зону контроля дальше. В тиглях для Прикладных занятий есть подземные маркеры — маленькие мраморные блоки с вырезанными на них словами. Нужен очень хороший контроль, чтобы не только найти этот блок, но и определить, что за слово на нем. Это все равно как лизнуть страницу и почуять малейшее различие между чернилами и бумагой, и при помощи этого читать. Но поскольку она многократно делала такое под присмотром инструкторов, она понимает, что этот навык работает и в этом случае.

— Ты делаешь орогению? — с любопытством спрашивает Биноф.

— Да, потому заткнись, чтобы я случайно тебя не заморозила. — Биноф, по счастью, повинуется, хотя сэссирование — не орогения и опасности заморозить кого-нибудь нет. Дамайя благодарна ей за молчание.

Она идет ощупью по стенам здания. Они как тени силы по сравнению с невозмутимой уютностью камня, но если она будет действовать нежно, она их найдет. И здесь, здесь и здесь вдоль внутренней стены здания, окружающей скрытую комнату, она ощущает, где стены… прерываются. Втянув воздух, Дамайя открывает глаза.

— Ну? — Биноф прямо слюной исходит.

Дамайя поворачивает, идет вдоль стены на некотором расстоянии. Когда она доходит до нужного места и останавливается, она находит дверь. Рискованно отворять дверь в жилом крыле — возможно, там чей-то кабинет. В коридоре пусто и тихо, но из-под некоторых дверей пробивается свет, что означает, что по крайней мере несколько человек заработались допоздна. Сначала она стучит. Когда ответа нет, она делает глубокий вдох и пытается открыть дверь. Заперта.

— Подожди, — отвечает Биноф и роется у себя в карманах. Через мгновение она вытаскивает что-то, похожее на инструмент, которым Дамайя некогда вскрывала скорлупу орехов курге, росших у них на ферме. — Я читала, как это делается. — Она начинает ковыряться инструментом в замке с сосредоточенным видом.

Дамайя некоторое время ждет, небрежно при-

слонясь к стене и прислушиваясь как ушами, так и сэссапинами к любой вибрации шагов, или звуку приближающихся голосов, или хуже — к жужжанию приближающегося Стража. Сейчас уже за полночь, и даже самые трудоголики либо ложатся спать у себя в кабинетах, либо ушли к себе, так что никто не тревожит их в тот мучительно долгий отрывок времени, пока Биноф соображает, как пользоваться этой штукой.

Проходит целая вечность, прежде чем Дамайя говорит:

— Хватит. — Если кто-то придет сюда и застукает их, Дамайе не отбрехаться. — Вернемся завтра и продолжим.

— Я *не могу*, — отвечает Биноф. Она в поту, ее руки трясутся, что, конечно, не способствует делу. — Я подкупила нянек выпустить меня только на одну ночь, второй раз это не сработает. У меня уже почти получилось. Просто дай мне еще минутку.

И Дамайя ждет, все сильнее терзаемая тревогой, пока не раздается щелчок и удивленный вздох Биноф.

— Сработало? Думаю, сработало! — Она дергает дверь, и та распахивается. — Земное пердучее пламя, работает!

Там действительно чей-то кабинет — стол и два кресла с высокой спинкой, вдоль стен тянутся книжные полки. Стол больше обычного, кресла изящнее — тут явно работает важный человек. Дамайе после стольких месяцев блуждания по заброшенным кабинетам старого крыла режет глаз то, что этот кабинет явно используется. Здесь нет пыли, и лампы уже зажжены, хотя и прикручены до самого низкого пламени. Так странно.

Биноф озирается по сторонам, но в кабинете нет даже намека на другую дверь. Дамайя протискивается мимо нее, к чему-то вроде чулана. Она открывает его — там веники и швабры и запасной черный мундир на вешалке.

— И все? — вслух ругается Биноф.

— Нет, — отвечает Дамайя, поскольку она видит, что кабинет слишком короткий от двери до стены, что не соответствует ширине здания. А чулан слишком неглубокий, чтобы добрать разницу.

Она осторожно тянется за веники и касается стены. Ничего, прочный кирпич. Ладно, это была просто идея.

— Ох, *верно*! — Биноф протискивается к ней, отводит в сторону мундир и ощупывает стену во всем чулане. — В старых зданиях всегда есть

потайные двери, ведущие в схроны или…

— В Эпицентре нет схронов, — говорит она и моргает, понимая, что никогда не думала об этом прежде. А что они будут делать, если начнется Зима? Почему-то ей кажется, что жители Юменеса не будут добровольно делиться едой с орогенами.

— Ох. Верно. — Биноф кривится. — И все же это Юменес, хотя мы и в Эпицентре. Всегда есть…

И тут она замирает, глаза ее округляются, когда она нащупывает свободный кирпич. Она ухмыляется, давит на один конец, пока второй не выходит из стены, и она вытаскивает его. Под ним щеколда, сделанная из чего-то, похожего на чугун. — Всегда есть что-то, ведущее под землю, — выдыхает Биноф.

Дамайя подходит ближе. Ей любопытно.

— Потяни ее.

— А, *теперь* тебе интересно? — Но Биноф действительно хватается за щеколду и тянет ее.

Стена чулана поворачивается и открывает проход, выложенный тем же кирпичом. Узкий, изгибающийся тоннель почти сразу же уходит в темноту.

Дамайя и Биноф смотрят туда, и никто не решается на первый шаг.

— Что там? — шепчет Дамайя.

Биноф облизывает губы, глядя в темноту тоннеля.

— Я не уверена.

— Дерьмо! — В том, чтобы выражаться как старшие окольцованные, есть некая постыдная сладость. — Ты пришла сюда, надеясь найти *что-то*.

— Давай сначала посмотрим, — Биноф пытается пролезть мимо нее, и Дамайя хватает ее за руку. Биноф подпрыгивает, пытается вырвать руку и сердито смотрит на нее, словно обижена. Дамайе плевать.

— Нет. Говори, что ты тут ищешь, иначе я захлопну эту дверь у тебя за спиной и начну землетрясение, чтобы стена упала и ты осталась в ловушке. А потом я пойду и сообщу Стражам. — Это блеф. Нет ничего тупее, чем использовать недозволенную орогению под носом у Стражей, а потом сообщать, что это сделал ты. Но Биноф-то этого не знает.

— Я же говорила, это только Лидеры могут знать! — Биноф пытается вырваться.

— Ты Лидер — поменяй правила. Разве вы не предназначены это делать?

Биноф долго молчит и, моргая, смотрит на нее.

Затем она вздыхает, трет глаза, и ее худенькая рука расслабляется.

— Ладно. Хорошо. — Она делает глубокий вдох. — В центре Эпицентра кое-что есть. Артефакт.

— Что за артефакт?

— Не уверена. Правда! — Биноф быстро поднимает руки, по ходу вырываясь из хватки Дамайи, но та уже не пытается ее удерживать. — Все, что я знаю, что это… что-то такое, что выпало из истории. Там дыра, провал.

— Что?

— В *истории*. — Биноф сердито смотрит на Дамайю, как будто это должно что-то значить. — Ты ведь знаешь то, чему тебя учат наставники? О том, как был основан Юменес?

Дамайя качает головой. Кроме стишка, который она едва помнит с яслей, в котором говорилось, что Юменес был первым городом Старой Империи Санзе, она ничего не может припомнить о его основании. Возможно, Лидеров лучше обучают.

Биноф закатывает глаза, но объясняет:

— Была одна Зима. Та, которая была прямо перед основанием Империи, называлась Зимой Блужданий, когда север внезапно сдвинулся, и злаки погибли, поскольку птицы и насекомые

не могли их найти. После этого в большинстве мест власть захватили военные вожди, что всегда случается после Пятого времени года. Тогда, чтобы как-то направлять людей, не осталось ничего, кроме Предания камня, слухов и суеверий. И из-за слухов никто не селился в здешних краях очень долго. — Она показывает себе под ноги. — Юменес был самым пригодным местом для города — хорошая погода, середина плиты, вода как нигде возле океана, все такое. Но люди боялись этого места много сотен лет, потому что там было *что-то еще*.

Дамайя никогда ничего подобного не слышала.

— Что?

У Биноф раздосадованный вид.

— Это я и пытаюсь выяснить! Этого как раз и недостает. История Империи начинается с Зимы Блужданий. Очень скоро случилась Зима Безумия, и вождь Верише — императрица Верише, Первая императрица — основала Санзе. Она основала империю здесь, на земле, которой все боялись, и построила город вокруг того, чего все боялись. Это помогло сохранить Юменес в те ранние годы. И позже, когда Империя укрепилась, где-то между Зимой Зубов и Удушливой Зимой на этом месте был заложен Эпицентр. Нарочно.

Поверх той штуки, которой они боялись.

— Но чего… — Дамайя осекается, осознав, наконец. — В истории не говорится, чего они боялись.

— Именно. И я думаю, оно здесь. — Биноф показывает на открытую дверь.

Дамайя хмурится.

— А почему это положено знать только Лидерам?

— Я не *знаю*. Потому-то я *здесь*. Так ты идешь со мной или нет?

Вместо ответа Дамайя проходит мимо Биноф в выложенный кирпичом коридор. Биноф ругается, затем трусит следом, и в результате они входят вместе.

Тоннель выходит в огромное темное пространство. Дамайя останавливается, как только чувствует вокруг себя воздушность и широту. Темно хоть глаз выколи, но она ощущает очертания территории впереди. Она ловит Биноф, которая решительно прет вперед, невзирая на тьму — дуреха, — и говорит:

— Жди. Земля впереди сдавлена вниз. — Она шепчет, потому что так говорят в темноте. Ее голос отдается эхом, которое возвращается не сразу. Пространство большое.

— Сдавлена… что?

— Сдавлена вниз. — Дамайя пытается объяснить, но глухачам всегда так трудно что-то растолковывать. Другой ороген просто *знал* бы. — Как будто… как будто там было что-то действительно тяжелое. — Что-то вроде горы. — Пласт деформирован и… и там понижение. Большая дыра. Ты упадешь.

— Гребаная ржавь, — ругается Биноф. Дамайя почти морщится, хотя она слыхала от своих однокашников-галек слова и покруче, когда инструкторов рядом нет. — Нужен свет.

Впереди на земле один за другим зажигаются огоньки. Каждый активируется со слабым щелчком, который тоже отдается эхом, маленькие белые круглые у них под ногами тянутся двойной линией по обе стороны, когда они идут, затем зажигаются куда более крупные прямоугольники ядовито-желтого цвета, отходящие в стороны от линий, обрамляющих дорожку. Желтые полосы продолжают загораться по очереди, расширяться и образуют огромный шестиугольник, который постепенно начинает подсвечивать пространство, в котором они стоят. Это атриум с шестью стенами, перекрытый вверху крышей Главного здания. Потолок настолько высок, что они едва видят светящееся колесо его подпорок. Стены ни-

чем не примечательны, это тот же самый простой камень, из которого сложены остальные стены Главного здания, но бóльшая часть пола в этом помещении покрыта асфальтом или чем-то очень на него похожим — ровным, подобным камню, но не камнем, чуть шероховатым, выносливым.

И в центре всего этого действительно находится понижение. Это еще слабо сказано: это огромная, коническая яма с плоскими сторонами и четкими, ровными гранями — их шесть, и они вырезаны так точно, как при огранке алмаза.

— Клятая Земля, — шепчет Дамайя, подходя по дорожке туда, где желтые огни описывают очертания ямы.

— Да, — в таком же священном ужасе говорит Биноф.

Эта яма глубиной в несколько этажей, крутая. Если бы она в нее свалилась, то, наверное, скатилась бы по ее склону и переломала себе все кости на дне. Но форма ямы мучает ее, поскольку она *граненая*. Она сходится в точку на самом дне. Никто не роет таких ям. Зачем? Из такой почти невозможно вылезти, даже будь под рукой длинная веревочная лестница.

Но той ямы никто *не копал*. Это она сэссит: что-то чудовищно тяжелое выдавило эту яму в

земле и простояло в ней достаточно долго, чтобы камень и почва под ним слежались этими гладкими, ровными гранями. Затем это что-то поднялось отсюда, легко, как масляный блинчик со сковородки, не оставив ничего, кроме следа.

Но подождите, стенки ямы не совсем гладкие. Дамайя садится на корточки, чтобы посмотреть поближе, а Биноф рядом с ней просто смотрит.

Вот оно: вдоль каждого гладкого склона видны тонкие, еле заметные острые предметы. Иглы? Они пробиваются сквозь трещинки в гладких стенах, зазубренные и случайные, как корни растений. Иглы железные, Дамайя чувствует запах ржавчины. Нет, если бы она сюда свалилась, ее изрезало бы в лохмотья, прежде чем она докатилась бы до дна.

— Такого я не ожидала, — выдыхает наконец Биноф. У нее хриплый голос не то от благоговения, не то от страха. — Много чего, но… не этого.

— Что это? — спрашивает Дамайя. — Для чего оно?

Биноф медленно качает головой.

— Это должно быть…

— Скрыто, — говорит голос у них за спиной. Обе они подпрыгивают и оборачиваются в панике. Дамайя стоит ближе к краю ямы, и когда

она спотыкается, в какой-то ужасный, головокружительный момент ей кажется, что она в нее падает. На самом деле она расслабляется и не пытается податься вперед, или восстановить равновесие, или сделать все то, что сделала бы, будь у нее шанс *не* упасть. Все ее тело налито тяжестью, и неизбежная пасть ямы раззявлена у нее за спиной.

Биноф хватает ее за руку и дергает вперед, и внезапно она понимает, что находится в добрых двух-трех футах от края. Она упала бы только в том случае, если бы *позволила* себе упасть. Это так странно, что она почти забывает, *почему* она чуть не упала, и тут по дорожке к ним подходит Страж.

Это высокая, ширококостная бронзовая женщина, красивая скульптурной красотой, с пепельными волосами, подстриженными колючей шапочкой. Ощущение такое, что она старше Шаффы, хотя трудно сказать почему. На коже ее нет морщин, возле медовых глаз нет птичьих лапок. Просто ее присутствие ощущается… тяжелее, что ли. И ее улыбка — та самая нервирующая смесь спокойствия и угрозы, как у всех Стражей, которых встречала в своей жизни Дамайя.

Мне следует бояться, только если она считает

меня опасной, думает Дамайя.

Однако вот в чем вопрос — считается ли опасным ороген, который ходит туда, куда не должен? Дамайя облизывает губы и старается не выглядеть испуганной.

Биноф же все равно, ее взгляд мечется между Дамайей и женщиной, ямой и дверью. Дамайе хочется ей сказать — не делай ничего, что бы ни задумала, а та, скорее всего, попытается прорваться. Мимо Стража не выйдет. Но Биноф не ороген, может, это и спасет ее, даже если она сделает какую-то глупость.

— Дамайя, — говорит женщина, хотя Дамайя никогда прежде ее не видела. — Шаффа будет расстроен.

— Она со мной! — выпаливает Биноф прежде, чем Дамайя успевает ответить. Дамайя с удивлением смотрит на нее, но Биноф уже говорит, и теперь, когда она испугана, похоже, ничто не остановит ее. — Это я привела ее сюда. Приказала ей. Она даже не знала о двери и этом… месте, пока я не сказала ей.

Это неправда, хочет сказать Дамайя, поскольку она догадывалась о существовании такого места, просто не знала, как его найти. Но Страж смотрит на Биноф с любопытством, и это хороший знак,

поскольку никому еще не сломали руку.

— А ты?.. — улыбается Страж. — Полагаю, ты не ороген, несмотря на твою форму.

Биноф чуть подскакивает, как будто забыла, что играет потерявшуюся девочку.

— О. Мм. — Она выпрямляется и вскидывает голову. — Мое имя Биноф Лидер Юменес. Простите за вторжение, Страж, у меня был вопрос, на который требовалось найти ответ.

Внезапно Дамайя осознает, что речь Биноф изменилась. Она говорит размеренно, ровным голосом, не столь надменно, сколько внушительно. Словно судьба мира зависит от того, найдет ли она ответ на свой вопрос. Словно она не просто балованная девчонка из влиятельной семьи, которая по какому-то капризу решилась на невероятно глупый поступок.

Страж останавливается, склоняет голову набок и моргает — ее улыбка моментально исчезает.

— Лидер Юменес? — Затем она сияет улыбкой. — Как мило! Такая маленькая, а уже с общинным именем. Добро пожаловать, Биноф Лидер. Если бы ты хотя бы предупредила нас о том, что придешь, мы *показали* бы тебе все, что ты желаешь видеть.

Биноф чуть морщится от упрека.

— Боюсь, я желала увидеть это сама. Возможно, это было неразумно, но, полагаю, мои родители сейчас уже знают, что я здесь, так что вы вполне можете поговорить об этом с ними.

Очень умно, с удивлением думает Дамайя, поскольку до этого момента она не считала Биноф такой умной. Намекнуть, что другие знают, куда она ушла.

— Непременно, — говорит Страж и потом улыбается Дамайе, отчего у нее живот подводит. — И еще я поговорю с твоим Стражем, и мы все поговорим вместе. — Она делает шаг в сторону и чуть кланяется, жестом показывая им идти первыми, и как бы вежливо это ни выглядело, обе они понимают, что это не просьба.

Страж выводит их из комнаты. Когда они входят в кирпичный туннель, свет у них за спиной гаснет. Когда дверь закрыта, и дверь в кабинет заперта, и они проследовали в крыло Стражей, женщина касается плеча Дамайи, останавливая ее, в то время как Биноф проходит еще пару шагов. Затем Биноф останавливается, растерянно смотрит на них, а Страж говорит Дамайе:

— Подожди здесь, пожалуйста. — А сама идет к Биноф.

Биноф смотрит на нее, вероятно пытаясь что-то

сказать взглядом. Дамайя отводит глаза, и смысл уходит в никуда, когда Страж ведет ее по коридору к закрытой двери. Биноф и так уже наделала достаточно беды.

Дамайя ждет, конечно же. Она не дура. Она стоит перед дверью в оживленной зоне — несмотря на поздний час, все время входят и выходят Стражи и смотрят на нее. Она не отвечает им взглядом, что, похоже, удовлетворяет их, и они не тревожат ее.

Через несколько минут Страж, поймавшая их возле ямы, возвращается и ведет ее в дверь, ласково положив ей руку на плечо.

— Почему бы нам теперь не поговорить немного? Я послала за Шаффой, он, что очень удачно, сейчас в городе, а не на объезде, как обычно. Но пока он не пришел…

За дверью большая, красиво устроенная, застеленная ковром комната, где находится множество маленьких столов. Некоторые заняты, некоторые нет, между ними ходят люди в красных и черных мундираах. Очень немногие вообще без формы, в гражданском. Дамайя пялится на всех них в изумлении, пока Страж не кладет ей руку на голову и ласково, но неотвратимо не заставляет ее отвернуться.

Дамайю приводят в маленький отдельный кабинет в дальнем углу комнаты. Стол совершенно пуст, и у комнаты заброшенный вид. По обе стороны от стола стоят кресла, и Дамайя садится в то, что предназначено для гостей.

— Простите, — говорит она, когда Страж садится за стол. — Я… я не подумала.

Страж качает головой, как будто это не имеет значения.

— Ты прикасалась к ним?

— К чему?

— В гнезде. — Страж по-прежнему улыбается, они всегда улыбаются. Но это ничего не значит. — Ты видела экструзии в стенах гнезда. Разве тебе не было интересно? Они были на расстоянии вытянутой руки от того места, где ты стояла.

Гнездо? А, железные иглы, торчащие из стенок.

— Нет, я их не трогала.

Гнездо для чего?

Страж подается вперед, и внезапно ее улыбка исчезает. Она не гаснет, и ее не сменяет хмурое выражение. Просто все на ее лице застывает.

— Оно звало тебя? Ты отвечала?

Что-то не так. Дамайя чувствует это внезапно, инстинктивно, и от этого слова высыхают у нее в горле. Страж даже говорит иначе — ее голос глуб-

же, мягче, почти тихий, словно она говорит что-то такое, чего остальные не должны слышать.

— Что оно тебе сказало? — Страж протягивает руку, и хотя Дамайя тут же покорно подает свою, она не хочет этого делать. Но все же делает, поскольку Стражам надо подчиняться. Женщина берет руку Дамайи и поворачивает ее ладонью вверх, поглаживая большим пальцем длинную складку. Линию жизни. — Мне можешь сказать.

Дамайя в полной растерянности мотает головой.

– *Что* должно было со мной говорить и что именно сказать?

— Оно сердится, — женщина еще сильнее понижает голос, он становится монотонным, и Дамайя понимает, что она больше не старается, чтобы ее не слышали. Страж говорит иначе, потому, что это *не ее голос*. — Сердится и… боится. Я слышу накопление, рост, гнев и страх, все вместе. Подготовку к возвращению.

Это выглядит… как будто в Страже сидит кто-то еще, и говорит этот самый кто-то, используя лицо Стража, и голос, и все остальное. Но говоря это, женщина начинает стискивать руку Дамайи. Ее большой палец, лежащий на косточках, которые Шаффа сломал полтора года назад, начинает

давить, и Дамайя чувствует слабость, какой-то частью мозга думая: *я не хочу, чтобы мне снова сделали больно*.

— Я расскажу все, что вы хотите, — говорит она, но Страж продолжает давить, будто и не слышала.

— Прошлый раз оно сделало то, что должно было. — Давление и сжатие. У нее, в отличие от Шаффы, длинные ногти, и ноготь большого пальца начинает впиваться в плоть Дамайи. — Оно просочилось сквозь стены и запятнало чистоту их создания, воспользовалось ими прежде, чем они смогли воспользоваться им. Когда были созданы сокровенные связи, оно *изменило* тех, кто мог бы контролировать его. Сковал их судьбу со своей судьбой.

— Пожалуйста, не надо, — шепчет Дамайя. Ее ладонь начинает кровоточить. Почти в то же мгновение раздается стук в дверь. Женщина ничего не слышит.

— Я сделала их его частью.

— Я *не понимаю*! — говорит Дамайя. Ей больно. *Больно*. Ее трясет в ожидании треска кости.

— Я надеялась на единодушие. Компромисс. Вместо этого битва… разгоралась.

— Я не понимаю! Вы несете чушь! — Это непра-

вильно. Дамайя повысила голос на Стража, и хотя она *понимает* почему, это неправильно. Шаффа обещал, что сделает ей больно только по веской причине. Все Стражи основываются на этом принципе — Дамайя видела подтверждение тому в том, как они общаются с ее однокашниками-гальками и окольцованными орогенами. В Эпицентре есть свой порядок жизни, а эта женщина его *нарушает*! — Отпустите меня! Я сделаю все, что вы хотите, только отпустите!

Открывается дверь, и внутрь проскальзывает Шаффа. У Дамайи перехватывает дух, но он не смотрит на нее. Он без улыбки становится у нее за спиной.

— Тимай. Держи себя в руках.

Тимай не в себе, думает Дамайя.

— Сейчас оно говорит, только предостерегая, — монотонно продолжает она. — В следующий раз компромисса не будет…

Шаффа слегка вздыхает и вонзает пальцы в затылок Тимай.

Со стороны Дамайи поначалу не очень понятно, что он сделал. Она просто видит какое-то резкое, жестокое движение, и голова Тимай рывком выдается вперед. Она издает звук настолько хриплый и гортанный, что он почти вульгарен,

ее глаза выкатываются. Лицо Шаффы бесстрастно, его рука сгибается, и тогда на шее Тимай возникают первые струйки крови, уходят в ее мундир, капают на ее колени. Рука, которой она сжимает ладонь Дамайи, тут же расслабляется, и лицо обмякает.

И тогда Дамайя начинает кричать. Она все кричит, когда Шаффа снова поворачивает руку, его ноздри трепещут от усилия, и невозможно не услышать треск костей и звук рвущихся связок. Затем Шаффа поднимает руку, держа что-то маленькое и непонятное — слишком покрытое кровью — двумя пальцами. Тимай падает вперед, и тогда Дамайя видит, во что превратилось основание ее черепа.

— Тихо, малышка, — мягко говорит Шаффа, и Дамайя затыкается.

Заходит другой Страж, смотрит на Тимай, на Шаффу и вздыхает.

— Неудачно получилось.

— Очень неудачно. — Шаффа протягивает ему покрытый кровью предмет, тот складывает руки горстью, осторожно принимая его. — Убрать бы, — он кивает на труп Тимай.

— Да. — Второй Страж выходит, унося предмет, который Шаффа вынул из затылка Тимай,

затем заходят два других Стража, вздыхают, как и первый, и поднимают тело из кресла. Они выволакивают ее, один задерживается протереть платком стол, залитый кровью Тимай. Все делается очень деловито. Шаффа садится в кресло Тимай, и Дамайя переводит взгляд на него лишь потому, что должна. Несколько мгновений они молча смотрят друг на друга.

— Дай-ка посмотреть, — ласково говорит Шаффа, и она протягивает ему руку. Удивительно, но она не дрожит. Он берет ее левой рукой — той, что еще не запачкана кровью, поскольку не она разрывала ствол головного мозга Тимай. Он переворачивает ее руку, тщательно ее рассматривает, качает головой, глядя на кровавый полумесяц там, где ноготь Тимай прорвал кожу. С края ладони Дамайи стекает единственная капелька крови, падая прямо туда, где до того была кровь Тимай. — Хорошо. Я боялся, что она сильнее покалечила тебя.

— Чшшт… — начинает было Дамайя. На большее она не способна.

Шаффа улыбается, хотя улыбка его с привкусом печали.

– *Что*. — Это усилие десятиколечника.

Шаффа пару мгновений думает, затем говорит:

— Ты ведь понимаешь, что мы, Стражи… иные. — Он улыбается, словно чтобы напомнить ей, насколько иные. Все Стражи много улыбаются.

Она молча кивает.

— Существует некая… процедура. — Он отпускает ее руку и касается своего затылка где-то под длинными черными волосами. — Чтобы мы стали такими, какие мы есть, надо кое-что сделать. Имплантирование. Иногда имплант сбоит, и его приходится удалять, как ты видела. — Он пожимает плечами. Его правая рука все еще в крови. — Связь Стража с его орогеном может помочь предотвратить худшее, но Тимай позволила своим связям разрушиться. Глупо.

Холодный амбар в Северном Срединье, момент явной приязни, два теплых пальца у основания черепа Дамайи. *Долг прежде всего*, сказал он тогда. *Чтобы мне было спокойнее*.

Дамайя облизывает губы.

— О… она. Говорила. Всякое. Без. Смысла.

— Я кое-что слышал.

— Она была. Не. Она. — Теперь Дамайя несет чушь. — Она больше не была собой. То есть она была чем-то другим. Говорила так… будто ею был кто-то другой. — В ее голове. В ее рту, которым

оно говорило. — Она все твердила про гнездо. И про какое-то «оно», которое злилось.

Шаффа наклоняет голову.

— Земля-Отец, конечно же. Обычная мания.

Дамайя моргает. Что? *Оно сердится*. Что?

— И ты права — Тимай больше не была собой. Мне жаль, что она причинила тебе боль. Прости, что тебе пришлось такое увидеть. Мне так жаль, малышка. — И в голосе его такое сожаление, такое сочувствие в его лице, что Дамайя делает то, чего не делала с той темной ночи в амбаре в Северном Срединье: она плачет.

Через мгновение Шаффа встает, обходит стол и берет ее из кресла на руки, усаживает себе на колени, где она сворачивается клубочком и плачет у него на плече. В Эпицентре есть свой порядок жизни, и он таков: если не разочаровывать Стражей, именно они дают самое близкое к безопасности ощущение, которое ронга вообще видит в жизни. И потому Дамайя плачет долго — и не только из-за того, что видела этой ночью. Она плачет потому, что невыразимо одинока, а Шаффа… да. Шаффа любит ее своей нежной и ужасной любовью. Она не обращает внимания на кровавые отпечатки, которые оставляет на ее бедре его правая рука, или на давление его паль-

цев — достаточно сильных, чтобы убивать, — на основание ее черепа. Такие вещи на общем фоне теряются.

Когда приступ рыданий утихает, Шаффа гладит ее по спине чистой рукой.

— Как ты, Дамайя?

Она не отрывает лица от его плеча. Он пахнет потом, кожей и железом, что у нее навсегда будет ассоциироваться с защищенностью и страхом.

— Все хорошо.

— Прекрасно. Мне нужно, чтобы ты для меня кое-что сделала.

— Что?

Он ласково, ободряюще обнимает ее.

— Я отведу тебя по коридору в один из кабинетов, и там ты будешь держать испытание на первое кольцо. Мне нужно, чтобы ты прошла его — ради меня.

Дамайя моргает, хмурится и поднимает голову. Он нежно улыбается ей. По этой улыбке она в момент интуитивного прозрения понимает, что это испытание не только ее орогении. В конце концов, роггам рассказывают про испытание заранее, чтобы они могли практиковаться и готовиться. Но с ней это происходит прямо сейчас, без предупреждения, так что это ее единственный

шанс. Она продемонстрировала свое непослушание. Ненадежность. Из-за этого Дамайе придется доказать, что она полезна. Иначе…

— Мне нужно, чтобы ты жила, Дамайя. — Шаффа прикасается лбом к ее лбу. — Моя сострадательная. Моя жизнь и так полна смертей — пожалуйста, пройди это испытание ради меня.

Ей так многое хочется узнать. Что имела в виду Тимай, что стало с Биноф, что такое *гнездо* и почему оно скрыто, что в прошлом году случилось с Осколком. Почему Шаффа дает ей такой шанс. Но в Эпицентре есть свой порядок жизни, и ее место в этом порядке таково, что она не имеет права оспаривать желания Стража.

Но…

Но…

Но. Она поворачивает голову и смотрит на единственную каплю своей крови на столе.

Это неправильно.

— Дамайя?

То, что с ней делают, *неправильно*. Все, что творится со всеми в стенах этого места. То, что он заставляет ее делать ради выживания.

— Ты сделаешь это? Ради меня?

Она все еще любит его. Это тоже неправильно.

— Если я пройду. — Дамайя закрывает глаза.

Она не может смотреть на него и говорить это. Не может позволить ему прочесть в своих глазах — *это неправильно*. — Я… я выбрала себе рогговское имя.

Он не укоряет ее за язык.

— Неужели, уже? — Он кажется довольным. — И какое же?

— Сиенит.

Шаффа выпрямляется в кресле, задумывается.

— Мне нравится.

— Правда?

— Конечно. Ведь это же ты его выбрала, не так ли? — Он смеется, но по-хорошему. Вместе с ней. Не над ней. — Он формирует край тектонической плиты. Он не разрушается от жара и давления, но становится прочнее.

Он *понимает*.

Она закусывает губу и чувствует, как на глаза снова наворачиваются слезы. Это неправильно, что она его любит, но многое в этом мире неправильно. Поэтому она загоняет слезы назад и принимает решение. Слезы — слабость. Дамайя допускала слезы. Сиенит будет сильнее.

— Я пройду, — тихо говорит Сиенит. — Я пройду это испытание ради тебя, Шаффа. Обещаю.

— Хорошая моя, — говорит Шаффа, улыбается и

крепко обнимает ее.

* * *

[неясно] те, кто слишком близко принимает в себя землю. Они не хозяева себе, не позволяй им руководить другими.

Табличка вторая: «Неполная правда», стих девятый.

18

Ты обнаруживаешь внизу чудеса

Юкка ведет тебя в дом, откуда она вместе со своими товарками появилась. Внутри почти нет мебели, стены голые. Стены и пол обшарпаны, в воздухе висит застоявшийся запах еды и грязного тела — кто-то тут до недавнего времени *жил*. Может, до начала Зимы. Сейчас этот дом — просто пустая оболочка. Ты с прочими пролезаешь в дверь погреба. Внизу лестницы обнаруживается большой пустой подвал, освещенный только смоляными факелами.

И тут ты впервые начинаешь осознавать, что это больше чем просто странное сообщество людей и нелюдей — стены подвала сделаны из крепкого гранита. Никто не добывает гранит, чтобы просто выложить погреб, и ты не уверена, что кто-то его *рыл*. Все останавливаются, когда ты подходишь к одной из стен и прикасаешься к ней. Ты закрываешь глаза и *тянешься*. Да, есть какое-то знакомое ощущение. Какой-то ронга сделал эти абсолютно гладкие стены при помощи воли и концентрации, которых ты и представить

себе не можешь (хотя это не самая лучшая концентрация, которую ты сэссила). Ты никогда не слышала, чтобы кто-нибудь делал подобное при помощи орогении. Она не для строительства.

Ты оборачиваешься и видишь, что Юкка смотрит на тебя.

— Твоя работа?

Она улыбается.

— Нет. Этот и другие потайные входы существовали сотни лет, задолго до меня.

— Люди этой общины так долго сотрудничали с орогенами? — Она же сказала, что общине всего полсотни лет.

Юкка смеется.

— Нет, я просто хотела сказать, что этот мир переходил из рук в руки в течение Зим. И не все хозева мира были так тупы, как нынешние, в смысле использования орогенов.

— Мы не так тупы, — говоришь ты. — Все прекрасно понимают, как нас *использовать*.

— О-о-о, — строит скорбное лицо Юкка. — Тебя в Эпицентре обучали? Все оттуда, кто выжил, говорят, как ты.

Интересно, сколько эпицентровских орогенов эта женщина встречала.

— Да.

— Что же. Ты увидишь, насколько больше мы можем, если захотим. — Юкка показывает на широкий проем в стене в нескольких футах от нее, которого ты не заметила, восхищаясь конструкцией подвала. Из него тянет легким ветерком. У проема без дела сидят трое, глядя на тебя с разной степенью неприязни, настороженности, интереса. У них нет никакого оружия — оно прислонено к стене по соседству, — и они не выставляют этого напоказ, но ты понимаешь, что именно такие привратники нужны этой общине, поскольку врат у нее нет. Здесь, в этом подвале.

Белокурая женщина тихонько разговаривает с одним из стражников, что еще более подчеркивает ее хрупкость — она на фут ниже и на сотню фунтов легче самого маленького из них. Ее предкам следовало бы сделать для нее доброе дело и переспать с парой санзе. Как бы то ни было, вы идете дальше, а стражи остаются сзади: двое садятся на стулья у входа, третий возвращается вверх по лестнице, видимо, на наблюдательный пункт внутри надстройки заброшенного дома.

Тут у тебя происходит смена понятий — заброшенное поселение наверху и есть стена общины. Скорее маскировка, чем преграда.

Но маскировка чего? Ты следуешь за Юккой в

проем, в темноту.

— Сердце этого места всегда было здесь, — объясняет она, пока вы идете по длинному темному тоннелю, который может быть заброшенной шахтой. Здесь есть даже гужевые дорожки, но настолько старые и ушедшие в песчаник, что ты почти не различаешь их. Просто неудобные выбоины у тебя под ногами. Деревянные подпорки тоннеля кажутся старыми, как и шахтные подсвечники, поддерживающие цепочку электрических фонарей, — вид у них такой, будто изначально они делались под смоляные факелы, а потом были переделаны каким-то джинером. Свет горит, что означает, что община имеет функциональную гидро- или геоэлектростанцию или обе. Уже лучше, чем в Тиримо. В шахте тепло, но ты не видишь обычных тепловых труб. Здесь просто тепло, и становится все теплее по мере того, как вы идете дальше по постепенно понижающемуся полу.

— Я говорила тебе, что тут есть шахты. Вот как их в свое время нашли. Кто-то пробил стену, которой не должно было быть, и нашел целый лабиринт тоннелей, о которых никто не знал. — Юкка надолго замолкает, шахта расширяется, и ты видишь опасные с виду металлические

ступени. Их много. Они тоже кажутся старыми, но, странное дело, металл не погнут и не покрыт ржавчиной. Он гладкий, блестящий и нигде не нарушен. И ступени совершенно не дрожат.

Через некоторое время ты запоздало замечаешь, что рыжая камнеедка исчезла. Она не идет за вами в эту шахту. Похоже, Юкка этого не заметила, и ты трогаешь ее за руку.

— А где твоя подружка? — Хотя ты, наверное, знаешь.

— Моя… а, эта. Им трудно ходить как мы, так что они ходят как умеют. Даже так, как я и предположить не могу. — Она бросает взгляд на Хоа, который идет с вами. Он отвечает ей холодным взглядом, и она коротко смеется. — Интересное дело.

У основания лестницы открывается другой тоннель, хотя почему-то он выглядит иначе. Он скорее круглый наверху, чем угловатый, и поддерживают его толстые колонны из какого-то серебристого камня, которые почти сходятся аркой наверху, как ребра. Ты порами, почти на вкус ощущаешь древность этого коридора.

Юкка завершает:

— Действительно, материковая порода в этом районе изрыта тоннелями и интрузиями, шахта

поверх шахты. Одна цивилизация за другой строилась поверх того, что было прежде.

— Артуссид, — говорит Тонки. — Джьямария. Нижние Государства Оттея.

Ты слышала о Джьямарии из истории, которой обучала детей в яслях. Это было название огромного государства, которое разработало дорожную систему, позднее усовершенствованную Санзе, и которая сейчас раскинулась по большей части Южного Срединья. Цивилизация эта погибла десять Зим назад. Остальные названия, наверное, тоже относятся к мертвым цивилизациям — такое интересует одних геоместов.

— Опасно, — говоришь ты, стараясь как можно меньше показывать свое беспокойство. — Если тут камень настолько нарушен…

— Да-да. Как и при прокладывании любой шахты, как от некомпетентности, так и от толчков.

Тонки по дороге все время крутит головой, чтобы ничего не упустить, и чудо, что она еще ни на кого не налетела.

— Этот толчок на севере был достаточно мощным, даже сюда должно было докатиться, — говорит она.

— Ты права. Этот толчок — мы называем его Юменесский разлом, поскольку никто пока

лучше не придумал, — был самым сильным, какой только мир видел за века. Не думаю, что я преувеличиваю. — Юкка пожимает плечами и оглядывается на тебя. — Но тоннели, конечно, не обрушились, потому что я была здесь. Я *не позволила*.

Ты медленно киваешь. Примерно то же ты сделала для Тиримо, разве что Юкка постаралась защитить не только поверхность. Это место в любом случае должно быть относительно стабильным, иначе тоннели рухнули бы много веков назад.

Но ты говоришь:

— Ты не всегда будешь тут.

— Не я, так кто-нибудь другой. — Она пожимает плечами. — Как я уже говорила, нас таких тут много.

— Кстати, об этом, — говорит Тонки, поворачиваясь на одной ноге и переключая все внимание на Юкку. Юкка смеется.

— Ты малость упертая, да?

— Не совсем так. — Ты подозреваешь, что Тонки одновременно замечает подпоры и состав стен, считает шаги и все такое — и все во время разговора. — Как ты это делаешь? Как заманиваешь сюда орогенов?

— Заманиваю? — Юкка мотает головой. — Все не так страшно. Трудно объяснить. Просто я кое-что делаю… Вроде… — Она замолкает.

И ты тут же спотыкаешься на ходу. На полу нет никаких препятствий. Просто внезапно становится трудно идти по прямой, словно пол незаметно наклонился в сторону Юкки.

Ты останавливаешься и гневно смотришь на нее. Она тоже останавливается и с улыбкой оборачивается к тебе.

— Как ты это делаешь? — спрашиваешь ты.

— Не знаю. — Она разводит руками под твоим недоверчивым взглядом. — Я попыталась несколько лет назад. И вскоре после этого ко мне пришел один человек и сказал, что почувствовал меня за несколько миль. Затем пришли двое детей, они даже не понимали, что их тянет. Затем еще мужчина. И с тех пор я продолжаю это делать.

— Делать что? — спрашивает Тонки, переводя взгляд с тебя на Юкку.

— Это чувствуют только рогги, — объясняет Юкка, хотя к этому моменту ты уже сама это поняла. Затем она смотрит на Хоа, который уставился на вас обеих, стоя совершенно неподвижно. — И *они*, как я позже поняла.

— Кстати, об этом, — выдыхает Тонки.

— Магма и ржавь, ты задаешь слишком много вопросов. — Это говорит белокурая женщина, которая качает головой и жестом велит всем идти дальше.

Впереди порой слышатся тихие шумы, воздух заметно движется. Но как такое может быть? Вы на милю, а то и на две в глубине земли. Ветерок теплый и с оттенком ароматов, которые ты почти забыла за недели вдыхания серы и пепла через маску. Немного пахнет кухней тут, немного гниющего мусора там, горящие дрова. Люди. Ты чуешь людей. Их много. И свет. Куда более сильный, чем от гирлянды электролампочек вдоль стены — прямо над головой.

– *Подземная община*? — высказывает твою мысль Тонки, хотя более скептически. (Ты знаешь о невозможном больше, чем она.) — Нет, не бывает таких дураков.

Юкка лишь смеется.

Затем, когда свет начинает освещать шахту вокруг тебя, воздух движется быстрее, а шумы усиливаются, тоннель выходит в широкое пространство с большим пандусом и перилами для безопасности. Прямо перед вами смотровая площадка — какой-то неведомый джинер или

Инноватор точно знал, что почувствуют пришельцы. И ты делаешь именно то, чего хотел древний строитель — стоишь открыв рот, в жалком изумлении.

Это *жеода*. Ты сэссишь это, камень вокруг тебя резко превращается в нечто иное. Камень в потоке, завихрение в тумане — много эонов назад в потоке расплавленных минералов в теле Отца-Земли сформировался пузырь. В этом кармане, лелеемом невообразимым давлением и омываемом водой и огнем, росли кристаллы. Этот карман размером с город.

Вероятно, именно поэтому *в нем и построили город*.

Ты стоишь в широкой, перекрытой сводом пещере, полной сверкающих кристаллов размером с дерево. Большое. Они торчат из стен хаотично — различной длины, разного обхвата, одни белые и прозрачные, другие дымчатые или тронутые пурпуром. Некоторые совсем как пеньки — их острые верхушки торчат лишь на несколько футов из взрастивших их стен, но некоторые тянутся через всю пещеру неизвестно как далеко. Они формируют улицы и дороги слишком крутые, чтобы по ним ходить, в бессмысленных направлениях. Как будто кто-то нашел архитектора, заставил его

построить город из самых красивых материалов, которые есть на свете, затем побросал все эти здания в коробку и встряхнул смеха ради.

И в них определенно живут. Присматриваясь, ты замечаешь повсюду веревочные мосты и деревянные платформы. Видны провода с гирляндами электрических лампочек, веревки и блоки, тянущие маленькие лифты от одной платформы к другой. Вдалеке мужчина идет по деревянной дороге, построенной вокруг титанической наклонной белой колонны, двое детей играют на земле далеко внизу, между короткими кристаллами размером с дом.

На самом деле некоторые кристаллы действительно являются домами. В них вырезаны отверстия — окна и двери. Ты видишь, как внутри некоторых передвигаются люди. Дымок выходит из дымовых отверстий в острых верхушках.

— Клятая, жручая Земля, — шепчешь ты.

Юкка стоит, уперев руки в боки, наблюдая за твоей реакцией с чем-то вроде гордости.

— Не мы строили бóльшую часть всего этого, — признает она. — Недавние пристройки, новые мосты — это да, но высверливание кристаллов уже было сделано. Мы не знаем, как это можно было сделать, не раскалывая кристаллов. Эста-

када из металла того же происхождения, что и лестница, по которой мы шли в тоннелях. Джинеры понятия не имеют, как они были сделаны, у металлористов и алхимиков оргазм случается при виде всего этого. Там, наверху есть механизмы. — Она показывает на едва видимый потолок пещеры в сотнях футов у вас над головой. Ты едва слушаешь ее. Твой разум оцепенел, твои глаза начинает саднить от того, что ты смотришь не моргая на насос, который закачивает плохой воздух в пористый слой, фильтрует и снова выделяет его через поверхность. Остальные насосы закачивают хороший воздух. Прямо снаружи жеоды есть механизм, который направляет воду из горячих подземных источников неподалеку на турбину, которая дает нам электричество — чтобы понять это, уйма времени понадобилась, — а также подводит ее для ежедневного использования. — Она вздыхает. — Но, чтобы быть честной до конца, скажу, что мы не понимаем и половины того, что обнаружили во время работ. Все это было построено очень давно. Задолго до появления Древней Санзе.

— Жеоды нестабильны, как только их оболочка трескается. — Даже Тонки кажется обалдевшей. Краем глаза ты замечаешь, что она стоит как

вкопанная впервые с момента вашей встречи. — Безумие даже подумать о строительстве внутри нее. И почему кристаллы *светятся*?

Она права. Светятся.

Юкка пожимает плечами, складывает руки на груди.

— Понятия не имею. Но те, кто это строил, хотели, чтобы они уцелели даже после землетрясения, так что они сделали с жеодой что-то такое, чтобы это обеспечить. И она уцелела… а они нет. Когда люди Кастримы нашли это, тут было полно скелетов — некоторые такие древние, что рассыпались в прах от прикосновения.

— Значит, предшественники вашей общины решили переселить всех в огромный артефакт мертвой цивилизации, который убил последних, кто рискнул тут жить, — тянешь ты. Неубедительный сарказм. Ты слишком потрясена, чтобы держать верный тон. — Конечно. Почему бы не повторить *колоссальную* ошибку?

— Поверь мне, этот спор бесконечен. — Юкка вздыхает и опирается на поручни, что заставляет тебя вздрогнуть. Если она соскользнет, вниз падать далеко, а некоторые кристаллы на полу кажутся острыми. — Никто долгое время не хотел тут жить. Кастрима использовала это место и

ведущие к нему тоннели как склады, хотя не для таких важных вещей, как съестные припасы или лекарства. Но за все это время в этих стенах ни одной трещинки не появилось, даже во время землетрясений. Еще больше нас убедила история — община, контролировавшая это место во время последней Зимы — настоящая, реальная община, со стенами и всем прочим, — была уничтожена бандой неприкаянных. Все поселение было сожжено дотла, все запасы похищены. У выживших оставался выбор — переселиться сюда или попытаться выжить там, где нет стен, тепла и всевозможные стервятники готовы наброситься на оставшуюся легкую добычу. Так что они стали нашим прецедентом.

Необходимость — единственный закон, гласит Предание камня.

— Не скажу, что все прошло хорошо. — Юкка выпрямляется и приглашает вас снова следовать за ней. Вы вступаете на широкий плоский пандус, полого спускающийся ко дну пещеры. Лишь позже ты осознаешь, что это кристалл, и спускаешься вниз по его стороне. Кто-то вымостил его цементом для лучшего сцепления, но за краями серой полосы ты видишь мягкое белое свечение. — Большинство людей, переселивших-

ся сюда во время той Зимы, тоже вымерли. Они не смогли заставить работать механизм вентиляции, а оставаться здесь более чем на несколько дней означало смерть от удушья. И у них не было еды, так что, хотя они были в безопасности и тепле и у них была вода, большинство из них умерли с голоду, прежде чем снова появилось солнце.

Старая сказка, обновленная лишь новой обстановкой. Ты рассеянно киваешь, пытаясь не споткнуться, поскольку твое внимание занято наблюдением за пожилым человеком, который едет через пещеру, сидя в веревочной петле, туго охватывающей его зад. Юкка останавливается помахать ему. Он отвечает и скользит дальше.

— Пережившие этот кошмар основали торговый пост, который потом стал Кастримой. Они распространяли слухи об этом месте, но все равно никто не хотел тут жить… пока моя прапрабабушка не поняла, почему механизмы не работали. Пока *она* не заставила их работать, всего лишь пройдя сквозь тот вход, — Юкка показывает на путь, которым вы пришли. — У меня тоже получилось, когда я впервые спустилась сюда.

Ты останавливаешься. Несколько мгновений все продолжают идти без тебя. Хоа первым замечает, что ты не идешь. Он оборачивается и

смотрит на тебя. В его лице есть какая-то настороженность, чего не было прежде, как ты замечаешь сквозь ужас и восторг. Позже, когда у вас будет время переварить все это, вам надо будет поговорить. Теперь есть более важные темы.

— Эти механизмы, — у тебя пересохло во рту. — Они работают на *орогении*.

Юкка с полуулыбкой кивает.

— Джинеры так думают. Конечно, тот факт, что сейчас все работает, делает вывод очевидным.

— Это… — ты ищешь слова. Безуспешно. — *Но как*?

Юкка смеется. Качает головой.

— Не знаю. Работает, и все.

Это пугает тебя больше, чем все, что она показывала.

Юкка вздыхает и упирает руки в боки.

— Иссун, — говорит она, и ты вздрагиваешь. — Тебя ведь так зовут?

Ты облизываешь губы.

— Иссун Опо… — и тут ты замолкаешь. Поскольку ты хотела назваться именем, которым годами называла себя в Тиримо, но это имя — ложь. — Иссун, — говоришь ты и снова замолкаешь. Частичная ложь.

Юкка смотрит на твоих спутников.

— Тонки Инноватор Дибарс, — говорит Тонки. Она бросает на тебя почти ошеломленный взгляд, затем упирается взглядом в ноги.

— Хоа, — говорит Хоа. Юкка смотрит на него чуть дольше, будто ждет чего-то еще, но он молчит.

— Что же, — говорит Юкка и раскрывает руки, словно охватывая всю жеоду, смотрит на вас всех, непокорно вскинув голову. — Вот что мы пытаемся сделать в Кастриме: выжить. Как и все. Мы просто хотим ввести кое-какие *инновации*, — она наклоняет голову в сторону Тонки, которая нервно хихикает. — Мы все можем в процессе погибнуть, но, ржавь, это все равно может случиться, это же Пятое время года.

Ты облизываешь губы.

— Мы сможем уйти?

— Что за ржавь ты несешь — сможем уйти? Мы едва начали… — сердито начинает Тонки, затем внезапно понимает, о чем ты. Ее впалое лицо становится еще более впалым. — О.

Улыбка Юкки остра как алмаз.

— Что же. Вы не дураки, это хорошо. Идемте, нам надо кое с кем встретиться.

Она жестом зовет вас за собой и продолжает спускаться по склону, и она не отвечает на твой

вопрос.

* * *

На практике сэссапины, парный орган, расположенный в основании мозгового ствола, оказался чувствительным далеко не только к локальным сейсмическим толчкам и атмосферному давлению. Во время испытаний обнаружена реакция на хищников, на чужие эмоции, на дальние экстремальные значения холода и жары и на передвижения небесных тел. Механизм этих реакций определить невозможно.

Нандвид Инноватор Муркеттси, «Наблюдения за сэссунальными вариациями чрезвычайно развитых индивидуумов», учебная биоместрическая община Седьмого университета. С благодарностью Эпицентру за поставку анатомического материала.

19

Сиенит на посту

Они пробыли на Миове три дня, прежде чем что-то изменилось. Все эти три дня Сиенит чувствовала себя не в своей тарелке. Первой проблемой было то, что она не умела разговаривать на их языке — Алебастр сказал, что он называется этурпик. Многие общины Побережья еще считают его родным, хотя для торговли многие учат санземэт. По теории Алебастра, народ этих островов происходил по большей части от прибрежников, что было очевидно по их доминирующему цвету кожи и курчавым волосам, но поскольку они скорее грабили, чем торговали, им незачем было сохранять санземэт. Он пытается обучать ее этурпику, но она не в настроении учить новое. Это из-за второй проблемы, на которую указал ей Алебастр после того, как они достаточно оправились после своих бед — они не смогут уйти отсюда. Или, скорее, им некуда идти.

— Если Стражи однажды попытались нас убить, они сделают это снова, — говорит он. Они

идут по одной из засушливых высоток острова. Только здесь они могут по-настоящему оказаться наедине, поскольку все остальное время за ними таскаются стайки ребятишек, пытаясь подражать санземэту. Тут много занятий — дети проводят в яслях большинство вечеров после того, как все кончают рыбачить, или ловить крабов, или завершают всякие прочие дневные дела, но понятно, что развлечений тут немного. — Не зная, что вызвало гнев Стражей, — продолжает Алебастр, — было бы безумием вернуться в Эпицентр. Мы даже в ворота не успеем войти, как кто-то метнет очередной нож.

Теперь, когда Сиенит обдумывает ситуацию, это кажется очевидным. Но и еще кое-что очевидно, когда она смотрит на горизонт и видит клуб дыма на месте Аллии.

— Они думают, что мы мертвы.

Она отрывает взгляд от этого клуба, пытаясь не думать, что должно было случиться с этим красивым приморским городком, который она помнит. Вся система оповещения, вся его подготовка была нацелена на то, чтобы пережить цунами, а не невозможное извержение вулкана, которое со всей очевидностью случилось вместо него. Бедная Эрсмит. Даже Азаэль не заслуживала

той смерти, которая, вероятно, постигла ее.

Она не может об этом думать. Она сосредотачивается на Алебастре.

— Ты хочешь сказать, что наша гибель в Аллии дает нам возможность оставаться живыми и свободными здесь?

— Вот именно! — Теперь Алебастр ухмыляется, чуть ли не приплясывает. Она прежде никогда не видела его в таком возбуждении. Словно не знает, какой ценой уплачено за их свободу… или ему просто все равно. — Здесь вряд ли есть какой-то контакт с континентом, а если и есть, то не дружеский. Наши Стражи могут нас почувствовать вблизи, но никто из них никогда сюда не сунется. Этих островов даже на карте нет. — Тут он становится серьезным. — Но на континенте нам никоим образом от Эпицентра не скрыться. Все Стражи к востоку от Юменеса будут просто обнюхивать развалины Аллии, чтобы понять, сумели ли мы уцелеть. Возможно, они уже распространяют листовки с нашими портретами среди Имперского дорожного патруля и ополчения квартента в этом регионе. Полагаю, в них я возрожденный Мисалем, а ты моя приспешница. Или, в конце концов, тебя все же зауважали и припишут главенство *тебе*.

Ну и ладно.

Но он прав. Когда община уничтожена таким ужасным образом, Эпицентру понадобятся козлы отпущения. Почему бы не свалить все на двух рогг, что находились там, да еще вполне способных вдвоем сдержать любое сейсмическое явление? Разрушение Аллии — предательство всего, что Эпицентр обещал Спокойствию: укрощенных и покорных орогенов, безопасность от самых мощных толчков и извержений. Свобода от страха, как минимум до наступления Пятого времени года. Конечно же, Эпицентр будет чернить их как только возможно, поскольку иначе люди проломят его обсидиановые стены и вырежут всех внутри вплоть до самых мелких галек.

Не помогает и то, что Сиенит может сэссить теперь, когда ее сэссапины отошли от оцепенения, насколько все плохо в Аллии. Это на грани ее чувствительности, что само по себе удивительно, поскольку теперь она может дотягиваться куда дальше, чем прежде. И все равно очевидно — в плоскости плиты Максимали у восточного ее края прожжен колодец, идущий прямо вниз, вниз и *вниз*, до самой мантии планеты. Дальше Сиен проследить не может, да ей и не надо, поскольку она и так может сказать, что проделало этот

колодец. Он шестигранный и в сечении как раз такой, как гранатовый обелиск.

А Алебастр в *восторге*. Она за одно это готова его возненавидеть.

Его улыбка гаснет, когда он видит ее лицо.

— Клятая Земля, ты вообще радоваться умеешь?

— Они нас найдут. Наши Стражи способны нас выследить.

Он качает головой.

— Моя — нет. — Ты вспоминаешь, что по этому поводу сказал тот незнакомый Страж в Аллии. — Что до твоего, когда твоя орогения отключилась, он потерял тебя. Это отсекает все, не только твои способности. Ему нужно прикоснуться к тебе, чтобы связь восстановилась.

Ты и понятия о таком не имела.

— Он все равно будет меня искать.

Алебастр замолкает.

— Тебе так нравилось в Эпицентре?

Вопрос застает ее врасплох и еще больше злит.

— Там я по крайней мере могла быть собой. Не приходилось скрывать, кто я такая.

Он медленно кивает. Что-то в его лице дает ей понять, что он прекрасно понимает ее чувства.

— И чего тебе не хватает здесь?

– *Тебя трахнуть*. — Внезапно ее охватывает такая злоба от того, что она понимает, на что злится.

— Уже. — От его ухмылки она вспыхивает жарче, чем Аллия. — Забыла? Мы столько раз трахались, хотя и терпеть не можем друг друга, по чужому приказу. Или ты заставила себя поверить, что хочешь этого? Неужели тебе так нужен член — даже такой средненький, как мой?

У нее нет слов. Она уже не думает и не говорит. Она в земле, и земля дрожит от ее гнева, усиливая его. Торус, возникающий вокруг нее, высокий и четкий, он оставляет дюймовое в ширину кольцо такого лютого холода, что воздух шипит и мгновенно вымерзает добела. Она заморозит его до самой Арктики.

Но Алебастр только вздыхает и чуть напрягается, и его торус поглощает ее силу легко, как палец тушит свечу. Это ничто по сравнению с тем, на что он способен, но глубина того, с какой легкостью и быстротой он гасит ее ярость, заставляет ее пошатнуться. Он шагает к ней, словно чтобы поддержать ее, и она с тихим рычанием отшатывается от него. Он сразу же отступает, поднимая руки, словно прося перемирия.

— Извини, — говорит он. Звучит это искренне,

и она не срывается с места в бешенстве сразу же. — Я просто пытался указать тебе.

Он и указал. Не то чтобы она этого прежде не понимала — она рабыня, все рогги рабы, а ощущение защищенности и самоценности, которое дает Эпицентр, связано условием чужой власти над жизнью и даже над собственным телом. Одно дело — знать это самому, признаваться в этом самому себе, но это такая правда, которую никто из них не использует против другого — даже чтобы указать, — поскольку это слишком жестоко и не нужно. Вот почему она ненавидит Алебастра — не потому, что он сильнее, не потому, что он чокнутый, но потому, что он не оставляет ей фикции вежливости и невысказанной правды, которые столько лет позволяли ей чувствовать себя уютно и безопасно.

Они еще мгновение сверлят друг друга взглядами, затем Алебастр качает головой и поворачивается, чтобы уйти. Сиенит идет следом, поскольку тут действительно некуда идти. Они спускаются к пещерам. Когда они идут вниз по лестнице, Сиенит невольно думает о третьей причине, по которой ей так неуютно на Миове.

В гавань входит огромное, изящное парусное судно — может, фрегат, может, галеон, она не

знает других названий, кроме *корабля*, — по сравнению с которым все остальные суда просто ничтожны. Обшивка его настолько темная, что кажется черной, с заплатками более светлого дерева тут и там. Паруса его из парусины песочного цвета, тоже латаные-перелатаные, выбеленные солнцем и с пятнами от воды… и все же, несмотря на все эти пятна и заплатки, все судно в целом странно прекрасно. Оно называется «Клалсу», или так ей слышится это слово, и оно пришло через два дня после того, как Сиенит и Алебастр попали на Миов. На борту тогда были добрая часть крепких взрослых этой общины и много нечестной добычи, захваченной во время нескольких недель пиратства вдоль прибрежных торговых путей.

На «Клалсу» также пришел и его капитан — заместитель вождя, причем заместитель лишь из-за того, что проводит больше времени на море, чем на острове. Иначе Сиен сразу поняла бы по приветствиям толпы, как только он спрыгнул на доски причала, что это истинный лидер Миова, поскольку, даже не зная ни слова их языка, она видит, что все его любят и смотрят на него. Его имя Иннон: Иннон Стойкость Миов на языке континента. Крупный мужчина, темнокожий,

как все миовиты, сложенный скорее как Опора, а не Стойкость и силой личности превосходящий любого юменесского Лидера.

Только на самом деле он не Опора, и не Стойкость, и не Лидер — эти функционал-имена мало значат в обществе, отвергающем устои Санзе. Он ороген. Дичок, рожденный свободным и взращенный открыто Харласом, который тоже рогга. Здесь все их предводители рогги. И так остров пережил столько Зим, что они уже и не считают.

И кроме этого… ладно. Сиен не уверена, как вести себя с Инноном.

Сейчас она слышит его голос сразу же, как они входят в главный вход пещерной общины. Все могут слышать его, поскольку он говорит в пещере так громко, как, наверное, на мостике своего корабля. Хотя это и не нужно — в пещере эхом отдается даже самый слабый звук. Просто он не из тех, кто себя ограничивает, даже когда надо.

Как сейчас.

— Сиенит, Алебастр! — община собралась у общих очагов для вечерней трапезы. Все сидят по каменным или деревянным лавкам, отдыхают и болтают, но вокруг Иннона собралась большая группа людей, и он их потчует… чем-то. Он сразу же переходит на санземэт, поскольку он один из

немногих в общине, кто говорит на этом языке, хотя и с сильным акцентом. — Я ждал вас обоих. Мы приберегли для вас хорошие истории. Сюда! — Он встает и машет им, словно ора на пределе громкости ему мало, чтобы привлечь их внимание, будто человека в шесть с половиной футов ростом, с гривой заплетенных в косички волос и одежде трех разных народов — все кричащие — трудно заметить в толпе.

Но Сиенит невольно улыбается, входя в круг скамей перед Инноном, где он, похоже, приберег для них одну свободную. Остальные члены общины бормочут приветствия, которые Сиен уже начала распознавать. Из вежливости она пытается произнести что-то похожее в ответ и терпит хихиканье, когда говорит что-то не так. Иннон ухмыляется и произносит фразу как надо. Она пытается повторить и видит, как все кивают.

— Великолепно! — произносит Иннон так горячо, что она невольно верит ему. Затем он широко улыбается Алебастру, стоящему рядом с ней. — Думаю, ты хороший учитель.

Алебастр чуть склоняет голову.

— На самом деле нет. Не могу заставить учеников перестать ненавидеть меня.

— М-м-м-м. — Голос Иннона низкий, гулкий

и рокочет, как самое глубокое землетрясение. Когда он улыбается, это словно газовый пузырь выходит на поверхность и лопается — яркий, жаркий, опасный, особенно так близко. — Постараемся это изменить, хм? — Затем он смотрит на Сиен, не смущаясь показывать свой интерес и совершенно не обращая внимания на хихиканье остальных членов общины.

Это, знаете ли, проблема. Этот нелепый, громкий, вульгарный человек не делает тайны из того факта, что он *хочет* Сиенит. И, к сожалению — поскольку иначе это было бы просто, — в нем есть нечто, привлекающее Сиен. Например, его дикость. Она никогда не встречала подобного ему.

Да, но, похоже, он хочет и Алебастра *тоже*. И сдается, Алебастр испытывает взаимное чувство.

Это несколько смущает.

Заставив покраснеть обоих, Иннон обращает свое безграничное обаяние на своих людей.

— Ну что же! Вот мы и вернулись! У нас полно еды и много прекрасных новых вещей, которые сделали и оплатили другие! — Затем он переходит на этурпик, повторяя эти же слова для всех остальных, и они смеются последним словам, поскольку многие из них *действительно* щеголяют в новой одежде и украшениях и всем таком после

того, как пришел корабль. Иннон продолжает, и Сиен не нужен Алебастр, чтобы объяснить, что Иннон рассказывает всем историю — поскольку Иннон делает это всем телом. Он подается вперед и говорит потише, и все внимание сосредоточено на нем, когда он излагает какой-то острый момент. Затем он жестами изображает, как кто-то откуда-то падает, и изображает всплеск, хлопая ладонями. Маленькие дети, которые слушают все это, чуть ли не покатываются от хохота, в то время как подростки хмыкают, а старшие улыбаются.

Алебастр кое-что переводит для нее. Похоже, Иннон рассказывает о своем недавнем рейде на маленькое поселение прибрежников в десяти днях хода по морю. Сиен вполуха слушает изложение Бастера, по большей части следя за языком тела Иннона и представляя, как оно совершает совсем другие движения, когда Алебастр внезапно прекращает переводить. Когда она, наконец, с удивлением замечает это, он напряженно смотрит на нее.

— Ты хочешь его? — спрашивает он. Сиен кривится, в первую очередь от смущения. Он говорит это тихо, но они сидят прямо рядом с Инноном, и если вдруг тот решит прислушаться… Ну и что? Может, станет легче, если они поговорят

откровенно. Она предпочла бы иметь в этом отношении выбор, а Алебастр ей, как правило, его вообще не оставляет. — Ведь у тебя есть слабинка в теле, не так ли?

— Нет. Расскажи мне.

— Тогда что это? Вызов? — Она же видела, как Алебастр посматривает на Иннона. Почти умильно видеть, как сорокалетний мужик заикается и краснеет как девица.

Алебастр морщится, словно ему больно. Затем он хмурится, как будто смущен собственной реакцией. Он кривит рот и шепчет:

— А если я скажу «да»? А ты?

Сиенит моргает. Да, она предполагала такое. Но она сама? Внезапно она понимает, что не знает.

Однако, когда ей не удается ответить, лицо Алебастра разочарованно кривится. Он бормочет что-то вроде «не бери в голову», затем встает и выходит из круга слушателей, стараясь по дороге никого не побеспокоить. В результате Сиенит не может следить за историей, ну и ладно. На Иннона весело смотреть и без слов, и поскольку она не понимает рассказа, то может поразмыслить над вопросом Алебастра.

Через некоторое время рассказ заканчивается, все хлопают в ладоши. Почти сразу же просят

рассказать еще что-нибудь. В общей суматохе, когда все пользуются перерывом, чтобы положить себе из большого котла варева из риса, креветок и копченого водяного пузыря, что сегодня подают на ужин, Сиенит решает найти Алебастра. Она не уверена, что именно собирается сказать ему, но… ладно. Он заслуживает хоть какого-то ответа.

Она находит его у них дома, где он сидит, обхватив колени, в углу большой пустой комнаты, в нескольких футах от постели из сушеных водорослей и выделанных шкур, на которых они спят. Он даже не зажег ламп, она замечает его как более темное пятно на фоне теней.

— Уходи, — резко говорит он, — когда она заходит в комнату.

— Между прочим, я тоже тут живу, — рявкает она. — Иди куда-нибудь еще, если хочешь поплакать или что. — Земля, она надеется, что он не плачет.

Он вздыхает. Непохоже, чтобы он плакал, хотя сидит, уткнувшись в колени и обхватив их руками. Мог и плакать.

— Сиен, ты такая черствая.

— Ты тоже, когда хочешь.

— Я *не* хочу. Не всегда. Ржавь, Сиенит, неужели ты не *устала* от всего этого? — Он чуть шевелит-

ся. Глаза ее привыкли к темноте, и она видит, что он смотрит на нее. — Тебе никогда не хотелось быть… быть человечной?

Она заходит в дом и прислоняется к стене рядом с дверью, скрестив на груди руки и закинув ногу за ногу.

— Мы не люди.

— Мы. Люди. — Его голос звучит яростно. — Мне насрать, что там решил какой-то весь из себя совет больших важных бздунов или как геоместы классифицируют явления и все такое. То, что мы не люди, — это ложь, которую они внушают сами себе, чтобы не чувствовать вины за то, как они обращаются с нами…

Это тоже знают все рогги. Но лишь Алебастру хватает грубости высказать это вслух. Сиенит вздыхает и опирается головой о стену.

— Если ты его хочешь, идиот, просто пойди и скажи ему. И можешь получить его. — Вот и ответ на его вопрос.

Алебастр осекается на полуслове своей проповеди, сверлит ее взглядом.

— Ты тоже хочешь его.

— Да. — Ей ничего не стоит сказать это. — Но я переживу, если… — она чуть пожимает плечами. — Да.

Алебастр делает глубокий вдох, затем другой. Затем третий. Она понятия не имеет, что это значит.

— Мне следовало сделать тебе такое же предложение, — говорит он в конце концов. — Поступить благородно или хотя бы сделать вид. Но я… — Он еще больше съеживается в темноте, крепче обхватывает руками колени. Когда он заговаривает снова, его голос еле слышен. — Это уже так долго, Сиен.

Конечно, речь идет не о том, что он давно не имел любовника. Просто у него не было того, кого он хотел.

Из пещеры собраний доносится смех, и люди расходятся по коридорам, болтая и разбредаясь на ночной отдых. Они оба слышат раскаты голоса Иннона неподалеку — даже когда он просто разговаривает, все его слышат. Она надеется, что он не орет в постели.

Сиен делает глубокий вдох.

— Хочешь, приведу его? — И для окончательной ясности: — Для тебя.

Алебастр долго сидит молча. Она прямо ощущает его взгляд, и в комнате висит такая эмоциональная напряженность, которой она не может понять. Возможно, он обижен. Может, тронут.

Ржавь, если бы она могла понять его… и, ржавь, она не понимает, почему она это делает.

Затем он встает, проводит пятерней по волосам и склоняет голову.

— Спасибо тебе. — Тон его почти холоден, но она знает этот тон, поскольку сама так говорит. Всегда, когда она когтями цепляется за свое достоинство и сдерживает дыхание.

Она встает и идет на раскаты голоса, находит Иннона, занятого разговором с Харласом, возле общего очага. Сейчас все уже разошлись, и в пещере царит ровное перекрывающееся эхо голосов младенцев, не желающих спать, смеха, разговоров и скрипа судов, покачивающихся в гавани на приколе. И поверх всего тихое мурлыканье моря. Сиенит садится у стены поблизости и, прислушиваясь ко всем этим экзотическим звукам, ждет. Минут через десять Иннон заканчивает разговор и встает. Харлас уходит, рассмеявшись в ответ на что-то, сказанное Инноном, — прямо чародей. Как Сиен и ожидала, он подходит и садится у стены рядом с ней.

— Моя команда считает меня дураком из-за того, что меня тянет к тебе, — говорит он как бы между прочим, глядя на сводчатый потолок пещеры, будто там есть что-то интересное. — Они

думают, что я тебе не по нраву.

— Все думают, что они мне не по нраву, — говорит Сиенит. По большей части так оно и есть. — Ты мне нравишься.

Он задумчиво глядит на нее, и это ей нравится. Флирт ее раздражает, куда лучше говорить напрямую.

— Я и прежде встречал таких, как ты, — говорит он. — Привязанных к Эпицентру. — Его акцент превращает это в «пуп цену», что ей кажется особенно подходящим. — Ты самая счастливая из всех, что я видел.

Сиенит фыркает в ответ на шутку, а затем, увидев кривой изгиб его губ, горячее сочувствие во взгляде, понимает, что это ни разу не шутка. О.

— Алебастр очень счастлив.

— Нет.

Нет. Вот почему Сиенит не слишком любит шутить. Она вздыхает.

— На самом деле я пришла из-за него.

— О? Значит, вы решили поделиться?

— Он… — Она моргает, осознав его слова. — А?

Иннон пожимает плечами, что при учете его громадности выглядит весьма выразительно, при этом его косички шелестят.

— Вы с ним уже любовники. Это просто мысль.

Ничего себе мысль.

— Э… нет… Я не… у… Нет. — Она не готова о таком думать. — Может, позже. — Сильно позже.

Он смеется, но не над ней.

— Да-да. Тогда зачем ты пришла? Попросить меня навестить твоего друга?

— Он не… — Но она же добывает ему любовника на ночь. — *Ржавь*.

Иннон смеется — тихо, про себя — и пересаживается к стене напротив Сиенит, чтобы она не чувствовала себя загнанной в угол, хотя он настолько близок, что она чувствует жар его тела. Так поступают крупные мужчины, когда не хотят выглядеть пугающими. Она ценит его предупредительность. И ненавидит себя за то, что решила в пользу Алебастра, поскольку, огонь земной, он даже *пахнет* сексуально, говоря:

— Я думаю, ты очень хороший друг.

— Да, чтоб мне заржаветь! — Она трет глаза.

— Ну-ну. Все здесь видят, что из вас двоих ты — самая сильная. — Сиенит моргает, но он абсолютно серьезен. Он поднимает руку и проводит пальцем по ее виску от темени до подбородка, медленно-дразнящим движением. — Многое сломало его. Он держится насмешками и постоянной улыбкой, но все видят надломы. А ты надколотая,

избитая, но неповрежденная. Ты очень добрая, раз так о нем заботишься.

— Никто не заботится обо *мне*. — Она закрывает рот так жестко, что аж зубы клацают. Она не хотела этого говорить.

Иннон улыбается, но ласково, по-доброму.

— Я позабочусь, — говорит он и наклоняется поцеловать ее. Это колючий поцелуй — его губы сухие, а подбородок начинает зарастать щетиной. Большинство прибрежников не носят бороды, возможно, в нем есть кровь санзе, особенно если судить по волосам. В любом случае его поцелуй настолько легок, несмотря на все царапанье, что скорее кажется благодарностью, чем попыткой соблазнить. Вероятно, потому, что именно последнего он и хочет. — Позже. Обещаю, я позабочусь о тебе.

Затем он уходит, направляясь к их с Алебастром дому, и Сиенит смотрит ему вслед, запоздало задаваясь мыслью: *а где же, ржавь, я сегодня спать буду*?

Это риторический вопрос, поскольку спать ей не хочется. Она выходит на выступ возле пещеры, где кое-кто из общинников наслаждается ночным воздухом или вышел поговорить, чтобы половина общины не слышала их, и не только

она стоит с тоской у перил и смотрит на ночную воду. Ровно накатывают волны, заставляя мелкие суда и «Клалсу» покачиваться и скрипеть, а по уходящим в бесконечность волнам рассыпано отражение звезд.

На Миове мирно. Хорошо быть тем, что она есть, в месте, которое принимает ее. И еще лучше сознавать, что ей не надо бояться других из-за того, что она есть. Женщина, с которой Сиенит встретилась в банях — одна из команды «Клалсу», большинство которой немного говорит на санземэте, — объясняет ей это, когда они отмокают в теплой воде, которую дети подогревают раскаленными камнями, поскольку такова их работа. Это действительно просто.

— С вами мы живем, — сказала она Сиен, пожимая плечами и запрокидывая голову на край ванны, совершенно не думая о странности собственных слов. На континенте любой считает, что если рядом ронга — то им конец.

А затем женщина сказала то, что действительно испугало Сиен.

— Харлас стар. Иннон в рейдах видит много опасностей. Ты и смехунчик — так прозвали его местные, поскольку им трудно выговорить его имя, — детей имеете? Подарите нам одного, лад-

но? Или придется украсть с континента.

Сама мысль о том, что эти люди, выделяющиеся в толпе как камнееды, попытаются проникнуть в Эпицентр, чтобы украсть кого-нибудь из галек или ребенка-дичка из-под носа у Стражей, заставляет Сиенит содрогнуться. Она не уверена, что ей нравится мысль о том, что они жадно надеются на то, что она забеременеет. Но ведь в Эпицентре так же, не правда ли? И здесь любой ребенок, которого они с Алебастром зачнут, не кончит на узловой станции.

Она торчит на карнизе несколько часов, теряясь в звуках волн и постепенно позволяя себе погрузиться в бездумное состояние. Затем она в конце концов замечает, что у нее ноет спина и болят ноги, а ветер с моря стал холодным. Она не может простоять тут всю ночь. Потому она возвращается в пещеру, не понимая до конца, куда ей деваться, просто идет, куда ноги несут. Наверное, поэтому она оказывается перед занавесью «ее» дома, создающей подобие личного пространства, и слышит сквозь нее плач Алебастра.

Это точно он. Она узнает этот голос, пусть приглушенный и задыхающийся от рыданий. Едва слышный, несмотря на отсутствие дверей и окон… но она же знает почему, так ведь? Все, кто

вырос в Эпицентре, учатся плакать очень-очень тихо.

Они на матрасе, к счастью, полуприкрытые мехами — хотя это вряд ли имеет значение, поскольку их одежда разбросана по помещению, а в воздухе пахнет сексом, так что понятно, чем они занимались. Алебастр свернулся на своей половине, спиной к ней, его костлявые плечи вздрагивают. Иннон лежит, опершись на локоть, и гладит его по волосам. Он не поднимает взгляда, когда Сиенит отдергивает занавесь, но он не взволнован и не испуган. Хотя в свете их предыдущего разговора ей не следовало бы удивляться, она *удивлена* — он поднимает руку и зовет ее.

Она не понимает, почему подчиняется. И не понимает, почему раздевается, пока идет через комнату, почему поднимает меховое одеяло за Алебастром и ныряет в приятное тепло рядом с ним. Или почему после этого она прижимается к его спине и обнимает его руками за талию и поднимает взгляд, чтобы увидеть печальную одобрительную улыбку Иннона. Но она это делает.

Так Сиен и засыпает. Насколько она понимает, Алебастр проплакал всю ночь, а Иннон все время был рядом и утешал его. Потому, когда она утром

просыпается, выбирается из постели и шумно блюет в ночной горшок, никто из них не просыпается. Ее-то утешить некому, она сидит там и дрожит после ночи. Но в этом ничего нового.

Ладно. По крайней мере, теперь людям Миова не придется воровать младенцев.

* * *

Не назначай цену плоти.

Табличка первая: «О выживании», стих шестой.

Интерлюдия

Так проходит время счастья в твоей жизни, которое я не буду тебе описывать. Это не важно. Возможно, ты считаешь неправильным, что я так много времени уделяю ужасам, боли — но боль и формирует нас, в конце концов. Мы существа, порожденные жаром, давлением и обточкой, постоянным движением. Быть глухачом значит… не жить.

Но важно то, что ты понимаешь, что не все это ужасно. Между кризисами есть долгое время мира. Время остыть и закалиться перед тем, как обточка возобновится.

Вот что тебе надо понять. В любой войне есть фракции: те, кто желает мира, те, кто по тысяче причин желает продолжения войны, и те, чьи желания выходят за рамки этих обоих. А в этой войне много сторон, не только эти две. Думаешь, это лишь глухачи и орогены? Нет-нет. Не забудь о камнеедах и Стражах — о, и о Зимах. Никогда не забывай Отца-Землю. Он-то о тебе не забывает.

Так что пока она — ты — отдыхала, вокруг собирались эти силы. И они начали свое движение.

20

Сиенит, испытание на разрыв

Сиенит вовсе не намеревалась до конца жизни сидеть без дела, потому однажды она идет искать Иннона, который вместе с командой «Клалсу» переоснащает судно для очередного рейда.

— Нет, — говорит он, глядя на нее как на безумную. — Ты не пойдешь пиратствовать, когда только что родила ребенка.

— Я родила его два года назад. — Она сменила столько пеленок, донимала людей, чтобы научиться этурпику, помогала рыбачить сетью так часто, что уже и так спятила. Ей до чертиков надоело нянчиться с ребенком, а Иннон сейчас пытается использовать это как отговорку, да и отговорка-то эта пуста, поскольку на Миове детей воспитывают вместе, как делают и все остальное. Когда ее нет, Алебастр просто относит ребенка к какой-нибудь другой матери общины, а Сиен кормит чужих детей, когда они голодны, а она находится поблизости и у нее полно молока. А поскольку Алебастр сам меняет пеленки и поет маленькому Корунду колыбельные, агукает и

играет с ним, берет его на прогулку и так далее, Сиенит надо чем-то себя занимать.

— Сиенит. — Он стоит посередине грузового трапа, ведущего в трюм. Они грузят бочки с водой и припасы вместе с более загадочными предметами — корзины с цепями для катапульт, пузыри со смолой и рыбьим жиром, плотную ткань для починки парусов. Когда Иннон останавливается вместе с Сиенит, стоящей на трапе ниже него, останавливаются все, и когда с палубы доносится громкая ругань, он поднимает голову и гневно смотрит туда, пока все не затыкаются. Все, конечно, за исключением Сиенит.

— Мне *скучно*, — говорит она в отчаянии. — Тут нечего делать, кроме как ловить рыбу и ждать тебя и остальных из рейда, сплетничать о людях, которых я не знаю, и рассказывать истории о том, на что мне наплевать! Я всю жизнь либо обучалась, либо работала, поглоти меня Земля, я не могу просто так сидеть и пялиться на воду круглый день!

— Алебастр может.

Сиенит закатывает глаза, хотя это правда. Когда Алебастр не занят с ребенком, он проводит бóльшую часть дня высоко над колонией, бесконечные часы глядя на мир и погружаясь в думы.

Она знает, она наблюдала.

— Но я не он! Иннон, ты можешь использовать меня!

Лицо Иннона кривится, поскольку — а, да. Здесь она попала в больное место.

Об этом они не говорят, но Сиенит не дура. Опытный рогга много чем может помочь в вылазках, которые совершает команда Иннона. Она не будет устраивать толчков и взрывов, он и не просит, но довольно просто вытянуть достаточно тепла из окружающего пространства, чтобы понизить температуру поверхности воды и скрыть корабль туманом, прикрывая его подход или отступление. Так же просто для отвлечения внимания встревожить лес тончайшей из вибраций, чтобы птицы или мыши бросились бежать в ближайшее селение. И много что еще. Орогения чертовски полезна, как начинает понимать Сиенит, для куда большего, чем просто успокаивать толчки.

Или скорее она *могла бы быть* полезной, если бы Иннон вот так использовал свою орогению. Но, несмотря на всю свою невероятную харизму и физическую мощь, Иннон дичок, и все свое немногое обучение он получил от Харласа — тоже дичка. Она ощущает орогению Иннона, когда

он успокаивает малые толчки, и грубая неэффективность его мощи порой обескураживает ее. Она пыталась научить его лучше себя контролировать: он слушает, он *пытается*, но лучше не становится. Она не понимает почему. Без этого уровня мастерства команда «Клалсу» берет свою добычу старым способом — они сражаются и умирают за каждую мелочь.

— Это может сделать для нас и Алебастр, — говорит он с раздраженным видом.

— У Алебастра, — старается сохранять терпение Сиен, — от этой штуки желудок к горлу подкатывает, — она показывает на крутые бока «Клалсу». По всей общине ходит шутка, что Алебастр умудряется становиться зеленым, несмотря на свою черную кожу, каждый раз, как его загоняют на палубу. — Я не буду делать ничего, кроме как скрывать корабль. Или только то, что ты прикажешь.

Иннон с насмешливым видом упирает руки в боки.

— Ты хочешь сказать, что будешь меня слушаться? Да ты и в постели этого не делаешь!

— Ублюдок. — Сейчас он ведет себя абсолютно гадски, поскольку он никогда и не пытается командовать ею в постели. У миовитов странная

привычка поддразнивать друг друга на тему секса. Теперь, когда Сиен понимает, что говорят другие, ей кажется, что все только и говорят, что она спит с двумя самыми красивыми мужиками в общине. Иннон говорит, что они так шутят только потому, что она так интересно краснеет, когда старые дамы прохаживаются насчет поз и веревочных узлов. Она пытается к этому привыкнуть. — Это вообще к делу не относится!

— Да неужто? — Он тычет ее в грудь большим пальцем. — Никаких любовных дел на борту — это мой принцип. Как только мы поднимем паруса, мы даже перестанем быть друзьями. Только как я сказал — иначе мы погибнем. А ты *оспариваешь* все, Сиенит, а на море для этого нет времени.

Это… это не назовешь нечестным. Сиен неуютно топчется.

— Я могу подчиняться приказам беспрекословно. Земле ведомо, я долго это делала. Иннон… — Она набирает в грудь воздуха. — Во имя Земли, Иннон, я сделаю все, чтобы на время убраться с этого острова.

— А это другая проблема. — Он подходит ближе и понижает голос. — Корунд — *твой сын*, Сиенит. Неужели ты ничего к нему не чувствуешь, раз все

время пытаешься удрать от него?

— Я уверена, что о нем позаботятся. — Это так. Корунд всегда чист и сыт. Она никогда не хотела ребенка, но теперь, когда он у нее есть, когда она держала его на руках, кормила и все такое… у нее появилось чувство выполненного долга, возможно, и разочарованной благодарности, поскольку они с Алебастром все же умудрились произвести на свет чудесного малыша. Она иногда смотрит на его личико и дивится тому, что он существует, что кажется таким здоровеньким и нормальным, хотя между его родителями нет ничего, кроме горечи и надлома. Кого она обманывает? Это любовь. Она любит сына. Но это не значит, что она желает весь день торчать при нем, ржавь побери.

Иннон качает головой и отворачивается, вскидывая руки.

— Ладно! Ладно, нелепая женщина! Теперь пойди и *сама* скажи Алебастру, что мы оба уходим.

— Хоро… — Но он уже ушел, поднялся по трапу и спрыгнул в трюм, и она слышит, как он на кого-то орет за что-то, но не понимает, поскольку ее уши не разбирают этурпика, когда у него такое эхо.

Тем не менее она слегка подпрыгивает, сбегая по трапу, и машет рукой остальным членам ко-

манды, словно извиняясь, а они стоят со слегка удивленным видом. Затем она направляется в общину.

Алебастра нет дома, а Корунда нет у Селси, которая чаще всего нянчится с малышами всей колонии, когда их родители заняты. Она поднимает брови, когда заглядывает Сиен.

— Он сказал «да»?

— Он сказал «да». — Сиенит невольно расплывается в улыбке, и Селси хохочет.

— Готова поспорить, больше мы тебя не увидим. Волны ждут лишь сетей. — Сиенит догадывается, что это какая-то миовитская пословица, что бы она там ни значила. — Алебастр снова наверху, вместе с Кору.

Снова.

— Спасибо, — говорит она и качает головой. Странно, что у ее ребенка еще не прорезались крылья.

Она поднимается по ступеням на самую верхотуру острова, переваливает через первый подъем — и вот они, сидят на одеяле возле обрыва. Кору при ее приближении поднимает голову, улыбается и показывает на нее. Алебастр, который, должно быть, ощутил ее шаги на лестнице, даже не оборачивается.

— Иннон наконец берет тебя с собой? — спрашивает он, когда Сиенит подходит достаточно близко, чтобы услышать его тихий голос.

— Угу. — Сиенит садится на одеяло рядом с ним и раскрывает объятия Кору, который переползает с колен Алебастра к Сиенит. — Знай я, что ты уже знаешь, я бы сюда не полезла.

— Это догадка. Обычно ты не приходишь сюда с улыбкой на лице. Я понял, что-то случилось. — Алебастр наконец поворачивается и смотрит на Кору, который стоит у нее на коленях, отталкиваясь от ее груди. Сиенит рефлекторно поддерживает его, хотя он сам прекрасно держит равновесие, несмотря на неровность ее колен. Затем она замечает, что Алебастр смотрит не только на Корунда.

— Что? — хмурится она.

— Ты вернешься?

И это совершенно неожиданно заставляет ее опустить руки. К счастью, Кору овладел искусством стояния у нее на коленях, что и делает, хихикая, пока она смотрит на Алебастра.

— Почему ты… *Что*?

Алебастр пожимает плечами, и лишь тогда Сиенит замечает складку у него между бровями и затравленный взгляд и лишь тогда понимает,

что пытался сказать ей Иннон. Словно усиливая это, Алебастр говорит с горечью:

— Больше тебе не нужно быть со мной. Ты получила свою свободу, как и хотела. И Иннон получил, что хотел — ребенка рогги, который позаботится об общине, если с ним что-то случится. Он даже уговаривал меня обучить его лучше, чем мог бы Харлас, поскольку знает, что я не уйду.

Огонь подземный. Сиенит вздыхает и отводит ручонки Корунда. Это больно.

— Нет, жадный малыш, у меня больше нет молока. Успокойся. — И поскольку личико Корунда сразу же кривится от горя, она привлекает его к себе, и обнимает, и начинает играть с его ножками, что обычно хорошо отвлекает его до того, как он возбудится. Срабатывает. Похоже, малыши невероятно увлечены собственными пальчиками, кто знает? Поскольку ребенок занят собой, она может сосредоточиться на Алебастре, который снова смотрит на море, но находится на грани срыва.

– *Ты* мог бы уйти, — говорит она, указывая на очевидное, поскольку всегда так вела себя с ним. — Иннон и прежде предлагал отвезти нас на континент, если мы пожелаем. И если мы не наделаем глупостей — например, не устроим зем-

летрясения перед толпой народу, мы могли бы организовать себе достойную жизнь где-нибудь.

— Мы и тут достойно живем. — Его трудно слышать за ветром, но все же она понимает, о чем он на самом деле хочет сказать. *Не покидай меня*.

— Ржавь ржавская, Бастер, да что с тобой? Я не собираюсь бросать вас. — По крайней мере сейчас. Но плохо, что они вообще об этом заговорили, не стоит усугублять. — Я просто отправляюсь туда, где могу быть полезна…

— Ты полезна здесь. — Теперь он поворачивается и смотрит на нее в упор, и те боль и одиночество, что проступают из-под маски гнева на его лице, беспокоят ее больше, чем гнев.

— Нет. — И когда он открывает было рот для протеста, она перебивает его. — Нет. Ты сам сказал — теперь для защиты Миова есть десятиколечник. Не думай, что я не замечала, что все время, пока мы здесь, не было даже малейшего глубинного шевеления в пределах моей чувствительности. Ты успокаивал все вероятные угрозы задолго до того, как Иннон или я могли это почувствовать… — Но она осекается, видя, как Алебастр качает головой, и улыбка на его лице сразу же заставляет ее почувствовать себя не в своей тарелке.

— Это не я, — говорит он.

— Что?

— Я уже с год ничего не успокаиваю. — И затем он кивает на ребенка, который теперь тщательно рассматривает пальцы Сиенит. Она смотрит на Кору сверху вниз, а тот снизу вверх смотрит на нее и улыбается во весь рот.

Корунд — именно то, что надеялся получить Эпицентр, спаривая ее с Алебастром. Он мало что унаследовал от внешности Алебастра, будучи лишь на тон смуглее Сиен и с волосами, которые уже превращаются из детского пушка в настоящий пепельный «ершик». Поскольку это у нее предки санзе, так что это не от Алебастра тоже. Но что Кору унаследовал от отца, так это всеобъемлющее ощущение земли. Сиенит прежде никогда не приходило в голову, что ее ребенок может быть способен не только сэссить, но и успокаивать микротолчки. Это не инстинкт, это мастерство.

— Клятая Земля, — говорит она. Кору смеется. Затем Алебастр резко выхватывает его из ее рук и встает на ноги. — Подожди, это же…

— Ступай, — резко говорит он, хватает корзину, которую они принесли с собой, и садится на корточки, чтобы затолкать туда детские игрушки

и сложенную простыню. — Иди на свой ржавый корабль, сдохни вместе с Иннoном, мне плевать. *Я* остаюсь с Кору, и мне все равно, что будешь делать *ты*.

И он уходит, выпрямив спину, резко шагая, не обращая внимания на пронзительные протестующие вопли Кору и даже не удосуживаясь забрать одеяло, на котором все еще сидит Сиен.

Огонь земной…

Сиенит некоторое время стоит на вершине, пытаясь понять, как случилось так, что она стала эмоциональным стражем чокнутого десятиколечника, застряв неведомо где с его нечеловечески могущественным ребенком. Затем солнце садится, она устает об этом думать, так что встает, берет одеяло и направляется назад, в общину.

Все собрались на вечернюю трапезу, но Сиенит на сей раз уклоняется от общения, просто берет тарелку жареной рыбы тули и тушеного трилиста с подслащенным ячменем, наверняка похищенным из какой-то береговой общины. Она несет все это домой и, конечно же, обнаруживает там Алебастра, который свернулся в постели вместе со спящим Кору. Ради Иннона они обзавелись постелью пошире, которая висит на четырех крепких столбах как гамак, на удивление удоб-

ная и прочная, невзирая на вес и активность, на ней происходящую. Алебастр лежит тихо, но просыпается при появлении Сиен. Она вздыхает, берет Кору и укладывает его спать в маленькую висячую постельку рядом, которая ближе к полу на случай, если он выкатится или выберется ночью. Затем она забирается в кровать к Алебастру, просто смотрит на него, и через некоторое время он перестает держаться отстраненно и чуть придвигается. Он не смотрит ей в глаза. Но Сиенит знает, что ему надо, так что вздыхает и перекатывается на спину, и он придвигается еще ближе, пока, наконец, не кладет голову ей на плечо, как, наверное, всегда и хотел.

— Извини, — говорит он.

Сиенит пожимает плечами.

— Не бери в голову. — И затем, поскольку Иннон прав и это отчасти ее вина, она вздыхает и добавляет: — Я вернусь. Мне действительно тут нравится, ты сам знаешь. Просто я… не могу сидеть на месте.

— Ты всегда не можешь сидеть на месте. Чего ты ищешь?

Она качает головой.

— Не знаю.

Но она думает — почти, но не совсем подсозна-

тельно — я ищу *способ изменить порядок вещей. Потому что это неправильно.*

Он всегда хорошо угадывал ее мысли.

— Ты не сможешь ничего улучшить, — тяжело говорит он. — Мир таков, каков он есть. Его можно изменить, лишь разрушив до основания и построив заново. — Он вздыхает, утыкается лицом ей в грудь. — Возьми от него все, что можешь, Сиен. Люби своего сына. Даже веди жизнь пирата, если тебе от этого хорошо. Но не ищи чего-то сверх этого.

Она облизывает губы.

— Корунд заслуживает лучшего.

Алебастр вздыхает.

— Да. — Он больше ничего не говорит, но невысказанная мысль почти ощутима: *Но не получит.*

Это неправильно.

Она засыпает. Через несколько часов она просыпается, поскольку Алебастр стонет: «О давай, о пожалуйста, о Земля, я не могу, Иннон», уткнувшись в плечо Иннона, и дергается, раскачивая постель, пока Иннон пыхтит и возбуждает его, гладя его маслянистый член. Через мгновение Алебастр доходит, но Иннон нет, он замечает, что она смотрит, улыбается Алебастру и целует его,

затем запускает руку между ног Сиен. Конечно, она сразу же становится влажной. Они с Алебастром всегда прекрасны вместе.

Иннон — заботливый любовник. Он склоняется над ней и ласкает ее груди, и делает совершенно чудесные вещи пальцами, продолжая входить в Алебастра, пока она не ругается и не требует себе *всего* внимания на время, что заставляет его рассмеяться и перекатиться к ней.

Алебастр смотрит, как Иннон ублажает ее, и взгляд его становится горячим, чего Сиенит не понимает даже после того, как они пробыли вместе почти два года. Бастер не хочет ее, не так, и она его тоже. И все же ее невероятно возбуждает то, как Иннон доводит его до стонов, до мольбы, а Алебастр явно наслаждается тем, как она тает в руках другого. На самом деле *это* ей нравится больше, чем наблюдать за Алебастром. Прямой секс друг с другом для них невыносим, но опосредованный восхитителен. Как это вообще называется? Не тройное что-то там, даже не любовный треугольник, это два-с-половиной чего-то, двугранник страсти. (Или, возможно, любовь.) Ей надо бы беспокоиться насчет очередной беременности, может, опять от Алебастра, судя по тому, как все это складывается между ними троими, но она

не может заставить себя беспокоиться, потому что это не имеет значения. Точно так же, как она не слишком думает о постели или как все это между ними работает, никому на Миове до этого дела нет. Вероятно, еще один фактор эйфории — полное отсутствие страха. Представьте себе.

Они засыпают. Иннон похрапывает, лежа на животе между ними, головы Бастера и Сиен лежат как на подушке на его широких плечах, и не впервые Сиенит думает: *если бы это длилось вечно*.

Но она понимает, что не следует желать невозможного.

* * *

«Клалсу» поднимает паруса на следующий день. Алебастр стоит на причале вместе с половиной населения общины, которое машет руками и желает им удачи. Он не машет, но показывает на них, когда корабль отчаливает, побуждая Кору помахать им, и на какое-то мгновение Сиенит чувствует нечто, похожее на сожаление. Это чувство проходит быстро.

Затем остаются только открытое море и работа: удить рыбу, взбираться по мачтам для работы с парусами, когда Иннон приказывает, закреплять

бочонки, раскатившиеся по трюму. Это тяжелая работа, и Сиенит засыпает в своей маленькой койке под одной из переборок сразу после заката, поскольку Иннон не пустит ее спать с ним, да и сил у нее не хватит добраться до его каюты.

Но понемногу дело идет лучше, она становится сильнее, начиная понимать, почему команда «Клалсу» выглядит более жизнерадостной, более интересной, чем остальные на Миове.

На четвертый день слышится крик с левой стороны, ржавь, слева по борту, и все бросаются к релингу и видят нечто великолепное: фонтан воды там, где всплывает какое-то глубоководное чудовище и идет рядом с кораблем. Одно из них выныривает на поверхность, чтобы посмотреть на людей — оно невероятно огромно, один его глаз больше головы Сиен. Одного удара хвоста хватит, чтобы перевернуть судно. Но оно не причиняет судну вреда, и какая-то женщина из команды говорит ей, что это просто забава. Она удивлена благоговейным восторгом Сиенит.

По ночам они смотрят на звезды. Сиен никогда не уделяла особого внимания небу — земля под ногами всегда была куда важнее. Но Иннон показывает ей рисунок движения звезд и объясняет, что звезды, которые она видит, на самом деле

другие солнца со своими собственными мирами и, возможно, с другими людьми, которые ведут собственную борьбу. Она слышала о такой псевдонауке — астрономестрии, знает, что ее адепты выдвигают подобные ничем не подтверждаемые предположения, но теперь, глядя на постоянно движущееся небо, она понимает, почему они в это верят. Понимает, почему им *не все равно*, когда небо вечно и не связано с каждодневной жизнью. В такие ночи ей тоже не совсем все равно.

По ночам команда также пьет и поет песни. Сиенит неправильно произносит вульгарные слова, неизбежно заставляя их звучать еще вульгарнее и немедленно становясь другом всей остальной команде.

Остальная часть команды сдержанна в своем суждении, пока не замечает на седьмой день вероятную цель. Они рыскали на торговых путях между двумя густонаселенными полуостровами, и люди с подзорными трубами высматривали с мачт корабли, достойные усилий. Иннон не отдает приказа, пока ему не сообщают об особо большом корабле, из тех, что используются для перевозки грузов слишком тяжелых или опасных для перевозки по суше: масло, камень, летучие химикаты и древесину. Те самые вещи, которых

больше всего недостает на голом острове посреди нигде. Это судно сопровождает другое, менее крупное, которое, согласно донесениям тех, кто смотрит на него сквозь подзорные трубы и определяет такие вещи на глаз, наверняка набито местным ополчением, оснащено боевыми таранами и собственным вооружением. (Возможно, один из них каррака, второй каравелла, как говорят моряки, но она не может запомнить, что есть что, и запоминать — сплошная головная боль, потому она намерена ограничиться «большим кораблем» и «маленьким кораблем».) Их готовность обороняться от пиратов подтверждает, что на борту есть нечто ценное.

Иннон смотрит на Сиенит, и она яростно ухмыляется.

Она поднимает двойной туман. Первый требует от нее забрать энергию из окружающего на дальнем круге ее предела достижимости, но она это делает, поскольку там находится малый корабль. Второй туман она поднимает в коридоре между «Клалсу» и грузовым кораблем, так что они будут у цели, перед тем как их заметят.

Все идет как по часам. Команда Иннона очень опытна и искусна, остальные, как Сиенит, еще не понимают, что им делать, и их отодвигают в

сторону, когда другие готовятся к делу. «Клалсу» выходит из тумана, на корабле бьют тревогу, но слишком поздно. Люди Иннона палят из катапульт и рвут паруса цепями. Затем «Клалсу» подходит близко к борту — Сиен думает, что они сейчас ударятся, но Иннон знает свое дело — и команда забрасывает крюки, сцепляет борта и подтягивает корабль при помощи большой лебедки, занимающей почти всю палубу.

Это опасный момент, и один из старых членов команды загоняет Сиен под палубу, когда люди с торгового корабля начинают выпускать стрелы, метать камни из пращей и метательные ножи. Она сидит в тени под лестницей, пока остальные бегают вверх и вниз, и ее сердце колотится, а ладони влажны. Что-то тяжелое бьет в обшивку в пяти футах от ее головы, и она съеживается.

Но, Клятая Земля, насколько же это *лучше*, чем торчать на острове, рыбачить да петь колыбельные!

Все заканчивается в считаные минуты. Когда суета затихает и Сиенит осмеливается снова высунуться наверх, она видит, что между двумя бортами переброшен трап, и люди Иннона бегают по нему взад и вперед. Некоторые из них захватили в плен членов команды грузового

судна и держат их на палубе, угрожая им стеклянными ножами, остальная команда сдалась — сдает оружие и ценности, боясь, что иначе повредят заложникам. Некоторые из моряков Иннона уже ушли в трюм, выкатывают оттуда бочонки, выносят ящики и перетаскивают их на палубу «Клалсу». Добычу разберут потом. Сейчас главное — скорость.

Но внезапно слышится крик, и кто-то бешено бьет в колокол — и из клубящегося тумана появляется судно конвоя. Оно идет прямо на них, и Сиенит запоздало понимает их ошибку — она полагала, что боевой корабль *остановится*, не видя ничего вокруг и понимая, что находится слишком близко к другим судам. Но люди не столь логичны. Атакующее судно идет под всеми парусами, и хотя она слышит крики тревоги с его палубы, поскольку они тоже осознают опасность, невозможно остановить его прежде, чем он врежется в «Клалсу» и грузовое судно… и, скорее всего, потопит все три.

Сиенит переполняет сила, взятая из тепла и свободных волн моря. Она реагирует не раздумывая, как вбили в нее во время бесконечной муштры в Эпицентре. Она тянется вниз, сквозь странную скользкость морских минералов,

сквозь вязкую бесполезность донных осадков, вниз. Под океаном камень, древний, дикий, и он весь в ее распоряжении. Люди на всех трех кораблях перестают орать, потрясенно замолкают. Поскольку внезапно палубу атакующего корабля протыкает снизу зазубренный массивный нож донного камня, высовываясь на несколько футов над палубой, пригвождая корабль к месту и не давая ему перевернуться.

Трясясь, Сиенит медленно опускает руки.

Крики на «Клалсу» из тревожных переходят в дикую радость. Некоторые из команды торгового корабля даже выдыхают — лучше уж пусть одно судно пострадает, чем затонут все три.

После того как боевое судно пришпилено к месту, все разворачивается быстро. Иннон находит ее после того, как команда рапортует, что трюм пуст. Сиен переходит к носу, откуда ей видно, как команда судна конвоя пытается стесать зубец.

Иннон становится рядом с ней, и она поднимает взгляд, готовясь принять его гнев. Но он вовсе не гневается.

— Я и не знал, что можно такое сделать, — с изумлением говорит он. — Я-то думал, что вы с Алебастром просто хвастаетесь.

Впервые в жизни Сиенит похвалил за орогению

кто-то, не принадлежащий к Эпицентру, и если бы она уже не начала любить Иннона, то сейчас полюбила бы.

— Не надо было выдергивать его так высоко, — робко говорит она. — Если бы я успела подумать заранее, я бы подняла камень, только чтобы пробить обшивку, чтобы они подумали, что налетели на риф.

Иннон задумывается, поняв ее слова.

— О. А теперь они знают, что у нас на борту есть довольно умелый ороген. — Лицо его становится жестким, Сиенит не понимает, но считает за благо не спрашивать. Так хорошо стоять здесь, рядом с ним, купаясь в лучах успеха. Некоторое время они вместе наблюдают за разгрузкой торгового корабля.

Затем подбегает один из людей Иннона и сообщает, что они закончили: трап убран, крюки сняты, веревки смотаны. Можно уходить. Но Иннон тяжело говорит:

— Стоять.

Она почти понимает, что сейчас будет. Но ей все равно плохо, когда он смотрит на Сиенит с ледяным выражением лица.

— Затопить оба.

Она обещала никогда не оспаривать приказов

Иннона. Она никогда прежде никого не убивала — специально. Это всего лишь ошибка, что она заставила камень подняться так высоко. Неужели действительно нужно, чтобы эти люди погибли из-за ее глупости? Он подходит ближе, и она заранее сжимается, хотя он никогда прежде не делал ей больно. Тем не менее кости ее руки ноют.

Но Иннон всего лишь говорит ей на ухо:

— Ради Бастера и Кору.

Это бессмыслица какая-то. Бастера и Кору здесь нет. Затем до нее доходит. Безопасность всех на Миове зависит от того, что жители материка считают их досадной неприятностью, а не серьезной угрозой. Это доходит до нее и заставляет ее тоже похолодеть. Воспринимать это холодно.

Потому она говорит:

— Отведи нас подальше.

Иннон тут же поворачивается и приказывает «Клалсу» поднять паруса. Как только они отходят на безопасное расстояние, Сиенит делает глубокий вдох.

За семью. Странно думать о них так, но они и есть ее семья. Еще страннее делать что-то по настоящей причине, а не потому, что ей просто приказали. Значит ли это, что она больше не инструмент? И чем она теперь становится?

Все равно.

По ее воле каменное острие выходит из обшивки корабля, оставив десятифутовую дыру близ кормы. Судно тут же начинает тонуть, задирая нос по мере того, как набирает воду. Затем, набрав еще силы с поверхности океана и подняв достаточно тумана, чтобы закрыть видимость на много миль, Сиенит смещает каменный зуб, целясь в киль торгового судна. Быстро ударить вверх и быстро убрать. Словно пырнуть кого-то ножом. Обшивка корабля лопается, как яичная скорлупа, и через мгновение разламывается пополам. Все кончено.

Туман полностью затягивает два тонущих корабля, и «Клалсу» уходит. Вопли тонущих долго преследуют Сиен в текучей белизне.

* * *

На эту ночь Иннон делает исключение. Позже, сидя в постели своего капитана, Сиенит говорит:

— Я хочу увидеть Аллию.

Иннон вздыхает.

— Нет. Не хочешь.

Но тем не менее он отдает приказ, поскольку любит ее. Корабль ложится на новый курс.

* * *

Согласно легенде, Отец-Земля не всегда ненавидел жизнь. На самом деле лористы рассказывают, что некогда он делал все, чтобы облегчить странный расцвет жизни на его поверхности. Он даже создал предсказуемые времена года, делал изменение ветров, волн и температур достаточно медленными, чтобы все живое могло приспособиться и развиваться, создал воды, которые сами очищались, небеса, которые всегда прояснялись после штормов. Он не создавал жизни — она возникла случайно, — но она была ему приятна, он был ею очарован и с гордостью пестовал эту странную дикую красоту, возникшую на его поверхности.

Затем люди стали делать страшные вещи с Отцом-Землей. Они так отравили воду, что даже он не смог ее очистить, и перебили много другой жизни, что процветала на его поверхности. Они просверлили корку его кожи, сквозь кровь его мантии пробились к сладкой мякоти его костного мозга. И в момент расцвета гордыни и могущества человечества именно орогены сделали нечто, чего не смог простить даже Отец-Земля — они погубили его единственное дитя.

Никто из камнелористов, с которыми разговаривала Сиенит, не знал значения той загадочной фразы. Это не Предание камня, это просто традиция, порой записываемая на таких эфемерных носителях, как бумага или кожа, и слишком много Зим исказили ее. Иногда это любимый стеклянный нож Земли, который разбили орогены, иногда его тень, иногда его самый любимый Селект. Что бы это ни значило, и лористы, и прочие как-бишь-там-месты сходятся на том, что случилось после того, как орогены совершили свой тягчайший грех: кора Отца-Земли треснула как яйцо. Почти все живое погибло от его гнева, который стал первым и самым ужасным из Пяти времен года — Зимой Раскола. Хотя древние люди и были могущественны, им не было предупреждения, они не запасли еды, у них не было Предания камня. Только по счастливой случайности выжило достаточно людей, чтобы потом размножиться вновь, и никогда больше жизнь не достигала своих былых высот. Постоянный гнев Отца-Земли никогда не допустит этого.

Сиенит всегда интересовали эти предания. Конечно, в них есть толика поэтического вымысла, попытка примитивных людей объяснить то, чего они не понимали… но все легенды содер-

жат зерно истины. Возможно, древние орогены каким-то образом раскололи кору планеты. Но как? Теперь понятно, что то, чему учат в Эпицентре, — не предел орогении. Возможно, именно потому большему и не учат, если легенда не врет. Но факт остается фактом: даже если всех существующих орогенов вплоть до детей собрать вместе, они не смогут вскрыть поверхности Земли. Это заморозило бы все — просто *нигде* нет такого количества теплоты или движения, чтобы причинить такой вред. Они все выгорели бы при попытке и погибли.

Это значит, что часть этой истории неправда — орогения не может быть причиной гнева Земли. Но только рогга может сделать такой вывод.

Однако воистину изумительно, что человечество сумело пережить пламя этого первого из Сезонов. Поскольку весь мир тогда был как сейчас Аллия… Сиенит по-новому осознает, насколько же Отец-Земля всех их ненавидит.

Сейчас Аллия представляет собой ночной пейзаж алой, нарывной смерти. От общины не осталось ничего, кроме кольца кальдеры, которая некогда его вмещала, и даже его трудно рассмотреть. Прищурившись, Сиенит всматривается в колеблющуюся алую дымку, и ей кажется, словно

она видит несколько уцелевших домов и улиц на склонах кальдеры, но, возможно, она выдает желаемое за действительное.

Ночное небо затянуто облаками пепла, подсвеченными снизу пламенем. Там, где прежде была гавань, растет конус вулкана, извергающего смертоносные облака и горячую родовую кровь из вершины, которая стекает в море. Он уже огромен, занимает весь объем кальдеры, и он уже породил отпрыска. На его боках открылись два дополнительных отверстия, блюющих лавой и газом, как и их отец. Скорее всего, со временем все три срастутся в единое чудовище, поглотят окружающие горы и будут угрожать всем поселениям в радиусе достижимости его облаков или последующих извержений.

Все, с кем Сиенит встречалась в Аллии, теперь мертвы. «Клалсу» не может подойти ближе чем на пять миль к берегу, иначе они рискуют погибнуть — либо обшивку перекосит в горячей воде, либо люди задохнутся в горячих облаках, которые периодически извергает гора. Или запекутся на одном из дочерних каналов, которые продолжают развиваться, расходясь из места, прежде бывшего гаванью Аллии, как спицы колеса, и таящиеся, как смертоносные мины под водой.

Сиен сэссит каждую из этих горячих точек, яркие бурлящие вихри гнева прямо под кожей Земли. Даже Иннон их сэссит и уводит корабль от тех, которые имеют шанс скорее прочих взорваться. Но поскольку пласт сейчас хрупок, новый канал может открыться прямо под ними, прежде чем Сиен успеет почувствовать или запечатать его. Иннон очень рискует, потакая ей.

— Многие с окраин поселения сумели спастись, — тихо говорит ей стоящий рядом Иннон. Вся команда «Клалсу» высыпала на палубу и молча смотрит на Аллию. — Говорят, сначала прямо в гавани была красная вспышка, затем серия вспышек, в каком-то ритме. Как… пульсация. Но первый толчок, когда вся гавань вскипела, стер большинство маленьких строений в поселении. Тогда-то и погибло большинство людей. Тревоги не было.

Сиенит вздрагивает.

Тревоги не было. В Аллии было почти сто тысяч жителей — небольшой по экваториальным стандартам город, но для Побережья крупный. Гордый, и по праву. У них были такие надежды.

Ржавь их побери. Ржавь и пламя грязного, ненавидящего чрева Отца-Земли.

— Сиенит? — Иннон смотрит на нее. Это по-

тому, что Сиен сжала кулаки и подняла руки, словно натягивает узду бешеной, рвущейся вперед лошади. И потому, что узкий, высокий, тугой торус сформировался вокруг нее. Он не ледяной — вокруг полно земного жара. Но он мощный, и даже необученный ронга может сэссить крепнущее сплетение ее воли. Иннон ахает и отступает на шаг.

— Сиен, ты что…

— Я не могу этого так оставить, — шепчет она почти про себя. Вся зона — набухающий смертоносный нарыв, готовый прорваться. Вулкан — лишь первое предупреждение. Большинство каналов в земле крохотные и свернутые, пытающиеся прорваться сквозь различные слои камня, металла и собственной инерции. Они сочатся и остывают, закапываются и снова рвутся наружу, ввинчиваясь и изгибаясь в процессе во все стороны. Однако *вот это* — гигантская лавовая трубка, идущая прямо вверх от того места, откуда вырвался гранатовый обелиск, направляющая прямо к поверхности чистую ненависть Земли. Если ничего не сделать, вскоре вся округа взлетит на воздух в огромном взрыве, который почти наверняка начнет Зиму. Она не может поверить, что Эпицентр оставит все как есть.

Потому Сиенит вонзается в этот кипящий, нарастающий жар и разрывает его со всей яростью, которую она ощущает при виде *Аллии, бывшей Аллии, места, в котором жили люди*. Люди, не заслужившие смерти из-за *меня*, потому что были слишком тупыми, чтобы оставить на месте спящий обелиск, или потому что смели мечтать о будущем. Никто не заслуживает за это смерти.

Это почти просто. В конце концов, все орогены это делают, а горячая точка созрела, ее можно брать. Опасность на самом деле не в ее использовании. Если она вберет весь этот жар и силу и никуда не перенаправит, ее порвет. Но к счастью — она смеется про себя, и все ее тело сотрясается от смеха, — ей надо придушить вулкан.

Потому она сжимает пальцы в кулак и стискивает его глотку своим сознанием, не сжигая, но охлаждая, его же собственным гневом запечатывая все разломы. Она заставляет расширяющийся магматический бассейн схлопнуться назад, назад, вниз — делая это, она нарочно латает пласты внахлест, чтобы каждый давил на находящийся под ним и удерживал магму внизу, по крайней мере пока она не найдет другого, более медленного способа просочиться на поверхность. Это тонкая операция, поскольку она включает мил-

лионы тонн камня и такое давление, которое порождает алмаз. Но Сиенит — дитя Эпицентра, а Эпицентр хорошо ее обучил.

Она открывает глаза и обнаруживает себя в объятиях Иннона, а корабль колышется у нее под ногами. Она удивленно моргает, смотрит снизу вверх на Иннона, у которого распахнутые дикие глаза. Он замечает, что она пришла в себя, и облегчение и страх на его лице одновременно радуют и отрезвляют ее.

— Я сказал всем, что ты не убьешь нас, — говорит он, перекрикивая плеск кипящих морских брызг и крики команды. Она оглядывается по сторонам и видит, как они бешено пытаются спустить паруса, чтобы получить больший контроль над судном среди вдруг взбесившегося моря. — Пожалуйста, не сделай меня лжецом, ладно?

Ржавь. Она привыкла к орогении на суше, забыв о побочных эффектах заваривания разломов в воде. Пусть это благонамеренные толчки, но все же толчки, и — о, Земля — она чувствует это. Она стронула цунами. И она кривится и стонет от протеста своих сэссапин в затылке. Она перестаралась.

— Иннон. — Голова гудит от боли. — Ты должен… м-м-м… Направь волны соответствующей

амплитуды, под поверхностью…

— Что? — Он отворачивается, чтобы крикнуть что-то одной из морячек на своем языке, и она ругается про себя. Естественно, он не понимает, о чем она. Он не знает языка Эпицентра.

Но внезапно воздух вокруг них холодеет. Дерево обшивки стонет от перемены температуры. Сиен в тревоге ахает, хотя перемена на самом деле не такая уж и сильная. Просто летняя ночь сменяется осенней, хотя всего за пару минут, и в этой перемене есть что-то знакомое, как теплая рука в ночи. Иннон ахает, тоже узнавая это — Алебастр. Конечно же, у него хватает радиуса достижимости. Он успокаивает зарождающиеся волны в единый миг.

Когда все кончается, корабль снова стоит на спокойной воде перед вулканом Аллии… который теперь спокойный и темный. Он еще дымит и пробудет горячим много десятилетий, но больше не выплескивает свежей магмы или газа. Небеса над ним уже расчищаются.

Лешейе, старпом Иннона, подходит, опасливо глядя на Сиенит. Он что-то быстро говорит, Сиенит не успевает понять до конца, но смысл улавливает: *Когда она в другой раз будет останавливать вулкан, пусть сначала с корабля сойдет.*

Лешейе прав.

— Извини, — бормочет Сиенит на этурпике, тот что-то ворчит в ответ и топает прочь.

Иннон качает головой, отпускает ее и кричит, чтобы снова развернули паруса. Он смотрит на нее сверху вниз.

— С тобой все хорошо?

— Отлично. — Она массирует голову. — Просто я никогда прежде ничего такого большого не делала.

— Я не думал, что ты так можешь. Я думал, что только кто-то вроде Алебастра, у кого колец больше, чем у тебя, такое может. Но ты такая же сильная, как и он.

— Нет, — чуть смеется Сиенит, вцепляясь в релинг и наваливаясь на него так, чтобы больше не пришлось опираться на Иннона. — Я просто делаю то, что возможно. А он переписывает ржавые законы природы.

— Хех, — Иннон издает странный звук, и Сиенит смотрит на него с удивлением — на его лице чуть ли не сожаление. — Иногда, когда я вижу, что вы с ним вытворяете, я жалею, что не ходил в этот самый ваш Эпицентр.

— Не надо. — Она даже думать не хочет, что из него там сделали бы, если бы он вырос в нево-

ле со всеми остальными. Был бы Иннон, но без раскатистого смеха или веселого гедонизма и радостной уверенности. Иннон, но с куда более слабыми красивыми руками и более неуклюжими из-за переломов. *Не* Иннон.

Он печально улыбается ей, словно угадал ее мысли.

— Когда-нибудь ты должна мне рассказать, каково там. Почему все, кто приходит оттуда, так искусны… и испуганы.

Он поглаживает ее по спине и идет последить за изменением курса.

Но Сиенит остается у релинга. Внезапно ее до самых костей пробирает холод, не связанный с мимолетным изгибом мощи Алебастра.

Это потому, что корабль кренится набок при повороте, и она последний раз бросает взгляд туда, где была Аллия прежде, чем ее безумие разрушило город…

…она кого-то видит.

Или думает, что видит. Поначалу она не уверена. Она прищуривается и может рассмотреть лишь более бледную полосу, ведущую к чаше Аллии по ее южному изгибу, которую сейчас лучше видно, когда алое свечение вулкана угасло. Это явно не имперский тракт, по которому они

с Алебастром приехали в Аллию когда-то, одну чудовищную ошибку назад. Скорее всего, это грунтовая дорога, которой пользовались местные, проложенная по просеке и не заросшая из-за многих лет пешего использования.

По дороге движется маленькая точка, которая отсюда кажется человеком, спускающимся с холма. Но этого не может быть. Никто в здравом уме не захочет находиться так близко к активному смертоносному взрыву, уже погубившему тысячи людей.

Она присматривается пристальнее, переходит на корму, чтобы продолжать смотреть в этом направлении, пока «Клалсу» идет прочь от берега. Если бы у нее только была одна из подзорных труб Иннона. Если бы она была уверена…

Поскольку в какой-то момент она думает, она *видит*, или ей чудится от усталости, или воображает в тревоге…

Старшие Эпицентра никогда не оставили бы такую нарастающую опасность неурегулированной. Разве что у них был весомый повод так поступить. Разве что им было приказано так поступить.

…что идущая фигура одета в винно-красную форму.

* * *

Иной говорит, что Земля в гневе,
Поскольку не хочет общества.
Я скажу, что он в гневе
От одиночества.

Древняя (доимперская) народная песня.

21

Ты снова собираешь отряд

— Ты, — внезапно обращаешься ты к Тонки. Которая вовсе не Тонки.

Тонки, которая, блестя глазами, с маленьким зубилом в руке подбирается к одной из стенок кристалла. Откуда она вытащила зубило — неведомо. Тонки останавливается и растерянно смотрит на тебя.

— Что?

Это конец дня, ты устала. Обнаружение невероятного поселения в гигантской подземной жеоде вымотало тебя. Люди Юкки поселили тебя и остальных в помещении, расположенном по центру одной из кристаллических колонн. Чтобы туда добраться, приходится идти по веревочному мосту и окружающей его деревянной платформе. У помещения пол ровный, хотя сам кристалл наклонный. Люди, которые вырезали это помещение, похоже, не понимали, что никто не *будет забывать*, что живет в штуке, наклоненной под углом в сорок пять градусов, лишь потому, что пол в доме ровный. Но ты пытаешься выкинуть

это из головы.

И где-то по ходу осмотра помещения, распаковки рюкзака и обдумывания мысли *Пока я отсюда не уйду, это мой дом* ты вдруг понимаешь, что *знаешь* Тонки. И все время подспудно это осознавала.

– *Биноф. Лидер. Юменес*, — резко выговариваешь ты, и каждое твое слово как удар. Тонки съеживается и пятится на шаг, потом еще. Затем еще, пока не упирается в гладкую кристаллическую стену комнаты. На лице ее ужас или, возможно, вина, такая глубокая, что кажется ужасом. За какой-то чертой это становится одним и тем же.

— Я не думала, что ты вспомнишь, — пищит она.

Ты встаешь, опираешься руками о стол.

— Невозможно, чтобы ты отправилась в путь с нами. Этого быть не может.

Тонки пытается улыбнуться, но выходит гримаса.

— Как будто не бывает совпадений…

— С тобой — нет. — Не может такого быть с ребенком, который пробрался в Эпицентр и раскрыл секрет, стоивший жизни Стражу. Женщина, выросшая из такого ребенка, не оставит дело так.

Ты уверена в этом. — По крайней мере, с годами ты лучше научилась *прикидываться.*

Хоа, который стоял в дверях комнаты — опять на страже, думаешь ты, — поворачивает голову то к одной из вас, то к другой. Вероятно, он смотрит, как развивается ваша конфронтация, готовясь к той, которая обязательно будет между ним и тобой.

Тонки отводит взгляд. Ее немного трясет.

— Это не Совпадение. То есть… — Она делает глубокий вдох. — Я не следила за тобой. У меня *были люди*, чтобы следить за тобой, но это другое дело. Я сама пустилась за тобой следом только в последние несколько лет.

— Твои люди следили за мной. *Почти тридцать лет*?

Она моргает, затем чуть расслабляется и хихикает. Смех горький.

— У моей семьи денег больше, чем у императора. Короче, первые двадцать лет или около того было легко. Мы потеряли твой след десять лет назад. Но… ладно.

Ты наотмашь бьешь ладонью по столу, и, возможно, тебе кажется, что на миг хрустальные стены загораются чуть ярче. Это почти отвлекает тебя. Почти.

— Прямо сейчас мне хватит сюрпризов, — говоришь ты сквозь зубы.

Тонки вздыхает и приваливается к стене.

— Извини.

Ты так мотаешь головой, что твой узел распускается.

— Мне не надо извинений! *Объясни*. Ты кто, Инноватор или Лидер?

— Оба.

Ты готова заморозить ее. Она читает это в твоем взгляде и выпаливает:

— Я родилась Лидером. Правда! Я Биноф. Но… — Она разводит руками. — Кого я могу вести? Я не сильна в таком. Ты видела, какой я была в детстве. Никакой деликатности. Я плохо лажу с людьми. А вот вещи — вещи я делать умею.

— Мне плевать на твою ржавую историю…

— Но это относится к делу! История всегда относится к делу! — Тонки, Биноф, или кто там она еще, отлипает от стены и смотрит с мольбой. — Я правда геомест. Я действительно училась в Седьмом университете, но… но… — Она кривится. Ты не понимаешь выражения ее лица. — Я не очень хорошо училась. Но я всю жизнь посвятила изучению той вещи, *гнезда*, которое мы нашли в Эпицентре. Иссун, ты знаешь, что это такое?

— Мне все равно.

Однако тут Тонки-Биноф хмурится.

— Это важно, — говорит она. Теперь у нее яростный вид, а ты изумленно пятишься. — Я всю жизнь положила на разгадку этой тайны! Это *важно*! И это должно быть важно и для тебя, поскольку ты единственный человек во всем Спокойствии, который способен придать этому смысл!

— Пламя земное, ты о чем?

– *Там они их строили*, — Биноф-Тонки быстро подается вперед, ее лицо сияет. — В том гнезде в Эпицентре. *Оттуда взялись обелиски*. И там все пошло вкривь и вкось!

* * *

И все кончается тем, что все снова представляются друг другу. На сей раз до конца.

Тонки действительно Биноф. Но она предпочитает быть Тонки — это имя она выбрала себе при поступлении в Седьмой университет. Оказывается, детям Лидеров Юменеса запрещено заниматься какой-либо другой профессией, кроме политики, судебной практики или крупной торговли. Также это запретно для ребенка, родившегося девочкой, а не мальчиком, — похоже,

семьи Лидеров не пользуются услугами Селектов, они скрещиваются внутри себя, и то, что Тонки родилась девочкой, разрушило пару-другую оговоренных заранее браков. Конечно, они могли устроить и другие браки, но тенденция Тонки говорить то, чего не следует, и делать то, что не имеет смысла, стало последней соломинкой. Потому семейство Тонки похоронило ее в лучшем центре обучения Спокойствия, дало ей новое имя, поддельную функционал-касту и спокойненько отреклось от нее без всякой шумихи и опасений скандала.

Однако Тонки прекрасно там себя чувствовала, если не считать яростных дискуссий с парой известных ученых, большинство из которых она выиграла. И свою профессиональную жизнь она посвятила изучению того, что привело ее в Эпицентр много лет назад — обелисков.

— Не то чтобы меня интересовала конкретно *ты*, — говорит она. — То есть я… ты мне помогла, и мне надо было позаботиться, чтобы тебе за это не досталось, вот с этого все и началось. Но пока я изучала тебя, поняла, что у тебя есть *потенциал*. Ты была одной из тех, у кого однажды могла развиться способность повелевать обелисками. Понимаешь, это редкая способность. И… ну… я

надеялась.

К этому моменту ты уже успела сесть, и вы обе понизили голос. Ты не можешь продолжать злиться — слишком со многим надо разобраться прямо сейчас. Ты смотришь на Хоа, стоящего на краю комнаты и настороженно наблюдающего за вами обеими. Надо еще с ним поговорить. Все тайны выходят наружу. Твои тоже.

— Я умерла, — говоришь ты. — Это было единственным способом спрятаться от Эпицентра. Я *умерла*, чтоб отделаться от них, и все же я не смогла уйти от тебя.

— Ну да. У моих людей не было всяких тайных сил, чтобы следить за тобой, мы использовали дедукцию. Это гораздо надежнее. — Тонки усаживается в кресло напротив тебя за столом. В вашей квартире три комнаты — эта небольшая рабочая центральная комната и две спальни. Тонки нужна личная спальня, поскольку она снова начинает вонять. Ты готова делить комнату с Хоа только после того, как получишь ответы на определенные вопросы, так что некоторое время тебе, возможно, придется спать здесь.

— Последние несколько лет я сотрудничала… с некоторыми людьми. — Тонки внезапно снова замыкается, что для нее несложно. — По

большей части это другие месты, которые тоже задавали вопросы, на которые никто не желал отвечать. Специалисты в других областях. Последние несколько лет мы отслеживали обелиски, все, какие могли. Ты не замечала, что у них есть определенная схема движения? Они медленно сходятся туда, где находится ороген с достаточными способностями. Кто-то, кто может их использовать. Только два двигались к тебе, в Тиримо, но этого было достаточно для экстраполяции.

Ты хмуришься и поднимаешь взгляд.

— Они двигались ко мне?

— Да, или к другому орогену неподалеку от тебя. — Тонки выдохнула, теперь она ест какой-то сушеный фрукт из своего рюкзака. Она не видит твоей реакции, того, как ты на нее смотришь, а у тебя кровь застыла в жилах. — Триангуляционные линии были достаточно четкими. Скажем так, Тиримо был центром круга. Ты должна была находиться там уже много лет — один из обелисков, идущих к тебе, не менял курса почти десять лет, от самого Восточного побережья.

— Тот аметист, — шепчешь ты.

— Да. — Тонки смотрит на тебя. — Вот почему я заподозрила, что ты еще жива. Обелиски… ска-

жем так, связаны с определенными орогенами. Я не знаю, как это работает. Не знаю почему. Но это конкретно и предсказуемо.

Дедукция. Ты мотаешь головой, не находя слов от потрясения. Она продолжает.

— Как бы то ни было, в последние два-три года они набрали скорость, так что я направилась в этот регион и прикинулась неприкаянной, чтобы лучше отслеживать их. Но затем стряслась эта хрень на севере, и я подумала, что неплохо бы иметь под рукой человека, управляющего обелиском. И… я попыталась найти тебя. Я была на пути в Тиримо, когда заметила тебя в том дорожном доме. Мне повезло. Я намеревалась проследить за тобой несколько дней, чтобы решить, когда открыть тебе, кто я такая на самом деле… но тут он превратил киркхушу в камень. — Она показывает головой на Хоа. — Я поняла, что лучше помалкивать и вместо этого немного понаблюдать.

Понятное дело.

— Ты сказала, что к Тиримо направлялся не один обелиск. — Ты облизываешь губы. — Должен был быть только один. — Аметист единственный, с которым ты связана. Единственный, который остался.

— Было два. Аметист и еще один, из Мертза.

Это большая пустыня на северо-востоке.

Ты качаешь головой.

— Я никогда не бывала в Мертзе.

Тонки несколько мгновений молчит, не то заинтригованная, не то озадаченная.

— Так сколько орогенов было в Тиримо?

Три. Но.

— Набрал скорость.

Внезапно ты лишаешься способности размышлять. Не можешь ответить на ее вопрос. Не можешь составить полного предложения. *Набрал скорость за последние два-три года.*

— Да. Мы не знали, чем это было вызвано. — Тонки молчит, затем искоса смотрит на тебя сузившимися глазами. — Ты?

Уке было два года. Почти три.

— Вон пошла, — шепчешь ты. — Иди вымойся или что еще. Мне надо подумать.

Она медлит, ей явно хочется задать еще несколько вопросов. Затем ты поднимаешь взгляд, и она тут же встает. Через несколько минут она выходит из дома, тяжелая занавесь падает за ней. Здесь нет дверей, но занавеси достаточно хорошо отгораживают личное пространство. Некоторое время ты сидишь молча, в голове у тебя пусто.

Затем ты поднимаешь взгляд на Хоа. Он стоит

рядом с пустым креслом Тонки, откровенно ожидая своей очереди.

— Стало быть, ты камнеед, — говоришь ты.

Он серьезно кивает.

— Ты выглядишь… — Ты делаешь жест рукой, не зная, как это сказать. Он никогда не выглядел по-настоящему нормальным, но он явно не выглядит так, как предполагается выглядеть камнееду. У них не шевелятся волосы. У них не идет кровь. Они проходят сквозь камень в мгновение ока, но лестницы они преодолевают за долгие часы.

Хоа чуть ерзает, кладет на колени свой рюкзак. Он несколько мгновений роется в нем, затем достает оттуда тряпичный сверток, который ты уже некоторое время не видела. Вот, значит, куда он его дел. Он развязывает его и дает тебе, наконец, увидеть, что он хранил в нем все это время.

В узелке, насколько ты можешь сказать, много осколков грубо наколотых кристаллов. Может, кварц, может, гипс, за исключением нескольких осколков, которые не молочно-непрозрачные, а кроваво-красные. Ты не уверена, но узелок вроде бы меньше, чем обычно. Он растерял их, что ли?

— Камни, — говоришь ты. — Ты таскал с собой… камни?

Хоа мнется, затем берет один белый осколок. Поднимает его — он размером с ноготь твоего большого пальца, квадратный, сильно сколотый с одной стороны. Выглядит твердым.

Он ест его. Ты пялишься на него, а он смотрит на тебя, поедая камень. Он чуть катает его во рту, словно ищет верный угол атаки или просто держит на языке, наслаждаясь его вкусом.

Затем сжимает челюсти. Раздается хруст, на удивление громкий в тишине комнаты. Еще несколько уже не таких громких хрустов, не оставляющих сомнения, что он жует эту совсем не еду. Затем он сглатывает и облизывает губы.

Ты в первый раз видишь, как он ест.

— Пища, — говоришь ты.

— Я. — Он протягивает руку и с любопытной осторожностью кладет ее на горку камней.

Ты хмуришься. Это даже бессмысленнее, чем обычно.

— Тогда… что это? Что-то, что позволяет тебе выглядеть как мы? — Ты не знала, что они так могут. Но опять же, камнееды ничего о себе не рассказывают и терпеть не могут, когда их расспрашивают. Ты читала отчет Шестого университета в Аркаре о попытках захватить камнееда для изучения две Зимы назад. В результате в Дибарсе

был построен Седьмой университет — только после того, как они выкопали достаточно книг из-под руин Шестого.

— Кристаллическая структура — очень эффективное средство хранения. — Эти слова бессмысленны. Затем Хоа повторяет, четко. — Это я.

Ты хочешь еще порасспрашивать его, но затем решаешь, что не надо. Если бы он хотел, чтобы ты поняла его, объяснил бы. И в любом случае это не имеет значения.

— Зачем? — говоришь ты. — Зачем ты сделал себя таким? Почему просто не быть тем… что ты есть?

Хоа одаряет тебя таким скептическим взглядом, что ты осознаешь всю глупость своего вопроса. Ты позволила бы ему идти с тобой, знай, кто он такой? И опять же — знай ты, кто он такой, не пыталась бы остановить его. Никто не может запретить клятому камнееду делать то, что он хочет.

— Зачем стараться-то? — спрашиваешь ты. — Разве ты просто не мог… вы же умеете проходить сквозь камень.

— Да. Но я хотел идти с тобой.

Вот мы и дошли до самой сути.

— Почему?

— Ты мне нравишься. — И тут он пожимает плечами. *Пожимает плечами*! Как любой ребенок, которому задают вопрос, на который он не знает, как ответить — или не хочет. Может, это не важно. Может, это был просто порыв. Может, он, в конце концов, уйдет, следуя какому-то другому капризу. Один тот факт, что он не ребенок — что он вообще не человек, что ему, вероятно, несколько Зим, что он происходит из расы, которая не может действовать по прихоти, потому что это ржавски трудно, — превращает все в ложь.

Ты трешь лицо. Твои руки от пепла стали шершавыми, тебе тоже нужна баня. Ты вздыхаешь и слышишь, как он тихо говорит:

— Я не хочу причинять тебе страданий.

Ты моргаешь, затем медленно опускаешь руки. Тебе и в голову не приходило, что он на такое способен. Даже сейчас, когда ты знаешь, кто он, когда ты видела, что он может… тебе трудно думать о нем, как о пугающей, таинственной, непостижимой твари. И это более чем что-либо другое говорит тебе, почему он так поступил с собой. Он не хочет, чтобы ты его боялась.

— Рада слышать, — говоришь ты. И поскольку больше говорить не о чем, вы просто некоторое время смотрите друг на друга.

— Здесь небезопасно, — говорит он.

— Поняла уже.

Слова сказаны, покончено с лживым тоном и всем таким, и тут ты по-настоящему спохватываешься. Действительно удивительно, что ты чувствуешь себя паршиво. Ведь после Тиримо ты ненавидела людей. Но затем до тебя доходит — ты иначе вела себя с Джиджей и всеми остальными до того, как все это случилось с Уке. Прежде ты всегда старалась быть заботливее, спокойнее. Никогда не была саркастичной. Если ты злилась — то этого не показывала. Иссун не должна была быть такой.

Ну, ты не совсем Иссун. *Не только* Иссун. Больше нет.

— Другие, такие как ты, которые здесь, — начинаешь ты. Его личико твердеет — откровенный гнев. Ты с удивлением замолкаешь.

— Они не как я, — холодно говорит он.

Вот как, значит.

С тебя хватит.

— Мне надо отдохнуть, — говоришь ты. Ты шла целый день и, как бы ни любила мыться, ты не уверена, что готова раздеться и сделать себя уязвимой перед людьми Кастримы. Особенно с учетом того, что они просто держат тебя в залож-

никах своим милым тихим способом.

Хоа кивает. Он начинает снова завязывать свой узелок.

— Я буду стеречь.

— Ты вообще спишь?

— Иногда. Меньше, чем ты. Сейчас мне это не нужно.

Как удобно. И ты доверяешь ему больше, чем жителям этой общины. Не должна бы, но доверяешь.

Ты встаешь и идешь в спальню, ложишься на матрас. Это простая штука, просто солома и хлопок, набитые в холщовый мешок, но это лучше жесткой земли и даже твоего спального мешка, так что ты падаешь на него. Через пару секунд ты засыпаешь.

Проснувшись, ты не понимаешь, сколько прошло времени. Хоа свернулся рядом с тобой, как делал это последние недели. Ты садишься и хмуро смотришь на него. Он настороженно моргает тебе в ответ. Ты в конце концов качаешь головой, и ругаешься себе под нос, и встаешь.

Тонки уже у себя. Ты слышишь, как она похрапывает. Когда ты выходишь из дома, понимаешь, что не знаешь, который час. Наверху ты могла отличать день от ночи, несмотря на облака и

пеплопад: будь то яркий пеплопад и облака, пеплопад с красными искрами и облака. Но здесь… ты оглядываешься по сторонам и видишь только гигантские светящиеся кристаллы. И город, который люди выстроили на них вопреки всему.

Ты ступаешь на одну из грубых деревянных платформ возле вашей двери и морщишься, глядя на ее совершенно ненадежные перила.

Какой бы ни был час, несколько десятков человек занимаются каким-то делом внизу, на земле. В любом случае тебе нужно узнать побольше об этой общине. Прежде чем ты ее уничтожишь, если эти люди попытаются не дать тебе уйти.

(Ты не обращаешь внимания на внутренний голос, который говорит: *Юкка тоже рогга. Ты действительно хочешь сцепиться с ней*?)

(Ты отлично умеешь не слушать внутренний голос.)

Поначалу трудно понять, как можно спуститься на землю, поскольку все эти платформы, мостики и лестницы построены для того, чтобы связывать кристаллы. Кристаллы идут во всех направлениях, потому и пути тоже. В этом нет никакого наития. Приходится идти по одному пролету лестницы наверх и обходить колонну одного из самых больших кристаллов, чтобы

обнаружить платформу, у которой вообще нет ступеней. Приходится возвращаться по своим следам. Народу снаружи мало, и проходящие по своим делам люди смотрят на тебя с любопытством или враждебностью, поскольку в городе ты явный новичок: они чистые, а ты серая от дорожного пепла. Они выглядят упитанными, а на тебе одежда болтается, поскольку ты много недель только и питалась дорожным рационом на ходу. Ты ничего не можешь поделать — они с первого взгляда не нравятся тебе, потому ты упрямо не спрашиваешь у них пути.

Наконец ты спускаешься вниз. Здесь как никогда становится очевидным, что ты идешь по полу огромного каменного пузыря, поскольку пол плавно понижается и изгибается, формируя заметную, пусть и гигантскую, чашу. В остром конце этого овоида находится Кастрима. Внизу тоже есть кристаллы, но они короткие, некоторые едва тебе по грудь, а самые большие всего десять-пятнадцать футов в высоту. Некоторые из них охвачены деревянными перегородками, и кое-где видны бледные пятна грубой земли, откуда ради пространства были удалены кристаллы. (Ты отстраненно думаешь, как люди сумели это сделать.) Все это создает лабиринт пересекаю-

щихся путей, каждый из которых ведет к той или иной важной точке поселения: гончарной мастерской, кузнице, стекловарне, пекарне. Возле некоторых дорожек ты видишь навесы и биваки, некоторые заняты. Очевидно, не всем жителям общины удобно ходить по связкам деревянных платформ на высоте сотен футов над полом, усеянным гигантскими штырями. Забавно.

(Это снова сарказм не в духе Иссун. Да ржавей все это, ей надоело сдерживаться.)

Бани найти легко, поскольку на серо-зеленом камне пола виднеется тропинка мокрых следов, ведущих в одном направлении. Ты идешь в обратном направлении по ним и с приятным удивлением обнаруживаешь, что бани — это огромное озеро чистой, горячей, исходящей паром воды. Озеро ограждено стеной чуть выше уровня пола жеоды, и от него отходит канал, откуда по латунным трубам вода куда-то отводится. На другом берегу озера ты видишь нечто вроде водопада, извергающегося из другой трубы, подающей воду в озеро. Вода, вероятно, циркулируется для очищения каждые несколько часов, но тем не менее есть заметная помывочная на одной стороне, с деревянными скамьями и полками с различными банными принадлежностями. Там

несколько человек трут себя мочалками, прежде чем спуститься в большое озеро.

Ты раздеваешься. Когда ты уже почти покончила с помывкой, на тебя падает какая-то тень, и ты вздрагиваешь и вскакиваешь на ноги, спотыкаешься о лавку и тянешься к земле, прежде чем до тебя доходит, что ты, наверное, перегибаешь палку. Но тут ты чуть не роняешь мыльную мочалку, потому что…

…это *Лерна*.

— Да, — говорит он, пока ты пялишься на него. — Я так и думал, что это можешь быть ты, Иссун.

Ты продолжаешь пялиться на него. Он немного изменился. Стал чуть тяжелее, хотя и похудел точно так же, как и ты: вымотан путешествием. Сколько это длилось? Недели? Месяцы? Ты теряешь ход времени. И что он тут делает? Он должен был оставаться в Тиримо, Раск никогда не дал бы доктору уйти…

О. Да.

— Стало быть, Юкка сумела приманить тебя. Надо было бы удивиться. — Устал. Он выглядит усталым. На его скуле шрам, этакий белый полумесяц, который вряд ли потемнеет. Ты продолжаешь сверлить его взглядом, и он пере-

ступает с ноги на ногу. — Надо же, именно туда, куда меня привело… и вот, ты здесь. Может, судьба, может, и правда кроме Старика-Земли есть и другие боги, которым действительно есть до нас дело. Или, может, они тоже злые и это их шутка. Чтоб я знал.

— Лерна, — говоришь ты, и это то, что нужно сейчас.

Он опускает взгляд, и ты запоздало вспоминаешь, что ты голая.

— Надо было дать тебе домыться, — говорит он, быстро отворачиваясь. — Поговорим, как закончишь. — Тебе нет дела до того, что он видел твою наготу — в конце концов, он помогал родиться одному из твоих детей, ржавь побери, но он вежлив. Тебе знакома его привычка — он обращается с тобой как с человеком, хотя и знает, кто ты, и это странно ободряет после всех этих странностей и всего, что так изменило твою жизнь. Обычно то, что ты оставляла позади, не преследовало тебя.

Он уходит из помывочной, и ты снова садишься и заканчиваешь мытье. Больше никто не беспокоит тебя, хотя ты замечаешь, что многие обитатели Кастримы смотрят на тебя с интересом. И уже не так враждебно, хотя это неудивительно, ты не выглядишь слишком пугающе. То, что заставит

их тебя ненавидеть, увидеть нельзя.

И все же… знают ли они, кто такая Юкка? Та белокурая женщина, что была с ней наверху, определенно знает. Возможно, Юкка знает о ней что-то такое, что заставляет ее помалкивать. Но вряд ли. Юкка слишком откровенна в отношении себя, слишком открыто говорит об этом с чужаками. И еще она слишком харизматична, слишком привлекательна. Юкка ведет себя так, словно быть орогеном — это просто еще один талант, еще одна личная особенность. Такое поведение и такое всеобщее принятие этого ты видела прежде только один раз.

Отмокнув и ощутив себя чистой, ты выбираешься из купальни. У тебя нет никаких полотенец, кроме твоей грязной пепельной одежды, так что тебе приходится еще и отстирывать ее в прачечном отделении. По окончании стирки одежда твоя становится влажной, но ты еще недостаточно осмелела, чтобы ходить по чужой общине нагишом, и в жеоде в любом случае тепло как летом. Потому ты и поступаешь как летом — надеваешь мокрую одежду, понимая, что она быстро высохнет.

Лерна ждет тебя.

— Туда, — показывает он, поворачивая, чтобы

идти с тобой.

Ты следуешь за ним, и он ведет тебя через лабиринт ступенек и платформ, пока вы не доходите до приземистого серого кристалла, торчащего из стены всего на двадцать или около футов. У него там жилье, куда меньшее, чем то, что ты делишь с Тонки и Хоа, но ты видишь полки, заваленные пакетиками с травами и свернутыми бинтами, и нетрудно понять, что странные скамьи в большой комнате, скорее всего, импровизированные койки. Доктор должен быть готов к визитам. Он знаком велит тебе сесть на одну из коек и садится напротив.

— Я ушел из Тиримо на следующий день после тебя, — спокойно говорит он. — Ойамар, заместитель Раска, ты его помнишь, полный идиот, попытался устроить выборы нового главы. Не хотел брать на себя ответственность в преддверии грядущей Зимы. Все знали, что Раск никогда не выбрал бы его, но его семья сделала Раску одолжение, выдав ему права на надзор за лесозаготовками на западе… — Он осекается, поскольку все это больше ничего не значит. — Короче. Половина этих клятых Опор бегала по общине с оружием и пьяные, обвиняя каждого встречного в том, что он рогга или рогголюб. Вторая полови-

на делала то же самое — только более скрытно и хладнокровно, что было куда опаснее. Я понимал, что теперь только вопрос времени, пока вспомнят обо мне. Все знали, что я твой друг.

Значит, и тут ты виновата. Из-за тебя ему пришлось бежать из места, в котором он был бы в безопасности. Ты неловко опускаешь взгляд. Теперь и он употребляет слово «рогга».

— Я думал, что смогу добраться до Сияния, откуда родом моя мать. Меня там едва знают, но *обо мне* знали, и что я доктор тоже, потому… я понял, что у меня есть шанс. В любом случае это было лучше, чем оставаться в Тиримо и быть повешенным. Или подохнуть с голоду, когда придет холод, а Опоры все разграбили и сожрали. И я подумал… — Он мнется, бросает на тебя короткий взгляд, затем снова смотрит на свои руки. — Я подумал, что смогу нагнать тебя по дороге, если буду идти достаточно быстро. Но это было глупо — конечно же, я тебя не догнал.

Между вами всегда была какая-то недосказанность. Лерна каким-то образом узнал, что ты такое, еще когда ты жила в Тиримо, хотя ты ему не рассказывала. Он это понял потому, что *следил* за тобой и замечал признаки, и потому, что он умен. Сыну Макенбы ты всегда нравилась. Ты думала,

что когда-нибудь он это перерастет. Ты немного ерзаешь, смятенно осознавая, что не перерос.

— Я ускользнул ночью, — продолжает он, — сквозь одну из щелей в стене, там… рядом… с тем местом, где тебя пытались задержать. — Его руки сложены на коленях, он продолжает смотреть на них. Они неподвижны, только он то и дело медленно поглаживает большим пальцем костяшки другой руки. Жест кажется медитативным. — Я шел с толпой, по карте… но я никогда не был в Сиянии. Огонь земной, я до того, считай, и не покидал Тиримо. Только раз, когда заканчивал свое медицинское образование в Хильдже. Короче, либо карта была неточной, либо я плохо читал ее. Может, и то, и другое. У меня не было компаса. Может, я слишком быстро свернул с имперского тракта… двинулся на юго-восток, когда думал, что иду точно на юг… не знаю. — Он вздыхает и проводит рукой по голове. — Когда я понял, насколько сбился с пути, я ушел уже так далеко, что просто уже надеялся хотя бы найти дорогу получше, продолжая идти в прежнем направлении. Но на одном перекрестке я встретил шайку. Бандиты, неприкаянные, все такое. Тогда я шел с кучкой людей — стариком с большой раной на груди, которую я обработал, и его дочерью лет

пятнадцати. Бандиты…

Он стиснул челюсти. Ты прекрасно понимаешь, что случилось. Лерна не боец. Однако он жив, и только это и имеет значение.

— Маральд — так его звали — бросился на одну из них. У него не было оружия или чего еще, а у женщины было мачете. Не понимаю, что он намеревался сделать. — Лерна глубоко вздыхает. — Но он глянул на меня, и я… я… я схватил его дочь и убежал. — Он еще сильнее стискивает челюсти. Странно, что ты не слышишь хруста зубов. — Потом она меня бросила. Назвала трусом и сбежала.

— Если бы ты ее не увел, — говоришь ты, — и ее, и тебя убили бы.

Это тоже есть в Предании Камня: *Честь — когда безопасно, выживание — в час угрозы*. Лучше быть живым трусом, чем мертвым героем.

Губы Лерны складываются в ниточку.

— Так я себе все время и говорил. Позже, когда она сбежала… Огонь земной. Может, все, что я сделал, было лишь отсрочкой неизбежного. Девочка ее возраста, безоружная, одна на дороге…

Ты ничего не говоришь. Если девочка была здорова и хорошо сложена, ее кто-нибудь примет в общину хотя бы в качестве Селекта. Если у нее

есть более высокое функционал-имя или она добудет оружие и припасы и зарекомендует себя, это ей тоже поможет. Ее шансы вместе с Лерной были бы выше, чем в одиночку, но она сделала свой выбор.

— Я даже не знаю, чего они хотели, — Лерна смотрит на свои руки. Может, с тех пор он все время ест себя поедом. — У нас ничего не было, кроме рюкзаков.

— Этого достаточно, если у бандитов кончались припасы, — говоришь ты прежде, чем успеваешь прикусить язык. Но он все равно вряд ли слышит тебя.

— Потому я пошел дальше один. — Он невесело хмыкает. — Я так беспокоился о ней, что мне даже не приходило в голову, что я сам не в лучшем положении. — Это правда. Лерна — самый обычный срединник, как и ты, только не унаследовал ни роста, ни стати санзе — вероятно, потому он так старательно накачивал свою умственную силу. Но вырос он симпатичным по большей части благодаря случайной игре наследственности с разных сторон. Длинный нос чебаки, плечи и цвет кожи санзе, губы западных побережников… Он слишком расово пестрый на вкус экваториальных общин, но по стандартам

южных срединников весьма хорош собой.

— Когда я шел через Кастриму, — продолжает он, — она показалась мне заброшенной. Я устал от бегства, да и вообще… Подумал, что могу на ночь устроиться в одном из домов, может, разведу костерок, надеясь, что никто не заметит. Хоть поем нормально для разнообразия. Продержусь, пока не пойму, что делать дальше. — Он слабо улыбается. — И когда я проснулся, я был окружен. Я сказал им, что я врач, и меня забрали вниз. Это было где-то недели две назад.

Ты киваешь. Рассказываешь ему собственную историю, не пытаясь ничего скрывать или врать. Все, не только свою жизнь в Тиримо. Может, ты чувствуешь себя виноватой — он имеет право знать всю правду.

После того как вы некоторое время сидите молча, Лерна просто встряхивает головой и вздыхает.

— Я не ожидал, что на моем веку случится Пятое время года, — тихо говорит он. — То есть всю свою жизнь я слушал предания, как и все остальные… но я не думал, что такое случится *со мной*.

Все так думают. *Ты* уж точно не ожидала, что, кроме всего прочего, тебе придется столкнуться еще и с концом мира.

— Нэссун здесь нет, — через некоторое время говорит Лерна. Он говорит тихо, но ты вздергиваешь голову. Его лицо смягчается при взгляде на твое. — Мне жаль. Но я пробыл тут достаточно долго, чтобы повстречаться со всеми новичками в этой общине. Я знаю, кого ты надеешься найти.

Нэссун здесь нет. И нет ни направления, ни реального способа найти ее. Внезапно у тебя не остается даже надежды.

— Иссун. — Лерна резко подается вперед и берет твои руки в свои. Ты не сразу осознаешь, что твои руки начинают дрожать, и его пальцы до сих пор сплетены с твоими. — Ты найдешь ее.

Эти слова бессмысленны. Пустая болтовня ради утешения. Но тебя снова накрывает, на сей раз сильнее, чем наверху, когда ты расклеилась перед Юккой. Все *кончено*. В течение всего этого странного путешествия ты держалась, стремилась к своей цели… все это было бессмысленно. Нэссун пропала, ты потеряла ее, Джиджа никогда не заплатит за то, что сделал, а ты…

Да, ржавь, ты-то что значишь? Кому есть до тебя дело? Смысл в этом, не так ли? Когда-то у тебя были люди, которым ты не была безразлична. Когда-то у тебя были дети, которые молились на тебя и жили каждым твоим словом. Некогда

— дважды и трижды, но первые два раза не в счет — был мужчина, рядом с которым ты просыпалась каждое утро, которому не было наплевать на твое существование. Некогда ты жила в стенах, возведенных им ради тебя, в доме, который вы построили вдвоем, в общине, которая сама решила принять тебя.

Все это построено на лжи. И лишь вопрос времени, когда это все распадется.

— Послушай, — говорит Лерна. Его голос заставляет тебя моргнуть, а от этого начинают капать слезы. Больше слез. Ты уже некоторое время сидишь здесь молча и плачешь. Он пересаживается на твою скамью, и ты приникаешь к нему. Ты знаешь, что так не надо. Но ты это делаешь, и когда он обнимает тебя, ты находишь в этом утешение. Он друг, в конце концов. И всегда им будет.

— Возможно… возможно, не так плохо быть здесь. Трудно думать, когда вокруг происходит всякое. Это странная община. — Он кривится. — Не уверен, что мне здесь нравится, но здесь сейчас лучше, чем наверху. Может, имея время поразмыслить, ты поймешь, куда мог уйти Джиджа.

Он так старается. Ты чуть качаешь головой. Но у тебя слишком пусто на душе, чтобы возразить.

— У тебя есть жилье? Мне выделили вот это,

они должны дать и тебе какое-то. Здесь полно места. — Ты киваешь, и Лерна делает глубокий вдох. — Тогда пошли туда. Представишь меня твоим спутникам.

Вот так. Ты собираешься. Затем ведешь его в направлении, которое, по ощущениям, приведет тебя к выделенному тебе жилью. По дороге у тебя больше времени оценить, насколько невыносимо странна эта община. Ты проходишь одно жилище, вырезанное в более светлых, ярких кристаллах, в котором много полок с плоскими подносами вроде противней. Попадаются и другие помещения, пыльные и заброшенные, в которых находятся какие-то устройства, на твой взгляд пыточные инструменты, только сделанные как попало — ты не понимаешь, как пара колец, свисающих на цепи с потолка, могут причинить боль. И повсюду металлические лестницы, построенные теми, кто создал это место, кем бы они ни были. Есть и другие лестницы, построенные не так давно, но их легко отличить, поскольку первоначальные лестницы не ржавеют, не изнашиваются вовсе и не чисто утилитарны. Вдоль перил и пешеходных дорожек видны странные украшения — рельефные лица, переплетение лоз невиданных растений,

что-то вроде письмен, состоящих из угловатых знаков различной формы. Попытка понять, что ты видишь, развеивает твое настроение.

— Это безумие, — говоришь ты, проводя пальцами по изображению скалящейся киркхуши. — Это одна большая руина какой-то мертвой цивилизации, как и сотни тысяч других по всему Спокойствию. Руины — ловушки. Экваториальные общины сносят или затопляют свои, когда могут, и это самое разумное. Если те, кто создал их, не пережили их, нам-то зачем пытаться?

— Не все руины — ловушки. — Лерна идет по краю платформы, держась ближе к столбу кристалла, который она обходит, глядя прямо вперед. На его верхней губе высыпали бисеринки пота. Ты не осознавала, что он боится высоты, но Тиримо до занудства плоский. Голос Лерны тщательно спокоен. — Ходят слухи, что весь Юменес построен на целой сети древних руин.

И чем это обернулось, говоришь ты про себя.

— Здешним надо было построить стену, как и всем остальным, — говоришь ты, но замолкаешь, осознавая, что целью было выживание, а порой выживание требует перемен. То, что привычная стратегия работает — построить стену, принять полезных и изгнать бесполезных, вооружиться,

запасти еду и надеяться на удачу, — не означает, что не сработают другие методы. Но это? Забиться в дыру и прятаться в шаре с острыми камнями с горсткой камнеедов и *рогг*? Это кажется особенно неразумным. — И если они попытаются меня удержать здесь, они это увидят, — бормочешь ты.

Если Лерна тебя и слышит, он не отвечает.

В конце концов ты находишь свое жилище. Тонки не спит, сидит в жилой комнате и ест из большой миски что-то, приготовленное не из ваших припасов. Это похоже на какую-то кашу, но в ней какие-то желтоватые штуки, от которых тебя поначалу воротит, но когда она наклоняет миску, становится понятно, что это пророщенное зерно. Стандартная еда из схронов.

(Она настороженно смотрит на тебя, когда ты входишь, но проявления ее чувств настолько ничтожны по сравнению с тем, что ты видела сегодня, что ты просто машешь в ответ и садишься напротив нее, как обычно. Она расслабляется.)

Лерна вежлив с Тонки, но осторожен, как и она с ним, пока он не упоминает, что брал у жителей Кастримы анализы крови и мочи, чтобы отслеживать недостаток витаминов. Ты почти улыбаешься, когда она подается вперед и спра-

шивает:

— На каком оборудовании? — со знакомым жадным выражением на лице.

Затем в комнату входит Хоа. Ты удивлена, поскольку не знала, что он выходил. Его льдистый взгляд немедленно устремляется к Лерне и безжалостно его оценивает. Затем он расслабляется так явно, что лишь тогда ты осознаешь, насколько Хоа был все это время напряжен. С того самого момента, как вы попали в эту чокнутую общину. Но ты отметаешь это как очередную странность, которую надо будет исследовать позже, поскольку Хоа говорит:

— Иссун. Здесь есть человек, с которым тебе следует встретиться.

— Кто?

— Человек из Юменеса.

Вы все трое смотрите на него.

— Зачем, — медленно произносишь ты, на случай, если не так поняла, — мне надо встречаться с кем-то из Юменеса?

— Он просит тебя.

Ты пытаешься держать спокойствие.

— Хоа, я не знаю никого из Юменеса.

По крайней мере теперь.

— Он говорит, что знает тебя. Он проследил

твой путь сюда и пришел вперед тебя, когда понял, что ты направляешься сюда. — Хоа чуточку хмурится, словно это беспокоит его. — Он говорит, что хочет видеть тебя, понять, можешь ли ты уже это делать.

— Что делать?

— Он сказал только «это». — Хоа переводит взгляд на Тонки, затем на Лерну, прежде чем вернуться к тебе. Может, не хочет, чтобы они что-то услышали. — Он как ты.

— Что… — Ладно. Ты трешь глаза, делаешь глубокий вдох и говоришь, поскольку больше нет нужды этого скрывать. — Рогга, значит.

— Да. Нет. Как ты. — Хоа шевелит пальцами от недостатка слов. Тонки открывает рот, ты резко цыкаешь на нее. Она отвечает злым взглядом. Через мгновение Хоа вздыхает. — Он сказал, что, если ты не придешь, передать тебе, что ты в долгу перед ним. За Корунда.

Ты цепенеешь.

— Алебастр, — шепчешь ты.

— Да, — сияет Хоа. — Так его зовут. — Затем он хмурится сильнее, на сей раз в задумчивости. — Он умирает.

* * *

ЗИМА БЕЗУМИЯ: 3-й Доимперский – 7-й Имперский год.

Извержение Пастей Киаша, многочисленных выходов древнего супервулкана (того же, который вызвал Близнечный Сезон, который, как считается, имел место примерно за 10 000 лет до того), привело к выбросу в атмосферу большого количества оливина и прочих темных пирокластов. В результате последовавшие десять лет мрака были опустошительны не только в обычном для Зим смысле, но и привели к более высокому уровню психических заболеваний. Военная предводительница санзе Верише завоевала множество пораженных болезнью общин при помощи психологической войны, убеждая своих врагов в том, что стены и ворота не дают надежной защиты и кругом рыщут призраки. В день возвращения рассвета она была именована императрицей.

Зимы Санзе

22

Сиенит, разбитая в осколки

Утро после буйной попойки, которой миовиты отпраздновали счастливое возвращение «Клалсу» с особенно ценной добычей — высококачественным камнем для декоративной резьбы, ароматическим деревом для мебели, роскошными парчовыми нарядами, стоившими в алмазах вдвое против своего веса и изрядное количество ходовой монеты, включая высокого достоинства бумагу и целые полоски перламутра длиной в палец. Еды не было никакой, но с такими деньгами они смогут послать торговцев накупить целые каноэ всего, что им нужно, на континенте. Для празднования Харлас вскрыл бочонок жутко крепкого антарктического меда, и половина общины еще спала после него.

Прошло пять дней после того, как Сиенит закрыла вулкан, который сама и пробудила, убивший целый город, и восемь дней после того, как она уничтожила два корабля, набитых людьми, чтобы сохранить в тайне существование своей семьи. Впечатление, что все празднуют массовое

убийство, совершенное ею.

Она все еще в постели, легла сразу же, как был разгружен корабль. Иннон еще не вернулся домой, она велела ему пойти рассказывать истории об их странствии, поскольку люди ожидают от него этого и она не хочет, чтобы он страдал от ее меланхолии. Он взял с собой Кору, поскольку Кору любит праздники — все его угощают, все его тискают. Он даже пытается помогать Иннону рассказывать истории, изо всех сил выкрикивая какую-то бессмыслицу. Этот ребенок более похож на Иннона, чем физически имеет право.

С Сиен остается Алебастр, он разговаривает с ней, пока она молчит, заставляя ее отвечать, когда она предпочитает перестать думать. Он говорит, что знает, каково вот так себя чувствовать, хотя не говорит, как или что случилось. Тем не менее она верит ему.

— Тебе лучше пойти, — говорит она в конце концов. — Присоединись к байкам. Напомни Кору, что у него как минимум двое родителей, которые чего-то да стоят.

— Не глупи. У него их трое.

— Иннон считает меня ужасной матерью.

Алебастр вздыхает.

— Нет. Просто ты не такая мать, которой хотел

бы видеть тебя Иннон. Но именно такая, однако, нужна нашему сыну. — Она поворачивается к нему с хмурым видом. Он пожимает плечами. — Однажды Корунд станет сильным. Ему нужны сильные родители. Я же… — Он резко осекается. Ты почти чувствуешь, как он решает сменить тему. — Вот. Я кое-что тебе принес.

Сиен вздыхает и резко садится, когда он присаживается на корточки у постели, раскрывая маленький тканевый сверток. Вопреки ее желанию, ее охватывает любопытство, и когда она наклоняется ближе, она видит в нем два полированных каменных кольца, как раз для ее пальцев. Одно нефритовое, второе перламутровое.

Она сердито смотрит на него, и он пожимает плечами.

— Усмирение активного вулкана — это не для простого четырехколечника.

— Мы свободны. — Она говорит это упрямо, хотя не чувствует себя свободной. Она разобралась с Аллией, в конце концов завершив миссию, ради которой Эпицентр прислал ее сюда, пусть поздно и извращенно. От этой мысли ее охватывает бесконтрольный смех, так что она продолжает, пока может. — Нам больше не нужны *никакие* кольца. Или черная форма. Я уже много месяцев не заби-

рала волосы в пучок. А ты не должен обслуживать каждую женщину, которую тебе присылают, как племенной бык. Пошел этот Эпицентр.

Бастер чуть улыбается печальной улыбкой.

— Не выйдет, Сиен. Кто-то из нас должен обучать Кору…

— Мы не должны ничему его обучать. — Сиен снова ложится. Ей хочется, чтобы он ушел. — Пусть получит основы от Иннона и Харласа. Этого было достаточно для столетий существования этих людей.

— Иннон не мог бы успокоить этот вулкан, Сиен. Если бы попытался, он взорвал бы горячую точку под ним и начал бы Зиму. Ты спасла от этого мир.

— Тогда дай мне медаль, а не кольца. — Она сверлит злым взглядом потолок. — Поскольку я причина существования этого вулкана, то, *может, и нет*.

Алебастр протягивает руку, чтобы отвести волосы с ее лица. Теперь, когда она носит их распущенными, он часто так делает. Она всегда немного стыдилась своих волос — они кудрявые, но совсем не жесткие, как чисто санзийские или курчавые у побережников. Она такая средняя срединница, что даже не знает, кто из предков

виноват в ее волосах. По крайней мере они ей не мешают.

— Мы такие, какие есть, — говорит он с такой нежностью, что ей хочется плакать. — Мы Мисалем — не Шемшена. Ты слышала эту историю?

Пальцы Сиенит пронзает старая боль.

— Да.

— От своего Стража, верно? Они любят рассказывать ее детям.

Бастер прислоняется к опоре постели, спиной к ней, расслабляется. Сиенит думает было сказать ему уйти, но так и не говорит. Она не смотрит на него, так что не знает, что он делает со свертком с кольцами, которые она не взяла. Пусть хоть сожрет их, ей все равно.

— Моя Страж тоже рассказывала мне эту лабуду, Сиен. Про чудовище Мисалема, который ни с того ни с сего решил объявить войну всей стране и прикончить императора всех санзе.

Вопреки самой себе, Сиен хмурится:

— У него была причина?

— Клятая Земля, конечно же. Подумай своей ржавой башкой.

Упрек ее бесит, и раздражение немного развеивает ее апатию. Старый добрый Алебастр умеет развеселить ее, подкалывая. Она поворачивает

голову и жжет взглядом его спину.

— Ну и какая же причина?

— Самая простая и самая сильная — месть. Того императора звали Анафумет, и все это случилось сразу после окончания Зимы Зубов. Того, о котором в школах мало рассказывают. Тогда общины северного полушария охватил массовый голод. Они пострадали сильнее, поскольку толчок, запустивший все это событие, случился возле Северного полюса. Экватор и юг Зима накрыла на год позже…

— Откуда ты все это знаешь? — Сиенит никогда ничего подобного не слышала ни в тиглях галек, нигде еще.

Алебастр пожимает плечами, сотрясая всю постель.

— Мне не разрешали обучаться с остальными гальками-ровесниками, поскольку я получил кольца прежде, чем у них лобковые волосы пробились. Инструкторы запускали меня в библиотеку для старших, чтобы время зря не тратить. Они не особенно следили за тем, что я читал. — Он вздыхает. — А еще на своей первой миссии я… Там был археомест, который… ладно. Мы разговаривали… кроме прочего.

Она не понимает, почему Алебастр стесняется

своих интрижек. Она не раз видела, как Иннон оттрахивает его почти до бессознательного состояния. Но, может, он вовсе не секса стесняется.

— Короче. Все становится ясно, когда ты складываешь факты вместе и заглядываешь чуть дальше, чем нам вбивают в головы. Тогда Санзе была молодой империей, она все расширялась и находилась в расцвете могущества. Но в то время она находилась по большей части в северной половине Экваториалей — Юменес тогда еще не был настоящей столицей, — и некоторые из крупных общин Санзе были не так хорошо подготовлены к Зимам, как сейчас. Они каким-то образом лишились своих запасов. Пожары, плесень, Земля весть что. Чтобы выжить, все санзийские общины решили сотрудничать, нападая на общины меньших народов. — Губы его кривятся. — Тогда-то нас и стали называть *низшими* народами.

— Значит, они стали отбирать еду у других общин. — Это Сиен понимает. Ей становится скучно.

— Нет. К концу той Зимы ни у кого не оставалось запасов. Санзе забирали *людей*.

— Людей? За… — и тут до нее доходит.

Во время Зим рабы не нужны. У каждой общины есть свои Опоры, и если их понадобится

больше, всегда есть неприкаянные, готовые работать за еду.

— И так вышло, — говорит Алебастр, не замечая, как Сиен борется с тошнотой, — что за это Пятое время года санзе пристрастились к определенным редким деликатесам. И даже после окончания Зимы, когда стала расти зелень и скот начал есть траву и вышел из спячки, они от них не отказались. Они посылали отряды разорять малые поселения и новообщины тех рас, у которых не было союзников-санзе. Все записи различаются в деталях, но сходятся в одном: Мисалем остался единственным, кто выжил после рейда, в котором была захвачена его семья. Предполагается, что его дети были зарезаны лично для Анафумета, но я думаю, что это преувеличение ради вящего драматизма. — Алебастр вздыхает. — Как бы то ни было, они погибли, и в этом был виновен Анафумет, и за это он хотел смерти Анафумета. Как любой человек.

Но рогга — не человек. У рогг нет права на гнев, на желание справедливости, на защиту тех, кого они любят. И за эту наглость Шемшена его убила. И стала героиней.

Сиенит молча раздумывает об этом. Затем Алебастр немного пересаживается, и она ощущает,

как он вкладывает в ее непротивящуюся ладонь сверток с кольцами.

— Орогены построили Эпицентр, — говорит он. Она почти ни разу не слышала от него слова *ороген*. — Мы сделали это под угрозой геноцида, мы застегнули ошейник на собственной шее, но мы это сделали. Это благодаря *нам* Древняя Санзе обрела такое могущество и просуществовала так долго, и потому она до сих пор, считай, правит миром, пусть даже никто этого не признает. Это именно мы поняли, насколько мы можем быть изумительны, если понять, как отточить наш врожденный дар.

— Это проклятие, а не дар. — Сиенит закрывает глаза. Но она не отказывается от свертка.

— Это дар, если он делает нас лучше. Это проклятие, если мы допустим, чтобы он разрушил нас. И решаешь это *ты* — не инструкторы, не Стражи, никто еще. — Он снова пересаживается, и постель чуть колышется, когда Алебастр на нее опирается. Через мгновение она ощущает губы Алебастра на своем лбу, сухие и ободряющие. Затем он снова садится на пол у постели и больше ничего не говорит.

— Мне показалось, что я видела Стража, — через некоторое время говорит она. Очень тихо. — В

Аллии.

Алебастр некоторое время молчит. Она уже думает, что он не ответит, когда он говорит:

— Я разорву мир в клочья, если они хоть раз еще причинят нам боль.

Но нам все равно будет больно, думает она.

Однако это как-то придает уверенности. Это та ложь, которую ей надо услышать. Сиенит не открывает глаз и долго лежит неподвижно. Она не спит — она думает. Алебастр остается все это время рядом, чему она невыразимо рада.

* * *

Когда три недели спустя этот мир заканчивается, происходит это в самый прекрасный день, который только помнит Сиенит. Небо чисто на много миль окрест, если не считать случайных облачков. Море спокойно, и даже вечный ветер теплый и влажный, а не ледяной и режущий.

Так хорошо, что вся община решает подняться на гору. Крепкие несут тех, кто не может идти по лестнице, а дети кишат под ногами, чуть не давя друг друга. Те, кто дежурит по кухне, кладут рыбные пироги, дольки фруктов и зерновые колобки в маленькие горшки, которые легко нести, и все берут с собой подстилки. Иннон берет с

собой музыкальный инструмент, которого Сиенит никогда прежде не видела — что-то вроде барабана с гитарными струнами, который стал бы модным в Юменесе, попади он туда. Алебастр несет Корунда. У Сиенит с собой по-настоящему ужасный роман, который нашли на захваченном корабле, из тех, от первой страницы которых ее перекашивает и пробивает на хихиканье. Но она, конечно же, продолжает читать. Она любит книги, пусть даже ради развлечения.

Миовиты рассыпались по склону за гребнем, который прикрывает от ветра, но где солнце светит и греет вовсю. Сиенит расстилает свою подстилку чуть в стороне, но ее быстро окружают, расстилают свои подстилки вокруг и улыбаются в ответ на ее сердитые взгляды.

За последние три года она пришла к выводу, что они с Алебастром для большинства миовитов что-то вроде диких зверей, которые решили жить с людьми, которых невозможно приручить до конца, которые почти разумны, — этакая забавная досада. Потому, когда они видят, что ей явно нужна помощь, но она в этом не признается, они все равно ей помогают. И они постоянно *ласкают* Алебастра, обнимают его и хватают за руки, втягивают в танец, и Сиен благодарна, что никто не

пытается сделать это с ней. Но все видят, что Алебастр любит, когда к нему прикасаются, как бы он ни изображал неприступность. Видать, ему мало доставалось такого в Эпицентре, где все боялись его силы. Возможно, точно так же они считают, что Сиен нравится, когда ей напоминают, что она сейчас полноправная и ценная единица их группы, получает от нее поддержку и что ей больше не надо остерегаться всех и каждого.

Они правы. Но это не значит, что она скажет им об этом.

Затем Иннон подбрасывает Кору в воздух, а Алебастр пытается не показать страха, хотя его орогения посылает микротолчки в подводный пласт при каждом броске. Хему начинает какую-то игру в распевные стихи под музыку, которую, кажется, знают все миовиты. Малыш Оуэл, сын Оуг, пытается бегать по расстеленным покрывалам, наступая как минимум на десяток людей, прежде чем кто-то его ловит, укладывает и щекочет, по кругу передают корзины с глиняными бутылками какого-то напитка, от которого Сиенит жжет ноздри, когда она нюхает его, и…

И.

Иногда ей кажется, что она могла бы полюбить этот народ.

Может, она уже их любит. Она не уверена. Но после того как Иннон падает прикорнуть с уже уснувшим у него на груди Кору, после того как поэтическое состязание превратилось в дуэль на вульгарных шутках, после того как она достаточно выпила из бутылки и мир начинает вращаться сам по себе… Сиенит поднимает взгляд и встречается глазами с Алебастром. Он лежит, опершись на локоть, и листает ту самую ужасную книгу, которую она в конце концов бросила. Он корчит жуткие и смешные рожи по мере чтения. А тем временем его свободная рука играет с косами Иннона, и он вовсе не похож на то полубезумное чудовище в начале их долгого странствия, с которым послала его на миссию Шпат.

Он встречается с ней взглядом, и она на какой-то миг видит в них настороженность. Сиен удивленно моргает. Но ведь она единственный человек, который знает, на что была похожа его прежняя жизнь. Может, ему неприятно, что она здесь как постоянное напоминание о том, что он предпочел бы забыть?

Он улыбается, и она автоматически хмурится в ответ.

— Я до сих пор тебе не нравлюсь, верно?

Сиен фыркает.

— А тебе не все равно?

Он весело качает головой и затем протягивает руку к волосам Кору. Ребенок шевелится и что-то бормочет во сне, и выражение лица Алебастра смягчается.

— Ты не хотела бы завести еще одного ребенка?

Сиенит вздрагивает, открыв рот.

— Конечно, нет. Я и *этого-то* не хотела.

— Но вот он, есть. И он прекрасен. Разве не так? У тебя получаются такие красивые дети. — Это, вероятно, самая большая чушь, какую он только мог сказать, но это же Алебастр. — Ты могла бы завести второго с Инноном.

— Может, спросить Иннона, прежде чем мы условимся о его участии?

— Он любит Кору, и он хороший отец. У него уже есть двое детей, и с ними все в порядке. Но они глухачи. — Он задумывается. — У вас с Инноном может родиться глухач. Но здесь это не страшно.

Сиенит качает головой, но думает о маленьком пессарии, который показали ей островные женщины и научили пользоваться. Возможно, пора перестать им пользоваться. Но она говорит:

— Свобода означает то, что мы сами контролируем свои действия. И никто иной.

— Да. Но теперь, когда я могу думать о том, чего хочу… — Он непринужденно пожимает плечами, но смотрит на Иннона и Кору таким голодным взглядом. — Я никогда не хотел от жизни многого. На самом деле просто хотел жить своей жизнью. Я не похож на тебя, Сиен. Мне не надо проявлять себя. Я не хочу менять мир, или помогать людям, или как-то еще прославиться. Я просто хотел… этого.

Она понимает. Потому она лежит по свою сторону от Иннона, а Алебастр — по свою, они отдыхают и наслаждаются ощущением целостности и удовлетворенности, хотя бы на время. Потому что могут.

Конечно, это не может длиться долго.

Сиенит просыпается, когда Иннон садится и его тень падает на нее. Она не хотела засыпать, но проспала долго, и теперь солнце клонится к закату и бросает косые лучи над океаном. Кору суетится, и она автоматически садится, трет лицо рукой и другой рукой тянется проверить его подгузник. Он сухой, но звуки, которые он издает, тревожны, и когда она совсем просыпается, то понимает почему. Иннон сидит, отсутствующе держа Кору на одной руке, но, нахмурившись, смотрит на Алебастра. Алебастр стоит, напряг-

шись всем телом.

— Что-то… — шепчет он. Он смотрит в сторону континента, но вряд ли что-то видит, поскольку ему загораживает вид гребень. Но он же видит не глазами.

Сиен хмурится и посылает вперед свое собственное сознание, опасаясь, что идет цунами или что-то похуже. Но там нет ничего.

Подозрительное ничто. Должно быть хоть что-то. Между Миовом и материком проходит граница плит, а они всегда неспокойны. Они подпрыгивают, дрожат и вибрируют, трутся друг о друга миллионами мельчайших способов, которые может сэссить только рогга, как электричество, которое джинеры могут создавать из водяных турбин и химических чанов. Но внезапно — невозможно — края плит сэссятся как спокойные.

В смятении Сиенит смотрит на Алебастра. Но ее внимание привлекает Корунд, который прыгает и выворачивается из рук Иннона, хнычет, пускает сопли и буянит на всю катушку, хотя обычно такого не вытворяет. Алебастр тоже глядит на ребенка. И лицо его становится искаженным и жутким.

— Нет, — говорит он. Мотает головой. — Нет.

Нет, я не позволю им. Только не снова.

— Что? — сверлит его взглядом Сиенит, пытаясь не замечать ужаса, поднимающегося в ее душе, скорее чуя, чем видя, как люди вокруг них встают в ответ на их тревогу. Пара людей бежит на гребень, чтобы посмотреть, что там.

— Бастер, что это? Земли ради…

Он издает звук, который не слово, просто *отрицание*, и внезапно срывается с места и бежит на гребень. Сиенит смотрит на него, затем на Иннона, который даже в большем смятении, чем она. Иннон качает головой, но люди, которые прежде Бастера бросились наверх, теперь кричат и машут. Что-то не так.

Сиенит и Иннон бегут по склону вместе с остальными. Они добегают до верха вместе и стоят там, глядя на океанский простор со стороны острова, обращенной к континенту.

На горизонте видны четыре корабля, маленьких, но явно идущих к острову.

Иннон матерится и сует Кору Сиенит в руки, она почти роняет его, но затем прижимает к себе, пока Иннон роется по карманам и сумкам и, наконец, достает маленькую подзорную трубу. Он раздвигает ее и несколько мгновений всматривается вдаль, затем хмурится, пока Сиенит

безуспешно пытается успокоить Кору. Кору безутешен. Когда Иннон опускает трубу, Сиенит хватает его за руку, сует ему Кору и вырывает из рук подзорную трубу.

Теперь корабли больше. Паруса у них обычные, белые. Она не может понять, что так обеспокоило Алебастра. А затем она замечает фигуры, стоящие на носу одного из кораблей.

В винно-красной форме.

От потрясения у нее перехватывает дыхание. Она пятится, говорит то, что надо услышать Иннону, но слова выходят бессильно, неслышно. Иннон забирает у нее трубу, потому что она вот-вот выронит ее. Затем, поскольку надо что-то *делать*, что ей надо что-то *сделать*, она сосредотачивается, фокусируется и говорит уже громче:

– *Стражи*.

Иннон хмурится.

— Как…

Она смотрит, как и он, понимая, что это значит. На миг он отводит взгляд, не понимая, затем качает головой. Как они нашли Миов — это не имеет значения. Им нельзя позволить высадиться.

— Передай кому-нибудь Кору, — говорит он, отступая от гребня, лицо его становится жестким. — Ты нам понадобишься, Сиен.

Сиенит кивает и оборачивается. Дилашет, одна из немногих санзе в общине, спешит мимо с собственным малышом, месяцев на шесть старше Кору. Она порой брала к себе Кору, нянчилась с ним, когда Сиенит бывала занята. Сиенит подзывает ее к себе и бежит к ней.

— Пожалуйста, — говорит она, суя ей в руки Кору. Дилашет кивает.

Кору, однако, не согласен с ее планом. Он цепляется за Сиенит, верещит и пинается, и — клятая Земля — весь остров внезапно содрогается. Дилашет спотыкается и в ужасе смотрит на Сиенит.

— Блин, — бормочет она и забирает Кору назад. Затем с ним на бедре — он тут же успокаивается — бежит догонять Иннона, который уже у металлической лестницы и зовет команду «Клалсу» готовиться отчаливать.

Это безумие. Это все безумие, думает она на бегу. Невозможно, чтобы Стражи нашли это место. Нет смысла в их прибытии сюда — зачем? Почему сейчас? Миов в течение многих поколений пиратствовал по здешним берегам. Единственное отличие — Сиенит и Алебастр.

Она не слушает голоска в голове, который зудит: *они как-то выследили тебя, ты это знаешь, ты никогда не должна была возвращаться в Ал-*

лию, это была ловушка, ты никогда не должна была приходить сюда, все, к чему ты прикасаешься, погибает.

Она не смотрит на свои пальцы, на которые — просто чтобы показать Алебастру, что она ценит его жест, — она надела четыре кольца, которые дал ей Эпицентр, плюс еще два от него. В конце концов, два последних ненастоящие. Она не проходила ради них никаких испытаний. Но кто знает, не заслуживает ли она этих колец больше, чем человек, заслуживший десять? И, ржавь побери, она усмирила вулкан, который создал сломанный обелиск с камнеедом внутри.

И Сиенит решает с внезапной яростью, что покажет этим Стражам, что может сделать шестиколечник.

Она спускается на уровень общины, где царит хаос — люди вытаскивают стеклянные кинжалы, выкатывают катапульты и выносят шары с цепями ржавь знает откуда, собирают пожитки и нагружают лодки острогами. Затем Сиен взбегает на палубу «Клалсу», где Иннон орет, чтобы поднимали якорь, и ей сразу же приходит в голову вопрос: где же Алебастр?

Она застывает на бегу на палубе. В этот момент она ощущает такую вспышку орогении, столь

глубокую и мощную, что на мгновение ей кажется, что мир содрогается. На миг вся вода в гавани идет мелкими точками. Сиен подозревает, что этот всплеск чувствуют и облака.

Внезапно из воды встает *стена*, всего в пяти ярдах от гавани. Это массивный блок твердого камня, такой ровный, словно его высекли резцом, достаточно большой, чтобы — о, клятая ржавь, нет — заблокировать всю гавань.

— Бастер! Земля тебя побери… — невозможно, чтобы он услышал ее за ревом воды и скрежетом камня, огромного, как сам Миов, который поднимает Алебастр. Как он может делать такое без толчка или горячей точки поблизости? Половина острова должна замерзнуть. Но затем что-то сверкает на грани зрения Сиенит, и, обернувшись, она видит вдалеке аметистовый обелиск. Он ближе, чем был. Он идет к ним. Вот как.

Иннон в бешенстве ругается. Он отлично понимает, что Алебастр — гиперопекающий дурак, однако он пытается. Его ярость превращается в усилие. Вокруг корабля поднимается туман, и доски палубы скрипят, когда он пытается снести ближайший участок стены, чтобы они смогли вырваться и вступить в бой. Стена трескается — за ней слышится низкий гул. Когда часть сте-

ны, разрушенная Инноном, падает, за ней стоит другой каменный блок.

Сиенит полностью занята попытками овладеть волнами в гавани. Орогению можно применить и к воде, только это трудно — это одна из тех немногих вещей, которым обучил их с Алебастром Иннон. В воде достаточно теплоты и минералов, чтобы она могла чувствовать их, и вода движется почти как камень — просто быстрее, — чтобы Сиенит могла как-то ею управлять. Тонко. И все же она делает это сейчас, прижимая к себе Кору, чтобы он находился в защитном кругу ее торуса. Она сосредотачивается изо всех сил на том, чтобы направлять ударные волны против наступающих волн с такой скоростью, чтобы просто загасить их. Это почти срабатывает — «Клалсу» бешено скачет на волнах и срывается с якоря, один из причалов ломается и падает, но ничто не опрокидывается, и никто не погибает. Сиенит считает это победой.

— Что за ржавь он творит? — задыхаясь, произносит Иннон, она прослеживает его взгляд и, наконец, видит Алебастра.

Он стоит на самой высокой точке острова, над склоном. Сиенит видит обжигающий холод его торуса, более теплый воздух вокруг него дрожит

при перемене температуры, и вся влага, приносимая летящим вокруг него ветром, выпадает снегом. Если бы он использовал обелиск, ему не нужна была бы окружающая среда, верно? Разве что мощь его действия такова, что и обелиска недостаточно.

— Огонь земной, — говорит Сиенит. — Мне надо туда.

Иннон хватает ее за руку. Подняв взгляд, она видит, что глаза его распахнуты и немного испуганы.

— Мы только помешаем ему.

— Мы не можем просто сидеть тут и ждать! Он… нестабилен. — При этих словах у нее подводит живот. Иннон никогда не видел, как Алебастр выходит из себя. Она *не хочет*, чтобы Иннон это видел. Алебастру было так хорошо на Миове, он уже почти перестал быть чокнутым. Но Сиен думает *что сломалось однажды, сломается снова, и куда легче*.

И она трясет головой и пытается передать ему Кору.

— Я должна. Может, смогу помочь. Кору не позволит мне отдать его никому другому… пожалуйста…

Иннон ругается, но берет ребенка, который

вцепляется в рубаху Иннона и сует большой палец в рот. Сиен убегает, бежит вдоль карниза общины и по лестницам.

Забравшись выше каменной преграды, она наконец видит, что творится за ней, и на миг ошарашенно цепенеет. Корабли куда ближе, прямо за стеной, которую возвел Бастер для защиты гавани. Но их осталось только три, поскольку один корабль сбился с курса и сильно кренится — нет, тонет. Она понятия не имеет, как он это сделал. Второй идет странно, его мачта сломана, а нос задран, даже киль видно, и тогда Сиенит понимает, что его корма *завалена камнями*. Алебастр обрушивал скалы на этих ублюдков. Она не понимает как, но от этого вида ей хочется заулюлюкать.

Но два оставшихся корабля разделились — один идет прямо к острову, второй отходит, вероятно, чтобы обойти его или уйти из радиуса поражения камнями Алебастра. *Нет, не уйдешь*, думает Сиен, пытаясь повторить то, что она сделала при атаке на корабль во время их последнего рейда, поднимая осколок дна, чтобы пронзить его. Она замораживает десятифутовое пространство вокруг себя и покрывает льдинами воду между собой и кораблем, но вырывает острый осколок

со дна и начинает его поднимать…

И все останавливается. Ее набирающая силу орогения просто… рассеивается. Она ахает, когда жар и сила вытекают, и понимает — на этом корабле тоже есть Страж. Может, на всех есть Стражи, что объясняет, почему Алебастр еще не уничтожил их. Он не может напрямую атаковать Стража, он может лишь метать камни с расстояния вне аннигилирующего действия Стража. Она даже представить не может, сколько сил это должно забирать. Он никогда не смог бы сделать этого без обелиска и еще если бы не был озлобленным чокнутым десятиколечником.

Ладно, если *она* не может напрямую атаковать эту штуку, это не значит, что она не может измыслить другого способа. Она бежит вдоль гребня, пока тот корабль, который она пытается уничтожить, обходит остров сзади. Она не выпускает его из виду. Они думают, что есть другой способ подняться? Если так, их ждет большое разочарование: гавань Миова — единственная часть острова, к которой можно подойти издали. Остальной остров — просто зазубренная крутая колонна.

Это подсказывает ей одну мысль. Сиенит ухмыляется и останавливается, затем падает на

четвереньки, чтобы сосредоточиться.

У нее нет мощи Алебастра. Она даже не знает, как достучаться до аметиста без его руководства, а после того что стряслось в Аллии, она боится даже пытаться. Граница плит слишком далека для нее, а поблизости нет ни выходов лавы, ни горячих точек. Но у нее есть сам Миов. Весь этот милый, тяжелый, слоистый сланец!

Потому она устремляется вниз. Глубоко. Еще глубже. Она ощущает свой путь по гребням и слоям камня, составляющего Миов, ища лучшую точку разлома — тот самый эпицентр. Она смеется про себя. Наконец она его находит, это хорошо. А вот корабль, обходящий остров. Отлично.

Сиенит вытягивает все тепло и всю жизнь до капли из скалы в одной концентрированной точке. Влага, однако, остается, она замерзает и расширяется, когда Сиенит заставляет ее становиться холоднее и холоднее, забирая из нее все больше и больше, формируя свой торус тонким и продолговатым, чтобы он прошел сквозь зерна скалы как нож сквозь мясо. Вокруг нее формируется кольцо инея, но это ничто по сравнению с острой пронзающей щепкой льда, растущей в теле скалы и разрывающей ее.

И потом, прямо в тот момент, когда корабль

достигает нужной точки, она выпускает всю силу, которую дал ей остров, вонзая ее прямо туда, откуда взяла ее.

Массивный, узкий столб камня откалывается от утеса. Инерция удерживает его на месте всего на мгновение — и затем с низким, гулким ревом он отрывается от острова, отщепляясь от его основания у линии воды. Сиенит открывает глаза, встает и бежит, оскальзываясь на собственном кольце инея, к другому краю острова. Она устала, и вскоре ей приходится перейти на шаг, она задыхается, шов на боку болит. Но она успевает вовремя, чтобы увидеть: каменная колонна падает точно на корабль. Она яростно скалится, видя, как раскалывается палуба, и слыша вопли барахтающихся в воде людей. Большинство одеты кто во что — значит, наемники. Но ей кажется, что под водой она видит пятно винно-красного цвета, увлекаемое на дно обломками корабля.

— Постереги-ка вот *это*, ублюдочный людоед.

Ухмыляясь, Сиенит встает и снова идет к Алебастру.

Спускаясь с вершины, она видит его маленькую фигурку, все еще творящую свой ледяной фронт, и на мгновение она по-настоящему восхищается им. Несмотря ни на что, он поразителен. И тут

внезапно откуда-то с моря слышится гул, и что-то взрывается вокруг Алебастра, осыпая его осколками камня, окутывая дымом и сотрясая землю.

Пушка. Клятая *пушка*. Иннон рассказывал ей о них — изобретение, с которым экваториальные общины экспериментировали последние несколько лет. И, *конечно же*, у Стражей не могло не быть такой. Сиен пускается бежать, спотыкаясь, неловко, подгоняемая страхом. Она плохо видит Бастера сквозь дым пушечного выстрела, но она видит, что он упал.

Подбежав к нему, она понимает, что он ранен. Ледяной вихрь прекратился. Она видит Алебастра на четвереньках, окруженного пузырчатым льдом в несколько ярдов шириной. Сиенит останавливается у внешнего края: если он не в себе, он может и не заметить, что она в пределах его радиуса поражения.

— Алебастр.

Он шевелится, она слышит, как он ругается под нос. Как сильно он ранен? Сиенит топчется на краю льда несколько мгновений, потом, наконец, решает рискнуть и перебежать к чистой зоне прямо вокруг него. Он все еще держится, хотя едва-едва, голова его болтается, и у нее сводит живот, когда она видит капли крови на камнях

под ним.

— Я завалила еще один корабль, — говорит она, добравшись до него, надеясь подбодрить его. — Я могу разобраться и с этим, если у тебя не вышло.

Это бравада. Она не знает, сколько сил у нее осталось. Она надеется, что он разделался с кораблем. Но она поднимает взгляд и внутренне ругается, поскольку последний корабль все еще на плаву и, похоже, цел. Похоже, стоит на якоре. Ждет. Непонятно чего.

— Сиен, — говорит он. Голос его сдавлен. От страха или от чего-то еще? — Обещай мне, что не позволишь им забрать Кору. Любой ценой.

— Что? Конечно же, не дам! — Она подходит ближе и садится на корточки рядом с ним. — Бастер… — Он поднимает на нее взгляд, расплывчатый, возможно, от пушечного выстрела. Лоб его рассечен и, как все раны на голове, обильно кровоточит. Она осматривает его, щупает грудь, надеясь, что более тяжелых ран на нем нет. Он еще жив, так что пушечный выстрел прошел мимо, но близко, однако осколка камня при нужной скорости не в том месте вполне достаточно…

И тут она, наконец, замечает. Его руки в запястьях. Его колени и остальные ноги до щиколоток — их нет. Они не оторваны, каждый член за-

канчивается ровно, совершенно прямо там, где начинается земля. И он шевелит ими так, словно они погружены в воду, а не в камень. *Борется*, запоздало соображает она. Он на четвереньках не потому, что не может стоять, его *затягивает в землю* против его воли.

Камнеед. О, ржавь земная.

Сиенит хватает его за плечи и пытается вытащить, но это все равно что ворочать скалу. Он каким-то образом стал тяжелее. Его плоть ощущается не совсем как плоть. Камнеед заставляет его тело проходить сквозь камень, делая его каким-то образом камнеподобным, и Сиенит не может его вытащить. Он погружается все глубже в камень с каждым вздохом, теперь его затянуло по плечи и бедра, и Сиенит совсем не видит его ног.

— Отпусти его, Земля тебя побери! — Ирония этих слов дойдет до нее позже. Сейчас до нее доходит, что надо вонзить свое сознание в камень. Она пытается нащупать камнееда…

Там есть нечто, но непохожее на все, что она встречала прежде — тяжесть. Вес, слишком глубокий, плотный и огромный, чтобы быть возможным — не в таком *маленьком* пространстве, не такой компактный. Ощущение такое, что там гора, которая затягивает Алебастра вниз всем сво-

им весом. Он сражается с ней, и это единственная причина, почему он еще здесь. Но он слаб, и он проигрывает бой, и она понятия не имеет, как помочь ему. Камнеед просто слишком… Слишком много его, слишком большой, слишком мощный, и она невольно возвращается в себя с ощущением, что сейчас она чуть-чуть недотянула.

– *Обещай*, — задыхаясь, говорит он, когда она снова хватает его за плечи и тянет изо всех сил этот чудовищный вес, все, что бы там ни было. — Ты знаешь, что они с ним сделают, Сиен. Такой сильный ребенок, мой ребенок, выращенный вне Эпицентра… Ты *знаешь*.

Проволочное кресло на темной узловой станции… Она не может об этом думать. Ничего *не получается*, и теперь он почти ушел в камень, наверху только его лицо и плечи, и то лишь потому, что он пытается держать голову выше уровня камня. Она что-то бормочет ему, всхлипывает, не находя слов, которые могли бы как-то успокоить.

— Я знаю. Я обещаю. О, ржавь, Бастер, пожалуйста, я не могу… одна, я не могу…

Из камня появляются руки камнееда, белые, твердые, со ржавчиной на кончиках пальцев. Сиенит удивленно вскрикивает и отдергивается, думая, что тварь тянется к ней — но нет. Эти руки

с невероятной нежностью обнимают затылок Алебастра. Никто не ждет нежности от горы. Но они непреклонны, и когда руки тянут, Алебастр погружается. Его плечи выскальзывают из рук Сиен. Его подбородок, затем его рот, его нос, затем его полные ужаса глаза…

Он исчезает.

Сиенит опускается на колени на жесткий холодный камень, одна. Она вопит. Ее слезы капают на камень, где мгновением раньше была голова Алебастра, и камень не поглощает их. Они просто разбиваются.

Затем она ощущает это: капля. Медленное движение. Мгновенно забыв о горе, она с трудом встает на ноги и, спотыкаясь, идет к краю утеса, откуда видит оставшийся корабль. *Корабли*. Тот, который Бастер завалил камнями, как-то сумел выпрямиться. Нет, не как-то. По поверхности воды вокруг обоих кораблей распространяется лед. На одном из кораблей рогга, который работает на Стражей. Как минимум четырехколечник, в том, что она чувствует, слишком много тонкого контроля. И с этим льдом… Она видит, как из воды выскакивает группа дельфинов, убегая от расползающегося льда, а затем она видит, как он настигает их и превращает в лед на полупрыжке

из воды.

Что этот клятый ронга делает с такой мощностью?

Затем она видит, как часть возведенной Бастером стены дрожит.

— Нет… — Сиенит поворачивается и снова бежит, задыхаясь, скорее сэссируя, чем видя, как ронга Стражей атакует основание стены. Там слабина, где стена изгибается, соответствуя изгибу гавани Миова. Ронга собирается обрушить ее.

Проходит вечность, прежде чем она добирается до уровня жилищ, а потом доков. Она до ужаса боится, что Иннон поднимет паруса без нее. Он тоже должен сэссить то, что происходит. Но благодаря камню «Клалсу» все еще здесь, и когда она, спотыкаясь, взбегает на палубу, несколько членов команды хватают ее и усаживают прежде, чем она падает. За ней поднимают трап, и она видит, что они ставят паруса.

— Иннон, — выдыхает она, восстанавливая дыхание. — Пожалуйста.

Ее почти подтаскивают к нему. Он на верхней палубе, одной рукой держит штурвал, другой прижимает Кору к бедру. Он не смотрит на нее, все его внимание поглощено стеной. На ней, ближе к верху, уже виднеется дыра, и когда Сиенит

подбегает к нему, следует последний удар. Стена раскалывается и осыпается осколками, отчего корабль яростно качает, но Иннон стоит на ногах.

— Мы идем биться с ними, — мрачно говорит он, когда она опускается на скамью рядом, и корабль отходит от причала. Все готовы к бою. Катапульты заряжены, в руках кинжалы. — Сначала мы уведем их от поселения. Так остальные сумеют уйти на рыбачьих лодках.

На всех лодок не хватит, хочет сказать Сиенит, но молчит. Иннон и так это знает.

Затем корабль идет к узкой щели, проделанной орогеном Стражей, и корабль Стражей почти сразу атакует их. На его палубе возникает клуб дыма, и звучит глухое шипение почти сразу же, как появляется «Клалсу» — снова пушка.

Близкое попадание. Иннон кричит, и одна из катапульт бьет в ответ, и тяжелая цепь рвет вражеский фок и ломает мачту. Еще один выстрел — на сей раз это бочонок горящей смолы. Сиен видит, как после попадания горящие люди бегут по палубе корабля Стражей. «Клалсу» проскакивает мимо, тогда как вражеский корабль идет прямо в каменную стену Миова, его палуба полыхает.

Но прежде чем они успевают выйти дальше, с очередным клубом дыма следует гулкий выстрел,

и на сей раз «Клалсу» содрогается от удара. Ржавь и пламя подземное, сколько у них еще этих хреновин? Сиенит вскакивает и бежит к поручням, чтобы увидеть эту очередную пушку, хотя и не понимает, что с ней делать. В обшивке «Клалсу» зияет пробоина, она слышит крики людей в трюме, но пока корабль еще двигается.

Это тот корабль, который Алебастр забрасывал камнями. Часть камней с его кормы убрана, и он снова сидит на воде нормально. Пушки она не видит, но видит теперь три фигуры, стоящие на носу. Две в винно-красном, одна в черном. И пока она смотрит, к ним присоединяется еще одна в винно-красном.

Она чувствует на себе их взгляды.

Корабль Стражей чуть поворачивает, еще сильнее отставая. Сиенит уже начинает было надеяться, но теперь она видит, где находятся их пушки. Три огромные черные штуки возле релинга по правому борту. Они почти в унисон вздрагивают и откатываются назад при выстреле. Мгновением позже раздается оглушительный треск, и «Клалсу» содрогается, словно при пятибалльном цунами. Сиенит поднимает взгляд, успев увидеть, как мачта раскалывается в щепки, и затем все валится.

Мачта трещит и падает, как подрубленное дерево, и с такой же силой валится на палубу. Люди вопят. Корабль стонет и начинает крениться на правый борт, увлекаемый падающими парусами. Она видит, как два человека падают в воду под весом ткани, веревок и дерева, и, помоги ей Земля, она не может о них думать. Мачта лежит между ней и капитанским мостиком, отрезая ее от Иннона и Кору.

И теперь корабль Стражей приближается.

Нет! Сиенит тянется к воде, пытаясь вобрать хоть что-то своими измученными сэссапинами. Но ничего нет. Ее разум мертв как стекло. Стражи слишком близко.

Она не может думать. Она перебирается через обломки мачты, запутывается в канатах и бесконечные часы — по ощущениям — выпутывается из них. Наконец она свободна, но теперь все бегут назад со стеклянными кинжалами и дротиками в руках, туда, откуда она пришла, вопя и крича, поскольку корабль Стражей *уже здесь*, и они высаживаются.

Нет.

Она слышит, как вокруг нее умирают люди. Стражи привели с собой что-то вроде военного отряда, какое-то ополчение, которому они запла-

тили или мобилизовали, бой еще не закончен. Люди Иннона хороши и опытны, но они привыкли сражаться со слабо защищенными торговыми и пассажирскими судами. Когда Сиенит добирается до мостика, Иннона там нет, он, наверное, ушел в трюм — она видит, как двоюродная сестра Иннона Эселла рубит какого-то ополченца по лицу своим стеклянным кинжалом. Он отступает под ударом, но встает и вонзает собственный кинжал ей в живот. Когда она падает, он отпихивает ее, и она падает на тело другого миовита, уже мертвого. С каждой минутой на борт взбирается все больше солдат.

И так везде.

Они проигрывают.

Она должна добраться до Иннона и Кору.

В трюме почти никого нет. Все на палубе, защищают корабль. Но она ощущает дрожь страха Кору и бежит в каюту Иннона. При ее приближении дверь распахивается, и Иннон выскакивает с кинжалом в руке. Чуть не убил. Он в испуге останавливается, и заглянув ему через плечо, она видит Кору, закутанного и засунутого в корзину под носовой переборкой — самое безопасное место на корабле. Якобы.

— Что…

— Оставайся здесь, — говорит Иннон. — Я должен сражаться. Делай что должна…

Он не успевает уйти. Что-то движется позади них, слишком быстро, чтобы Сиенит успела крикнуть и предупредить. Мужчина, голый по пояс. Он обхватывает голову Иннона с обеих сторон, его пальцы распластываются по его скулам как паучьи лапы, и усмехается Сиенит, когда глаза Иннона вылезают из орбит.

И затем…

О, Земля, это же…

Она *чувствует*, когда это приходит. Не одними сэссапинами. Это как царапанье камнем по коже, треск в ее костях, это, это, это все, что есть Иннон, вся сила, и живость, и красота, и его ярость, *стало злым*. Усилено, сконцентрировано и направлено на него самым жестоким образом. Иннон даже не успевает испугаться. Сиенит не успевает даже крикнуть, когда Иннон *распадается*.

Это все равно как наблюдать землетрясение вблизи. Видеть, как земля раскалывается, как осколки трутся и дробят друг друга, затем рассыпаются. Только все — *во плоти*.

Бастер, ты никогда не рассказывал мне, не говорил мне, как это бывает.

Теперь Иннон бесформенной грудой лежит на

полу. Убивший его Страж стоит рядом и ухмыляется сквозь заливщую его кровь.

— А, малышка, — звучит его голос, и кровь каменеет в ее жилах. — Вот ты где.

— Нет, — шепчет она. Она мотает головой, отступая. Кору плачет. Она пятится и спотыкается о койку Иннона, нашаривает корзину, достает Кору и берет на руки. Он вцепляется в нее, трясясь всем телом.

Полуобнаженный Страж смотрит куда-то, затем отходит в сторону, чтобы впустить другого. *Нет.*

— Незачем устраивать спектакль, Дамайя, — мягко говорит Шаффа Страж Исполнитель. Затем замолкает с виноватым видом. — Сиенит.

Она много лет не видела его, но голос остался прежним. Он не меняется. Он даже улыбается, хотя и с некоторым отвращением, видя то, во что превратился Иннон. Он смотрит на Стража без рубашки — тот продолжает ухмыляться. Шаффа вздыхает, но улыбается в ответ. Затем с этими жуткими, ужасными улыбками они обращаются к Сиенит.

Она не может вернуться. Она не вернется.

— И что же тут у нас? — Шаффа улыбается, не отводя взгляда от Кору у нее на руках. — Какая прелесть. От Алебастра? Он тоже жив? Нам всем

хотелось бы увидеться с Алебастром, Сиенит. Где он?

Привычка отвечать вбита слишком глубоко.

— Его забрал камнеед.

Голос ее дрожит. Она пятится, голова ее упирается в переборку. Больше отступать некуда.

Впервые за все время их знакомства Шаффа моргает и выглядит удивленным.

— Камне… хм. — Он мрачнеет. — Надо было убить его прежде, чем они добрались до него. Ради милосердия, конечно же, ты не представляешь, Сиенит, что они с ним сделают. Увы.

Затем Шаффа снова улыбается, и она вспоминает все, что пыталась забыть. Она снова чувствует себя одинокой и беспомощной, как в тот день возле Палелы, одна во всем ненавидящем ее мире, где не на кого опереться, кроме человека, чья любовь приходит в одеждах боли.

— Но это дитя будет более чем достойной заменой, — говорит Шаффа.

* * *

Ты понимаешь, что бывают моменты, когда меняется все.

* * *

Кору в ужасе скулит, и, возможно, даже он каким-то образом понимает, что случилось с его отцами. Сиенит не может утешить его.

— Нет, — говорит она. — Нет. Нет. Нет.

Улыбка сползает с лица Шаффы.

— Сиенит. Я же говорил тебе — никогда не говори мне «нет».

* * *

Даже самый твердый камень может треснуть. Просто нужно приложить нужную силу в нужной точке под нужным углом. В *эпицентре* напряжения и слабины.

* * *

Обещай, сказал Алебастр.

Делай, что должна, пытался сказать ей Иннон.

И Сиенит говорит:

– *Нет*, ублюдок.

Кору плачет.

Она закрывает рукой его рот и нос, чтобы заставить его замолчать, успокоить. Она убережет

его. Она не даст им забрать его, сделать рабом, превратить его тело в инструмент, его разум в оружие, а его жизнь в пародию свободы.

* * *

Такие моменты, думаю, понимаешь инстинктивно. Это наша природа. Мы рождены с таким давлением, и когда ситуация становится невыносимой…

* * *

Шаффа замирает.

— Сиенит…

– *Ржавь, меня зовут иначе! И я буду говорить тебе «нет», ублюдок*! — Она выкрикивает эти слова. Слюна летит с ее губ. Внутри нее такая тьма и тяжесть, что тяжелее даже камнееда, и она пожирает все, как карстовая воронка.

Все, кого она любила, мертвы. Все, кроме Кору. И если они заберут его…

* * *

… иногда даже *мы*… трескаемся…

* * *

Лучше ребенку совсем не жить, чем жить рабом.

Лучше ему умереть.

Лучше *ей* умереть. Алебастр возненавидит ее за это, за то, что она оставляет его, но Алебастра здесь нет, а выживание не равно жизни.

Потому она тянется вверх. Наружу. Аметист здесь, наверху, ждет с терпеливостью смерти, словно знал, что такой момент настанет.

Она тянется к нему и молится, чтобы Алебастр был прав насчет того, что эта штука слишком велика для нее, чтобы управлять ею.

И когда ее сознание растворяется среди драгоценного света и граненой ряби, когда Шаффа ахает, понимая, что творится, и бросается к ней, когда веки Кору, трепеща, закрываются под ее давящей, удушающей рукой…

Она раскрывает себя навстречу всей силе древнего неведомого и разрывает мир пополам.

* * *

Это Спокойствие. Это место неподалеку от его Восточного побережья, чуть южнее экватора.

Вот остров — один из цепочки ненадежных участков суши и каменных плит, которые редко живут дольше нескольких сотен лет. Этот просуществовал несколько тысяч лет, как свидетельство мудрости его обитателей. В этот момент остров умирает, но хотя бы несколько его жителей выживут и отправятся в другое место. Возможно, это вас утешит.

Пурпурный обелиск, висящий над ним, испускает один-единственный импульс силы такой мощности, который должен был бы быть знаком тем, кто был в поселении, называемом Аллия, в день его гибели. Когда импульс угасает, океан под ним вздымается, когда содрогается его каменное дно. Острые, как ножи, мокрые пики вырываются из-под волн и полностью разносят корабли, плавающие у берегов острова. Все, кто был на их борту — пираты, их враги, — оказываются пронзенными, настолько густа эта чаша смерти.

Эта конвульсия распространяется от острова длинной, направленной волной, образуя цепь зазубренных ужасных копий от гавани Миова до останков Аллии. Мост. Не из тех, по которому много кому захочется пройтись, но все же.

Когда все смерти свершены и обелиск успокаивается, в живых остается лишь горстка людей,

в океане под островом. Одна из них — женщина, которая без сознания качается среди обломков ее разбитого корабля. Неподалеку от нее фигурка поменьше — ребенок, — но он плавает лицом вниз.

Ее уцелевшие собратья найдут ее и заберут на материк. Там она будет бродить, потерянная и утратившая себя, долгих два года.

Но не одна — потому что тогда, понимаете ли, я ее нашел. В момент импульса обелиска ее присутствие пропело над всем миром: обещание, требование, приглашение, слишком манящее, чтобы устоять. Тогда многие из нас устремились к ней, но я первым нашел ее. Я отогнал остальных и пошел за ней, следил за ней, охранял ее. Я был рад, когда она нашла маленький городок Тиримо, и уют, если не счастье — хотя бы на время.

Наконец, через некоторое время, когда она покинула Тиримо, я открылся ей. Конечно, мы обычно не так это делаем, взаимоотношения — это не то, что нам надо от таких, как она. Но она была — есть — особенная. *Ты* была и есть особенная.

Я сказал ей, что меня зовут Хоа. Обычное имя, не лучше и не хуже прочих.

Так это и началось. Слушать. Учиться. Так мир изменился.

23

Ты – все, что тебе нужно

В Кастриме есть одно сооружение, которое сверкает. Оно на самом низком уровне этой огромной жеоды, и тебе кажется, что оно скорее построено, чем выросло само: его стены — не резной сплошной кристалл, а вырезанные из слюды плиты, густо усеянные крохотными кристаллическими хлопьями, не менее прекрасными, чем их более крупные собратья, пусть и не столь поразительными. Зачем кому-то нужно было высекать эти плиты и тащить их сюда, чтобы построить из них дом среди всех этих готовых, ненаселенных жилищ, ты понятия не имеешь. Ты не спрашиваешь. Тебе все равно.

Лерна идет с тобой, поскольку это официальный лазарет поселения, а тот, к кому ты идешь, его пациент. Но ты останавливаешь его у дверей, и что-то в твоем лице предупреждает его об опасности. Он не протестует, когда ты входишь туда без него.

Ты медленно проходишь в открытые двери и останавливаешься, когда замечаешь камнееда

в противоположном конце большого главного покоя лазарета. Сурьма, да. Ты почти забыла имя, которое ей дал Алебастр. Она отвечает тебе бесстрастным взглядом, почти неразличимая на фоне белой стены, разве что видна ржавчина на кончиках ее пальцев и ослепительная чернота ее «волос» и глаз. Она не изменилась с тех пор, как ты последний раз видела ее двенадцать лет назад, в день гибели Миова. Но для таких, как она, двенадцать лет — ничто.

Как бы то ни было, ты киваешь ей. Это жест вежливости, а в тебе еще осталось нечто от воспитанницы Эпицентра. Ты умеешь быть вежливой со всеми, как бы ты их ни ненавидела.

Она говорит:

— Не приближайся.

Она обращается не к тебе. Ты оборачиваешься и видишь у себя за спиной Хоа. Откуда он взялся? Он неподвижен, как и Сурьма, — неестественно неподвижен, что заставляет тебя в конце концов заметить, что он не дышит. И никогда не дышал все время, которое ты знаешь его. Ржавь, как же ты этого не заметила? Хоа смотрит на нее тем же злым, угрожающим взглядом, что и на камнееда Юкки. Воможно, все они недолюбливают друг друга. Наверняка на собрании они чувствуют

себя неуютно.

— Он мне неинтересен, — говорит Хоа.

Сурьма на миг переводит взгляд на тебя. Затем возвращается к Хоа.

— Мне она интересна лишь по его поручению.

Хоа не говорит ничего. Возможно, он обдумывает ее слова. Возможно, это предложение перемирия или объявление притязаний. Ты качаешь головой и проходишь мимо обоих.

В дальнем конце главного покоя, на груде подушек и покрывал лежит тонкая темная фигурка и хрипло дышит. Он чуть шевелится и приподнимает голову, когда ты подходишь. Когда ты склоняешься к нему прямо на расстоянии его вытянутой руки, с облегчением узнаешь его. Все остальное в нем изменилось, но, по крайней мере, его глаза остались прежними.

— Сиен, — говорит он. Голос его скрежещет, как гравий.

— Теперь я Иссун, — машинально отвечаешь ты.

Он кивает. Кажется, это причиняет ему боль — на мгновение он зажмуривается. Затем он делает очередной вдох, откровенно расслабляется и несколько оживает.

— Я знал, что ты не погибла.

— Тогда почему ты не пришел? — говоришь ты.

— У меня были собственные проблемы. — Он чуть улыбается. Ты прямо слышишь, как сминается кожа на его левой скуле — там огромный ожог. Его взгляд перемещается на Сурьму — медленно, как движение камнееда. Затем он снова возвращается к тебе.

(К ней, к Сиенит.)

К *тебе*, Иссун. Ржавь, ты будешь счастлива, когда поймешь, в конце концов, кто ты есть.

— И я был занят. — Алебастр приподнимает свою правую руку. Она резко заканчивается в середине предплечья, его торс ничем не прикрыт, и ты видишь, что произошло. От него мало что осталось. Он много чего потерял, и от него несет кровью, мочой, гноем и горелым мясом. Однако травму руки он получил не в пожаре Юменеса. Культя накрыта чем-то темным и коричневым, и это явно не кожа — слишком твердое, что-то слишком однородно-известковое на вид по своему составу.

Камень. Его рука стала *камнем*. Но бóльшая часть ее исчезла, а культя…

…отметины зубов. Это отметины зубов. Ты снова поднимаешь взгляд на Сурьму и думаешь об

алмазной улыбке.

— Слышал, что и ты была занята, — говорит Бастер.

Ты киваешь, оторвав, наконец, свой взгляд от камнееда. (Теперь ты знаешь, какой камень они едят.)

— После Миова я… — Ты не знаешь, как это лучше сказать. Есть скорби слишком глубокие, чтобы их переносить, но ты переживаешь их снова и снова.

— Мне надо было стать другой.

Это звучит бессмысленно. Алебастр, однако, тихо одобрительно хмыкает, словно понимает.

— По крайней мере, ты осталась свободной.

Если свобода заключается в том, чтобы все скрывать.

— Да.

— Устроилась?

— Вышла замуж. Родила двоих детей. — Алебастр молчит. Со всеми этими пятнами обугленной кожи и известковистого коричневого камня на лице невозможно сказать, улыбается он или кривится. Ты, однако, предполагаешь последнее и добавляешь: — Оба они были… как я. Я… мой муж…

От слов все это обретает такую реальность,

которой не дают даже воспоминания, и ты замолкаешь.

— Я понимаю, почему ты убила Корунда, — очень тихо говорит Алебастр. И затем, когда ты складываешься пополам, когда эти слова буквально бьют тебя под дых, он добивает тебя. — Но я никогда тебе этого не прощу.

Проклятье. Будь он проклят. Будь ты проклята.

Ты не сразу отвечаешь.

— Я понимаю, что тебе хочется убить меня, — в конце концов выдавливаешь ты. Облизываешь губы. Сглатываешь. Выплевываешь слова. — Но сначала мне нужно убить моего мужа.

Алебастр хрипло выдыхает.

— Два твоих других ребенка.

Ты киваешь. Даже если Нэссун жива, Джиджа забрал ее у тебя, этого достаточно.

— Я не собираюсь убивать тебя, Си… Иссун, — устало говорит он. Может, он слышит твой тихий вздох не то облегчения, не то разочарования. — Не стал бы, даже если бы мог.

— Если бы ты…

— Ты еще такое можешь? — Он пользуется твоим замешательством, как всегда. В нем ничто не изменилось, кроме его изуродованного тела. — Ты навлекла тот гранат на Аллию, но он был

полудохлый. Ты должна была использовать тот аметист в Миове, но это был… чрезвычайный случай. Ты можешь теперь делать это сознательно?

— Я… — Ты не хочешь понимать. Но теперь твой взгляд отрывается от того кошмара, в который превратился твой наставник, твой любовник, твой друг. Его привлекает странный предмет за спиной Алебастра, чуть в стороне, он прислонен к стене лазарета. Он похож на стеклянный кинжал, но его клинок слишком длинен и широк для практического применения. У него огромная рукоять, возможно, из-за того, что клинок настолько идиотски длинный, и крестовина, которая будет мешать, как только кто-то попробует резать им мясо или рассечь узел. И он сделан не из стекла, по крайней мере, не из такого, какое ты когда-либо видела. Он *розовый*, на грани красного, и…

И. Ты не отводишь от него взгляда. Вглядываешься в него. Ощущаешь, как он пытается затянуть твой разум в себя, вниз. Падаешь. Падаешь *вверх*, в бесконечный колодец мерцающего, граненого розового света…

Ты ахаешь и вырываешься, затем смотришь на Алебастра. Он снова болезненно улыбается.

— Это шпинель, — говорит он, подтверждая твое ошеломление. — Мой. Ты еще не сделала

себе свой? Обелиски приходят на твой зов?

Ты не хочешь понимать, но понимаешь. Ты не хочешь верить, но ты всегда в это верила на самом деле.

— Это *ты* разорвал тот разлом на севере, — выдыхаешь ты. Ты стискиваешь кулаки. — *Ты* расколол континент. *Ты* начал эту Зиму. При помощи обелисков. Ты сделал… все это.

— Да, при помощи обелисков и узловиков. Теперь все они обрели покой. — Он хрипло выдыхает. — Мне нужна твоя помощь.

Ты машинально качаешь головой, но это не отрицание.

— Чтобы залатать все?

— О, нет, Сиен. — На сей раз ты даже не пытаешься поправлять его. Ты не можешь отвести взгляда от его довольной улыбки. Почти оскала скелета. Когда он говорит, ты замечаешь, что часть его зубов тоже превратилась в камень. Сколько же из его органов тоже окаменели? Сколько еще он сможет жить так — да и сможет ли?

— Я не хочу, чтобы ты все это исправляла, — говорит Алебастр. — Это лишь побочный эффект, но Юменес свое заслужил. Нет, я жду от тебя, моя Дамайя, моя Сиенит, моя Иссун, что мы сделаем

все еще хуже.

Ты смотришь на него, лишившись дара речи. Затем он подается вперед. Это явно дается ему через боль, ты слышишь скрип и натяжение его плоти и легкий треск, словно где-то в нем раскалывается камень. Но когда он приближает свое лицо к твоему, он снова улыбается, и внезапно до тебя доходит — клятая, жручая Земля, он вовсе не безумен и никогда не был безумным.

— Скажи, — говорит он, — ты когда-нибудь слышала о такой штуке, как *луна*?

Приложения

Приложение 1

Перечень Пятых Времен года, или Зим, что были занесены в хроники до и после основания Экваториального Объединения Санзе

От самых недавних к более древним

Удушливая Зима: 2714–2719 гг. по имперскому летоисчислению. Непосредственная причина: извержение вулкана. Локализация: Антарктика близ Деветериса. Извержение вулкана Акок окутало облаками тонкого пепла пространство радиусом в пять сотен миль. Этот пепел затвердевал в легких и на слизистых оболочках. Пять лет без солнца, хотя Северное полушарие не так сильно пострадало (всего два года).

Кислотная Зима: 2322–2329 гг. по имперскому летоисчислению. Непосредственная причина: землетрясение выше десяти баллов. Локализация: неизвестно, далеко в океане. Внезапное смещение пластов привело к возникновению цепи вулканов на пути основного океанского течения. Это течение, идущее к Западному побережью и вокруг всего Покоя, было отравлено

кислотой. Большинство прибрежных поселений погибло от начального цунами, остальные ослабели или были вынуждены переселиться, когда их флоты и портовые сооружения пострадали от коррозии, а рыбная ловля заглохла. Затемнение атмосферы облаками длилось семь лет, уровень pH прибрежных вод много лет оставался непригодным для жизни.

Кипящая Зима: 1842–1845 гг. по имперскому летоисчислению. Непосредственная причина: взрыв горячей точки под большим озером. Локализация: Южное Срединье, квартент озера Теккарис. В результате извержения в атмосферу было выброшено несколько миллионов галлонов пара и макрочастиц, которые вызвали кислотные дожди и затемнение атмосферы над южной половиной континента в течение трех лет. Северная половина, однако, не пострадала, так что археоместы спорят, можно ли эту Зиму считать «истинной».

Бездыханная Зима: 1689–1798 гг. по имперскому летоисчислению.

Непосредственная причина: несчастный случай в шахте. Локализация: Северное Срединье, квартент Сатд. Эта абсолютно антропогенная Зима началась, когда шахтеры северо-западных

угольных разрезов Северного Срединья устроили подземный пожар. Относительно мягкая Зима, во время которой порой проглядывало солнце, без пеплопада или кислотных дождей, разве что в самом регионе, лишь некоторые общины объявили Зимний Закон. Около четырнадцати миллионов человек в городе Хельдин погибли при первоначальном взрыве природного газа и в быстро распространяющейся воронке пожара, прежде чем имперские орогены успешно затушили и запечатали границу пожара, предотвратив дальнейшее распространение. Оставшуюся массу можно было только изолировать, она продолжала гореть еще сто двадцать лет. Дым горения, разносимый господствующими ветрами, вызывал проблемы с дыханием и порой массовое удушение в регионе в течение нескольких десятков лет. Вторичным эффектом потери угольных разрезов Северного Срединья стал катастрофический рост цен на топливо и расширение применения геотермального и гидроэлектрического обогрева, что привело к основанию Патентного общества джинеров.

Зима Зубов: 1553–1566 гг. по имперскому летоисчислению. Непосредственная причина: океаническое землетрясение, вызвавшее извер-

жение супервулкана.

Локализация: Арктические разломы. Афтершок поле океанического извержения взломал прежде неизвестную горячую точку. Это привело к извержению супервулкана. Свидетели говорят, что звук взрыва был слышен даже в Антарктике. Пепел был выброшен в верхние слои атмосферы и быстро распространился по всей планете, хотя тяжелее всего пострадала Антарктика. Последствия Зимы усугубились плохой подготовкой многих поселений, поскольку после последней Зимы прошло около девяти сотен лет. В то время общим убеждением было то, что Зимы — просто легенда. От севера до самого экватора распространялись слухи о людоедстве. В конце этой Зимы в Юменесе был основан Эпицентр с филиалами в Арктике и Антарктике.

Грибковая Зима: 602 год по имперскому летоисчислению. Непосредственная причина: извержение вулкана. Локализация: западные Экваториали. Серия извержений в сезон муссонов усилила влажность и затмила солнечный свет примерно на 20 процентах площади континента на шесть месяцев. Хотя по ходу событий это была умеренная Зима, она пришлась на момент идеальных условий для роста грибковой плесени,

распространившейся по Экваториалям и Северному и Южному Срединью, уничтожив основной в то время злак мирок (ныне вымерший). Возникший голод длился четыре года (два года, пока не прекратилась грибковая напасть, и два на восстановление системы распределения). Почти все пострадавшие поселения смогли выжить за счет собственных запасов, таким образом подтвердив эффективность имперских реформ и сезонного планирования, и империя щедро поделилась запасами зерна с регионами, зависящими от мирока. Впоследствии многие срединные и прибрежные регионы добровольно присоединились к империи, удвоив ее размеры, что стало началом ее Золотого века.

Зима Безумия: 3 год до империи — 7 год по имперскому исчислению.

Непосредственная причина — извержение вулкана. Локализация: Пасти Киаша. Взрыв многочисленных выходов древнего супервулкана (того же самого, что стал причиной Двойной Зимы примерно за 10 000 лет до того) привел к выбросу в атмосферу больших масс темного минерала авгита. Последующие десять лет мрака были опустошительны не только как при обычной Зиме, но и привели к еще более высокому

уровню психических заболеваний. Экваториальный Союз Санзе (обычно называемый империя Санзе) родился в эту самую Зиму, когда военный вождь Верише из Юменеса завоевала множество пораженных болезнью поселений, используя технику психологической войны. (См. «Искусство безумия», сборник, изд. Шестого университета.) Верише назвала себя императрицей в первый день возвращения солнца.

Примечание редактора: бóльшая часть информации о Зимах до основания Санзе противоречива или не имеет подтверждения. Перечень следующих Сезонов согласован на конференции археоместов Седьмого университета в 2523 году.

Зима Блужданий: примерно 800 лет до империи. Вероятная причина: изменение магнитного полюса. Локализация: недоступна для подтверждения. Зима привела к исчезновению нескольких важных злаков и двадцатилетнему голоду, поскольку насекомые-опылители сбивались с курса из-за смещения истинного севера.

Зима Смены Ветров: около 1900 лет до империи. Вероятная причина: неизвестна. Локализация: недоступна для подтверждения. По непонятной причине направление господствующих ветров на много лет изменилось, прежде

чем вернуться к нормальному. Решено считать это Зимой, несмотря на отсутствие затемнения атмосферы, поскольку вызвать ее могло только значительное сейсмическое событие (скорее всего, далеко в океане).

Зима Тяжелых Металлов: примерно 4200 лет до империи. Вероятная причина: вулканическое извержение. Локализация: Южное Срединье близ Восточных Побережий. Извержение вулкана (считается, что это был Ирга) вызвало затемнение атмосферы в течение десяти лет, усугубленное широким распространением ртутного загрязнения по всей восточной части Покоя.

Зима Желтых Морей: около 9200 лет до империи. Вероятная причина: неизвестна. Локализация: Восточные и Западные Побережья и прибрежные регионы вплоть до Антарктики. Об этой Зиме известно только по записям, найденным в экваториальных руинах. По неизвестным причинам широко распространившаяся бактериальная флора отравила почти всю морскую жизнь и вызвала голод на побережье в течение нескольких десятков лет.

Двойная Зима: около 9800 лет до империи. Вероятная причина: извержение вулкана. Локализация: Южное Срединье. По песням и изустно

передававшимся преданиям той поры взрыв одного из выходов вулкана привел к трехлетнему затемнению. Когда тьма начала рассеиваться, за ним последовал взрыв другого выхода, в результате чего затемнение продлилось еще тридцать лет.

Приложение 2

Глоссарий общеупотребительных для всех квартентов Спокойствия терминов

Антарктика: самые южные широты континента. Людей из общин этого региона называют антарктами.

Арктика: самые северные широты континента. Людей из общин этого региона называют арктами.

Пепельные волосы: характерный призрак расы санзе, которая по нынешним принципам функционал-касты Селектов считается благоприятной, и потому при селекции ему дается преимущество. Пепельные волосы откровенно жесткие и толстые и, как правило, растут дыбом. Будучи длинными, они обрамляют лицо и спадают на плечи. Они устойчивы к кислоте, при намокании набирают мало воды и в определенных ситуациях показали себя как хороший противопепельный фильтр. В большинстве общин Селекты признают только текстуру, однако Селекты Экваториалей, как правило, требуют еще весьма желательной природной пепельной

расцветки (от синевато-серой до белой с самого рождения).

Ублюдок: человек, родившийся вне функционал-касты, что возможно лишь для мальчиков, чей отец неизвестен. Те, кто показал себя достойным, могут получить разрешение добавлять функционал-касту матери к своему общинному имени.

Прорыв: вулкан. Также в некоторых прибрежных языках их называют огненными горами.

Кипучка: гейзер, горячий источник или выход горячего пара.

Селект: одна из семи функционал-каст. Селекты — люди, выбранные благодаря их здоровью или желательному телосложению. Во время Зимы они отвечают за поддержание здоровых породных линий и улучшения общины или расы методами селекции. Селекты, рожденные в этой касте, но не удовлетворяющие допустимым стандартам общины, могут получить разрешение носить имя функционал-касты ближайшего родственника в общине.

Схрон: запасенный провиант и необходимые вещи. Общины держат охраняемые, запертые схроны постоянно на случай Пятого времени года. Только признанные члены общины имеют

право на долю запасов схрона, хотя взрослые имеют право за свой счет кормить непризнанных детей и прочих. Отдельные домохозяйства также часто держат свои домашние схроны, охраняемые от не-членов семьи.

Чебаки: представитель расы чебак. Чебак некогда был государством (образование с осуждаемой политической системой, до империи) в Южном Срединье, хотя после того как Древняя империя Санзе завоевала его несколько столетий назад, оно было преобразовано в квартент.

Побережник: представитель прибрежной общины. Лишь немногие прибрежные поселения могут позволить себе нанять имперского орогена для того, чтобы поднять риф или как-нибудь иначе защититься от цунами, потому прибрежные города должны постоянно отстраиваться и в результате бедны ресурсами. Люди с Западных Побережий континента, как правило, белокожи, с прямыми волосами и иногда имеют глаза с эпикантусом[7]. Люди Восточных Побережий обычно темнокожие, с курчавыми волосами и иногда имеют глаза с эпикантусом.

---

[7] Примечания: 7

Эпикантус, «монгольская складка» — особая складка у внутреннего угла глаза, в большей или меньшей степени прикрывающая слезный бугорок.

Община: самая мелкая социополитическая единица имперской системы управления, обычно относящаяся к отдельному поселению или городку, хотя очень большие города могут охватывать несколько общин. Принятыми членами общины считаются те, кто получил права на долю припасов схрона и защиту и кто, в свою очередь, поддерживает общину налогами и прочими вкладами.

Неприкаянные: преступники и прочие нежелательные личности, неспособные добиться принятия в какую-либо общину.

Общинное имя: третье имя, носимое большинством граждан, обозначающее их принадлежность к общине и права. Это имя обычно дается в подростковом возрасте в знак совершеннолетия, обозначая, что человек считается ценным членом общины. Иммигранты могут просить о приеме в общину, после приема они носят имя принявшей их общины как собственное.

Ясли: место, где присматривают за детьми, слишком маленькими, чтобы работать, пока взрослые выполняют необходимые для общины дела. Если обстоятельства позволяют — место для обучения.

Экваториали: широты, окружающие и включа-

ющие экватор, исключая прибрежные регионы. Людей, происходящих из здешних общин, называют экваториалами. Благодаря температуре, погоде и относительной стабильности в центре континентальной плиты экваториальные общины в целом богаты и политически могущественны. Экваториали некогда составляли ядро Древней империи Санзе.

Дефект: место, где разломы в земле приводят к частым, жестоким толчкам и, вероятнее всего, к появлению вулканов.

Пятое время года, или Зима: продолжительная зима, длящаяся как минимум шесть месяцев, вызванная сейсмической активностью или другим крупномасштабным климатическим изменением.

Эпицентр: полувоенный орден, созданный Древней Санзе после Зимы Зубов (1560 год по имперскому летоисчислению). Штаб-квартира Эпицентра находится в Юменесе, хотя имеются два филиала Эпицентра в Арктике и Антарктике для максимального территориального охвата. Обученные в Эпицентре орогены (или имперские орогены) имеют законное разрешение на использование в другом случае запрещенного искусства орогении в рамках жестких органи-

зационных правил и под строгим присмотром ордена Стражей. Эпицентр имеет самоуправление и находится на самоокупаемости. Имперских орогенов отличает их черная форма, и в просторечии их называют «черномундирниками».

Джинер: от слова «геонер». Инженер-геомеханик, специалист по геотермальным механизмам, тоннелям, подземной инфраструктуре, горным разработкам.

Геомест: тот, кто изучает камень и его место в природе, общий термин для ученого. В особенности геоместы изучают литологию, химию и геологию, которые в Спокойствии не считаются отдельными дисциплинами. Некоторые геоместы специализируются в орогенезе — изучении орогении и ее эффектов.

Зеленые зоны: участок пахотной земли под паром, находящийся в стенах или в непосредственной близости стен большинства общин по совету Предания камня. Общинные зеленые зоны могут использоваться для земледелия или скотоводства постоянно, или служить парком, или лежать под паром, когда нет Зимы. Личные домохозяйства, как правило, содержат собственные зеленые зоны или садики.

Гальки: в Эпицентре так называют беско-

лечных детей-орогенов, проходящих базовое обучение.

Страж: член ордена, который, как говорят, был основан раньше, чем Эпицентр. Стражи выслеживают, направляют, защищают орогенов Эпицентра и защищают других от орогенов Эпицентра.

Имперский тракт: одно из величайших нововведений Древней империи Санзе, виадуки (поднятые вверх дороги для движения пешком или верхом), связывающие все крупнейшие общины и квартенты друг с другом. Виадуки были построены командами джинеров и имперских орогенов, когда орогены определяли наиболее стабильные пути прохождения сквозь районы с сейсмической активностью (или гасили ее, если стабильных путей не было), а джинеры подводили воду и другие важные ресурсы к тракту, чтобы облегчить путешествие во время Пятых времен года.

Инноватор: одна из семи признанных функционал-каст. Инноваторы — люди, которые выводятся по творческой жилке и практической сметке для решения технических и логистических проблем во время Пятых времен года.

Киркхуша: среднего размера млекопитающее,

которых порой держат как питомцев или для охраны домов и скота. Обычно они травоядны, но во время Зим становятся плотоядными.

Резчик: мастер, работающий при помощи мелкого инструмента с камнем, стеклом, костью или другими материалами. В больших общинах резчики могут использовать механику или технику серийного производства. Резчики, работающие с металлом, или неумелые резчики в просторечье называются ржавщиками.

Камнелорист (лорист): тот, кто изучает предание камня и утраченную историю.

Мела: растение Срединья, родственное дыням Экваториалей. Мела — стелющаяся лоза, как правило, дающая лежащий на земле плод. Во время Зим мела растет под землей как клубень. Некоторые виды мелы цветут насекомоядными цветами.

Металлористика: подобно алхимии и астрометстии, сомнительная псевдонаука, не признаваемая Седьмым университетом.

Срединье: средние широты континента, находящиеся между экватором и арктическим или антарктическим регионами. Население этих регионов называют срединниками. Эти регионы считаются задворками Спокойствия, хотя они

производят много провизии, сырья и прочих жизненно важных реурсов. Есть два срединных региона — Северное Срединье и Южное Срединье.

Новообщины: просторечное название общин, возникших только во время последней Зимы. Общины, пережившие хотя бы одно Пятое время года, обычно считаются более желательным местом для жизни, поскольку доказали свою эффективность и силу.

Узлы: сеть станций, поддерживаемая империей, расположенных по всему Спокойствию с целью минимизировать или гасить проявления сейсмической активности.

Из-за относительной редкости обученных Эпицентром орогенов сосредоточены в первую очередь в Экваториалях.

Ороген: владеющий орогенией, обученный или нет. Уничижительное: рогга.

Орогения: способность манипулировать тепловой, кинетической и прочими подобными формами энергии, чтобы влиять на сейсмическую активность.

Квартент: средний уровень имперской системы управления. Четыре географически граничащие общины составляют квартент. У каждого

квартента есть губернатор, которому подчиняются главы отдельных общин, а тот, в свою очередь, подчиняется региональному губернатору. Крупнейшая община квартента считается столицей. Крупнейшие столицы квартентов связаны между собой системой имперских трактов.

Регион: высший уровень имперской системы управления. Признанными в империи регионами являются Арктика, Северное Срединье, Западное побережье, Восточное побережье, Экваториали, Южное Срединье и Антарктика. У каждого региона есть свой губернатор, которому подчиняются все местные квартенты. Региональные губернаторы официально назначаются императором, хотя на практике они, как правило, избираются и/или происходят из Лидеров Юменеса.

Стойкость: одна из семи признанных функционал-каст. Это люди, выведенные со способностью переносить голод и эпидемии. Во время Зим они заботятся о больных и мертвых.

Кольца: используются для обозначения ранга имперских орогенов. Бесколечные курсанты должны пройти серию испытаний, чтобы получить свое первое кольцо. Десять колец — высший уровень, которого может достичь ороген. Каждое кольцо делается из полированного полудраго-

ценного камня.

Дорожный дом: станции, расположенные через определенные интервалы на каждом имперском тракте и менее важных дорогах. Во всех дорожных домах находится источник воды, и расположены они близ культивируемых земель, лесов или других полезных ресурсов. Многие расположены в районах минимальной сейсмической активности.

Путевой рюкзак: маленький, легко переносимый запас необходимых вещей и продовольствия, который большинство людей держат дома на случай землетрясений и прочих чрезвычайных ситуаций.

Сафе: напиток, традиционно подаваемый на переговорах, первых встречах потенциально враждебных сторон и прочих формальных встречах. Содержит растительное молочко, реагирующее на все посторонние вещества.

Санзе: первоначальное государство (образование с осуждаемой политической системой, до империи) в Экваториалях, родина расы санзе. На закате Зимы Безумия (7 год по имперскому летоисчислению) государство Санзе было устранено и заменено Экваториальным Объединением Санзе, состоящим из шести доминирующих санзийских

общин под властью императрицы Верише Лидера Юменес. После Зимы объединение быстро разрослось, к 800 году по имперскому летоисчислению охватив все регионы Спокойствия. Примерно к Зиме Зубов Объединение в просторечии стало называться Древняя империя Санзе, или просто Древняя Санзе. По Шилтинскому договору 1850 года по имперскому летоисчислению, Объединение официально прекратило существование, поскольку местное управление (по совету юменесских Лидеров) считалось более эффективным в случае Зимы. На практике большинство общин по-прежнему придерживаются имперской системы управления, финансирования, образования и прочего, и большинство местных губернаторов по-прежнему платят налоги Юменесу.

Санзе: представители расы санзе. По стандартам юменесских Селектов санзе в идеале бронзовокожие, с пепельными волосами, с мезоморфным или эндоморфным сложением и ростом не менее шести футов.

Санземэт: язык расы санзе, официальный язык Древней империи Санзе, ныне лингва-франка большей части Спокойствия.

Зимний Закон: военное положение, которое может быть введено любым главой общины,

губернатором квартента, региональным губернатором или авторитетным членом Лидеров Юменеса. Во время действия Зимнего Закона управление квартента или региона отменятся, и общины действуют как самостоятельные социополитические единицы, хотя сотрудничество на местах с соседними общинами очень поощряется имперской политикой.

Седьмой университет: прославленное учебное заведение для обучения геоместов и камнелористов, в настоящее время финансируемое империей и расположенное в экваториальном городе Дибарс. Предыдущие версии университета спонсировались частным образом или коллективно. Следует заметить, что Третий университет в Ам-Элате (примерно 3000 лет до империи) в то время считался суверенным государством. Меньшие региональные или квартентные учебные заведения делают отчисления университету и получают взамен специалистов и ресурсы.

Сэсуна: ощущение движения земли. Сенсорным органом, осуществляющим эту функцию, являются сэссапины, расположенные в стволе головного мозга.

Толчок: сейсмическое движение земли.

Рваная земля: территория, перевернутая

сильным и/или очень недавним проявлением сейсмической активности.

Глухачи: презрительное название для людей, лишенных орогении, используемое орогенами.

Камнееды: редко встречающийся вид гуманоидных существ, чья плоть, волосы, прочее напоминают камень. О них мало что известно.

Опоры: одна из семи признанных функционал-каст. Опоры выведены ради их физической силы, они отвечают за выполнение тяжелых работ и безопасность во время Зим.

Функционал-имя: второе имя, которое имеет большинство граждан, обозначающее, к какой функционал-касте принадлежит человек. Существуют двадцать признанных функционал-каст, но лишь семь обычно употреблялись в современной и бывшей империях. Человек наследует функционал-имя касты родителя одного с ним пола, согласно теории, что полезные качества наследуются именно по этой линии.

Благодарности

Этот фантастический роман отчасти родился в космосе.

Наверное, вы это поняли, если прочли рукопись до последней строки. Идея романа родилась на Стартовой Площадке, в рамках воркшопа, финансируемого НАСА, который я посетила в июле 2009 года. Целью Стартовой Площадки было привлечь влиятельных медийных лиц — к удивлению, в этот список попали и писатели, работающие в жанре фантастики и фэнтези, — и обеспечить понимание ими естественных и точных наук, если они намереваются применять их в своем творчестве. Понимаете ли, много чуши в отношении астрономии, в которую верит публика, распространяют именно писатели. Увы, скрестив астрономию и расу разумных камней, я не уверена, что лучшим образом передаю точную научную информацию. Простите, собратья по Стартовой Площадке.

Не могу рассказать вам об оживленной, замечательной дискуссии, посеявшей в моем разуме семена этого романа. (Предполагалось, что она

будет краткой.) Но я могу сказать вам, что эти оживленные, замечательные дискуссии были нормой для Стартовой Площадки, так что, если вы тоже влиятельная медийная персона и имеете возможность посетить ее, я вам очень рекомендую. И я должна принести благодарность людям, которые присутствовали на Стартовой Площадке в том году, поскольку все они внесли свой вклад в рождение этого романа, осознают они это или нет. По ходу дела среди таких людей будут Майк Бразертон (директор воркшопа, профессор Университета Вайоминга и сам писатель-фантаст); Фил Плэйт, Плохой Астроном (это прозвище, он на самом деле не плохой… ладно, просто загляните к нему); Гай и Джо Холдеманы; Пэт Кэдиган; «Научный комик» Брайан Мэлоу; Тара Фридетт (ныне Мэлоу) и Горд Селлар.

Также большой поклон моему редактору Деви Пиллаи и моему агенту Люсьен Дайвер, отговорившим меня выбрасывать этот роман. Трилогия «Расколотая Земля» потребовала самой большой самоотдачи по сравнению со всем, что я писала, и в некоторых моментах «Пятого времени года» задача казалась такой неподъемной, что я подумывала уже все бросить. (Кажется, я говорила: «Сотрите всю эту чушь, хакните дропбокс, выгре-

бите оттуда бэкапы, сбросьте мой ноут со скалы, раскатайте его машиной, сожгите останки вместе с машиной и закопайте экскаватором улики. У вас есть права на управление экскаватором?») Кэт Эллиотт (еще одна благодарность за то, что была постоянным моим наставником и другом) называет подобные моменты «бездной сомнений», которые переживает каждый писатель во время создания крупного проекта. Моя пропасть была глубока и ужасна, как Юменесский разлом.

Другие, кто помог отговорить меня от решения проблем при помощи скалы: Роуз Фокс; Даниэль Фридмен, мой консультант по медицине; Микки Кендалл, моя рабочая группа; мой шеф по основной работе (не уверена, что он хочет, чтобы я называла его имя); и мой кот, ЦАРЬ ОЗИМАНДИЯ. Да, даже этот чертов кот. Целая куча народу нужна, чтобы не дать писателю съехать с катушек.

И, как всегда, благодарю всех вас за то, что прочли.